

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР РАН
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ И МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ
В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ**

Монография

2022

УДК 316.3:32:338
ББК 60.55

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор Малькова В.К. (ИЭА РАН)
Доктор социологических наук, профессор Макарова Г.Р. (АН РТ)

Ответственный редактор:

В. К. Левашов, д. с. н., профессор;
Н.Г. Хайруллина, д. с. н., профессор

Межкультурный и межрелигиозный диалог в российских регионах / отв. ред. В.
К. Левашов, Н. Г. Хайруллина. – Тюмень: ТюмИУ, 2022. – 323 с.
ISBN

Коллективная монография Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН и Тюменского индустриального университета посвящена анализу взаимосвязей между культурными и религиозными традициями Запада и Востока, перспектив развития в области межкультурного и межрелигиозного диалога, примерам добрососедского сосуществования представителей различных национальностей и вероисповеданий.

Монография построена на базе прикладных исследований, проводимых учеными Москвы, Алтая, Бурятии, Калмыкии, Тувы, Хакасии, Татарстана, Башкортостана, РСО-Алания, Тюменской области. Во втором разделе представлены материалы по реализации проекта «Молодежь в межэтнических коммуникациях: интолерантность, толерантность, диалог» Программы фундаментальных и прикладных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности».

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся перспективами укрепления межкультурного и межрелигиозного диалога в европейских и азиатских регионах России и зарубежья.

УДК 316.3:32:338
ББК 60.55

ISBN

Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего
образования
«Тюменский индустриальный
университет», 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ И МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ НАУКИ

Левашов В.К.

Политическая культура устойчивого развития российского общества

Шайхисламов Р.Б.

Межкультурный диалог как социальное сотворчество

Троцук И.В. Трактовки счастья и справедливости – основа поколенческой солидарности или конфликта?

Лепшокова З.Х., Лебедева Н.М.

Инклюзивные и эксклюзивные идентичности представителей разных народов России: роль базовых ценностей

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Шайхисламов Р.Б.

Евразийский межкультурный диалог:

общероссийский, региональный или локальный?

Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А.

Межрелигиозные и межнациональные отношения в приграничном регионе России: институциональные условия и межкультурный диалог

Максимова О.А., Нагматуллина Л.К.

Модели гражданской и этнокультурной компетентности молодежи Республики Татарстан

Хайруллина Н.Г.

Общероссийская гражданская идентичность: результаты опроса тюменской молодежи

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К МЕЖКУЛЬТУРНОМУ И МЕЖРЕЛИГИОЗНОМУ ДИАЛОГУ

Багаева К.А.

Религиозная ситуация и межконфессиональные отношения в Республике Бурятия

Ламажаа Ч. К.

Языковые, религиозные и идентификационные процессы в Республике Тыва

Намруева Л. В.

Роль сельских поселений Республики Калмыкия в сохранении этнической культуры

Трошкина И. Н., Тугужекова В. Н.

Диалог культур в контексте межэтнической коммуникации в Республике Хакасия

Дибирова А.П.

Мнения мусульман и христиан республик Северного Кавказа о политическом устройстве России

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

ПРАКТИКИ УСТАНОВЛЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО И МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО ДИАЛОГА

Гольцова Е.В.

Этнокультурные и религиозные аспекты формирования экологического сознания населения Сибири

Гадиева А.Н., Цогоева Ф.Б.

Региональные особенности социальной безопасности на Северном Кавказе

Игнатова Е.В.

Степень распространения и влияния деятельности деструктивных религиозных объединений в Павлодарской области Республики Казахстан

Ярков А.П., Пушкаревич О.А.

«Дети цифровых технологий» в противодействии экстремизму и терроризму

Тычинских З.А., Ахметов Д.Т.

Роль исторического наследия в развитии практик межкультурного взаимодействия

ПРЕДИСЛОВИЕ

В ходе 137-й Ассамблеи Межпарламентского союза (МПС), проходившей в Санкт-Петербурге в 2017 году, Председатель Совета Федерации РФ В.И. Матвиенко выступила с инициативой проведения Всемирной Конференции по межкультурному и межрелигиозному диалогу в России. В рамках подготовки конференции, в целях приращения научного знания для активизации межкультурного и межрелигиозного диалога в нашей стране, в Тюменском индустриальном университете подготовлена коллективная монография «Межкультурный и межрелигиозный диалог в российских регионах», основу которой составили результаты научных исследований российских ученых. Академическим партнёром ТИУ в этой работе выступает Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

В совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии от 4 февраля 2020 года зафиксирована характеристика проблемной ситуации, с которой столкнулось человечество на рубеже тысячелетий: «Сегодня мир переживает масштабные перемены, человечество вступает в новую эпоху стремительного развития и масштабных преобразований. Развиваются такие процессы и явления, как многополярность, экономическая глобализация, информатизация общества, культурное многообразие, трансформация системы глобального управления и миропорядка, усиливается взаимосвязанность и взаимозависимость государств, формируется тенденция перераспределения баланса мировых сил, растет запрос мирового сообщества на лидерство в интересах мирного и поступательного развития. Вместе с тем на фоне продолжающейся в мире пандемии новой коронавирусной инфекции с каждым днем все более осложняется ситуация в сфере международной и региональной безопасности, множатся глобальные вызовы и угрозы. Некоторые силы, представляющие меньшинство на мировой арене, продолжают отстаивать односторонние подходы к решению международных проблем и прибегать к силовой политике, практикуют вмешательство во внутренние дела других государств, нанося ущерб их законным правам и интересам, провоцируют противоречия, разногласия и конфронтацию, препятствуют развитию и прогрессу человечества, что вызывает неприятие со стороны международного сообщества» [1].

На мировой арене происходит смена сценария развития, по которому будет жить человечество в ближайшие десятилетия. Абсолютизация принципов монетаризма и свободной конкуренции, избыточная и криминальная приватизация общественной собственности, десоциализация внутренней политики, снижение налогов на капитал и дивиденды, отказ от прогрессивного налогообложения, бесконтрольное стимулирование кредита привели к череде

глобальных экономических кризисов и деформации мировой финансовой системы. Практика неолиберализма и монетаризма, на которую сделали ставку политики России 90-х годов, показала свои ограниченные возможности и неадекватность потребностям развития не только нашей страны, но и вызовам глобальной экономики и всей системы жизнеустройства планеты. Разразившаяся пандемия Ковид-19 обострила социальные, межкультурные и межрелигиозные противоречия, что выразилось в неудовлетворенности жизнью, размывании жизненных ориентиров, деградации и архаизации духовной жизни. Тем не менее, в последнее время в российском обществе и за рубежом, в широких слоях граждан и у специалистов мы наблюдаем все больше свидетельств медленного наступления общественного глобального момента истины – признаваемого большинством граждан, политиков и ученых консенсуса мнений о текущем моменте и перспективах развития. Если попытаться выделить ключевые концептуальные положения этих систем взглядов, то возникнет следующая картина новой социальной реальности.

Сформировавшаяся к концу XX – началу XXI веков система единого мирового хозяйства и взаимосвязанных мировых рынков стала существенным образом определять характер развития мировой цивилизации, как в целом, так и в локальных частях. Доминантным трендом этого развития стало формирование глобального экономического общества с единым рынком труда, материальных и интеллектуальных ресурсов, капитала. Формирование глобального политического и социального социума идет вслед за экономическим развитием и отражает его особенности в институциональной структуре со всеми противоречиями и борьбой интересов периода становления.

В определенном смысле последняя волна глобализации привела к новому великому переселению народов, к глобальной трудовой миграции с Юга на Север. Национальные рынки труда и капитала в развитых странах приняли дешевую рабочую силу в меру своих возможностей и конъюнктуры. Но рынок не может стихийно устранять социальные, межкультурные, межрелигиозные и политические деформации. На этом проблемном поле социокультурных отношений регулятором должно выступать гражданское общество и государство. Рост безработицы, ухудшение качества и социальных стандартов жизни, деградация среднего класса, разрушение культурных традиций и ценностей привели к росту социального протеста, национализма и межрелигиозного радикализма и экстремизма. Там, где государство запаздывает реагировать на изменение общественных настроений и интересов, они начинают перерождаться в националистический экстремизм, религиозный фанатизм и вооруженный террор. «Мы будем стремиться к демилитаризации и денацификации Украины, а также преданию суду тех, кто совершил многочисленные, кровавые преступления против мирных жителей, в том числе и

граждан Российской Федерации», – заявил президент России Владимир Путин в обращении, опубликованном на сайте Кремля 24 февраля 2022 года.

Всплеск интереса к национальным, националистическим и религиозным идеологиям и практикам со стороны элит и граждан является закономерной и вполне понятной реакцией. Глобализация как процесс непрерывного развития и формирование единого социума идет на нашей планете с момента появления первого человеческого общества. В основе этого грандиозного процесса культурного освоения мира лежит развитие производительных сил, как совокупности их вещественной компоненты: средств производства и человеческой рабочей силы. Совершенствуя и развивая производительные силы, цивилизация увеличивает масштаб своих созидательных и разрушительных возможностей как по отношению к материальной и духовной культуре, так и по отношению к природе.

Развитие производительных сил в истории человечества и в переживаемый нами современный период характеризуется неравномерностью проявления в формах, пространстве и времени. В последние три десятилетия резко ускорилось развитие такой компоненты производительных сил как средства массовой коммуникации и информации. Взрыв в развитии информационных технологий произошел после того как в США был изобретен персональный компьютер, а затем создана сначала локальная, а затем глобальная информационная сеть. Огромный спрос на товары массового потребления, особенно на товары и услуги, производимые на основе и с помощью новых информационных технологий, подтолкнул капитал США к выносу традиционных промышленных производств за пределы страны, где издержки производства оказались ниже. В последней трети XX века капитал в массовых масштабах в разных странах начинает менять свою национальную природу, становится транснациональным. Эти процессы не могли не привести к возникновению противоречий по линии национальное – глобальное. Процесс усугубился тем обстоятельством, что политическая и экономическая элита США попыталась сопроводить во многом имеющий объективную природу процесс распространения капиталов и технологий навязыванием идеологии консьюмеризма и массовых культурных ценностей американского общества. Возникло фундаментальное противоречие глобального образа жизни между практикой массовой социокультурной унификации и экзистенциальными потребностями национальных сообществ, которые смогут существовать, только сохраняя свою культурную идентичность в будущем. Этот процесс имеет объективную природу. Устойчивость и единство жизни на планете в своей основе обеспечивается процессами биологического и культурного многообразия.

Одновременно с процессами массового распространения информационных технологий и культурных паттернов США происходил бурный процесс формирования новой структуры мировой экономики и рынков.

Стремительно в течение двух-трех последних десятилетий неотъемлемыми частями мирового хозяйства становятся экономики Бразилии, России, Индии, Китая, стран Центральной и Восточной Европы, всего постсоветского пространства. Произошло глобальное изменение отношений собственности. Одновременно с этим процессом начался процесс формирования нового мирового рынка труда. Пришли в движение огромные многомиллионные массы трудоспособного населения на всех континентах. Возникла легальная и нелегальная трудовая миграция, а с ней на образовавшемся рынке труда конкуренция по этническому признаку.

Исторически этническая конкуренция являлась древнейшим инструментом политических манипуляций. Принцип «разделяй по национальному признаку и властвуй» позволял эффективно без масштабных затрат паразитировать на объективно существующей природе многообразия этнического состава человечества. Каждый раз, когда возникала необходимость перестройки структуры собственности, со стороны господствующих элит наблюдались попытки использовать многовековой потенциал межнациональных и религиозных претензий, отвести от себя революционную энергию масс, ведомых новым поднимающимся классом собственников, и тем самым сохранить своё господствующее положение в обществе и государстве. Национализм, как и религия, является проверенным сильнодействующим средством социальных конфликтов и войн. В политических отношениях национализм всегда резко обострял ситуацию и позволял скрыть сущность протекающих социально-политических процессов. В современных условиях он зачастую мешает рассмотреть критические процессы в звене отношений «человек – природа».

К сожалению, господствующий на планете расточительный способ жизнедеятельности, определяемый массовым материальным и духовным производством и потреблением человечества, привел к началу процессов угнетения биосферы. Антропогенное воздействие в его современных масштабах и способах оказалось губительным для биологических основ жизни на планете. Человек экономический в своей деятельности вошел в противоречие с природой человека биосферного. Ценности и стандарты общества массового потребления призваны укреплять публичную легитимность максимизации прибыли, которая обеспечивается инновациями экономического роста и роста потребления ресурсов. Безудержный и безграничный экономический рост ведет к деградации биосферы, материальных основ жизнедеятельности современного общества, и, как следствие, к духовной деградации общества, процесс которой генетически воспроизводит ценности общества массового потребления. Образовался порочный круг мотивации дегенеративной жизнедеятельности. В этих условиях устаревшая модель развития экономики и общества привела к мировому

экономическому кризису и потребовала вмешательства государства в качестве регулятора, выполняющего функцию социализации финансового капитала.

В монографии «Межкультурный и межрелигиозный диалог в российских регионах» представлены результаты научных изысканий российских и зарубежных ученых, исследователей, преподавателей университетов и других учебных заведений. Вниманию читателей предлагаются материалы с обзором опыта и перспектив сотрудничества в области межкультурного и межрелигиозного диалога, связанные с культурами народов России, взаимосвязи между культурными и религиозными традициями Запада и Востока. Глобальный и региональный социокультурный подход междисциплинарных исследований в конкретных формах географического и исторического контекста позволяет отразить социально эффективный для будущего опыт как о пережитых конфликтах, так и о примерах добрососедского сосуществования.

Материалы с успешными практиками межкультурного и межрелигиозного диалога являются источниками поиска верных политических решений для устойчивого мирного развития региональных и локальных сообществ. Исследование и обобщение опыта конструктивного диалога, примеров успешной социокультурной самоорганизации становится особо актуальным в условиях возрастания угроз и рисков терроризма, распространения национального и религиозного фундаментализма, ужесточения замкнутости в самоидентификации. Проведение дискуссий этического характера, касающихся науки, средств массовой информации, информационно-коммуникационных технологий, прав человека, проблем, связанных с социальным единством и безопасностью граждан, даёт возможность увидеть новые горизонты цивилизационного взаимодействия.

Сегодня в социально-политической практике востребованы аналитические исследования опыта политических и духовных лидеров при разрешении, предотвращении и урегулировании конфликтов в различных регионах нашей страны, результаты проведенных исследований в российских регионах для поиска путей содействия социальному единству групп, представляющих различные культурные и религиозные убеждения. Особое внимание следует уделить различным группам населения, таким, как молодежь, эмигранты, трудовые мигранты в российских регионах.

Монография предполагает знакомство читателей с современными инновационными коммуникативными практиками межкультурного диалога, ролью медиа в формировании преемственности поколений на основе исторического наследия, а также значением межкультурного диалога в системе высшего образования и в профессиональном становлении молодого специалиста.

Ответственный редактор,

В.К. Левашов

Левашов В.К.
Levashov V.K.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

POLITICAL CULTURE OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RUSSIAN SOCIETY

Аннотация. Автор обосновывает императивы и показывает актуальные социологические параметры политической культуры устойчивого развития российского общества. В теоретическом подходе он исходит из постулата признания культуры второй природой, которую создаёт человек в своих интересах, и которая становится результатом материальной и духовной деятельности человечества, качественным измерением общественной жизни, ядром и генотипом цивилизационных форм и социальных изменений. Эмпирические измерения показывают как в условиях роста глобальных зависимостей, материальных и духовных неравенств культура превращается в глубинную фундаментальную матрицу научных знаний, убеждений и политических практик, которая может гарантировать устойчивость и безопасность социальных и политических изменений. Современная стратегия устойчивого развития российского общества возникает в условиях технологического перехода к цифровой политической культуре, преодоления последствий COVID-пандемии и проведения специальной военной операции на Украине. В содержании и жизни гражданского общества участвуют динамичные функциональные изменения. Новая социально ориентированная демократия возникает на месте сходящей элитарной демократии, становится инструментом развитого гражданского общества. Особенность современной социально-политической и социокультурной ситуации заключается в том, что новые политическая культура и стратегия консолидированного устойчивого развития пробивают себе дорогу к жизни параллельными курсами. На этом пути возможны повороты и откаты назад, но курс развития неизменен. Он определяется потребностями объективно происходящих процессов в отношениях между человеком, обществом и природой. Учитывая эти обстоятельства, автор констатирует острую научную и общественную потребность разработки нового концептуального аппарата, новых теоретико-методологических подходов анализа социокультурной реальности и выработки новых принципов политической деятельности по обеспечению устойчивого развития общества.

Abstract. The author substantiates the imperatives and shows the actual sociological parameters of the political culture of the sustainable development of Russian society. In a theoretical approach, he proceeds from the postulate of recognizing culture as a second nature, which a person creates in his own interests, and which becomes the result of the material and spiritual activities of mankind, a qualitative dimension of social life, the core and genotype of civilizational forms and social changes. Empirical measurements show how, in the context of growing global dependencies, material and spiritual inequalities, culture turns into a deep fundamental matrix of scientific knowledge, beliefs and political practices, which can guarantee the stability and security of social and political changes. The modern strategy for the sustainable development of Russian society arises in the context of a technological transition to a digital political culture, overcoming the consequences of the COVID pandemic and conducting a special military operation in Ukraine. Dynamic functional changes are taking place in the content and life of participatory civil society. A

new socially oriented democracy is emerging in the place of the descending elitist democracy, becoming an instrument of a developed civil society. The peculiarity of the current socio-political and socio-cultural situation lies in the fact that the new political culture and the strategy of consolidated sustainable development are making their way to life in parallel courses. Turns and rollbacks are possible along this path, but the course of development is unchanged. It is determined by the needs of objectively occurring processes in the relationship between man, society and nature. Given these circumstances, the author states an acute scientific and social need for the development of a new conceptual apparatus, new theoretical and methodological approaches to the analysis of socio-cultural reality and the development of new principles of political activity to ensure the sustainable development of society.

Ключевые слова: устойчивое развитие общества; гражданское общество; политическая культура; императивы устойчивого развития; социальные и политические риски; реформы и трансформации; экономические кризисы; социологический мониторинг; потенциал гражданского общества. Keywords: sustainable development of society; civil society; political culture; sustainable development imperatives; social and political risks; reforms and transformations; economic crises; sociological monitoring; potential of civil society.

Теоретические и эмпирические исследования социально-политической реальности второй половины XX – начала XXI века убедительно и наглядно показали, как материальные и духовные факторы общественных изменений интегрируются в политическую культуру общества, личности, гражданина. Сознание и поведение человека во всех сферах его общественного бытия обусловлено его культурной природой, культурными корнями и ценностными ориентациями. Такой подход исходит из признания культуры второй природой, которую создаёт человек в своих интересах, и которая становится результатом материальной и духовной деятельности человечества, качественным измерением общественной жизни, ядром и генотипом цивилизационных форм и социальных изменений.

В условиях роста глобальных зависимостей, материальных и духовных неравенств культура превращается в глубинную фундаментальную матрицу знаний, убеждений и политических практик, которая может гарантировать безопасность социальных и политических изменений. Успешное моделирование и прогнозирование этих изменений становится невозможным без интеграции науки в сферу политических и гражданских отношений и применения научно-измерительных и организационно-управленческих методик и процедур.

Современная стратегия устойчивого развития российского общества возникает на основе процесса формирования актуальной цифровой политической среды и культуры. В содержании и жизни гражданского общества участия идут динамичные функциональные изменения. Новая социально ориентированная и контролируемая демократия возникает на месте сходящей элитарной демократии, которая, в основном, ограничивается избирательными процессами. Новая, современная демократия, перманентно совершенствующая конституционно-правовые основы, механизмы и процедуры управления ресурсами и интересами в центре и регионах страны, становится инструментом развитого гражданского общества.

Для теории и практики устойчивого развития общества важно выяснить, какие ценности, нормы, мотивы человеческих поступков, какие особенности творческой и

художественной жизни реально существуют в России, какие социальные отношения приобретают институциональные формы культуры, как осуществляется ее взаимосвязь с другими сферами и институтами общественной жизни. Особенно важно подчеркнуть, что это взаимодействие необходимо изучать в динамике – именно в ней проявляется потенциал и направленность влияния культуры на развитие общества.

Особенность современной социополитической и социокультурной ситуации заключается в том, что новые политическая культура и стратегия консолидированного устойчивого развития пробивают себе дорогу к жизни одновременно параллельными курсами. На этом пути возможны повороты и откаты назад, но курс развития неизменен. Он определяется потребностями объективно происходящих процессов в отношениях между человеком, обществом и природой.

Учитывая все эти обстоятельства, необходимо констатировать острую научную и общественную потребность разработки нового концептуального аппарата, новых теоретико-методологических подходов к анализу социокультурной реальности России и к выработке новых принципов политической деятельности по обеспечению устойчивого развития общества, учитывающей социо-регулятивный потенциал культуры.

Императивы политики и культуры устойчивого развития

Российское общество и государство, мировая цивилизация выходят из режима чрезвычайной ситуации, причинами которой стали COVID-пандемия и спровоцированный ею мировой экономический спад и коллапс демографических процессов, расовых и этнических отношений в США и Европе. Кризисные явления приняли в международном сообществе и нашей стране системный характер, важнейшие сферы жизнедеятельности глобального и российского социумов не смогли соответствовать и сегодня не отвечают критериям, целям и режимам устойчивого развития. Научный анализ сложившейся проблемной ситуации показывает, что первопричиной беспрецедентного после II мировой войны системного цивилизационного кризиса стало социально бесконтрольное вмешательство человечества в природную среду в целях расширения мировых рынков и максимизации прибыли. В своей познавательной и производственной деятельности человек не осознал возникающие и растущие угрозы, нарушил императивы безопасного коэволюционного взаимодействия социума, техносферы и биосферы и создал предпосылки возникновения пандемии, которая, в свою очередь, спровоцировала глобальные экономические, политические, социальные и демографические критические эффекты. Круг саморазрушительных действий замкнулся и результировался в глобальном системном COVID-кризисе. Политическая культура цивилизации в единстве теории и практики пока не смогла выработать и предложить релевантный условиям жизнедеятельности наций, государств, бизнеса и ТНК курс, режим и политические технологии устойчивого развития.

Проблемная ситуация COVID-кризиса дополняется стратегическими вызовами фундаментального характера на национальном и глобальном уровнях: усиливающимися дисфункциями неолиберальной модели экономики

во многих сферах жизнедеятельности глобального и национальных социумов; стагнацией процессов реализации российских национальных проектов; отложенной структурной и технологической перестройкой российской экономики и отсроченной социальной модернизацией политической институциональной структуры государства. Положение усугубляется тем, что COVID-кризис приходится преодолевать на фоне разгорающихся мировых торговых войн и кризисов систем международных отношений и институтов ООН.

Фундаментальные и эмпирические исследования социально-политических и демографических аспектов развития современного российского общества и мировой цивилизации в условиях сочетания факторов COVID-кризиса и становления нового технологического уклада объективно опосредуются и коррелируются с взрывным повышением роли науки и цифровых технологий. Научный метод мышления стал решающим инструментом, обоюдоострым мечом созидания и разрушения, который даёт возможность открыть или закрыть двери в будущее для всей мировой цивилизации или только для её спекулятивной элиты. COVID-кризис убедительно продемонстрировал, как триумф человеческой мысли и технологии в биологической науке и геномной инженерии может превратиться в трагедию глобальной техногенной катастрофы из-за отсутствия или деформации политической культуры. Императивы контрдействий требуют срочного поиска конвергентных естественнонаучных, социальных и гуманитарных методов и практик комплексного разрешения внешних и внутренних социальных и социально-политических противоречий. COVID-кризис поставил вопрос о качественной трансформации политики как вида человеческой деятельности. Политика из искусства возможного для реализации интересов меньшинства стала перерождаться в науку необходимого политического действия для реализации интересов большинства граждан. В этой формуле суть диалектики транзита мета-ковидного политического процесса. COVID-кризис показал ограниченный функционал денег. Все деньги мира оказались беспомощны перед коронавирусом. Деньги, которые на протяжении веков умножались в тишине банков для немногих, в условиях глобальной социализации и прозрачности транзакций в цифровую эпоху стали инструментом измерения и демонстрации диспаритетов и возможностей ликвидации неравенств в целях достижения устойчивого развития.

После достижения тридцатилетнего рубежа социально-политических и экономических трансформаций в российском обществе наступил момент истины, когда стала очевидна правда об уровне безопасности и устойчивого развития нашей страны, к которым привели проводимые в стране либеральные реформы. Попытка Президента РФ В.В. Путина получить мирным путём от стран Запада гарантии стратегической безопасности на европейском континенте не дала результатов: «Хорошо известно, что на протяжении 30 лет мы настойчиво и терпеливо пытались договориться с ведущими странами НАТО о принципах равной и неделимой безопасности в Европе. В ответ на

наши предложения мы постоянно сталкивались либо с циничным обманом и враньем, либо с попытками давления и шантажа, а Североатлантический альянс тем временем, несмотря на все наши протесты и озабоченности, неуклонно расширяется. Военная машина движется и, повторю, приближается к нашим границам вплотную» [1]. В сложившихся условиях российская армия была вынуждена приступить к военно-техническому решению экзистенциальной для русского и российского многонационального народа задачи с оружием в руках на Украине. Вступая, как отмечают многие исследователи, в новый мир, полезно оглянуться на пройденный путь и по возможности сделать корректные выводы.

Тридцать лет российских трансформаций прошли в череде социально-экономических и политических реформ и кризисов, каждый из которых являлся результатом не только усилий общества и государства, граждан и политиков, но и суммой иллюзий, системных просчетов и неадекватных решений. Всё это время значительная часть политической элиты страны продолжала испытывать доминирующее воздействие политической идеологии западного либерализма, в основе которого лежит принцип конкуренции. Политические практики в разных странах создали множество национально-государственных форм либерализма в зависимости от особенностей социокультурных традиций и актуальных социально-политических отношений. В условиях русской российской социально-политической реальности практики конкуренции объективно вступили в конфликт с укоренившимися в веках в русском российском социуме принципами соборности. На крутых поворотах истории этот принцип срабатывал как предохранитель безопасности и устойчивого развития русского общества и государства.

Современное мировое сообщество в различных формах своей жизнедеятельности начинает тяготеть к апробированным веками ценностям и практикам цивилизации, гражданского общества, в которых нормы права мирной жизни, политическая культура устойчивого развития доминируют над хаосом и дикостью войны и насилия. С конца XX века идеи и результаты устойчивого развития находятся в центре внимания ученых и политиков в нашей стране и за рубежом. За этот период мы пережили несколько своеобразных бумов и спадов интереса. Термин «sustainable development» выдержал испытание временем и не исчез со страниц научной периодики. Между тем, анализ научных публикаций, исследования общественного сознания и политической культуры общества показывают, что ясности в понимании самого понятия не прибавилось. Продолжается ожесточенная полемика за выгодное каждому участнику этих научных и не очень научных дискуссий понимание этого термина. Суть проблемы заключается в том, что за этими двумя словами скрываются колоссальные материальные и финансовые интересы, которые и формируют различные научные и политические взгляды по поводу смысла и содержания устойчивого развития общества и государства. В то же время существует ядро идей, которое признается всеми участвующими в общественном дискурсе сторонами, и которое было бы правильно называть

парадигмой устойчивого развития. Для того чтобы понять взаимодействие и противостояние, открытую и латентную борьбу этих идей, необходимо проследить генезис взглядов на устойчивое развитие.

Системный подход к анализу явлений в природе и обществе интенсивно развивается в последние десятилетия. В теории устойчивости под ним понимают многомерную систему, в которой информация из различных областей и сфер научной деятельности может быть интегрирована в относительно простую модель, показывающую развитие того или иного процесса [2]. В настоящее время в сфере теоретического знания условно можно выделить три главных подхода в конструировании моделей устойчивого развития: ресурсный, биосферный, интегративный. Все они базируются на едином философском и естественнонаучном фундаменте. Социокультурные и, в частности, политические аспекты присутствуют в этих подходах в скрытой, имплицитной форме. Такое объединение научных усилий математиков, «естественников», социологов, «гуманитариев», экономистов, «управленцев» произошло после того, как по мере изучения накопившихся к XX веку проблем стало ясно, что ситуация на нашей планете имеет сложный характер нелинейных отношений в системе «человек—общество—природа» и требует комплексного анализа и соединения усилий ученых разных специальностей. Генезис и последствия COVID-кризиса наглядно продемонстрировали мировой цивилизации междисциплинарные императивы новой политической культуры устойчивого развития.

Философские предпосылки общей теории и политической культуры устойчивого развития начали складываться в конце XIX века, когда представление обыденного мышления и позитивистской философии о «растущем господстве человека над природой» было теоретически преодолено при переходе от созерцательного материализма к диалектическому, выдвинувшему на первый план роль деятельности человека, практики в освоении и познании мира. К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе» еще в 40-х гг. XIX века писал: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [3]. Такой подход в наибольшей степени отвечает логике сохранения и поддержания устойчивого развития человечества. Глубина системного глобального кризиса в биосфере, социуме и техносфере требуют политических действий, изменения способа жизнестойкости на планете. Но эта философия изменения мира, будучи материалистической и опираясь на естествознание, вместе с тем указала на обусловленные природой пределы этой активности: объективные законы природы, которые человек использует в технике, с одной стороны, и ограниченность целей и самой деятельности человека, с другой. Наиболее рельефно эта мысль была выражена Ф. Энгельсом в 70-е годы XIX века, когда под философию материализма была «подведена» естественнонаучная база.

Во-первых, Энгельс подчеркнул ограниченный характер введенного еще Ф. Бэконом понятия «господство человека над природой»: «Все наше господство над ней состоит в том, что мы, в отличие от всех других существ,

умеем познавать ее законы и правильно их применять» [4]. Познание и адекватное генезису человеческого общества применение законов природы и составляет суть политической культуры устойчивого развития.

Во-вторых, Энгельс ссылается на известные факты о несоответствии, а подчас противоречии между целями деятельности человека и ее результатами, особенно более отдаленными социальными последствиями. На основе анализа отношений человечества и природы на протяжении истории Энгельс приходит к выводу, все значение которого было полностью востребовано общественной мыслью лишь через сто с лишним лет. Отмечая, что мы постепенно научаемся уяснять себе косвенные, более далекие общественные последствия нашей производственной деятельности, а тем самым регулировать эти последствия, Энгельс приходит к заключению: «Однако для того, чтобы осуществить это регулирование, требуется нечто большее, чем простое познание. Для этого требуется полный переворот в нашем существующем до сего времени способе производства, и вместе с ним во всем нашем общественном строе» [5].

Мысль Энгельса об изменении общественного строя нашла воплощение в идее изменения глобального мирового порядка. Концепция устойчивого развития в целом, и, в частности, ее социальная и политическая сущности, имеют своей философской основой (не всегда осознаваемой ее сторонниками) философию диалектического материализма.

Первым этапом непосредственной подготовки «появления на свет» концепции устойчивого развития как системы взглядов и сферы знания, добытых методами науки, следует, на наш взгляд, считать труды В.И. Вернадского о развитии биосферы, приведшие его к необходимости рассмотрения планетарного аспекта деятельности человечества и к признанию необходимости изменения способа существования человечества. «Исторический процесс на наших глазах коренным образом меняется. Впервые в истории человечества интересы народных масс – всех и каждого – и свободной мысли личности определяют жизнь человечества, являются мерилем его представлений о справедливости. Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом становится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого. Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть «ноосфера» [6]. В центр социокультурного ядра ноосферы В.И. Вернадский поставил понятие справедливости, которое в гражданской сфере отношений выступает в форме политической культуры устойчивого развития человека, общества и природы.

Заслуга В.И. Вернадского заключается в том, что он, по существу, вводит в анализ связей системы «человек – природа» новое критериальное измерение «человечество как единое целое», и переводит социальный анализ в глобальную плоскость. В центре системы ноосферного мировоззрения, которая призвана обеспечить социально эффективное справедливое освоение мира, находится уже не просто человек с абстрактной гуманистической системой ценностей, которая, как беспристрастно показывают социальные факты на

протяжении тысячелетий, сплошь и рядом используется для унижения и закабаления большинства меньшинством, а всё человечество с конкретной системой насущных материальных практических потребностей и интересов выживания настоящего и будущих поколений и вызревшей политической культурой устойчивого развития.

В 1943 году в своей последней знаменитой работе «Несколько слов о ноосфере» В.И. Вернадский особо подчеркивал, что он, «стоя на эмпирической почве, ввел вместо понятия «жизнь» понятие «живого вещества». «Живое вещество» есть совокупность живых организмов» [7]. Понятие «ноосферы», в котором человечество рассматривается не только как часть земной биомассы, но и как решающий фактор ее изменения посредством сознательного, разумного изменения окружающей природы и, тем самым, условий своего существования, могло появиться только в XX веке, когда техногенные эффекты воздействия человека на природу возросли в сотни раз и качественно изменились. Содержательное описание этих процессов было сделано В.И. Вернадским, а понятие «ноосферы», как «современной стадии, геологически переживаемой биосферой» [8], было предложено одним из его слушателей, французским математиком и философом Э. Леруа в книге «Необходимость идеализма и факт эволюции» в 1927 году [9].

Раскрывая содержание этого понятия, В.И. Вернадский подчеркивал, что «ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой. Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше. Перед ним открываются все более и более широкие творческие возможности» [10]. Важно подчеркнуть, что эти творческие возможности могут проявиться как в созидательной, так и в разрушительной формах и результатах.

Деятельностный подход у В.И. Вернадского выливается в формулу: «Наука есть проявление действия в человеческом обществе совокупности человеческой мысли» [11]. Основной геологической силой, которая создает ноосферу, является рост научного знания. Именно с ним связан «социально-политический идейный переворот», который «ярко выявился в XX столетии в основной своей части благодаря научной работе, благодаря научному определению и выяснению социальных задач человечества и форм его организации» [12]. В основе диалектики политической культуры устойчивого развития общества лежит метод научного познания.

В.И. Вернадский заложил концептуальные основы устойчивого развития как учения о ноосфере, под которой он понимал такую стадию «эволюции биосферы Земли, на которой в результате победы коллективного человеческого разума начнут согласованно развиваться и сам человек как личность, и объединенное человеческое общество, и целесообразно преобразованная людьми окружающая природная среда» [13].

Система научных взглядов В.И. Вернадского предвосхитила осознание широкой общественностью мировых опасностей – глобальных проблем. В

последние десятилетия происходит их переосмысление, связанное с тем, что помимо чисто экологической составляющей их трактовка включает в себя проблематику экологии культуры. «Человек живет не только в природной среде, но и в среде, созданной культурой его предков и им самим. Сохранение культурной среды – задача не менее важная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда не менее необходима для его духовной, нравственной жизни, для его духовной оседлости, для его привязанности к родным местам, следования заветам предков, для его нравственной самодисциплины и социальности» [14]. COVID-кризис в своей трагической реальности показал пагубность разрушения единства и баланса биологической, культурной и политической форм жизнедеятельности человечества.

Не секрет, что именно в последние десятилетия XX века в развитых странах, в том числе и в России, стал особенно заметным откат общества от «высоких» гуманистических мировоззренческих, научных, идеологических ценностей. Развитие материального производства и финансового инструментария породили универсальную и унитарную идеологию массового материального потребления. Неудержимое «наркотическое» самоуничтожительное массовое потребление товаров и услуг «золотым миллиардом» цивилизации, выстроенной на конкурентных принципах отношений государств и наций, на фоне развивающихся глобальных проблем: экологической, энергетической, ресурсной и т.д., породило культуру постмодерна. К настоящему моменту она трансформируется в культуру метамодерна – современного состояния мировой цивилизации, которое достигнуто в результате индустриального развития и которое характеризуется глубокими имманентными кризисными явлениями и состояниями неопределенности в материальной и духовной сферах жизнедеятельности [15]. Постмодерн материальной сферы жизнедеятельности не мог не отразиться в духовной жизни общества. Возникла не только материальная, но и духовная культура метамодерна, отражающая начальный, еще во многом неясный и далеко не просматривающийся переход в культуру ноосферы. Сущностные изменения, которые происходят на глазах современных поколений, позволяют говорить о новой глобальной опасности – деградации и даже необратимой дегенерации культуры и политической культуры, многочисленные свидетельства которой проявляются в информационном пространстве СМИ и Интернет. Провокационные эпатажные политические заявления, информационные фейки, публичные казни, безобразные перформансы в сфере искусства подаются как образцы политической культуры, авангардные художественные откровения современного искусства.

Возникновение практик и концепции устойчивого развития произошло в последней трети XX века, когда для многих исследователей в различных отраслях науки стало ясно, что и либеральный капитализм и реальный социализм в их индустриально-рыночных социально и экологически несбалансированных формах ведут к масштабным системным кризисам и

катастрофам практически во всех сферах жизнедеятельности: политике, экономике, экологии, идеологии, культуре. Но если реальность глобальных угроз своему способу физического существования человечество стало осознавать уже к середине XX века, то опасность реального развития событий для своего духовного бытия, нравственного поведения, науки и политической культуры – до сих пор до конца не осознана. И это остается вне осознания элитой, несмотря на прозвучавшие век назад предупреждения О. Шпенглера о «закате Европы».

Круг этих и других проблем активно обсуждается политиками и учеными, которые больше говорят о стратегии, чем о парадигме развития. В сфере политики и социополитических отношений стратегия [греч. *stratēgia* < *stratos* войско + *agō* веду] означает построенный на основании научной информации план действий, учитывающий интересы и расстановку основных социальных и политических сил на данном историческом этапе развития. Как видим, для того чтобы осуществлять успешную политическую стратегию, нужны точные знания о социальной структуре общества, роли и возможностях государственных и политических институтов и организаций, действующих в стране. Сегодня стало понятно, что построение и тем более осуществление любых политических стратегий невозможно без учета культурного материального и духовного фундаментов общественных трансформаций, без учета социокультурных особенностей общества в целом и его социальных групп. Поэтому в тех дискуссиях, которые интенсивно ведутся в нашей стране и за рубежом, многие исследователи, ссылаясь на во многом еще не ясную в своих тенденциях картину мира, предпочитают вести речь не о вызревшей и не вызывающей сомнения стратегии, а о парадигме как признанной научным сообществом системе знаний, которая в течение определенного времени служит научной логической моделью постановки познавательных проблем и их решений [16].

Именно о таком новом социальном и научном видении мира писал почти на полвека раньше академик В.И. Вернадский: «Мы переживаем не кризис, волнующий слабые души, а величайший перелом научной мысли человечества, свершающийся лишь раз в тысячелетия, переживаем научные достижения, равных которым не видели долгие поколения наших предков ... Стоя на этом переломе, охватывая взором будущее, мы должны быть счастливы, что нам суждено это пережить, в создании такого будущего участвовать. Мы только начинаем сознавать непреодолимую мощь свободной научной мысли, величайшей творческой силы *Homo sapiens*, человеческой свободной личности, величайшего нам известного проявления ее космической силы, царство которой впереди» [17].

Новое «царство» мысли – ноосфера возникает не из ничего, не на пустом месте. Оно зиждется на мировом научном и интеллектуальном потенциале. Однако на протяжении истории человеческого общества несколько раз происходила смена парадигм – признаваемых в обществе систем знаний и

убеждений. Смена одной господствующей парадигмы другой принимала, как правило, революционный в жизни и в умах людей характер.

Самую древнюю мифологическую парадигму трудно назвать научной, концептуально-теоретической, но все же она исходила из идеи системности и причинной обусловленности жизни. А это есть не что иное, как признак парадигматического мышления. Теологическая парадигма – уже систематизированное изложение вероучения о трансцендентном существовании бога. Натуралистическая парадигма дает объяснение природы и социума, исходя из доминирующего значения экологических, географических, биологических и психологических факторов. Она оказала огромное влияние на развитие европейской философии и естественнонаучной мысли. Социальная парадигма представляет группу концептуальных подходов, которые объясняют явления общественной жизни через действие социальных факторов: экономических, политических, идеологических, духовных и т.д. Она рассматривает общество как системное целое, развивающееся по объективным законам, «...а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов...» [18]. В разных социальных, социологических, социетальных теоретических подходах природа и происхождение явлений общества объясняются как результат созидательной роли той или иной сферы жизнедеятельности или проявления социокультурных свойств. Различные социальные концепции в качестве порождающих и поддерживающих жизнь общества называют экономические отношения, право, культурные, религиозные, этико-нормативные и другие факторы. В основе социальной парадигмы лежат ценности, цели, инструменты и институты, выделенные и проанализированные О. Контом, Э. Дюркгеймом, Г. Спенсером, К. Марксом, Ф. Энгельсом, М. Вебером, В. Лениным и др. Три идеи присутствуют во всех теоретических построениях: идеи прогресса, причинности и свободы. Но и эта парадигма к концу XX века оказалась тесной для понимания происходящих в мире кризисных и катастрофических явлений в их многообразии и сложной системе взаимосвязей.

В настоящее время на фундаменте представлений об устойчивом развитии происходит становление интегральной ноосферной общенаучной парадигмы знаний, которая возникает как результат широкого синтеза наук о природе, обществе и человеке, т.е. трех основных направлений развития бытия. Эта бурно развивающаяся сфера знаний обладает развитым внутренним синергетическим свойством организовывать вокруг себя новые направления научной систематизации информации и результатов исследований по сохранению и воспроизводству жизни. В самом общем подходе синергетику, как научную основу ноосферной парадигмы, следует рассматривать как метод изучения процессов самоорганизации и возникновения, поддержания, устойчивости и распада структур самой различной природы [19]. Современное определение термина «синергетика» введено немецким физиком-теоретиком Германом Хакеном (р. 1927 г.) в 1977 году в книге «Синергетика».

В настоящее время существует несколько научных школ, которые развивают синергетический метод: брюссельская школа И. Пригожина, школа Г. Хакена и Институт синергетики и теоретической физики (Штутгарт). В России академик В.И. Арнольд и во Франции Рене Тома разработали математический аппарат теории катастроф для описания синергетических процессов. В школе академика А.А. Самарского и чл.-корр. РАН С.П. Курдюмова разработана теория самоорганизации на базе математических моделей и вычислительного эксперимента (включая теорию развития в режиме с обострением). Вклад в развитие синергетики внес академик Н.Н. Моисеев, развивая идеи универсального эволюционизма и коэволюции человека и природы. Синергетический подход в биофизике развивается в трудах чл.-корр. РАН М.В. Волькенштейна и Д.С. Чернавского, в теоретической истории – в работах Д.С. Чернавского, Г.Г. Малинецкого, Л.И. Бородкина, С.П. Капицы, С.Ю. Малкова, А.В. Коротаева, П.В. Турчина, В.Г. Буданова и др. Все чаще синергетический подход используется социологами, экономистами, математиками, географами, экологами и другими специалистами при составлении планов устойчивого развития регионов и городов.

Важно подчеркнуть, что синергетический метод (подход) не противоречит и не исключает диалектический метод. При научном исследовании различных сторон жизнедеятельности человека, общества и природы в конкретных пространственных и временных условиях они дополняют друг друга, помогая глубже проникнуть в процессы материального и духовного мира, социальных отношений. Один из ведущих отечественных специалистов в области использования в синергетике математических методов точно заметил, что «современная синергетика является математической основой диалектического материализма», и далее: «Синергетика действительно способна объединить науки. Так, порядок и хаос, неизбежность (детерминированность) и случайность, логика и диалектика находят в синергетике общую базу. Извечные споры о добре и зле в рамках синергетики решаются в том смысле, что и то, и другое относительно и зависит от фазы развития общества» [20].

Сформулируем основные принципы синергетического метода в контексте представлений о ноосфере и политической культуре устойчивого развития:

- синергетика в качестве объекта исследует **реальность как систему** сущностей и отношений человека, общества и природы, которые первоначально характеризуются категорией хаоса;
- система реальности является открытой системой, которая обменивается с внешней средой энергией, веществом и информацией;
- система реальности в каждый момент времени стремится к динамическому равновесию, возникающему на основе порядка, который должен обладать свойствами устойчивости – способности к самоорганизации и саморазвитию;
- самоорганизация системы происходит через флуктуации и накопление изменений, т.е. обратную положительную связь;

- самоорганизация системы «человек—общество—природа» носит нелинейный характер, зависит от множества внутренних и внешних факторов, начинается в точках бифуркаций, и происходит по аттракторам, к которым стремится система;
- по мере развития системы реальности возрастает роль человеческого разума, который в сфере духовного производства непрерывно накапливает знания и постепенно переводит систему реальности в синергетический, качественно новый режим ноосферного развития, в котором сумма частей больше целого.
- органической частью системы реальности выступает социокультурная составляющая и её часть – политическая культура, представляющая специфику ценностной структуры личности и социума, особенностей культурной жизнедеятельности.

Реальность как система сущностей и отношений человека, общества и природы, представляет собой социокультурную реальность, сложившуюся в результате длительного развития, и детерминированную помимо экономики и многих объективных факторов смыслами и ценностями культуры, которую считают материальным и духовным генотипом любой цивилизации. Эта реальность является с точки зрения синергетики открытой системой, но с внешней средой она обменивается не только энергией, веществом и информацией, но и культурными смыслами и ценностями, нормами и вкусами. Синергетическое динамическое равновесие невозможно без генетической «санкции» культуры, а самосознание и саморазвитие просто невозможны без генотипа, то есть внутренней самооценки социума, формирующегося в рамках определенной культуры. И именно культура как сложившийся за очень долгий период результат человеческой деятельности определяет нелинейный характер самоорганизации, локализует в конкретных пространственно-временных параметрах точки бифуркации и содержательно определяет цели жизнедеятельности, к которым стремится социум.

Почему же во всех вышеназванных парадигмах культура в лучшем случае редуцирована до последнего из перечисляемых факторов? Ведь любая из них будет неполноценной, поскольку не обеспечивает целостное видение человеческого бытия, не существующего вне культуры, без культуры. Это не означает, что следует отказаться от социальной, ноосферной и других парадигм ради некоей «культурологической» парадигмы, абсолютизирующей значение культуры и сводящей все многообразие жизни общества к культуре. Ноосфера, как ее понимал Вернадский, формируется с учетом целеполагания продолжения жизни и соответствующего этой цели нравственного императива. Материальным и духовным воплощением этих процессов стало развитие информационных технологий, буквально переключивших облик мира за последние полстолетия. Это развитие приводит не только к экспоненциальному возрастанию объемов доступной информации «для всех и обо всем», но и к коррекции жизнедеятельности, связанной с различными аспектами теории и практики устойчивого развития. На данный момент в сети Интернет размещено

несколько сотен тысяч страниц на политическую и управленческую проблематику устойчивого развития в глобальном и национальных масштабах.

Особое значение и место в становлении системы знаний об устойчивом развитии занимают процессы моделирования – исследования с помощью гипотетических образцов, описаний, схем, дающих представление о структуре изучаемого объекта, связях между его элементами, функциях. Моделирование позволяет приступить к изучению явлений природы, общества и человека до того, как станет ясной полная картина причинно-следственных связей в изучаемом объекте. Моделирование позволяет ученым продвигаться поэтапно, по мере углубления процессов познания качественных и количественных связей мира.

Изучение проблем устойчивого развития, конкретно, политической культуры устойчивого развития, конечно, началось до появления самого термина “sustainable development” и связано с ресурсным моделированием состояния мира и материальных стандартов жизни.

Нетрудно заметить, что существующие стратегии оптимизации потребления ресурсов и товаров разрабатываются в экономико-демографической и экологической плоскости. Но ведь неконтролируемый рост потребительства – это еще и социокультурная проблема, и стимулируется этот рост соответствующей системой ценностей, которая пропагандируется массовой культурой и СМИ по всему миру. Дилемму «быть или иметь» Эриха Фромма либеральная культура давно решила в пользу «иметь», как это продиктовано интересами «золотого миллиарда». Приоритет в жизнесмысловых основаниях человеческого бытия отдан ценностям материального сиюминутного потребления товаров, услуг, удовольствий. И, отмечая системность попыток обеспечить устойчивое развитие с помощью адекватной вызовам нашего времени политики на государственном и межгосударственном уровне, нельзя не признать, что успехом такая политика увенчается только в том случае, если и на национальном, и на общечеловеческом уровне будут приложены усилия для разработки иной парадигмы человеческого поведения и иной системы ценностей, способной помочь обрести людям смысл жизни, который, как подчеркивал Лев Толстой, «не умирает вместе со смертью».

Конечно, устойчивое развитие зависит не только от духовных трансформаций, но и от вполне реальных институциональных изменений. Ученые на основе результатов исследований прогнозируют, например, что объективные процессы развития образования, в первую очередь среди женщин, приведут к сокращению рождаемости на 40% в течение 100 лет. Но в том-то и выражается синергетический характер моделирования процессов развития, что необходимо учесть совокупность факторов развития и их реальное проявление в этом процессе.

В нашей стране проблемы математического и компьютерного моделирования активно разрабатывались академиком В.М. Матросовым и нашли продолжение в работах его учеников. Важность и актуальность этой

работы заключается в том, что ее авторы вводят понятие «глобальная безопасность», под которой они понимают защищенность жизненно важных интересов нынешнего и будущих поколений населения Земли, ее биосферы от угроз их выживанию и возможности устойчивого развития с учетом факторов развития мировой экономики (техносферы) [21].

Важную роль в процессах комплексного осмысления нарастающих угроз сыграл Римский клуб – международная неправительственная организация, образованная в 1968 году известным итальянским менеджером и общественным деятелем Аурелио Печчеи. С самого начала образования этой организации ее сторонников отличало стремление системного видения глобальных проблем. А. Печчеи подчеркивал: «Нет больше экономических, технических или социальных проблем, которые бы существовали отдельно, независимо друг от друга, которые можно было бы обсуждать в пределах одной специальной терминологии и решать не спеша, по отдельности, одну за другой. Бесконтрольное распространение человека по планете; неравенство и неоднородность общества; социальная несправедливость, голод и недоедание; широкое распространение бедности; безработица; мания роста; инфляция; энергетический кризис; уже существующий или потенциальный недостаток природных ресурсов; распад международной торговой и финансовой системы; протекционизм; неграмотность и устаревшая система образования; бунты среди молодежи; отчуждение; упадок городов; преступность и наркомания; взрыв насилия и ужесточение полицейской власти; пытки и террор; пренебрежение законом и порядком; ядерное безумие; политическая коррупция; бюрократизм; деградация окружающей среды; упадок моральных ценностей; утрата веры; ощущение нестабильности и, наконец, неосознанность всех этих трудностей и их взаимосвязей – вот далеко не полный список или, вернее сказать, клубок тех сложных, запутанных проблем, который Римский клуб назвал проблематикой» [22].

Сложный характер проблем, вставших перед человечеством, потребовал нового подхода для их осмысления и анализа. Такой подход предложил австрийский ученый Эрих Янг. Для Римского клуба он подготовил документ под названием «Попытка создания принципов мирового планирования с позиций общей теории систем», в котором утверждал, что «мы начинаем осознавать человеческое общество и окружающую среду как единую систему, неконтролируемый рост которой служит причиной ее нестабильности» [23].

Однако с течением времени становилось все более очевидным, что в рамках используемой модели индустриального развития защита природной среды носит характер борьбы со следствиями, а не с причинами, их порождающими. Все отчетливее мировое сообщество осознавало необходимость кардинального пересмотра самой парадигмы социального развития человечества, формирования основ и принципов политической культуры устойчивого развития.

Еще в 1987 году Всемирная комиссия ООН по окружающей среде и развитию поставила вопрос о необходимости поиска новой модели развития

цивилизации, опубликовав доклад «Наше общее будущее», ставший известным как доклад Г.Х. Брундтланд. Именно с этого момента в средствах массовой информации начал употребляться термин «sustainable development», под которым стали понимать такую модель развития, при которой достигается удовлетворение жизненных потребностей нынешнего поколения людей без уменьшения такой возможности для будущих поколений. Отметим, что такая интерпретация понятия «устойчивое развитие» устраивала большинство участников научных и политических дискуссий и обсуждений и дала возможность определить границы и направленность проблематики, не заводя с самого начала обмен мнениями и информацией в тупик, так как удалось избежать мировоззренческой конфронтации.

Исследование и обеспечение устойчивого развития в комплексном его понимании, как междисциплинарной проблемы и многоаспектной стратегии, были определены среди главных задач ЮНЕСКО на 90-е годы и получили поддержку в программах ЮНЕСКО.

На Всемирной встрече на высшем уровне в интересах социального развития (Копенгаген, 6–12 марта 1995 г.) была принята программа действий, которая рекомендовала правительствам стран-членов ООН меры по созданию в рамках устойчивого экономического роста и устойчивого развития на национальном и международном уровне условий, благоприятных для социального развития, искоренению нищеты, расширению продуктивной занятости и снижению уровня безработицы и содействию социальной интеграции. В документе подчеркивается, что конечной целью социального развития являются повышение и улучшение качества жизни **всех** людей. Понятие «качество жизни» имплицитно включало социокультурную составляющую. Это предполагает создание демократических институтов, уважение всех прав человека и основных свобод, обеспечение более широких и равных экономических возможностей, верховенство закона, развитие уважения культурного многообразия и прав людей, принадлежащих к меньшинствам, и активное участие гражданского общества. Наделение правами и обеспечение участия имеют крайне важное значение для демократии, гармонии и социального развития. Все члены общества должны иметь возможность осуществления прав и обязанностей участия в делах общины, в которой они живут.

Программа действий в интересах социального развития, принятая в Копенгагене, уточнила и зафиксировала основные параметры устойчивого развития. В них по сути заложены те согласованные и возможные на настоящий момент пути конструктивного сотрудничества, интегральные принципы, цели и средства, которые и составляют сущность устойчивого развития:

- широкое участие гражданского общества в разработке и осуществлении решений, определяющих функционирование и благосостояние нашего общества;
- интеграция демографического аспекта в экономические стратегии и стратегии развития, которые ускорят темпы устойчивого развития и

искоренения нищеты и будут способствовать достижению демографических целей и повышению качества жизни населения;

- справедливое и недискриминационное распределение выгод, обусловливаемых ростом, среди социальных групп и стран, и расширение доступа к продуктивным ресурсам для живущих в нищете людей;
- взаимодействие рыночных сил, способствующих эффективности и социальному развитию;
- государственная политика, направленная на преодоление ведущих к социальному антагонизму факторов и уважение плюрализма и многообразия;
- благоприятная и стабильная политическая и правовая структура, способствующая взаимному укреплению связи между демократией, развитием и всеми правами человека, и основными свободами;
- политические и социальные процессы, характеризующиеся недопущением изоляции и соблюдением принципа плюрализма и многообразия, включая религиозное и культурное многообразие;
- укрепление роли семьи в соответствии с принципами, целями и обязательствами, провозглашенными в Декларации Всемирной встречи на высшем уровне в интересах социального развития и на Международной конференции по народонаселению и развитию, а также роли общины и гражданского общества;
- расширение доступа к знаниям, технологии, образованию, медицинскому обслуживанию и информации;
- укрепление солидарности, партнерства и сотрудничества на всех уровнях;
- государственная политика, создающая людям возможности для здоровой и продуктивной жизни;
- охрана и сохранение окружающей природной среды в контексте сориентированного на людей устойчивого развития [24]. В принятых документах культурное многообразие, благоприятная и стабильная политическая и правовая культура определяются как условия и одни из главных принципов теории и практики устойчивого развития. Вместе с принципом биологического разнообразия политическая культура в жизнеутверждающих формах своего проявления составляет фундамент устойчивого развития мировой цивилизации в будущем.

К середине 90-х годов научное сообщество пришло к общему мнению, что режим устойчивого развития может быть достигнут на основе баланса жизнедеятельности человечества в окружающей среде, экономике и социальной сфере. Социокультурная составляющая устойчивого развития результируется в сумме социальной сферы и экономики, которые противостоят и интегрируются с окружающей средой.

Признавая взаимозависимый характер жизни на нашей планете, представители государств, собравшихся на конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 году, приняли свод 27 принципов – Декларацию по окружающей среде и развитию, которая, по сути дела, является интегративной концептуальной

моделью, учитывающей многоаспектный характер сосуществования человека, общества и природы, через регулирование отношений устойчивого развития государств в международном сообществе на рубеже XXI века. В документе «Идеи Декларации по окружающей среде и развитию» зафиксированы основополагающие принципы устойчивого развития. В частности:

- Люди имеют право на здоровую и плодотворную жизнь в гармонии с природой.
- Сегодняшнее развитие не должно осуществляться во вред интересам развития и охране окружающей среды на благо нынешнего и будущих поколений.
- Государства имеют суверенное право разрабатывать свои собственные ресурсы, но без ущерба окружающей среде за пределами их границ.
- Искоренение нищеты и неравенства в уровне жизни в различных частях мира необходимо для обеспечения устойчивого роста и удовлетворения потребностей большинства населения.
- Для достижения устойчивого развития необходимо всестороннее участие женщин. Необходимы также творческие силы, идеалы и мужество молодежи и знания коренного населения. Государства должны признавать и поддерживать самобытность, культуру и интересы коренного населения.

«Хартия Земли» стала международной декларацией основополагающих принципов и ценностей для создания справедливого, устойчивого и мирного глобального общества в XXI веке. Созданная в процессе широкого общественного обсуждения, она направлена на пробуждение во всех людях нового чувства взаимозависимости и общей ответственности за благополучие всех людей, всего живого сообщества и будущих поколений. Она призывает человечество установить всеобщее сотрудничество в критический момент нашей истории. Этическое видение «Хартии Земли» провозглашает, что защита окружающей среды, прав человека, равного человеческого развития и мира взаимозависимы и неразделимы. Хартия пытается дать новую точку зрения для размышления и решения этих вопросов.

Заключительный вариант текста «Хартии Земли» был принят на собрании Комиссии «Хартии Земли» в штабе ЮНЕСКО в Париже, в марте 2000 г. Его преамбула гласит: «Мы вступили в критический момент истории Земли, когда человечество должно выбрать свое будущее. Так как мир становится все более взаимозависимым и хрупким, будущее таит в себе одновременно и большую опасность, и большую надежду. Чтобы развиваться далее, мы должны осознать, что при огромном разнообразии культур и форм жизни, мы являемся одной семьей и единым мировым сообществом с общей судьбой. Мы должны объединиться и создать устойчивое глобальное общество, основанное на уважении к природе, правам человека, экономической справедливости и культуре мира. В этом стремлении крайне необходимо, чтобы мы, народы Земли, провозгласили нашу ответственность друг перед другом, перед великим сообществом всего живого, и перед будущими поколениями».

Для достижения целей устойчивого развития в Хартии признаны следующие основные принципы жизнедеятельности:

1. Уважать Землю и жизнь во всем ее многообразии.
2. Заботиться о живом сообществе, относиться к нему с пониманием, состраданием и любовью.
3. Создавать справедливые, открытые для сотрудничества, устойчивые и миролюбивые демократические сообщества.
4. Сохранять богатство и красоту Земли для настоящего и будущих поколений.
5. Защищать и сохранять целостность экосистем Земли, уделяя особое внимание биологическому разнообразию и природным процессам поддержания жизни.
6. Использовать в качестве лучшего метода защиты окружающей среды стратегию «предотвращения вреда», а при недостатке информации – стратегию «предосторожности».
7. Применять такие модели производства, потребления и воспроизводства, которые сохраняют регенеративные возможности Земли, права человека и благополучие сообществ.
8. Развивать исследования в области экологической устойчивости и осуществлять открытый обмен информацией и ее повсеместное применение на практике.
9. Рассматривать искоренение нищеты как этический, социальный и экологический императив.
10. Следить за тем, чтобы экономическая деятельность и экономические институты на всех уровнях способствовали развитию человека справедливым и устойчивым образом.
11. Поддерживать справедливость и равенство в отношениях между полами как предпосылку устойчивого развития и обеспечить всеобщий доступ к образованию, здравоохранению и возможностям экономического процветания.
12. Поддерживать права всех без исключения людей на природное и социальное окружение, поддерживающее человеческое достоинство, здоровье и духовное благополучие, уделяя особое внимание правам коренных народов и различных меньшинств.
13. Укреплять демократические институты на всех уровнях, обеспечивать прозрачность и подотчетность в их управлении, включая участие в принятии решений и доступ к правосудию.
14. Вводить в системы формального и неформального образования знания, ценности и навыки, необходимые для устойчивого развития.
15. Относиться ко всем живым существам с уважением и вниманием.
16. Создавать культуру толерантности, ненасилия и мира.

В основе принципов лежит социокультурное гуманистическое понимание сущности и целей развития человеческого общества. 32-я Генеральная конференция ЮНЕСКО постановила признать «Хартию Земли» в качестве

важного этического рамочного документа по вопросам устойчивого развития и признать ее этические принципы, задачи и содержание, которые совпадают с видением ЮНЕСКО, а также подтвердить намерение государств-членов использовать «Хартию Земли» в качестве инструмента образования, особенно в рамках Десятилетия образования в интересах устойчивого развития Организации Объединенных Наций.

Важное значение для понимания глобального контекста действий на национальном уровне имеют Цели развития тысячелетия – восемь международных целей развития, которые 192 государства-члена ООН и, по меньшей мере, 23 международных организации договорились достичь к 2015 году. Цели развития тысячелетия были разработаны и приняты в 2001 году на основе восьми глав Декларации Тысячелетия ООН, подписанной в сентябре 2000 года мировыми лидерами. Эти цели носили гуманистический характер и были определены для того, чтобы ликвидировать абсолютную бедность и голод, обеспечить всеобщее начальное образование, содействовать равноправию полов и расширению прав женщин, сократить детскую смертность, улучшить охрану материнского здоровья, бороться с ВИЧ/СПИДом, малярией и прочими заболеваниями, обеспечить экологическую стабильность, сформировать всемирное партнерство в целях развития.

Конференция на высшем уровне по устойчивому развитию проходила в г. Йоханнесбурге (ЮАР) с 26 августа по 4 сентября 2002 г. Именно в Йоханнесбурге произошел концептуальный прорыв в понимании причин и инструментов устойчивого развития. Вопросы сохранения окружающей среды рассматривались в тесной взаимосвязи с социальными и экономическими проблемами развития. Главное внимание было уделено проблемам искоренения бедности, развитию здравоохранения и санитарии, чистой воде. Характер принятых документов отражал антропоцентрический ракурс видения актуальной проблематики устойчивого развития, что даже дало повод для упреков со стороны экологов в дискриминации проблем биосферы в целом. В документах Конференции подчеркивалось, что цивилизация находится на распутье, необходимы решительные действия для искоренения нищеты и обеспечения гуманистического развития. Участники саммита принимали на себя обязательства создать гуманное справедливое глобальное общество достойной жизни для каждого.

Окружающая среда на планете продолжает ухудшаться. Процессы глобализации создали неравные условия для бедных и богатых стран. Человечество рискует увязнуть в диспаритетах, а его беднейшая часть может потерять доверие к возможностям современной демократии.

Самыми серьезными угрозами устойчивому развитию сегодня являются хронический голод, недоедание, иностранная оккупация, вооруженные конфликты, нелегальное распространение наркотиков, организованная преступность, коррупция, болезни, нелегальные поставки оружия, нелегальный вывоз людей за границу, терроризм, нетерпимость и поощрение расовой, этнической, религиозной и другой нетерпимости, ксенофобия, распространение

местных, инфекционных и хронических заболеваний, в частности, СПИДа, малярии и туберкулеза. Все эти угрозы возникли как следствие процессов дегуманизации социокультурной среды обитания человека, трансформации гуманистических созидательных форм культуры в потребительские гедонистические практики, которые примитивизируют богатство человеческой натуры.

Сила – в единстве действий всех народов и цивилизаций планеты. Всемирный саммит по вопросам устойчивого развития (ВСУР) в Йоханнесбурге предлагал сосредоточить усилия на таких базовых потребностях человечества, как чистая вода, санитарные условия, необходимое жилье, энергия, здравоохранение, продовольственная безопасность и биоразнообразие. Для этого необходимо обеспечить доступ к источникам финансирования, использовать преимущества открывающихся рынков, расширить строительство, передачу технологий и подготовку кадров.

Нетрудно заметить, что все принимаемые документы строятся на системном видении мира, в котором мы живем. По существу, идет поиск оптимальных моделей познания и практики. Интенсивные работы в этом направлении идут и в отечественной науке на национальном уровне. Как отмечалось ранее, практически все международные документы латентно включают культурное измерение в проекции действий человечества по обеспечению устойчивого развития. Еще более важно, что и сама методология рассмотрения проблематики устойчивого развития не обходится без социокультурной характеристики, определяющей цели и критерии деятельности человека в окружающем мире.

Свое видение проблем развития человечества и, конкретно, нашей страны, представила на ВСУРе российская сторона. Доклад под названием «Национальная оценка прогресса Российской Федерации при переходе к устойчивому развитию» был подготовлен Министерством экономического развития и торговли Российской Федерации при участии МИД РФ и Министерства природных ресурсов РФ во взаимодействии с группой независимых экспертов. В докладе были приведены статистические данные, которые позволяют прийти к выводу, что за годы реформ российское общество резко ухудшило свои условия проживания и, по сути дела, значительное число российских граждан оказалось в стадии физической деградации и выживания. Вместе с тем в докладе сделан вывод о том, что «Россия уверенно становится на путь устойчивого развития». Доклад не внес ясности в понимание сложившихся в мире и в нашей стране социальных и социально-политических противоречий. Изменения в России, радикальное перераспределение материальных ресурсов противоречат логике процессов, которые диктуют императивы устойчивого развития.

Проблема перехода на путь устойчивого развития в нашей стране уже имеет свою политическую историю. Она не проста и складывалась как средоточие острейших противоречий, сшибки мнений политиков и ученых, отражающих интересы различных социальных групп. Впервые пути России к

устойчивому развитию обсуждались на парламентских слушаниях в Верховном Совете Российской Федерации 6 июля 1993 года. Выступившие тогда с докладами министр охраны природы В.И. Данилов-Данильян, вице-президент РАН В.А. Коптюг, а также академики А.С. Исаев, Б.Н. Ласкорин и другие специалисты достаточно полно обрисовали проблемы, вытекающие из документов, подписанных главами 179 государств, в том числе и Россией, в Рио-де-Жанейро в 1992 году. 4 февраля 1994 года подписан Указ Президента РФ от 4 февраля 1994 года, которым утверждены основные положения стратегии устойчивого развития Российской Федерации и дано задание правительству о разработке концепции перехода России к новой модели развития.

К середине 1995 года в соответствии с Указом Президента РФ в рабочей группе Минэкономики РФ был разработан проект Концепции перехода России к устойчивому развитию, который обсуждался в начале июня 1995 года Всероссийским съездом охраны природы. Предложенный проект был подвергнут серьезнейшей критике, но после несущественной доработки был принят правительством и 1 апреля 1996 года Указом Президента РФ утвержден как Государственная концепция устойчивого развития. Тем не менее необходимо отметить, что работа, которая была проведена учеными и парламентариями при обсуждении концепции, не пропала даром. Было проведено несколько слушаний, в ходе которых и была постепенно выработана научно взвешенная и социально ориентированная точка зрения на перспективы развития России. Большинство участников обсуждения приходили к выводу о необходимости изменения курса экономических реформ. Например, слушания по проблематике устойчивого развития в Государственной Думе 16 мая 1995 года отличались от предыдущих уже самой постановкой задачи. Ранее обсуждение концентрировалось, в основном, вокруг экологической тематики, да и слушания инициировались и готовились природоохранными комитетами. Однако позднее пришло убеждение, что никакие природоохранные проблемы в рамках либеральной реформации страны практического решения получить не могут. К сожалению, правительство придерживалось противоположной точки зрения.

Правительство России на своем заседании 11 декабря 1997 г. одобрило проект «Государственной стратегии устойчивого развития Российской Федерации». Подводя итоги обсуждения, глава Правительства В. Черномырдин призвал возвести указанный документ в ранг «определяющего государственную политику страны». Следует отметить, что Россия является одной из немногих стран мира, где документы столь обязывающего значения разрабатываются и представляются на утверждение келейно-чиновничьими методами. Проект стратегии разрабатывался вне системного подхода, с акцентом на либеральные экономические критерии. Неудивительно, что многолетняя работа над таким документом не дала никакого политического и социального результата. Учитывая настоятельные требования жизни, большинство серьезных отечественных и зарубежных исследователей считают,

что в сложившихся условиях тупиковой политической и социально-экономической стагнации Президенту, Правительству, Федеральному Собранию РФ с помощью авторитетных специалистов различных школ и направлений мировой и отечественной науки целесообразно, дав оценку результатам реформ в России, начать заново разработку национальной стратегии устойчивого развития, включающей систему целей, индикаторов и социально-политических технологий ее реализации. Такой документ должен базироваться как на позитивных результатах проведенных преобразований, так и воплотить признанные достижения отечественной и зарубежной теории и практики социально-политического развития.

В настоящее время в мире ведется интенсивный научный поиск и конструирование интегративных моделей устойчивого развития. Исследуются самые различные аспекты новой формы жизнедеятельности. Конструируются и формируются информационные базы, которые позволят в будущем развивать комплексные исследования поиска оптимальных режимов устойчивого развития. Одной из таких попыток является Энциклопедия систем жизнеобеспечения на Земле, активное участие в которой принимали и российские ученые. Систему баз информации энциклопедии, по сути дела, составляют основные элементы концептуальной модели устойчивого развития [25].

Интегративный ноосферный подход к конструированию моделей устойчивого развития в первую очередь преследует цель изучения условий коэволюции человека, общества и природы как взаимодействия социума, техносферы и экосферы. «Перекося» одной из этих компонент приводит к возникновению и умножению материальных и духовных неравенств – диспаритетов на планете, в национальных, региональных, глобальных масштабах. Стремлению к материальной прибыли, накоплению капитала были подчинены все формы человеческой деятельности, организации общественных связей. Именно в силу абсолютизации экономических целей развития социальная история человечества представляет собой сплошную цепь целенаправленных усилий по созданию и поддержанию неравенства между группами людей, обществами, государствами. В этой связи важно уяснить социальную сущность концепции устойчивого развития.

Актуальные параметры политической культуры российского общества

Обновляющаяся актуальная политическая культура в новой социальной и политической конъюнктуре существенным образом влияет на формирование характера и потенциал трудовой мотивации граждан. Высокие темпы экономического развития в условиях пандемии невозможно обеспечить без вытеснения из ядра актуальной политической культуры настроений скепсиса и пессимизма. Граждане должны увидеть для себя и всего общества открывающееся окно жизненно важных возможностей масштабных и конкретных в своих формах социально-экономических и социально-

политических преобразований. В ближайшее время в первую очередь необходимо ликвидировать негативные последствия COVID-кризиса, создать условия для реанимации предприятий малого и среднего бизнеса, резко поднять и гарантировать неснижаемый уровень реальных доходов малооплачиваемых работников и среднего класса. Предстоит создать и отладить механизмы гарантий индексации зарплаты, сократить вопиющие, не обоснованные экономическими факторами диспропорции в оплате труда, которые разрывают общество на части и создают предпосылки для формирования конфронтационной антагонистической политической культуры. Правовому государству в союзе с гражданским обществом предстоит провести декриминализацию общественных отношений в центре и регионах, восстановить в обществе отношения социальной справедливости и трудовой мотивации.

Проведенное изучение структуры и характера мнений граждан о национальных целях развития и цифровом обществе показывает, что в целом в российском гражданском обществе ещё не сформирована адекватная вызовам и задачам времени устойчивая инновационная политическая культура [26]. COVID-кризис обострил накопившиеся социально-политические противоречия и высветил слабые и неразвитые стороны институциональной и аксиологической структуры политической культуры. В своей значительной части граждане слабо информированы о сущности и характере национальных проектов, их содержании и важности реализации. Достаточно скептически граждане относятся к вероятности успешной цифровизации общества. Очевидно, что к настоящему моменту СМИ, Интернет и социальные сети оказались дисфункциональны в информировании граждан о социальном значении национальных проектов, их содержании и возможностях участия граждан в их реализации. К настоящему моменту они не сформировали основные компоненты инновационной устойчивой политической культуры: знаний, убеждений и установок для актуального поведения граждан в условиях внедрения информационно-коммуникационных технологий и реализации национальных проектов. По всей вероятности, эта выявленная проблемная ситуация требует продуманной и выверенной программы политических действий, как со стороны Правительства РФ, так и со стороны институтов гражданского общества. Актуальность, масштабность и комплексность задач требует объединения усилий всех граждан при ведущей роли и стратегической координации действий со стороны государства.

В целом уровень развития и характер актуальной политической культуры российского общества достаточно реалистично отражается в оценках социальной и политической самоидентификации граждан. Социологические измерения показали, что российские граждане не страдают манией величия в оценках своего социального и политического статуса. Уровень оценок по семи признакам: образование, профессия, квалификация, выполняемая работа, учеба, размер денежного дохода, качество жизни, участие в политической жизни страны составил по десятибалльной шкале в среднем 5,3 балла. Сегодня

граждане считают, что они имеют огромный резерв для самосовершенствования и наращивания качества своей культуры, политической в том числе. Уровень последней, по их мнению, среди измеряемых признаков оказался наименьшим – всего 3,2 балла. Не высоко поднялись самооценки качества жизни (4,9) и размера денежного дохода (4,4). Налицо конфликт между уровнем социально-политических притязаний и реальным признанием материального и социального статуса граждан в обществе. Подавляющее большинство граждан считают, что их социальная и политическая культура недооценена обществом и государством. В этой связи государству следует быть готовым к критике граждан по поводу условий и возможностей самореализации. В улучшении своего материального положения граждане в большей мере надеются на свои силы и помощь родственников и близких. Государство не попало в круг высокого доверия. Наибольшую дискриминацию граждане нашей страны испытывают по признаку возраста и социальному положению. Это свидетельствует о том факте, что в сложившейся системе общественных отношений молодежь и пенсионеры подвергаются двойной дискриминации и сформировали по этому поводу свой особый тип политической культуры, к проявлению которой нужно быть готовым как гражданскому обществу, так и правовому государству. Наибольшую социальную дискриминацию сегодня испытывают безработные, рабочие предприятий, сельского хозяйства, представители гуманитарной интеллигенции, предприниматели, сотрудники МВД.

Актуальная инновационная политическая культура общества складывается под влиянием фундаментальных трансформаций, происходящих практически во всех сферах жизнедеятельности. Измерения по 12 индикаторам показали, что семь трансформационных трендов отразились в сознании и политической культуре российских граждан с отрицательными значениями: изменения доступности медицинского обслуживания, качества образования, уровня и качества жизни граждан, изменения культурного уровня граждан, экономического потенциала страны, интеллектуального уровня граждан, безопасности жизни граждан. Экономическая независимость страны и свобода совести не нашли какого-либо отражения в сознании российских граждан. И только три вектора макросоциальных трансформаций отмечены респондентами как положительные: технологическое развитие в большей, и свобода слова и развитие науки в меньшей мере. Пока общий баланс реформ складывается не в пользу наращивания потенциала инновационной политической культуры общества.

Тем не менее, почти половина граждан в стране считают, что Россия продолжит развитие в существующих границах. Измерение гражданской идентификации показало, что сегодня 60% опрошенных считают себя россиянами и только 23% человеком русской культуры. Мнения граждан о перспективах процессов глобализации пока в большей степени можно считать неопределенными с минимальной долей исторического оптимизма в пользу России. Терроризм как феномен актуальной политической культуры в

причинах своего проявления российскими гражданами сведен к четырём факторам. Граждане прежде всего считают, что сегодня происходит передел мира в целях реализации интересов элиты США. Среди названных причин – новый передел мира из-за энергоресурсов, полезных ископаемых и рынков сбыта. А также война между христианской и мусульманской цивилизациями и неспособность политиков справиться с задачами развития человечества. Граждане считают, что Россия должна активно развивать отношения с остальным миром и одновременно сосредоточиться на решении внутренних проблем. По мере усиления санкционного политического и экономического давления на Россию политическая культура большинства российских граждан начинает консолидироваться вокруг идеи безусловного повышения обороноспособности. Показательно, что в этих условиях подавляющее число российских граждан (около 70%) понимают патриотизм, в первую очередь, как любовь к Родине.

Политическую культуру российского общества как отражение политико-идеологических интересов и предпочтений граждан можно типологически разделить на три приблизительно равные группы политических ориентаций: «демократы», «государственники» и «неопределившиеся». Фундаментальное противоречие между результатами неолиберальных реформ, проводимых государством, и жизненными интересами общества вызвало у большей части граждан неопределенность идеологической позиции и не позволило сформировать устойчиво функционирующую партийно-политическую систему. Большинство граждан Российской Федерации (61,3%) не уверены в адекватности политики той или иной партии в соотношении со своими политическими ожиданиями. При этом идеологические предпочтения граждан и идеология, декларируемая в программе партии, могут совпадать. Неясность для населения соотношения идеологии и политики, т.е. политической формы реализации идеологических предпочтений, приводит к большой дисперсии в выборе населением политических партий как представителей своих интересов и выражается в непредсказуемости и неопределенности политического выбора граждан в избирательных кампаниях. Как следствие идеологической анемии электоральное поведение граждан Российской Федерации слабо связано с ориентацией на ту или иную политическую партию. На электоральное поведение небольшой части граждан влияет ориентация на партийного лидера. В целом же граждане голосуют за те партии, которые в наибольшей степени допущены к органам и инструментам власти и поэтому могут реально влиять на государственную политику.

Треть населения придерживаются социалистической идеологии и почти половина граждан считают для своей жизнедеятельности наиболее приемлемой социалистическую политическую государственную систему. В обществе сложилась ситуация абстиненции, так как граждане не видят позитивных результатов выборов и политических перемен. Большинство граждан России склонны сожалеть о распаде СССР. Такие суждения составляют платформу для формирования положительных суждений о жизни в советском прошлом.

Семантический анализ понятий «социализм» и «капитализм» показывает, что большинство граждан видят в первом позитивное, а во втором негативное содержание и образ. Мнения о целесообразности национализации приватизированных предприятий характерно для всех групп граждан России, независимо от их идеологических предпочтений, уровня образования, пола и социально-профессионального статуса. Большая часть граждан считают, что у России должен быть свой особый путь развития, основанный на традиционных представлениях россиян об отношениях людей, социальной справедливости и социальной солидарности.

Политическая культура проявляется в оценках восприятия гражданами общей ситуации в России. Динамика социологических данных выделяет 90-е годы прошлого столетия как самый кризисный период проведения рыночных реформ. Население испытывало трудности и лишения в 2009-2010 годы, а также в 2015-2016 годы. Несмотря на продолжающийся экономический кризис, критичность оценок ситуации относительно невысокая, показатель самый низкий за весь период измерений, хотя группа «неопределившихся» в своём отношении к настоящему существенна. Критическое ядро оценок в политической культуре в основном вызревает на почве экономического характера: дороговизне жизни, росте цен на продукты питания, повышении тарифов на жильё и коммунальные услуги. Есть еще ряд проблем, которые беспокоят не менее трети граждан: произвол чиновников, коррупция; безработица; высокая инфляция; экологическая обстановка; углубление разделения общества на богатых и бедных; страх перед неопределенностью будущего; ухудшение материального положения пенсионеров. Ухудшением материальных условий жизни обеспокоены все демографические и социальные группы населения. В поселках городского типа растет безработица из-за закрывающихся предприятий, проблемами экологии обеспокоены жители сел, коррупция и произвол чиновников имеет место в поселениях всех типов, равно как и повышение тарифов на жильё и коммунальные услуги. Дороговизной жизни, ростом цен на продукты питания, на коммунальные услуги обеспокоены представители как молодого, так и старшего поколений.

Представления граждан об экономической и социальной эффективности политики государства в целом носят противоречивый характер. Доля граждан, обеспокоенных материальными сторонами жизни, превышает 60%. В то же время отрицательно оценивают экономические реформы только треть граждан. Положительные оценки экономических реформ высказаны прежде всего сотрудниками органов охраны общественного порядка и военнослужащими. Относительно велика доля оценивающих положительно экономические реформы среди руководителей организаций, предприятий.

Суждения граждан о направленности политики власти в своей подавляющей массе сводятся к формуле «власть представляет интересы олигархата: бизнес-элита плюс бюрократия». В этом сегменте оценок политическая культура российских граждан носит выраженный классовый характер. Социальная реальность сформировала у граждан ясное представление

о том, что сегодня власть не может выражать интересы бедных слоев и среднего класса, так как они не являются целями развития капиталистической экономики. Практически в своём большинстве граждане поняли, что власть не намерена делать их бедными или богатыми, она лишь использует граждан в целях создания условий для максимизации прибылей господствующего класса, который она обслуживает и охраняет. В российских конкретно исторических условиях реализована архаичная классическая модель капиталистического производства с учетом традиций и актуальных идеологических особенностей локального и глобального социума. **В этой обстановке отказ от установления в качестве обязательной какой-либо государственной идеологии или религии привел к формированию фрустрированной политической культуры, которая в ситуации рассогласования ценностей и целей развития элиты и народа работает на отчуждение общества от государства.**

В этих условиях изучение эффективности функционирования государства как инструмента проявления политической культуры показало, что лучше всего обстоят дела у государства с обеспечением свободы политического выбора и свободы слова. Далее мнения граждан о государстве и успешности реализации им своих функций по порядку убывания распределились следующим образом: личная безопасность, терпимость к чужому мнению. Более половины граждан считают, что государство не может сегодня обеспечить нормы жизни демократического общества в области соблюдения прав человека, соблюдения социальных гарантий, терпимости к чужому мнению, личной безопасности. Наиболее критично оценивают реализацию гарантии прав граждан коммунисты, социалисты, националисты, неопределившиеся, однако количественные показатели отрицательных оценок высоки и среди сторонников других политических движений. По возрастным группам критичность относительно низкая, повышается после 40 лет. В чем едино общественное мнение независимо от возраста и политических предпочтений респондентов, так это в том, что государство сегодня не обеспечивает равенство всех граждан перед законом.

По мнению большинства респондентов, государство сегодня не обеспечивает выполнение четырёх конституционно гарантированных гражданских прав и свобод: равенство перед законом и судом, право на бесплатное образование, право на жилье, право на благоприятную окружающую среду. Около половины граждан считают, что государство не в состоянии сегодня гарантировать право на охрану здоровья и медицинскую помощь и право на судебную защиту прав и свобод гражданина. Около 40% респондентов указали, что в стране отсутствуют гарантии свободы слова и не гарантируются права на социальное обеспечение и пенсию. Отрицательная позиция граждан по поводу того, что государство не гарантирует многих права и свободы в целом не зависят от политических позиций, возраста, социального статуса или места проживания. В большей степени обеспокоены ситуацией, сложившейся в области прав и свобод человека и гражданина, рабочие,

работники сферы услуг, гуманитарная и техническая интеллигенция, предприниматели, студенты и пенсионеры.

Принципиальная дивергенция между текстом Конституции РФ и актуальной политической культурой граждан зафиксирована в исследовании по вопросу реального носителя суверенитета и источника власти в РФ. Конституция РФ в ст. 3 п. 1 установила, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Большинство (не менее 90%) населения придерживаются иного мнения, а именно, что как раз многонациональный народ Российской Федерации не является источником власти, а носителями власти являются Президент Российской Федерации или Кремль, президент и его доверенные люди, олигархи, бюрократия, Правительство, парламент Российской Федерации. Противоречивость политической культуры граждан проявилась в ответах на этот вопрос у сотрудников МВД: основным носителем власти для них является Президент Российской Федерации – 75% опрошенных в группе, и Правительство, парламент Российской Федерации – 50%.

Факторный анализ показал, что политическая культура россиян разделяет в практической реализации конституционные функции государства на две типологические группы: функции внешней политики и функции внутренней политики. Большинство граждан считает, что государство в области внутренней политики лучше всего выполняет свои функции по обороне страны, налогообложению и взиманию налогов; в области внешней политики – по обеспечению мира и поддержанию мирового порядка, сотрудничеству и укреплению связей со странами СНГ. Почти половины достигает массив респондентов, считающих, что государство выполняет такие функции, как развитие науки, культуры и образования, международное сотрудничество в решении глобальных проблем. Велика доля (41%) считающих, что государство не выполняет свои обязанности по охране прав и свобод граждан, прав собственности, правопорядка. Большинство граждан считают, что государство не выполняет такие функции, как обеспечение достойной жизни граждан, охрана природы и использование ресурсов. Велика доля респондентов (41%), которые указали, что государство дисфункционально в регулировании производства и распределения товаров и услуг.

Измерение политической культуры на предмет предпочтения форм государственного устройства показало, что сегодня российскому обществу релевантно сильное централизованное государство, в котором исполнительная власть сосредоточена в руках политического лидера. По всей вероятности, такая модель политических представлений укрепилась в политической культуре под интенсивным влиянием успешных политических практик последних двадцати лет. Однако следует отметить, что в актуальной эмпирической модели политической культуры российского общества второе место занимает советская модель государственного устройства, в которой исполнительная и законодательная власть принадлежала Советам народных депутатов.

Измерение по десятибалльной шкале наличия в политической культуре российских граждан восьми системных признаков гражданского общества показало достаточно ровную и среднюю в оценках пирамиду представлений в диапазоне от 6,2 до 4,3 баллов: политическое и идеологическое разнообразие политических партий; право собственности – владение, пользование и распоряжение своим имуществом; демократия, свобода политического выбора; открытость и доступность информации о положении дел в стране и за рубежом; свобода слова – право граждан без ограничений выразить своё мнение; общественные организации, представляющие и защищающие интересы граждан; правовое государство – господство закона, перед которым все равны, и который защищает права, свободы и безопасность граждан; самоуправление – инициативное участие граждан в управлении делами по месту жительства, работы, учёбы и т.д. Обратим внимание, что самым сильным признаком актуальной политической культуры стало политическое и идеологическое разнообразие, самым слабым – самоуправление – инициативное участие граждан в управлении делами по месту жительства, работы, учёбы и т.д.

Сегодня граждан не очень волнует соотношение авторитарных и демократических гражданских методов проявления властных полномочий, что проявляется и в ответах респондентов на вопрос о том, что они готовы предпринять в случае возникновения потребности защитить свои интересы. Не менее 55% ничего не собираются предпринимать, так как считают, что их интересы защищены, или они пока не задумываются над этим. У остальных протестные установки направлены в основном на пассивные формы: письма в органы власти, в СМИ, в Интернет. Протестовать активно в форме политических или профсоюзных протестов в среднем готовы не более 15% граждан. А участвовать в актах гражданского неповиновения не более 5%. Низкая протестная активность сегодня наблюдается у граждан, имеющих образование ниже среднего, характерна для представителей всех возрастных групп. Среди представителей различных социально-профессиональных групп наиболее настроены на протест студенты. Рабочие, и тем более инженеры, не намерены участвовать даже в забастовках. Протестная активность низка среди жителей поселений всех типов.

Измерение доверия граждан к институтам власти и общественным организациям осуществлялось по дихотомической шкале. Судя по значениям индекса, относительно высоким является уровень доверия граждан к армии и Президенту РФ. Самое большое недоверие респонденты выразили банковским и предпринимательским кругам, Государственной Думе, политическим партиям, значительно недоверие полиции, суду, прокуратуре; Правительству РФ, Совету Федерации, средствам массовой информации, Общественной палате. Факторный анализ показал, что ассоциативно граждане распределяют институты власти и общественные структуры в три группы: законодательные и консультативные структуры – средний уровень доверия, представители исполнительной власти – высокий уровень доверия, политические и общественные структуры – низкий уровень доверия.

Существенным дефектом актуальной политической культуры российских граждан является дисфункция социально-политических и социально-экономических механизмов трудовой мотивации. Большинство граждан России (61,2%) не связывают свое благополучие с трудовым доходом, утверждая, что «сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь». Противоположного мнения: «сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить своё материальное благополучие» придерживаются 38,8% граждан, что в условиях принятия программы технологического прорыва явно недостаточно. Фактически в обществе и государстве произошла деформация трудовой мотивации, разубоживание её коррупционными и криминальными отношениями, которые разъедают сферу материального и духовного производства. К тому же экономический кризис и санкции резко снизили покупательную способность и уровень доходов населения.

Исследование генезиса политической культуры показывает её трансформацию в сторону рациональных форм гражданско-правового сознания. Приоритетность в массовом сознании ценностей и установок «справедливость», «права человека», «закон» свидетельствует о формировании широкого социально ориентированного правового сознания граждан. Такая гражданско-правовая композиция политической культуры является важной предпосылкой становления и укрепления демократических институтов. Что касается исторических традиций и актуальных приоритетов политической культуры в выборе политических лидеров, то в этом случае генетическая память, интуиция и исторический опыт политической культуры проявляются в своём интегральном результате. В политической культуре российского общества проблемы лидерства всегда имели важное, если не определяющее значение. Российская традиция политического лидерства формировалась на протяжении веков и впитала в себя из практики многие образы-роли, среди них: князь-воин – бесстрашный освободитель земли русской от иноземных захватчиков, царь-батюшка – добрый защитник интересов простого люда, учитель и вождь – самоотверженный и бескорыстный борец за правду и свободу трудового народа. История российского общества и государства в силу его геополитической природы в своей значительной части состояла, за исключением редких лет покоя, из бурных драматических периодов военных и политических схваток. Слишком велико в новой и новейшей истории Европы и мирового сообщества было значение русского фактора, который в разное время складывался из военной мощи, идеологии, претендующей на вселенскую роль, уникальных людских и материальных ресурсов, выгодной геополитической диспозиции, конфликтных в своих политических и экономических диспропорциях социальных отношений. Политический лидер, который отвечал вызовам времени, попадал и оставался в «пантеоне» политического сознания, несмотря ни на какие пропагандистские кампании политических разоблачений и развенчиваний. И наоборот – время безжалостно поступало с лидерами, которые пытались заигрывать с выпавшими на их долю вызовами, стремясь обмануть, обойти преграды, сохранить себя и свои интересы за счет интересов

народа, общества. По мнению респондентов, в наибольшей мере пользу России принес в основном В.В. Путин, в средней степени – Л.И. Брежнев. Вред России в особо большой степени принесли Горбачев М.С. и Ельцин Б.Н., в средней степени – Керенский А.Ф., Хрущев Н.С., Черненко К.У., Медведев Д.А. Больших различий в суждениях представителей различных возрастных и социально-профессиональных групп по поводу пользы или вреда от политических деятелей не выявлено. Бесспорным лидером общественного политического сознания является В.В. Путин, рейтинг которого по этому индикатору достиг в июне 2016 г. 56% и сохраняет положительную динамику. Феномен этого рейтинга складывается из многих составляющих, среди которых необходимо прежде всего назвать: политическую активность по восстановлению российской государственности, позитивный контраст по сравнению с предшественником на посту Президента РФ Б.Н. Ельциным, пропагандистское PR «насаждение» этого образа в общественном и массовом сознании при информационном «исключении» из него образов других политических лидеров.

В гражданском обществе ярко выражены противоречия и социальное неравенство в сфере социальных отношений. Наиболее значительными являлись неприязнь между «бедными и богатыми», между «низшими и высшими классами» и между «народом и властью». В последние годы выросли значения индикатора, отражающего значимость неприязни между «народом и властью».

Экологическая компонента политической культуры в форме реализации принципов и передовых практик устойчивого развития начинает принимать проблемный характер. Треть респондентов, в первую очередь жители административных центров субъектов РФ, сел и поселений городского типа считают, что за последние годы экологическая обстановка ухудшилась. В первую очередь требуют внимания и решения проблемы неконтролируемой вырубке лесов, утилизации бытовых отходов, использования химических удобрений, промышленных отходов. Большинство граждан активно участвуют в охране природы, в частности: стараются выбрасывать мусор только в специально отведенные для этого места, собирают за собой мусор после поездки на природу, экономят в быту воду, газ, электричество, покупают энергосберегающие товары, технику; участвуют в субботниках по уборке территории. Выше экологическая культура у представителей старших возрастных групп и у жителей малых городов и сел.

Политическая культура граждан формируется в поле массовой информации и находится в диалектической связи с источниками и инструментами её тиражирования. Критерий функциональности политической культуры заключается в её способности достоверного отражения окружающей среды и продуцирования научной информации. Сегодня в российском обществе Центральное телевидение и Интернет делят первое – второе место по обращаемости граждан за массовой и специализированной информацией. Обращаемость к территориальному и городскому телевидению в два раза ниже.

Доверие к информации Центрального телевидения высокое у сторонников всех политических движений, несколько ниже у либералов, демократов и неопределившихся. Доверие к информации в Интернете особенно высоко у либералов и государственников, низко у коммунистов и социалистов. Около половины респондентов считают, что достоверная и недостоверная информация на российских радио и телевидении о событиях и жизни в России распределяется примерно поровну. Причины распространения недостоверной информации, прежде всего, вызваны замалчиванием информации, влиянием власти на СМИ, а также личной позицией журналистов.

В условиях интенсивного развития ИКТ и формирования массовых политических коммуникаций значение политической культуры общества возрастает. COVID-кризис подтвердил эту тенденцию и доказал, что дистанционная работа и управление становятся образом жизни и востребованной технологией нашего времени. В этой связи представляется возможным сделать вывод, что российский тип политической культуры, берущий своё начало в общинной форме самоорганизации, развитой в ценностях коллективизации и социальной справедливости, прошел проверку на прочность. В структуре и тенденциях проявления актуальной российской политической культуры есть дисфункции и диспропорции, но в целом в острой проблемной ситуации она показала свою социально-политическую эффективность и провела страну по траектории безопасной устойчивой жизнедеятельности.

Библиографический список

1. «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии». URL: <http://kremlin.ru/supplement/5770> (дата обращения 24.02.2022).
2. Подробнее см. Clayton Antony M.H., Radcliffe Nicolas J., Sustainability. A Systems Approach. Earthscan Publications Ltd., London, 1996.
3. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч. Т. 3. С. 4.
4. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч. Т. 20. С. 496.
5. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч. Т. 20. С. 497.
6. Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление. М., Наука, 1991. С. 241.
7. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере. <http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/noos.html> (дата обращения 12.08.2020).
8. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере. <http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/noos.html> (дата обращения 12.08.2020).
9. Подробнее см. Яншина Ф.Т. Эволюция взглядов В.И. Вернадского на биосферу и развитие учения о ноосфере. М.: Наука, 1996. С. 210.
10. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 511.
11. Вернадский В.И. Размышления натуралиста. Книга вторая. М., Наука, 1977. С. 38.

12. Вернадский В.И. Размышления натуралиста. Книга вторая. М., Наука, 1977. С. 27.
13. См. Яншина Ф.Т. Эволюция взглядов В.И. Вернадского на биосферу и развитие учения о ноосфере. М.: Наука, 1996. С. 210.
14. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном - М.: АСТ, 2018. <https://online-knigi.com/page/49366> (дата обращения 12.08.2020).
15. Timotheus Vermeulen & Robin van den Akker (2010) Notes on metamodernism, *Journal of Aesthetics & Culture*, 2:1, DOI: 10.3402/jac.v2i0.5677. <http://www.emerymartin.net/FE503/Week10/Notes%20on%20Metamodernism.pdf> (дата обращения 12.08.2020).
16. Кун Т. Структура научных революций. Перевод с английского. Прогресс, М., 1977. С. 11.
17. Вернадский В.И. Проблема времени в современной науке // Известия АН СССР. 7 сер. ОМОН. 1932 г., № 4. С. 541.
18. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 1. С. 165.
19. См. Данилов Ю.А., Кадомцев Б.Б. Что такое синергетика // Нелинейные волны. Самоорганизация –М., Наука. 1983.
20. Чернавский Д.С. О методологических аспектах синергетики в книге «Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве» -М.: Прогресс – Традиция. 2002. С. 55, 66.
21. См. подробнее: Новая парадигма развития России (Комплексные исследования проблемы устойчивого развития). Под редакцией В.А. Коптюга, В.М. Матросова, В.К. Левашова. М.: Издательство «Академия», Издательство МГУК, 1999. С. 18-28, 344-353; сборник докладов и выступлений на международном симпозиуме экологического фонда им. В.И. Вернадского «Стратегия развития России в третьем тысячелетии», Изд. дом «Ноосфера», 1998. С. 81-97.
22. Печчеи А. Человеческие качества. Прогресс, Москва, 1980. С. 91-92.
23. Печчеи А. Человеческие качества. Прогресс, Москва, 1980. С. 95.
24. Содержание Декларации и Программы действий Всемирной встречи на высшем уровне в интересах социального развития излагаются на основе рабочих документов конференции: A/conf. T66/L3/Add 3. 10 March 1995.
25. Энциклопедия систем жизнеобеспечения: знания об устойчивом развитии: [в 3 т.] / [ред. С. Б. Созинов ; пер. : М. О. Еклашова и др.]. - М. : МАГИСТР-ПРЕСС [и др.] Т. 1. - 2005. - ISBN 5-89317-203-5. Т. 2. - ЮНЕСКО, 2005. - ISBN 5-89317-202-7. Т.3. - 2005. ISBN 5-89317-205-1. http://greenplanet.eolss.net/EolssLogn/browsedt_form.aspx (дата обращения 12.08.2020).
26. Здесь и далее приводятся данные социологических исследований, проведенных в рамках всероссийского социологического мониторинга «Как живёшь, Россия?». Подробнее см. Левашов, В. К. Политическая культура российского общества (Опыт социологического исследования) : монография / В.К. Левашов. – М.: ФНИСЦ РАН, 2020. – 307 с.

Левашов Виктор Константинович – доктор социологических наук, директор Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, levachov@mail.ru

Levashov Victor Konstantinovich – Doctor of Sociology, Director of the Institute for Socio-Political Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, levachov@mail.ru

Р.Б. Шайхисламов
R.B. Shaikhislamov

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК СОЦИАЛЬНОЕ СОТВОРЧЕСТВО

INTERCULTURAL DIALOGUE AS SOCIAL CO-CREATION

Аннотация: В предлагаемой читателю главе автор рассматривает сущность и уровни диалога путем сравнительного анализа различных форм социальных коммуникаций. Уточняется понимание межкультурного диалога как процесса сотворчества новых идей, смыслов, значений представителями различных культур. Анализируются возможности различных форм социальной коммуникации в однообразных, разнообразных и многообразных в этническом, языковом, конфессиональном и т.д. плане. Утверждается, что полноценный межкультурный диалог возможен в многообразных социальных пространствах. Основное внимание уделяется аргументации тезиса о том, что общественный диалог, в том числе межкультурный, является механизмом формирования новых социальных общностей на основе сотворчества образа (идей, мечты, целей) будущего страны, региона, конкретного города, села.

Abstract: In this chapter, the author examines the essence and levels of dialogue through a comparative analysis of various forms of social communications. The understanding of intercultural dialogue as a process of co-creation of new ideas, meanings, meanings by representatives of different cultures is clarified. The possibilities of various forms of social communication in monotonous, diverse and diverse in ethnic, linguistic, confessional, etc. are analyzed. plan. It is argued that a full-fledged intercultural dialogue is possible in diverse social spaces. The main attention is paid to the argumentation of the thesis that public dialogue, including intercultural dialogue, is a mechanism for the formation of new social communities based on the co-creation of the image (ideas, dreams, goals) of the future of the country, region, particular city, village.

Ключевые слова: Диалог, межкультурный диалог, социальная интеграция, социальное творчество, многообразие, образ будущего.

Key words: Dialogue, intercultural dialogue, social integration, social creativity, diversity, image of the future.

Понятия «диалог культур», «межкультурный диалог» содержат двоякий смысл. С одной стороны, культура сама по себе, вне личности и социума, является не субъектом, а сложившейся в определенной социальной среде программой коммуникации. Коммуникативные действия осуществляют конкретные индивиды, но – в рамках культуры и социума. В этом плане диалог культур следует понимать как коммуникативные взаимодействия и коммуникативные взаимосвязи представителей разных (этнических, конфессиональных, профессиональных, региональных, поселенческих и иных) культур. При этом участники коммуникации представляют не только определенные культуры, но и самих себя как индивидов. Они обсуждают различные события, процессы, проблемы, исходя не только из общепринятых, но и собственных идеалов, принципов, убеждений, правил, не во всем и не всегда полностью совпадающих с культурой тех социумов, представителями которых они являются. Но большей частью в процессе обсуждения событий, процессов, проблем в той или иной степени индивиды действуют в рамках культуры тех общностей, которые представляют.

С другой стороны, обсуждение тех или иных тем между представителями разных культур неизбежно приобретает обмен смыслами, значениями, нормами, укоренившимися в этих культурах. Обмен смыслами, значениями осуществляется в границах принятых «по умолчанию» или конвенционально обозначенных правил. В этом смысле межэтническая, межконфессиональная, межкультурная коммуникация есть и (меж)культурная коммуникация.

Диалог культур – это разновидность коммуникации между представителями разных культур. Но слово «разные» лишь указывает на неодинаковость как социальной, так и культурной принадлежности участников коммуникации. Каждая сторона относится к другой стороне коммуникации как к инаковости. Различие между участниками коммуникации может обозначаться различными словами – «разнообразие», «многообразие», «неодинаковые», «всевозможные» и т.п. Между тем эти слова имеют в себе различный смысл и обозначают различные формы взаимодействия культур.

В условиях принципиального совпадения базовых смыслов, значений, знаний, что наблюдается в условиях культурного однообразия, коммуникация может быть фатической (коммуникацией ради коммуникации, ради подтверждения и сохранения культурных стандартов). Диалог в рамках культурного однообразия в социуме, понимается, всегда происходит, но он возможен, если обнаруживается в этом однообразии новое, нетрадиционное, необычное. Понимая «совершенный» диалог как равноправную, симметричную коммуникацию, как сотворчество его участниками новых смыслов, значений, знаний, считаем, что он возможен преимущественно в условиях социокультурного многообразия. Диалог затруднен в условиях социокультурного однообразия, так как несходные, разнообразные смыслы, значения, знания у субъектов коммуникации делают невозможным смысловое взаимопроникновение и сотворчество. Используя терминологию Н.Лумана,

диалог как форма коммуникации существует как «различение различий». В условиях социокультурного однокаганобразия и социокультурного разнообразия наблюдается, как правило, разрыв между различением различий.

В современной, особенно зарубежной, литературе встречаются различные понятия для обозначений моделей этнического развития современных обществ – мультикультурализм, бикультурализм, интеркультурализм, транснационализм, путь культурного развития [11]. Терминологическая сложность, нацеленная на объяснение реалий нового века и поиск моделей оптимального развития становящейся новой этнокультурной сложности западных стран, обусловлена неопределенностью контуров и страновыми различиями этой сложности. Что касается состояния и тенденций этнокультурного развития нашей страны, то, как мы полагаем, более адекватным термином является «многообразие», наиболее близкое по смыслу модели интеркультурализма. В то же время, европейский вариант интеркультурализма, как отмечают А.И. Куропятник и М.С. Куропятник, сегодня выступает как модель интеграции в контекстах разнообразия, способ осмысления глобализированной реальности и интеркультурный диалог («позитивное взаимодействие» [14].

Различие между различными моделями Э.А. Паин и С.Ю. Федюнин видят в том, что «если для мультикультурализма центральным является вопрос поддержки властями культурного разнообразия в публичном пространстве, то в центре внимания интеркультурализма – идея и практика межкультурного диалога и взаимодействия. Иными словами, базовая посылка интеркультурализма заключается скорее в поиске контактов и объединяющих элементов между культурными сообществами, нежели в защите или поощрении их обособленности» [17, с.117].

В научной литературе используется также термин «этнокультурное разнообразие» (и даже – для характеристики европейских стран, переживающих интенсивный миграционный приток – «суперразнообразие»). В условиях нового «суперразнообразия» основная идея мультикультурализма о «мирном сосуществовании» разнородных этнических групп не только сохраняется, но и дополняется тезисом о необходимости межкультурного диалога [15].

Появление новых терминов может внести еще больше неясности в изучении межкультурного диалога. Дело не в том, какой из них является более точным, «правильным»; этнокультурные процессы по своим характеристикам не могут быть обозначены только одним термином. Нам представляется более адекватным для определения различных типов взаимодействия культур (особенно в рамках российской цивилизации) использование терминов «социокультурное многообразие», «социокультурное разнообразие» и «социокультурное однообразие». Термин «многообразие», в основе которого находится понятие множества (в математике обозначающее совокупность элементов, обладающих общими свойствами, имеющими общую базу), лучше

применять для качественной характеристики различных социумов. Определенное количество этнических групп в конкретном социальном пространстве представляет собой этнокультурное многообразие в том случае, когда они образуют новую культурную социальную надсистему.

Мы исходим из того, термин «социокультурное разнообразие» более точно обозначает совокупность несходных, существенно отличающихся друг от друга, преимущественно закрытых друг для друга культур в одном социальном пространстве. Открытость и закрытость и есть различительные характеристики культурного многообразия и культурного разнообразия. Более подробно на характеристике культурного многообразия, разнообразия и однообразия мы писали в одной из предыдущих работ [20].

Насколько возможен в условиях суперразнообразия межэтнический диалог (который постулируется как часть интеркультурализма)? И насколько применим к российским реалиям такая модель управления культурными различиями, как интеркультурализм? Э.А. Паин и С.Ю.Федюнин отмечают, что «прямое заимствование или копирование зарубежных моделей в российских условиях представляется не только маловероятным, но и едва ли продуктивным: без опоры на собственные локальные предпосылки заимствования редко оказываются успешными», хотя различные элементы опыта других стран могут быть использованы в российских городах [17, С. 122-123].

Если говорить об особенностях этнокультурной, конфессионально-культурной и регионально-культурной картины российского социума, то использование какого-либо одного термина для ее характеристики является недостаточным. В нашей стране есть региональные или субрегиональные пространства с преобладающим социокультурным однообразием, в которых абсолютное большинство населения представлено одним этносом и/или конфессией. Существуют разнообразные в социокультурном плане пространства – с этническими анклавами, с обособленными друг от друга этническими и конфессиональными группами. Имеются и пространства преимущественно в социокультурном отношении многообразные социальные пространства, в которых не только представлено множество культур, но и сложились на уровне организаций, жилых кварталов и домов, городской и сельской среды тесные и повседневные контакты между представителями разных культур. Культурное многообразие формирует общую базу, матрицу смыслов и значений, норм поведения и общения; оно предполагает и наличие языков межэтнического общения, и билингвизм и полилингвизм. Такие социальные пространства сформировались в большинстве регионов Урала и Поволжья, в мегаполисах. Если же говорить в целом о России как едином социокультурном пространстве, то оно характеризуется переплетением культурного многообразия, разнообразия и однообразия. Поэтому какой-либо единой, универсальной модели управления этнокультурными процессами, эффективно работающей в рамках всей страны, не может быть. Все зависит от конкретной этнокультурной картины в конкретном, регионе, субъекте страны и

муниципалитете.

Если речь идет об этнокультурных коммуникациях, в том числе и о межэтническом диалоге, следует отметить, что их субъектами сами по себе этнические группы как одно целое не являются. В межэтнический коммуникативный процесс вовлечены лидеры или авторитетные представители этнических общностей, средства массовой информации, общественные организации, органы власти, представители общественности (те, кто озабочен определенными проблемами и предлагает те или иные их решения). Эти субъекты межэтнической коммуникации могут позиционировать себя как представителей единых интересов и позиций этнической группы. Но интересы и позиции даже в самой консолидированной этнической группе неоднородны. Неизменно проявляются и «спираль молчания», и равнодушие к проблемам этноса у отдельных его представителей.

Межэтническая коммуникация большей частью осуществляется на межличностном уровне, а также на уровне микро-групп. При этом ее предметом не обязательно является этническая тематика. И не всегда в этой коммуникации субъекты позиционируют себя в качестве представителей определенных этносов. Поэтому о межэтническом диалоге нельзя рассуждать отвлеченно от уровней, форм, субъектов и тематики коммуникаций. Сказанное относится и к исследованию межконфессиональной коммуникации.

Проблематика межкультурного диалога – многогранна, неисчерпаема, особенно в современных условиях глобализации, нарастания сложности и неопределенности социальной реальности. Но, тем не менее, анализ межкультурного диалога предполагает выявление его типов, особенностей, отличительных черт.

Несомненный интерес в этом плане представляет типология коммуникаций В.Н. Сагатовского. Он в одной из своих работ выделял следующие уровни коммуникации. Первый – манипулирование; один субъект рассматривает другого как средство или помеху своей деятельности, как объект особого рода. Второй уровень – «рефлексивная игра»; один субъект в проекте своей деятельности учитывает «контрпроект» другого субъекта, но не признает за ним самооценности и стремится к выигрышу, к реализации своего проекта и к блокированию чужого. Третий – «правовое общение»; объекты признают право на существование проектов деятельности друг друга, пытаются согласовать их и вырабатывают обязательные для взаимодействующих сторон нормы такого согласования, вместо выигрыша и власти они стремятся к справедливости, но детерминация этого стремления может оставаться внешней. Пятый – «нравственное общение»; это высший уровень субъект-субъектных отношений, на котором субъекты внутренне принимают общий проект взаимной деятельности как результат добровольного согласования проектов деятельности друг друга; такие отношения являются дискретными и в то же время имеют единую основу (ключевой признак). Этот высший уровень общения и есть диалог. [18, С.84-85]. Заметим, что эти идеи во многом перекликаются с пониманием Ю.Хабермасом коммуникативного действия как взаимного

согласования субъектами проектов деятельности.

В.А.Лекторский рассматривает диалог как высший уровень проявления толерантности. Он различает четыре модели толерантности – безразличие, невозможность взаимопонимания, снисхождение, расширение собственного опыта и критический диалог. Толерантность при первом ее понимании выступает по существу как безразличие к существованию различных взглядов и практик, так как последние рассматриваются в качестве неважных перед лицом основных проблем, с которыми имеет дело общество. Согласно пониманию толерантности как невозможности взаимопонимания религиозные, метафизические взгляды, специфические ценности той или иной культуры не являются чем-то второстепенным для деятельности человека и для развития общества. Толерантность в данном случае выступает как *уважение* к другому, которого я вместе с тем *не могу понимать* и с которым не могу взаимодействовать. В третьем случае толерантность выступает как *снисхождение* к слабости других, сочетающаяся с некоторой долей *презрения* к ним. Толерантность как расширение собственного опыта выступает как *уважение* к чужой позиции, сочетающееся с установкой на взаимное изменение позиций в результате *критического диалога* [16].

М.Д. Валовая и В.С. Комаровский выделяют три модели информационного воздействия на массовое сознание – «классическую» («механистическую», «объектную»), «неклассическую» («релятивистскую», «субъектную») и «постнеклассическую» («субъектную», «синергетическую»). При классической модели аудитория выступает не более чем объект воздействия. Неклассическая модель, суть которой состоит в манипуляции объектом, предполагает дополнение субъект-объектных отношений субъект-субъектными. В основе постнеклассической модели лежат равноправные субъект-субъектные отношения; суть этой модели определяется как диалог [19, с.33-38].

Основанием для типологии уровней коммуникации, в том числе диалога, может быть различие *командного и передающего аспектов в сообщениях*, предложенное в свое время психиатром и антропологом Г.Бейтсоном [4]. На основе такого различия американский психолог и психиатр П.Вацлавик полагает, что коммуникация не только предоставляет информацию (передающий аспект), но и налагает обязательство на поведение (командный аспект). Передающий аспект сообщения предоставляет собой *содержание* сообщения, тогда как командный аспект относится к *взаимоотношению* между коммуникаторами [10, С.47-48].

Соотношение двух аспектов в конкретных сообщениях может варьироваться от полного преобладания одного и нивелирования другого. В одном варианте передающий аспект непосредственно вытекает из командного аспекта и не носит автономного, самостоятельного характера. В другом варианте передающий аспект декларируется как цель коммуникации, хотя интенционально подчинен командному аспекту. Эти два варианта обозначим соответственно как *директивную* и *манипуляционную* коммуникацию.

В директивной коммуникации информация передается в той мере, в какой это необходимо для *открытого* наложения обязательств на поведение другого субъекта. В манипуляционной коммуникации передающий аспект подчинен *скрытому* наложению обязательств на поведение другого субъекта; адресат сам налагает на свое поведение определенные обязательства, в соответствии с интенцией, содержащейся в сообщении коммуникатора.

Командный и передающий аспекты могут быть и *автономными* друг от друга. Эта автономность проявляется в том, что в субъект коммуникации налагает определенное обязательство на *собственное* поведение. Такой способ осуществления коммуникации, который обозначим как *толерантный*.

Особым способом коммуникации является подчинение командного аспекта сообщения передающему аспекту. Целью коммуникации становится при этом не взаимоотношения участников коммуникации, а собственно сама коммуникация – содержание информации, производство информации. Решающее значение приобретает не статус коммуникаторов, не их властные или функциональные полномочия, не характер их взаимоотношений, а обмен знаниями, мнениями, опытом и т.д. По сути, данный способ коммуникации и есть *диалог*.

Таким образом, различные комбинации передающего и командного аспектов определяют четыре основных способа коммуникации – *директивный, манипуляционный, толерантный и диалоговый*.

Более подробная характеристика этих способов может быть представлена при рассмотрении коммуникации как систему *действий, связей и организации*. По субъектам коммуникация представляет сочетание таких типов коммуникативного действия, как *воздействие, противодействие, бездействие и содействие*. Когда мы рассматриваем коммуникацию как форму связанности, взаимообусловленности субъектов, то она является в формах *односторонней, двухсторонней или многосторонней зависимости* субъектов от информационных ресурсов, каналов передачи сообщений, которыми ассиметрично или симметрично располагают участники коммуникации. Когда коммуникацию рассматриваем как организованный в определенных границах процесс, то речь идет о *культуре* коммуникации, о ценностно-нормативных ее границах (дискурсивное, обще-нормативное и обще-смысловое программирование, оформление, согласование коммуникации [22]).

Рассмотрим коммуникативные действия, связи и организации относительно межкультурной коммуникации. Директивный способ представляет собой открытое воздействие и/или противодействие одного субъекта межкультурной коммуникации в отношении другого; одностороннюю, ассиметричную зависимость от информационных и иных коммуникационных ресурсов одной из сторон; жестко нормативную (не предполагающую выход за пределы установленных правил общения) организацию общения. Манипуляционный способ характеризуется, во-первых, скрытой интенцией воздействия и/или противодействия одного субъекта межкультурной коммуникации в отношении другого; во-вторых,

односторонней зависимостью от ресурсов одного из участников коммуникации; в-третьих, двустороннюю, но асимметричную организацию коммуникативного процесса на конвенциональной (согласованной) основе. Толерантный способ представляет собой систему, включающую бездействие (отказ в той или иной степени от воздействия, противодействия и содействия) одной или обеих сторон межкультурной коммуникации; одностороннюю или двустороннюю независимость (суверенность) от коммуникационных ресурсов участников коммуникации; асимметричную (неравноправную) и нормативно-конвенциональную форму организацию коммуникативного процесса. Диалоговый способ основывается на взаимном содействии участников межкультурной коммуникации; двусторонней заинтересованности в коммуникативных ресурсах участников; симметричной и смысловой (творческой) формы организации коммуникативного пространства.

Организация коммуникативного процесса представляет собой, с одной стороны, нормативные и смысловые ограничения коммуникативных действий и связей, с другой стороны, институционально оформившиеся ценностно-нормативные программы коммуникативных процессов. Такие границы и программы представляют собой различные *культуры* социальных коммуникаций.

Культура директивной коммуникации характеризуется признанием субъектами, в том числе межкультурного общения, границ и программы принуждения и односторонней зависимости как нормального и значимого способа общения. При этом и от коммуникатора, и адресата требуется строгое соблюдение норм и ценностей такого общения. В российском обществе культура директивной коммуникации (добровольное признание людьми норм и ценностей принуждающего общения, что только в приказном порядке можно поддерживать в обществе, в организации, в семье порядок) достаточно устойчива и подвержена постоянному репродуцированию; она остается базой для авторитарных тенденций в обществе. Устойчивость такой культуры проявляется в условиях, когда проблемы, в том числе межкультурные, не осознаются обществом, или когда они по тем или иным причинам не подлежат обсуждению. Директивная культура существует в пределах достаточно простых, неизменчивых, закрытых социальных систем. Она способна поддерживать социокультурный порядок при отсутствии выбора и синкретичности мира смысло-значений (замене личностного смысла различными стереотипами, мифами).

Признание различными субъектами межкультурного общения норм и ценностей скрытого воздействия формируется в ситуациях роста осознания и обсуждения социокультурных проблем. Возрастающая роль общественного мнения вызывает желание сформировать или изменить его в соответствии с интересами той или иной социальной группы, страты. Культура манипуляционной коммуникации в российском обществе, являющаяся достаточно устойчивой, проявляется в убежденности многих людей в том, что любая власть всегда обманывает, что говорить правду небезопасно, что лучше

не раскрывать перед другими свои подлинные намерения. Данная культура существует как раздвоенность доверия – доверительность к сообщениям одних субъектов и недоверчивость к сообщениям других. При этом доверительность и недоверчивость основываются не на понимании сообщений, а на авторитете коммуникатора.

Манипуляционная коммуникация в межкультурных отношениях способна на какое-то время поддерживать социальный порядок путем подмены подлинного понимания проблем людей другой культуры их поверхностными представлениями. Возможности манипуляционной культуры достаточно ограничены; они определяются мерой диссонанса между сформировавшимися мнениями и новой информацией. Манипуляция теряет свою эффективность, если обнаруживается, что субъект имеет дело именно с манипуляцией; она становится неэффективной по мере становления автономности личности. Осознание подлинных личных и групповых интересов, в том числе интересов других социальных групп, способность выражать и отстаивать свои и чужие интересы ограничивают возможности культуры манипуляции.

Культура толерантности принципиально отличается от культуры директивной и манипуляционной коммуникации – признанием за каждым субъектом права на существование собственного мнения, интересов, убеждений. Данная культура является метафизической в том смысле, что основана на непризнании норм и ценностей директивной и манипуляционной коммуникации. Признавая право на существование собственного мнения, участники коммуникации не признают за кем-либо права на директивное или манипуляционное воздействие. Отказ от принуждающего (открытого или скрытого) становится активной коммуникативной позицией субъекта. Толерантность в межкультурном общении является преимущественно односторонним (не предполагается обязательное обратное коммуникативное действие), асимметричной (интерпретации коммуникатора более важны, чем интерпретации адресата), неравноправной. Терпимость может быть снисходительной, она распространяется, как правило, на культуры определенных меньшинств. Терпимость может быть и нормативной: главное – соблюдение коммуникативной дистанции, но не межкультурное сближение. Межкультурная толерантность может существовать лишь в тех пределах взаимной толерантности. Быть терпимым к нетерпимости невозможно, поэтому терпимость заканчивается там, где начинается нетерпимость. В этом и состоит предел толерантной коммуникации, за которым находится интолерантная коммуникация.

Нормы и ценности межкультурной толерантности традиционно присущи российской ментальности. Они проявляются и в межэтническом, и в межконфессиональном общении, в общении поколений, в семейном общении. Эта культура является основой для противодействия разжиганиям чувств ненависти, нетерпимости, экстремизма. Но при всей важности и востребованности культуры толерантности, сама по себе она, без диалога, не нацелена на решение проблем общества. Толерантность на любом уровне –

снисхождения, безразличия, уважения к чужой позиции – сама по себе еще не предполагает взаимопонимания, доверия, сотрудничества, хотя и является для этого необходимой предпосылкой. Терпимость как расширение собственного опыта представляет собой, по сути, способом перехода к следующему уровню социокультурной коммуникации – диалогу. Поэтому, в отличие от политики мультикультурализма, признающей культурное разнообразие общества, базой российской цивилизации должна быть в современных условиях культура диалога. Не просто признание невмешательства в другую культуру (что также очень важно и, безусловно, необходимо), а нормы и ценности *взаимопонимания*, на этой основе – взаимного *доверия* и *согласия* между представителями многообразных культур – в этом заключается будущность российской цивилизации. В отличие от иных способов коммуникации, у диалога нет пределов функционирования, поскольку он рассчитан на взаимное содействие, направлен на «расширение горизонта» в мировосприятии друг друга.

Современное общество, в том числе российское, становится в социокультурном плане и более сложным, и более проблематичным. Сложность обусловлена не количеством культур, а уровнем их организованности. Тенденции культурного однообразия и разнообразия общества – показатели его упрощения и «механистичности»; становление культурного многообразия общества свидетельствует о повышении его сложности и «органической» самоорганизации. В то же время возрастающая социокультурная сложность порождает неочевидность будущего общества. Воспроизводство общества в условиях становления его сложности и неочевидности его будущего обуславливает необходимость в межкультурных взаимодействиях, нацеленных на непрерывный поиск решений новых социокультурных проблем.

Поэтому вполне понятен растущий интерес к диалогу как способу понимания и объяснения совершающихся и становящихся социокультурных процессов. Именно в диалоге заложена возможность управления динамическим социальным равновесием, в сотворении, созидании социального порядка посредством решения существующих и возникающих проблем. Изобретение социокультурного мира «впервые» возможно на основе взаимного содействия субъектов, использовании их ресурсов и их равноправного общения.

Интерес к диалоговой коммуникации, возрастающий в последнее время, сопровождается обращением к творчеству Э. Гуссерля, К. Ясперса, М. Бубера, М. Хайдеггера, С.Л. Франка, М.М. Бахтина и других. В XX веке теория диалога неразрывно связана с творчеством немецкого философа М.Бубера (диалогическая онтология человеческого существования изложена им в книге «Я и Ты») [8;9]. М. Бубер исходил из двойственного отношения человека к миру – «я – оно» и «я – ты». «Я – оно» является восприятием окружающего мира как безличных вещей и людей, предназначенных для использования и контроля. «Я – ты» – это восприятие окружающего мира не как объекта, а как субъекта. Понимание диалога как коммуникации «я – ты» легло в основу

исследований многих авторов. В отечественной философии и культурологии идея диалога нашла творческое развитие в работах М.М. Бахтина, который понимал культуру как диалог культур, как форму общения людей разных культур [3]. Идея диалога культур М.М. Бахтина продолжена в работах В.С. Библера, в которых культура рассматривается и как форма общения людей разных культур, и как механизм самодетерминации личности, и как форма обретения, восприятия мира впервые [5; 6; 7].

Диалог как форма социокультурной коммуникации направлен на то, чтобы социальные системы, личность и культура не только «разговаривали» на равных, но стремились постичь смыслы, заложенные в Другой культуре, Другой личности, Другом социуме. Диалог не исключает, а предполагает многообразие мнений, знаний, смыслов и значений. Поэтому в диалоге всегда будут противоречия, недопонимание, несогласия, но главное его отличие – это установка на взаимопонимание, доверие и сотрудничество.

В диалоге существуют различные уровни его зрелости. Зрелость диалога определяется характером интенций коммуникативных действий его субъектов и способом их взаимосвязи.

Первый, самый простой по своему содержанию, уровень диалога отличается установками субъекта рассматривать Другого как субъекта лишь в рамках общности знаний, мнений, ценностей, норм. За пределами эгоцентризма Другой становится *объектом* для назиданий, поучений, наставлений. В учебном процессе такой диалог носит форму «вопрос – ответ». Именно так выглядит сократический диалог: в центре диалога – сам Сократ, а ученики нужны для того, чтобы опровергнуть их знания и мнения, не соответствующие взглядам Сократа. Коммуникация в таком случае оборачивается разновидностью директивной коммуникации в обличье диалога.

Второй уровень диалога характеризуется тем, что субъект рассматривает «Другого» также в качестве объект при этом Другой считал себя субъектом, выражающим собственные, субъектные, но на самом деле мнения и знания первого субъекта. Субъектность Другого признается только в рамках этого тождества. В учебном процессе, в проповедях, политической пропаганде и других видах речевой коммуникации подобный диалог нацелен на то, чтобы другой считал знания и мнения коммуникатора собственными, воспринимая себя не объектом, а субъектом. Коммуникация в подобном случае предстает как манипуляция в обличье диалога.

Третий уровень диалога характеризуется признанием субъектности одной или обеих сторон, не дополняющимся стремлением к поиску общих смыслов, значений, знаний. Признание прав Другого на собственную точку зрения неразрывно от такого же признания прав всех участников коммуникации. На практике это то, что называют обменом мнениями. Подобный диалог не обязывает разделять другие точки зрения, знания, верования, или искать общие точки соприкосновения между ними. Такую коммуникацию можно назвать толерантностью в обличье диалога.

Четвертый уровень диалога характеризуется тем, что субъектность

участников коммуникации является основой для производства *новых смыслов и значений*, которыми не владела до диалога ни одна из сторон. В отличие от предыдущих уровней, целью этого уровня диалога являются не просто обмен знаниями, мнениями, смыслами, а то новое, что может быть извлечено из самой коммуникации. «Новое» означает, что мнения и знания субъектов на этом уровне не сводятся к их сумме (тем более не сводятся к знаниям и мнениям только одной стороны); они образуют нечто большее, обладающее принципиально новыми (эмерджентными, неаддитивными) качествами. Именно в этом смысле диалог в его совершенной, идеальной форме – это не просто встреча разных суждений, это процесс создания нечто *нового*.

Если рассмотрим практику межэтнических, межконфессиональных и иных межкультурных коммуникаций, то в «чистом» виде не найдем ни один из перечисленных уровней диалога. Преобладание того или иного уровня межкультурного диалога зависит от того, в какой мере конкретное социальное пространство является культурно многообразным, или, наоборот, культурно разнообразным. Культурная замкнутость этнических, конфессиональных, поселенческих и иных сообществ в лучшем случае обуславливает взаимную толерантность, а в худшем случае – одностороннюю или взаимную, открытую или латентную нетерпимость. Наглядным примером являются конфликты и напряженная ситуация, связанные с этнической и конфессиональной анклавизацией городов, сел, регионов.

Что касается *культурно многообразных* социальных пространств, то межкультурное общение может осуществляться преимущественно в виде толерантности, перерастающей в диалог. В культурно многообразных пространствах доминируют нормы и ценности доверия, понимания и согласия. Принято «правильнее» доверять, чем не доверять; действовать на основе согласия, нежели отказа; на основе взаимопонимания, нежели взаимного заблуждения. Культура доверия, понимания и согласия обращает всякую полемику, дискуссию, спор в диалог, а не в разногласие, не в стремление непременно одержать победу. Эта культура коммуникации формирует активную, вырабатывающую собственное мнение общественность, а не всеядную публику.

Межкультурный диалог, как отмечалось выше, отнюдь не предполагает полного взаимопонимания, доверия и согласия (иначе не было бы необходимости в диалоге). Исходным пунктом межкультурного диалога является обнаружение различий, несходства точек зрения. Первый шаг диалога – постановка проблемы – это получение знаний о предмете непонимания, недоверия и несогласия. Второй шаг – поиск общих позиций, определения ситуации, угроз и возможностей. Третий шаг – поиск не просто общих, но новых ответов на проблемы в межкультурных отношениях. Межкультурный диалог обеспечивает достижение взаимопонимания не как финальный результат, а как предпосылку к новому диалогу.

По сути, диалог представляет собой творчество, созидание такого знания или мнения, которого до диалога ни у одного участника еще не было. По-

другому, диалог – это продуктивная форма общения. Здесь уместно будет обратиться к воззрениям Э. Фромма о продуктивной (плодотворной) ориентации и Ю. Хабермаса о коммуникативном действии, отличном от стратегического, нормативного и драматургического действий.

Продуктивность диалога проявляется в разных ракурсах – в научных открытиях, художественных достижениях, нравственных творениях. Диалог является коммуникативным механизмом развития не только духовной, но и экономической и политической культуры общества. В рамках социологического анализа важно отметить такой аспект продуктивности диалога, как социально-созидательный. На основе взаимопроникновения и взаимообогащения этнических, конфессиональных, региональных, поселенческих, профессиональных и иных культур формируется новое, общее культурное пространство. Культура является ядром общества, общностей людей, тем, на чем держится социальный порядок и менталитет. Новое же культурное пространство становится базой новых социальных общностей. М.С. Каган понимал диалог не только как соприкосновение мыслей, идей, мнений и знаний, не только как беседу равных в рамках целого. Он, усматривая в диалоге сущностную характеристику общения, отмечал его следующую черту: «В процессе и в результате общения происходит отнюдь не обмен идеями или вещами, а *превращение состояния каждого партнера в их общее достояние*. Общение порождает общность, а обмен сохраняет обособленность его участников» [13, С.150].

Любая общность людей базируется на общности культуры. Становление новых социальных общностей и основывается, и сопровождается формированием новой культуры. Диалог на основе взаимопроникновения культур превращает совокупности людей, совокупности различных социальных групп в их общности. Он, создавая новые общности (назовем их как интеркультурные), отнюдь не уничтожает «старые». Более того, в результате межкультурного диалога происходит развитие этнических, конфессиональных, региональных, поколенческих и иных культур. Изоляционизм, обособленность культур в условиях культурного разнообразия или однообразия неизбежно ведет к их архаизации и деградации. Межкультурный диалог же, как не только открытие иной культуры, но и как создание новой культуры, предполагает не только и не столько сохранение, сколько развитие языков, традиций, искусств разных народов и цивилизаций. Межкультурный диалог есть путь не к упрощению, унификации, универсализации (в том числе глобализации) культур, а к становлению их сложности, многообразности, уникальности. Именно сложность, многообразность, уникальность культур является ресурсом развития и мирового сообщества, и общества, и различных социальных общностей.

В основе формирования новых социальных общностей также находится осознание различными социальными группами общности проблем и общего понимания путей их решения. Господство представлений о том, что та или иная социальная проблема имеет отношение только к собственной группе, или

только к другой группе, - это признак социокультурного разнообразия и разобщенности.

В опросе 2021 года¹ нами поставлена задача определения ресурсов для диалога по проблемам этносов. Один из вопросов был сформулирован следующим образом: «*Каких национальностей касаются, на Ваш взгляд, перечисленные проблемы?*». Молодым респондентам предложено определить свои представления о том, людям каких национальностей относятся такие социальные проблемы, как бедность, состояние здоровья, сокращение численности населения, уровень и качество образования, безработица, угроза исчезновения языка народа. В качестве вариантов ответов были предложены формулировки «они касаются людей только моей национальности», «они касаются людей некоторых других национальностей» (представления о этнической обособленности проблем), «они касаются людей и моей, и других национальностей» (представление об надэтнической общности проблем). В таблице приведены данные опроса по 8 регионам страны, различающимся по своему этническому составу (в %; в таблице не указана доля респондентов, затруднившихся ответить).

Таблица 1

Представления молодежи об общности и обособленности проблем этносов

Проблемы...	<i>угрозы исчезновения языка народа</i>	<i>сокращен ия населения</i>	<i>беднос ти</i>	<i>состоян ия здоровья</i>	<i>уровня и качества образования</i>	<i>безрабо тицы</i>
«Они касаются людей только моей национальности»						
Республика Башкортостан	18	13,2	15,6	13,8	14,9	14,7
Республика Татарстан	7,7	4,4	6,8	3,9	6,0	5,4
Белгородская область	17,2	11,4	13,4	11,6	13,4	12
Алтайский край	5,4	5,5	6,3	5,3	7,4	8,4
Республика Алтай	5,4	3,4	2,9	2,9	4,6	4,3
Тюменская область*	9,9	9,9	11	9,1	11,7	10,2
ХМАО, ЯНАО**	14,6	14,3	14,5	13	13,3	14,1
Всего по регионам	11,0	9,3	9,6	8,8	10,4	10,2
«Они касаются людей некоторых других национальностей»						
Республика Башкортостан	28,6	27,4	13,2	12,1	14,3	13,8
Республика Татарстан	27,5	20,5	11,7	8,1	12,2	8,8
Белгородская область	36,2	23	12,4	10,8	11,8	11,4
Алтайский край	32,5	19,2	6,8	6,4	7,6	5,2
Республика Алтай	28	19,4	12,3	10,9	12,3	9,4
Тюменская область	32,8	25,3	13,3	14,6	13,4	12,4
ХМАО, ЯНАО	34,8	39	15,9	16,6	18,3	31,3
Всего по регионам	31,3	26,2	18,6	11,6	13,3	14,7
«Они касаются людей и моей, и других национальностей»						

¹ Здесь и далее приводятся данные анкетирования в октябре-ноябре 2021 года респондентов в возрасте 16-30 лет в рамках реализации проекта «Молодежь в межэтнических коммуникациях: интолерантность, толерантность, диалог» Программы фундаментальных и прикладных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности». N=5000. Выборка кватная по регионам, по муниципальным образованиям с последующим случайным отбором. Ошибка выборки – 3%.

Республика Башкортостан	33,7	39,4	54,3	56,0	52,6	54,4
Республика Татарстан	38,5	41,6	57,5	61,9	56,1	60,7
Белгородская область	28,4	49,8	67,8	65,6	63,8	65,6
Алтайский край	29,9	46,0	69,9	69,2	63	66
Республика Алтай	41,7	45,7	66	68	61,7	66,6
Тюменская область	21,9	35,5	53,2	51,8	49,4	54,1
ХМАО, ЯНАО	23	22,9	50,1	48,2	56,3	33
Всего по регионам	30,1	37,7	59,7	58,2	54,3	54,2

*Без автономных округов

**Ханты-Мансийский автономный округ - Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ

Первые две проблемы – угроза исчезновения языка народа и сокращение численности населения – в большей мере этнически фокусированы, нежели проблемы бедности, безработицы, качество и уровень образования, состояние здоровья. Угроза сохранения языка, действительно, неодинакова для разных народов – носителей исчезающих, миноритарных и мажоритарных языков. Однако она реальна в той или иной мере для всех языков, в том числе для русского языка, испытывающего невиданную интервенцию англицизмов, особенно в области терминов информационных технологий, экономики, политики. Но уровень угрозы для сохранения языков и осознание этой угрозы (особенно – в молодежной среде) не всегда релевантны. Более четверти молодых респондентов затруднились ответить на этот вопрос, что является косвенным признаком неполного понимания или осознания данной проблемы.

Меньше всего осознают языковые проблемы молодые респонденты русской идентичности. Более трети из них считает, что угроза исчезновения касается некоторых, но не русского языка. Примерно четверть респондентов признает наличие такой угрозы, относя ее и к русскому, и другим языкам. Лишь каждый десятый молодой респондент русской идентичности видит такую угрозу только для русского языка (см. табл.2).

Таблица 2

Респонденты русской идентичности (16-30 лет) об угрозе исчезновения русского языка (в %)*

Проблема угрозы исчезновения языка народа касается	только русских	некоторых других народов	и русских, и других народов
Республика Башкортостан	15,3 (18)	44,7 (28,6)	17,6 (33,7)
Республика Татарстан	6,9 (7,7)	33,7 (26,3)	30,2 (38,5)
Белгородская область	14,3 (15)	35,8 (34,6)	27,2 (27,4)
Алтайский край	4,7 (4,7)	34,7 (34,1)	28,1 (30)
Республика Алтай	5,8 (5,4)	37,4 (28)	30,1 (41,7)
Тюменская область	9,3 (9,9)	33,8 (32,8)	20,7 (21,9)
Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа	14,2 (14,6)	37,4 (34,8)	19,3 (23)
Всего по регионам	9,7 (11)	35,9 (31,3)	24,6 (30,1)

*В скобках для сравнения указаны доли респондентов всех этнических идентичностей.

Представление респондентов русской идентичности об этнически

обособленном характере угроз для языков («касается языков некоторых других народов») заметно отличаются в зависимости от того, в каком регионе – в этническом плане преимущественно однообразном (с абсолютным большинством русского населения) или многообразном – они проживают. В этнически многообразных регионах (республики Башкортостан, Татарстан, Алтай) молодые респонденты русской идентичности в большей мере видят угрозу исчезновения миноритарных языков в своем этнокультурном окружении.

Общность языковых проблем народов («касается и русского, и других языков») респондентами русской идентичности осознается в разной степени. Если в Татарстане, Белгородской области, Алтайском крае и Республике Алтай примерно по 30 процентов указанной группы респондентов считают такую угрозу общей, то в других доля придерживающихся такой оценки респондентов в других регионах заметно меньше. Такое различие не может быть объяснено таким фактором, как доля русского населения в этих регионах.

Озабоченность сохранением языка («касается только языка моего народа», «касается языка моего и других народов») выражают 41 процент респондентов русской идентичности относительно русского языка, что свидетельствует о необходимости совершенствования языковой политики и в тех регионах, в которых русские составляют абсолютное большинство.

Озабоченность сохранением татарского языка проявляет треть молодых респондентов татарской идентичности. Однако в региональном плане доля таких респондентов существенно расходится. Так, например, в Татарстане и Башкортостане такую озабоченность проявляет вдвое больше, в чем в среднем в обследованных регионах – по 68 процентов молодых татар. Это не случайно, так как в этих республиках татары составляют одну из самых многочисленных этнических групп. В Тюменской области, в которой также компактно или диффузно проживают татары (в том числе сибирские татары), угрозу для сохранения татарского языка видят 31 процент молодых респондентов татарской идентичности – вдвое меньше, чем в Татарстане и Башкортостане.

Реальной угрозой исчезновения своих языков считают 45 процентов представителей коренных народов Крайнего Севера (ханты, манси, коми и другие). Видна нерелевантность реального положения дел с языками коренных народов Крайнего Севера с уровнем их осознания. Так, треть молодых респондентов из числа ханты и манси полагает, что угроза исчезновения касается языков других народов, но не их языков.

В контексте нашей главы нас больше интересует восприятие молодежью разной этнической идентичности проблемы сохранения языков не как этнически обособленной, а общей для разных народов. Именно такое восприятие языковой проблемы является основой межэтнического диалога. Молодые люди, полагающие, что угроза исчезновения языка касается не только своего народа, или, только других народов, но и всех народов, составляют в среднем в обследованных регионах 30 процентов. Общность данной проблемы в большей мере осознает молодежь республик Татарстан и Алтай (38 и 42

процента соответственно), в меньшей степени – Тюменской области и ее автономных округов. В этнокультурном плане в более многообразных регионах, таким образом, молодежь угрозу для языков в большей степени представляет как общую, а не как этнически обособленную проблему.

Другая актуальная проблема для российского общества, имеющая свои этнические особенности, – это сокращение населения. Как известно, сокращение населения происходит естественным (повышение уровня смертности, превышение уровня смертности над уровнем рождаемости) и механическим (убыль населения в результате миграционного оттока) путем. Предметом общей, а не этнически обособленной озабоченности сокращение населения является для респондентов и русской, и других этнических идентичностей. В меньшей степени воспринимается численность населения как проблема в Тюменской области, в том числе в автономных округах. Это связано с тем, что проблема сокращения численности населения в большей мере ассоциируется с коренными малочисленными народами Севера, нежели с другими народами. Как общую проблему, касающуюся всех народов, сокращение численности населения рассматривают в разных регионах от 23 до 50 процентов молодых респондентов.

Проблема бедности еще в большей степени воспринимается молодежью как общая для разных народов (от 50 до 70 процентов в разных регионах). Особо – автономные округа. С одной стороны, в них один из самых высоких показателей доходов населения. С другой стороны, проблема бедности ассоциируется с КМНС.

Проблема безработицы представляется как надэтническая 54 процентам респондентов. Из обследуемых регионов самые низкие показатели безработицы – в Татарстане, ХМАО и ЯНАО, самые высокие показатели – в Республике Алтай; безработица в других регионах находится на уровне общероссийских показателей. Несмотря на заметные межрегиональные различия безработицы, практически во всех указанных нами регионах большинством респондентов эта проблема рассматривается как общая для разных народов. Исключение составляют автономные округа Тюменской области, в которых при высоком уровне трудовой занятости существуют проблемы с занятостью сельского населения и представителей коренных народов Севера.

Что касается таких проблем, как состояние здоровья и образования населения, от 52 до 70 процентов респондентов в разных регионах расценивают их как общие для всех этнических групп.

Приведенный анализ данных опросов среди молодежи восьми субъектов страны позволяет нам прийти к выводу о том, что существует значительный ресурс для межэтнического диалога. Видеть проблемы не только свои, но и другого – это необходимое условие для поиска общих для всех этнических групп путей их решения, для взаимопонимания, доверия сотрудничества. Межэтнический диалог возможен, прежде всего по таким проблемам, как бедность, трудовая занятость, уровень и качество образования, здравоохранение. В меньшей степени, но все-таки такая возможность

существует и в сфере обсуждения языковых и демографических проблем этносов.

Помимо общих социально-экономических, демографических, культурных проблем предметом межэтнического диалога могут и должны стать общие – на всероссийском, региональном, муниципальном уровнях – цели развития. Согласно данным нашего исследования, наиболее привлекательными для молодежи образами будущего России являются «Россия без бедности», «Образованная страна», «Здоровый народ», «Чистая окружающая среда», «Комфортные условия жизни», «Россия без коррупции», «Страна научных открытий». Респондентам также было предложено определить, могут ли выбранные ими цели развития страны (образу будущего) быть общими для разных социальных групп. В качестве таких групп были предложены «богатые / малообеспеченные», «люди разной национальности», «молодые и пожилые», «политики и простые люди».

В целом примерно половина молодых респондентов считает, что выбранные ими идеи, цели, мечты могут быть общими для большинства людей.

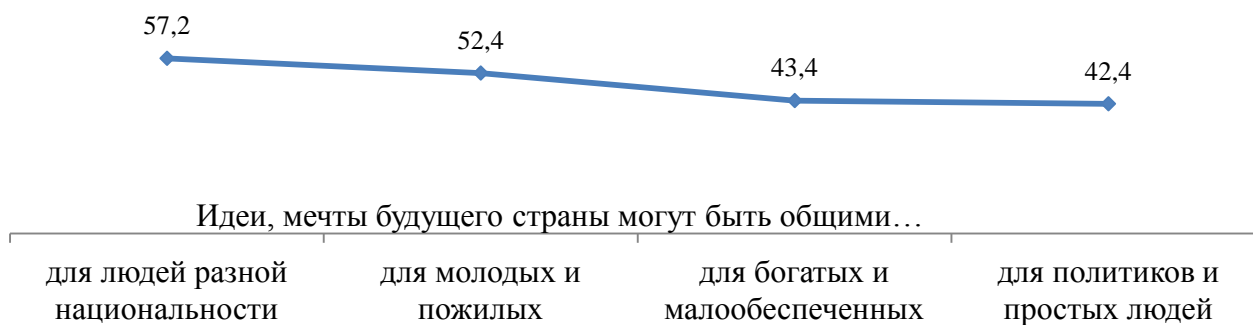

Рисунок 1. Оценка интеграционного потенциала общества «русской мечты»

Представления о том, в какой степени «русская мечта» может стать общим делом россиян, можно оценить двояко (как «стакан наполовину полон» и «стакан наполовину пуст»). В оценках молодых респондентов, объединительной целью идеи о будущей России могут стать не абсолютного, а относительного большинства россиян.

Наибольший интеграционный потенциал молодежь видит в сфере межэтнических отношений. По другим социальным демаркациям интеграционный потенциал идей о будущем России оценивается несколько ниже. При этом отклонение оценок респондентов различной этнической идентичности от средних значений не превышает 5 процентов. Таким образом, в представлениях молодежи этническая принадлежность меньше всего разъединяет россиян, по сравнению с их принадлежностью к разным поколениям, политическим и экономическим стратам. Рассмотрим более подробно оценки респондентов относительно возможности объединения идей о будущем России людей разных этнической идентичности.

Таблица 3

Могут ли быть общими для людей разных национальностей

идеи (мечты) о будущей России (в %)

	Регионы							Всего
	Алтайский край	Белгородская область	Республика Алтай	Республика Башкортостан	Республика Татарстан	Тюменская область (без АО)	ХМАО, ЯНАО	
Могут быть общими для всех людей всех национальностей страны	62,4	65,0	62,3	58,2	53,9	57,7	52,4	57,2
Отдельные, но не все идеи могут быть общими для людей разных национальностей	16,0	19,4	14,9	13,3	12,9	10,3	11,7	13,3
Эти идеи не могут быть общими для людей разной национальности	5,2	5,6	8,9	8,4	4,7	5,8	6,5	6,1
Затруднились ответить	16,4	10,0	14,0	20,1	28,5	26,2	29,5	23,3

Доля тех, кто исключает возможность объединения представителей разных народов во имя реализации идей о будущем страны, не превышает 10 процентов. Обращает на себя внимание доля респондентов, затруднившихся дать свой ответ (от 10 до 30 процентов в разных регионах). Однако в целом во всех регионах более половины респондентов не считает многонациональность страны препятствием для объединения россиян, соответственно, допускает возможность полноценного диалога о будущем страны.

Образ будущего России, который не оформился концептуально на уровне государственной политики и конвенционально на уровне общественного мнения, может и должен стать главной объединительной, движущей силой в стране в условиях новых вызовов. Как считает М. Делягин, сражения ведутся — и страшные жертвы приносятся — только за будущее: за то, что, как и для кого будет завтра. И потому главное оружие — образ будущего². Общественный диалог, в том числе межкультурный, нацеленный на конструирование образа будущего России и обсуждения путей превращения этого образа в реальность, является наиболее актуальной, злободневной задачей.

Главным препятствием является, как мы считаем, незрелость в нашем обществе культуры диалога. Трудности формирования социокультурного единства, общности россиян обусловлены устойчивостью монологической культуры. В сфере управления, особенно — государственного, проявляется тенденция превращения диалога в монолог. Окончательная реализация этой

² <https://svpressa.ru/blogs/article/331092/>

тенденции неоднократно приводила страну к катастрофе [2].

В российской культуре коренится и такая характерная черта, как наделение управления «сверху» большей ценностью, чем самоуправление. В большинстве работ, в которых анализируются пути выхода из кризисных тенденций, содержатся различные рекомендации относительно того, как улучшить управление сверху: какая модель социальной и экономической политики должна быть у государства, какую идеологию власть должна предложить гражданам, как усилить или совершенствовать «вертикаль» власти и т.д. Роль государства, политической элиты, средств массовой коммуникации в преодолении социокультурного кризиса неоспорима. Но реализация различных программ, планов, проектов может быть успешной, если государство и другие социальные институты будут придерживаться режима диалога.

«Вертикальный» диалог, как свидетельствует вся отечественная история, быстро превращается в монолог (зачастую в виде имитации диалога), если отсутствует «горизонтальный» диалог. Формирование общественности, способной организовать диалог в самой себе и стать субъектом диалога с государством, является необходимым условием «вертикального» диалога.

Реформы в постсоветской России, осуществляемые под лозунгами политической и рыночной демократии, либеральных ценностей, привели, вопреки ожиданиям, не к открытости, а закрытости сферы управления на всех уровнях. Это проявляется в том, что и «сверху», и «снизу» зачастую отсутствует стремление к взаимопониманию, доверию, сотрудничеству. Управление в условиях социальной поляризации общества стало амбивалентным, демонстрируя либеральные ценности и реализуя авторитарные методы. Стремление скрыть эту двойственность породило на всех уровнях структур управления инверсию от открытости к закрытости. Закрытость управления становится одним из важнейших факторов, консервирующих кризисное состояние общества, она тем более не способна решать социокультурные проблемы общества.

Таким образом, необходимо отметить, что в настоящий момент в обществе нет полноценного диалога. Вместо него происходит процесс формирования отдельных каналов коммуникации. С одной стороны субъектами такой коммуникации выступают агенты власти (как прежние административно-бюрократические, так и вновь образующиеся), цель которых - расширение внутрикорпоративных возможностей и полномочий, с другой - потребительски настроенное население. Такая коммуникация направлена не на взаимоуважение и совместное развитие, а на прямолинейную прагматизацию отношений, выработку однонаправленных монологических моделей поведения.

Укоренение культуры диалога произойдет не в одночасье, на это потребуется усилия не одного поколения россиян. В то же время задача преодоления разобщенности в современном российском обществе требует создания условий для диалоговой культуры не завтра, а уже сегодня. Любая культура, в том числе и диалоговой коммуникации, складывается как обобщение социального опыта, как сравнение «нового» и «старого», как

определение рациональности, эффективности конкретных форм социальных взаимодействий. В нормах концентрируется тот опыт, который определяется людьми как «правильный», «нормальный», в ценностях – то, что определяется как имеющее важность, резон. Диалоговая культура формируется на основе повседневной равноправной, симметричной коммуникативной практики.

Преодоление в российском обществе разобщенности – между элитой и народом, между поколениями, между этническими, конфессиональными, региональными группами – возможно лишь через укоренение диалоговой культуры. Решение этой задачи является чрезвычайно сложным, требующим культурных инноваций на основе сохранения традиций культуры диалога.

В завершение наших рассуждений отметим, что общественный диалог, в том числе межкультурный, являясь коммуникативным механизмом сотворчества новых идей, решения новых задач, в современных условиях должен быть нацелен на общественное сотворчество не только образа будущего России, но и на основе этого образа (идеи, мечты, целей) – будущего социального устройства страны. На основе диалога формируется общность россиян не только по номинальным (история, территория, символика, гражданство и т.д.), но и реальным признакам – социальной солидарности, содействию общим делам. Именно на основе межкультурного диалога формируются надэтнические общности на уровне города и села, региона, страны в целом, не заменяя и не подменяя сами этнические общности. Более того, общественный диалог является условием и сохранения, и развития этнокультурного многообразия на микро-, мезо- и макро-уровнях социокультурного пространства. То же самое можно утверждать в отношении межконфессионального диалога. Его целью является не унификация верований, а формирование общности представителей различных конфессий, объединенных общими идеями и целями общественного развития, преодолением религиозного фанатизма и экстремизма, нетерпимости по конфессиональному признаку в любых их формах.

Общественный диалог порождает новые, интегральные социальные общности.

Библиографический список

1. Артамонова Ю.Д., Демчук А.Л. «Коннективная идентичность» в современном мире // Вопросы философии. 2020. №4. С. 69-79.
2. Ахиезер А.С. Монологизация и диалогизация управления (Опыт российской истории) // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 24-34.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества – М.: Искусство, 1986. – 258 с.
4. Бейтсон, Г. Экология разума: Избр. ст. по антропологии, психиатрии и эпистемологии / [Пер. с англ. Д.Я. Федотова, М.П. Папуша]. - М.: Смысл, 2000. - 476 с.
5. Библер В.С. Мышление как творчество (введение в логику мысленного

диалога) – М.: Политиздат, 1975. – 400 с.

6. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. - М.: Политиздат, 1991. – 412 с.

7. Библер В.С. Культура: диалог культур // Вопросы философии. 2005. №6. С. 33.

8. Бубер М. Я и Ты [Пер. с нем.] - М.: Высшая школа, 1993. – 173 с.

9. Бубер М. Два образа веры: [Сборник : Пер. с нем.] / Мартин Бубер; [Вступ. ст. Г. С. Померанца]. - М.: Республика, 1995. - 462 с.

10. Вацлавик П. Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, паталогий и парадоксов взаимодействия. /П. Вацлавик, Д. Бивин, Д. Джексон. /пер. с англ. А. Суворовой. – М.: Апрель-Пресс: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 311 с.

11. Волков Ю.Г., Курбатов В.И., Хунагов Р.Д. Интеграция в полиэтническом обществе: пути, современные тренды и проблемные узлы // Социология. 2022. №1. С.373-388.

12. Давыдов А.П. Социокультурный раскол в современной России: в поисках «середины» // Личность. Культура. Общество. 2021. Т. 1-2 (109-110). С.64-75.

13. Каган М.С. Мир общения : Пробл. межсубъект. отношений - М.: Политиздат, 1988. - 315 с.

14. Куропятник А.И., Куропятник М.С. Интеркультурализм: постмультикультурный дискурс социальной интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: социология. 2018. Т.18. №2. С.250-261.

15. Куропятник М.С. Суперразнообразие: конфигурация культурной сложности контекстов современности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: социология. 2020. Т.20. №3. С.461-470.

16. Лекторский В.А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. № 11. 1997. - С. 46-54.

17. Паин Э.А., Федюнин С.Ю. Политика интеркультурализма и возможности ее применения в России // Полис. Политические исследования. 2020. №1. С. 114-134. С.122-123.

18. Сагатовский В.Н. Социальное проектирование (к основам теории). – В кн.: Прикладная этика и управление нравственным воспитанием. Томск. 1980. – С.84-85.

19. Управление общественными отношениями: Учебник / Под ред. В.С. Комаровского. – М.: Изд-во РАГС, 2003. – 399 с.

20. Шайхисламов Р.Б. Этнокультурное многообразие и сложная этнокультурная идентичность молодежи // Этнокультурное многообразие и гражданская и этническая идентичность молодежи в постсоветском пространстве. Уфа, 2021. С.6-29.

21. Шайхисламов Р.Б. Коммуникативное единство социокультурной системы. – М.: Социально-гуманитарные знания, 2006. – 327 с.

Shaikhislamov Rafael Badretdinovich - Doctor of Sociology, Professor of Bashkir State University rafaelbadretdinovich@mail.ru

Троцук И.В.
Trotsuk I.V.

**ТРАКТОВКИ СЧАСТЬЯ И СПРАВЕДЛИВОСТИ –
ОСНОВА ПОКОЛЕНЧЕСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ ИЛИ КОНФЛИКТА?³
INTERPRETATIONS OF HAPPINESS AND JUSTICE –
THE BASIS FOR GENERATIONAL SOLIDARITY OR CONFLICT?**

В последние годы в российском и зарубежном научном дискурсе актуализировались вопросы социального порядка, социального согласия, социальной солидарности, а также их причин и факторов разрушения. Нередко в качестве таковых постулируются принципиальные ценностно-нормативные расхождения групп и сообществ, в том числе поколений, и тогда речь идет либо об относительно нейтральном «конflikте поколений», либо о пугающих формах социальной аномии (в дюркгеймовском смысле, но в мертоновских проявлениях). Автор предлагает отказаться от негативно-оценочных контекстов поколенческого анализа и сосредоточиться на поисках ответа на вопрос, столь ли различны фундаментальные мировоззренческие ценности возрастных групп российского общества. Для этого в начале статьи дается краткая характеристика поколенческого анализа в его междисциплинарной трактовке и социологической специфике. В основной части статьи представлены отдельные тематические блоки двух общероссийских онлайн-опросов, которые позволяют оценить сходства и различия поколенческих трактовок счастья и справедливости. В заключение делаются выводы о том, что эмпирические данные свидетельствуют о наличии в российском обществе ценностных оснований для поколенческой солидарности и диалога.

Поколение; поколенческий анализ; возрастные группы; смысложизненные ценности; счастье; (социальная) справедливость; (социальная) несправедливость; онлайн-опрос

Вопросы обеспечения межкультурного и межрелигиозного диалога неизменно находятся в фокусе внимания руководителей государства и средств массовой информации. Однако вряд ли можно говорить о решении этой группы вопросов, не принимая во внимание фундаментальную для любого общества

³ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект №20-011-00307 «Субъективное и объективное измерения счастья: справедливость как критерий личного и социального благополучия»

The article was prepared with the support of the RFBR. Project No.20-011-00307 “Subjective and objective dimensions of happiness: Justice as a criterion of personal and social well-being”

задачу – достижения межпоколенческого диалога как основы всех прочих форм социального взаимодействия. С одной стороны, смена и конфликт поколений, внутри- и межпоколенческая передача статусных позиций, ценности и жизненный опыт возрастных групп всегда интересовали представителей социальных наук – как в теоретическом аспекте (концептуальные определения, варианты типологизации и т.д.), так и в эмпирическом (оценка механизмов передачи материального и духовного наследия, причины конфликта «отцов и детей», сходства и различия мировоззренческих доминант разных поколений и т.д.). С другой стороны, в научном дискурсе до сих пор сосуществуют разнообразные трактовки поколения и дискутируются многие фундаментальные и прикладные аспекты поколенческого анализа.

Охарактеризуем кратко трудности этого предметного поля. Во-первых, понятие поколения междисциплинарно не в силу своей содержательной фрагментарности или неочевидности, а потому что разные дисциплины акцентируют в нем разные аспекты, исходя из собственных исследовательских задач. Акцент может быть сделан на трактовке поколения как пространственно-хронологической общности (главное – возраст), как идейно-духовной общности (схожее мировоззрение, общие духовно-нравственные идеалы) или как временно господствующей общности (в последних двух случаях поколение обретает символический смысл) [см., напр.: 4; 31; 33]. Во-вторых, отсутствие однозначного и общепринятого определения поколения затрудняет выделение этапов жизненного пути и сопоставление поколений: если мы понимаем поколение в социально-демографическом смысле, то для анализа важнее социально-структурные различия, если в мировоззренчески-символическом смысле, то культурно-символические особенности [см., напр.: 5; 10]. В-третьих, как бы представители социальных наук ни понимали поколение, в эмпирических исследованиях мы вынуждены говорить о поколениях в социально-демографическом ключе, поскольку именно такая трактовка доминирует в обыденном сознании: как правило, люди говорят о «своем поколении», подразумевая в виду сверстников и отличая себя от предшествующих и последующих возрастных групп; людей, живущих с нами в одно время, мы считаем современниками, а не единым гипотетическим поколением, и даже когда характеризуем поколения метафорически, все равно имеем в виду типологические черты возрастных когорт [см., напр.: 3; 8; 9; 13; 23; 24].

В эмпирических исследованиях редко упоминается «поколенческий анализ» – обычно таковой подразумевается при сопоставлении ответов на вопросы нескольких групп с заданными возрастными границами. Если различий ответов по критерию принадлежности к определенному «поколению» в данных не обнаруживается, делается вывод о своего рода «монолитном» общественном мнении; если же значимые расхождения наблюдаются, то предполагается воздействие разных условий социализации и жизнедеятельности, которые обусловили типичные для каждого поколения, но отличающие его от других, потребности, ценностные ориентации и формы

поведения [см., напр.: 2; 10]. Во втором случае социологи стремятся зафиксировать различия в метафорических типологиях, дополняя социально-демографический анализ символической компонентой: «довоенное, молчаливое, поколение протеста, потерянное» [11. С. 38]; «околовоенное, доперестроечное, поколение переходного периода и послеперестроечное» [10. С. 88-89]; «поколение “революционного перелома”, мобилизационной системы, “оттепели”, “перестройки и реформы”» [12; 32] и др.

Снижая активистский пафос (поколение как политический субъект истории) определения, предложенного Х. Ортега-и-Гассетом, следует все же согласиться с тем, что «поколение – это... как бы новое целостное социальное тело... заброшенное на орбиту существования с определенной жизненной траекторией... Его члены приходят в мир с некоторыми типичными чертами, придающими им общую физиономию, отличающую их от предшествующего поколения... Каждое поколение представляет собой некую жизненную высоту, с которой определенным образом воспринимается существование» [20. С.143]. К. Мангейм конкретизировал основные характеристики поколения – определенное положение в обществе (объективный возраст и детерминированный им статус), специфические взаимосвязи и некоторое единство («социальная судьба», мировоззренческая солидарность и т.д.) [см., напр.: 16].

Для отечественной традиции характерно использование понятий «поколенческий кризис/конфликт» при сопоставлении социального статуса и идеологии поколений: например, согласно Ю. Лотману, что XVIII веке поколенческий конфликт был обусловлен столкновением людей с интеграционными и индивидуалистическими ценностями [14. С. 254-255]; была предпринята попытка охарактеризовать поколения по социальному происхождению революционных элит каждого из них [12. С. 255-262]. В советском обществознании поколенческая проблематика исследовалась мало, а в постсоветский период здесь оформилось два направления работы: одни авторы обращались к понятию поколения для изучения воспроизводства социальной структуры (поколения как возрастные когорты) и реконструкции жизненных траекторий разных поколений; другие авторы сосредоточились на молодежи как особой социально-демографической группе и основном агенте социальных изменений, «включая интеллектуальные и организационные альтернативы, которые он противопоставляет существующим мировоззрениям, ценностям и жизненным стилям» [2. С. 170].

Вероятно, второе направление следует признать доминирующим в российской социологии, поскольку она фокусируется на молодежи, часто «забывая» о самой старшей группе населения и игнорируя подростков – «молодежь» в социологических исследованиях, как правило, начинается с 18 лет, реже – со школьников старших классов. Кафедра социологии РУДН вписывается во второе направление, потому что студенты – самый доступный объект исследования, и меняются лишь контексты сопоставления эмпирических данных: мы проводим мониторинговые проекты для сравнения

ценностных ориентаций разных «поколений» российской молодежи или мировоззренческих доминант студентов разных стран. Как правило, тематики социологических опросов студенчества касаются образовательных и профессионально-трудовых ценностей, межличностного взаимодействия (родительская семья, друзья, круг общения, любовь), брачно-семейных и демографических, политических ценностей (участие в выборах, интерес к политике, оценка внешней политики страны, патриотизм, уровень доверия социальным институтам), религиозных верований, критериев жизненного успеха и т.д. В частности, было отмечено прагматичное отношение молодежи к высшему образованию с точки зрения карьерных траекторий и перспектив, опора на семейно-родственный круг, высокий уровень тревожности, который, впрочем, не приводит к пессимизму и безрадостному жизненному настрою и т.д. [см., напр.: 17; 18; 19].

По всем перечисленным и многим другим смысложизненным ценностям могут наблюдаться серьезные поколенческие расхождения, однако они не столь значимы для социальной солидарности, как разное восприятие таких фундаментальных ценностей, как счастье и справедливость. В декабре 2021 года был проведен общероссийский онлайн-опрос по тематике счастья [см. подробнее об эмпирическом изучении понятия в: 1; 6; 7; 34; о проекте в: 26; 28; 29; 30; 36], в апреле 2022 года – по тематике справедливости [см. подробнее о концептуализации понятия в: 15; 21; 22; 25; 27; 35]. Опросы были проведены на онлайн-панели компании «Тибурон»: выборка составила 800 человек и была квотирована по четырем возрастным группам: 14-19 лет (подростки), 20-29 (молодежь), 30-49 (зрелость), 50-69 (старшее поколение). Будучи ограничены размерами публикации, обозначим основные результаты двух опросов в их поколенческом измерении, чтобы охарактеризовать степень поколенческого согласия российского общества в трактовке счастья и справедливости.

В Таблице 1 представлены «расхожие представления о счастье».

Таблица 1

Доли согласных с определениями счастья, в %

Расхожие представления о счастье	Всего	14-19	20-29	30-49	50-69
Умей находить радость в жизни – вот лучший способ привлечь счастье	91	93	93	89	95
Счастье – это когда тебя понимают	82	81	78	87	80
Не гоняйся за счастьем: оно всегда находится в тебе самом	80	78	81	74	77
Счастье – это не цель, а образ жизни	78	76	84	73	80
Исключительное счастье человека – быть при своем любимом деле	77	80	79	74	70
Не существует пути к счастью: счастье – это и есть путь	77	74	73	77	72
Счастье увеличивается от того,	76	72	72	69	77

Расхожие представления о счастье	Всего	14-19	20-29	30-49	50-69
что им делишься с другими					
Большинство людей счастливы настолько, насколько решили быть счастливы	75	76	82	65	67
Счастье – довольствоваться тем, что у тебя уже есть	70	69	66	68	59
Никогда не будет счастлив тот, кого мучает вид большего счастья	70	75	67	72	71
Счастье – рациональный выбор: человек сам решает, быть ему счастливым или несчастным, невзирая на конкретные обстоятельства жизни	67	67	72	60	57
Счастье – состояние души: либо человек чувствует себя счастливым, либо нет, от конкретных событий или людей счастье мало зависит	66	60	60	64	68
Единственная в жизни серьезная неудача – не научиться быть счастливым	64	67	58	59	61
Счастье – просто хорошее настроение: то по поводу, то без, то длительное (на несколько дней, недель или месяцев), то кратковременное	63	59	58	54	62
Счастье – результат тяжелого труда по налаживанию своей жизни	61	65	68	59	49
Счастлив тот человек, чьи радости требуют меньше всего денег	60	58	53	66	60
Счастье – мимолетное ощущение: то возникает, то неожиданно исчезает	60	63	59	57	60
Истинное счастье любит уединение; оно враг шума и роскоши и рождается, главным образом, из любви к себе	56	72	50	48	54
Ум – первое условие для счастья	52	43	45	54	48
В жизни есть лишь одно счастье – любить и быть любимым(ой)	49	47	43	51	50
Человек обязан быть счастливым: если он несчастлив, то сам виноват	43	30	40	52	48
Приносить пользу миру – единственный способ стать счастливым	32	34	29	33	29
Никто не бывает вполне счастлив, если у него нет свидетелей его счастья	23	26	21	19	20
Счастье – миф, чтобы людям было ради чего жить	18	17	11	24	17

Результаты условного ранжирования показывают, что в российском обществе доминирует личностная трактовка счастья, т.е. человек – «творец

своего счастья»: если умеет находить радость в жизни (91%) и людей, которые его понимают (82%), не гоняется за счастьем как чем-то внешним, а ищет его в себе (80%), определяет счастье не как цель, а как образ жизни (78%) – с любимым делом (77%), выбранным жизненным путем (77%) и близкими людьми (76%), поэтому «большинство людей счастливы настолько, насколько решили быть счастливыми» (75%), если довольствуются тем, что у них есть (70%) и не испытывают мучительной зависти к чужому счастью (70)%.

Принципиальных поколенческих различий здесь не прослеживается (колебания значений почти укладываются в пределы статистической погрешности), а если встречаются, то вполне предсказуемы. Признание, что «счастье – это не цель, а образ жизни», более характерно для старшего поколения (84% против 70% у подростков); подростки чаще полагают, что счастливым человека делает любимое дело (80% против 71% в старшей группе), усилия по налаживанию своей жизни (67% против 54%), непоказная любовь к себе (63% и 67% молодых поколений против 46% и 49% в двух старших). Подростки реже считают, что человек сам решает быть счастливым (70%, в группе 20-29-летних – 82%), что «ум – первое условие для счастья» (45% и 47% молодых поколений против 56% и 58% в старших), и, тем более, что человек обязан быть счастливым, и сам виноват, если у него это не получается (29% против каждого второго в группе старше 30 лет). Старшее поколение максимально согласно с двумя суждениями – о счастье как образе жизни, а не цели (84%), и о несовместимости счастья с мучительной завистью (78% против 64% у подростков). В целом до 30 лет люди чаще считают, что быть счастливым – это личное рациональное решение, а после 50 лет – реже согласны с тем, что счастье – довольствоваться тем, что у тебя есть, и результат тяжелого труда по налаживанию жизни, но чаще признают, что человек обязан быть счастлив, и несчастье – его личная вина; подростки чаще полагают, что истинное счастье любит уединение. Иными словами, в российском обществе наблюдается поколенческий консенсус в понимании счастья, поколенческие различия здесь незначительны, не меняют принципиальной иерархической структуры ценностных компонентов счастья и обусловлены очевидными поколенческими особенностями (молодые поколения более идеалистичны и оптимистичны, старшие – более реалистичны, но тоже признают личную ответственность за решение быть или не быть счастливым).

Каждый второй (50%) считает, что определенные люди/события/эмоции делают нас счастливыми, 39% затрудняются ответить однозначно, а каждый десятый (11%, чаще люди старше 30 лет – 14-15% против 8-9%) уверен, что счастье – это «личное решение/мнение/состояние», т.е. человека нельзя сделать счастливым (Рис. 1).

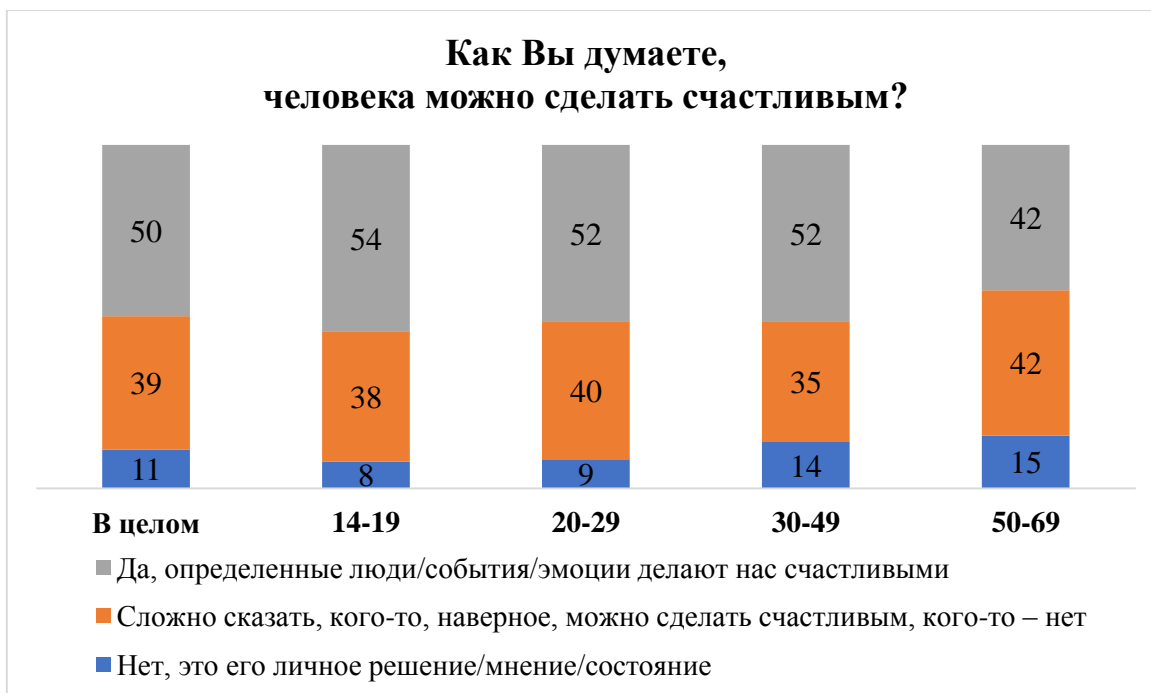

Рис. 1. Представления о возможности сделать человека счастливым, в %

Значимое поколенческое различие прослеживается в том, что в старшей группе снижается доля уверенных в возможности сделать человека счастливым за счет возрастания доли убежденных, что счастье – всегда личное решение. Данное различие – видимо, результат влияния объективного фактора снижения уровня доходов и качества жизни у старших поколений, что превращает ощущение счастья в стесненных жизненных обстоятельствах в личный выбор. С возрастом снижается доля уверенных в том, что счастьем при желании можно одарить другого (с 60% у подростков до 39% в старшей группе), за счет возрастания доли придерживающихся противоположной точки зрения – о невозможности поделиться счастьем (с 9-8% в молодости до 17%-21% после 30 лет) (Рис. 2).

Рис. 2. Представления о возможности поделить счастье, в %

По ответам на вопрос, что в наибольшей степени определяет сегодня чувствует себя человек счастливым или нет, условные факторы счастья можно сгруппировать в несколько блоков (Табл. 2), но наиболее значимые факторы набрали свыше 45%, т.е. их назвал практически каждый второй. Безусловные лидеры – здоровье (76%), семья (72%) и любимый человек (70%); на втором месте – исполнение желаний/мечты (63%), материальное положение (61%), друзья (57%), свободное время/увлечения и профессия/работа (54% и 55%); на третьем – везение/удача (45%), т.е. «персональные» аспекты жизни – личные предпочтения, личное благополучие и ближний социальный круг. Со значительным отставанием следует блок факторов, выбранных почти каждым третьим – насколько справедливо устроено общество (35%), состояние окружающей среды (32%), место жительства (31%) и общая ситуация в стране (28%), т.е. внешние аспекты жизни, на которые человек мало может повлиять. Четвертый условный блок составили факторы, которые были указаны примерно каждым пятым – ситуация в мире и общественное признание, возраст и уровень образования; наименее значимы – исповедуемая религия, дата рождения, пол и политические взгляды.

Таблица 2

«Факторы» счастья, в %

Фактор	В целом	14-19	20-29	30-49	50-69
Здоровье	76	69	79	71	85
Семья (наличие/отсутствие,	72	70	71	72	77

Фактор	В целом	14-19	20-29	30-49	50-69
отношения внутри семьи и т.п.)					
Наличие любимого человека	70	67	72	68	73
Исполнение желаний/мечты	63	70	64	57	60
Материальное положение	61	61	67	60	57
Наличие друзей	57	67	56	51	55
Профессия/работа	55	61	60	53	45
Свободное время и увлечения	54	63	54	49	49
Везение/удача	45	48	43	44	47
Насколько справедливо устроено общество	35	38	32	30	39
Состояние окружающей среды (климат, экология и т.п.)	32	32	36	32	30
Место жительства	31	34	36	30	24
Общая ситуация в стране (экономическая, политическая, социальная и т.п.)	28	20	27	30	36
Общественное признание	22	34	22	16	15
Возраст	20	15	20	20	26
Общая ситуация в мире (экономическая, политическая, социальная и т.п.)	19	17	20	20	20
Уровень образования	17	20	16	15	15
Исповедуемая религия	6	6	6	6	6
Дата рождения (знак зодиака, символ года, фаза луны и т.п.)	5	5	6	4	4
Политические взгляды	4	5	5	4	4
Пол	4	7	4	4	2
Другое	2	2	3	4	1

Поколенческие различия в выборе факторов счастья не имеют принципиального характера и вполне предсказуемы: с возрастом становятся очевиднее (на личном опыте) жизненные ограничения, связанные со здоровьем, поэтому его роль возрастает; подростки отличаются юношеским максимализмом и идеализмом, поэтому чаще отмечают исполнений желаний/мечты, наличие друзей, свободное время и общественное признание; с возрастом снижается важность профессии/работы, места жительства и общественного признания и возрастает значение общей ситуации в стране; справедливость общественного устройства несколько более значима для подростков и старшего поколения (вероятно, потому что эти группы более зависимы от внешней поддержки и обстоятельств, чем самые экономически и социально активные 30-49-летние).

Распределение факторов счастья соответствует иерархии смысложизненных ценностей (Рис. 3).

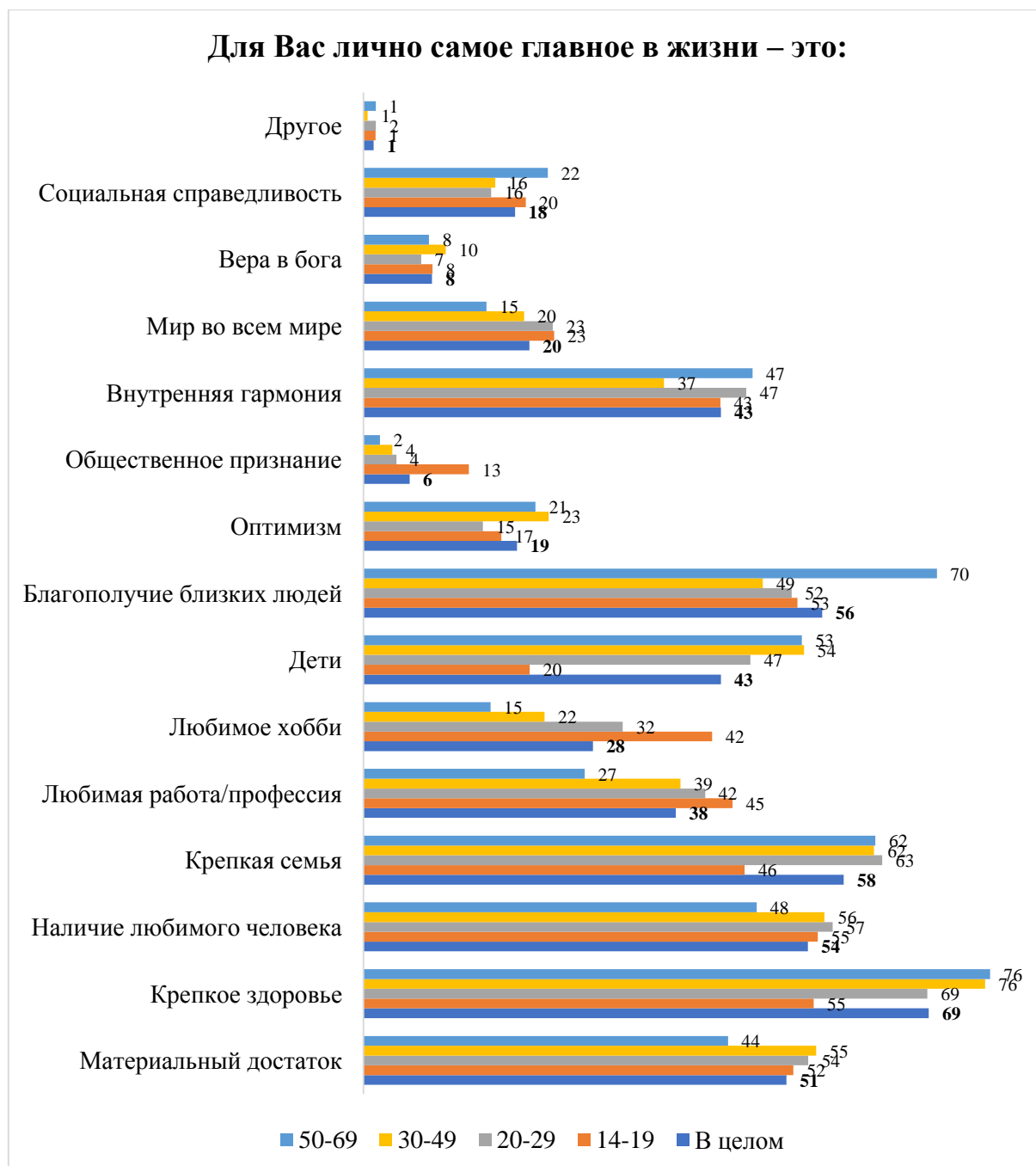

Рис. 3. Иерархия личных ценностей, в %

Безусловный лидер – крепкое здоровье (69%), далее следует крепкая семья (58%) и благополучие близких (56%), наличие любимого человека (54%) и материальный достаток (51%); затем идут дети и внутренняя гармония (по 43%), любимая работа/профессия (38%) и любимое хобби (28%); каждый пятый назвал социальную справедливость (18%), мир во всем мире (20%) и оптимизм (19%); наименее значимы – вера в бога (8%) и общественное признание (6%). Поколенческие различия вновь не носят принципиального характера и предсказуемы: для старшей группы менее значимы материальный достаток и

наличие любимого человека, любимая работа/профессия и хобби, но более важно благополучие близких людей; после 30 лет возрастает значение крепкого здоровья (две три опрошенных против каждого второго подростка); подростки реже отмечают важность крепкой семьи и детей, но чаще – общественного признания, вероятно, потому что пока все перечисленное для них – вещи теоретические, а не практические.

Несмотря на некоторые различия в трактовке счастья и факторов счастья, каждый второй (в большинстве возрастных групп свыше половины опрошенных) может назвать себя счастливым (Рис. 4). Структура распределения самооценок в терминах счастья схожа в возрастных группах и сохраняется, если укрупнить четырехчленную шкалу до дихотомической – считающие себя счастливыми и отказывающиеся определять себя таким образом: во всех поколениях называет себя счастливым человеком абсолютное большинство – показатель достигает пика в группе 20-29-летних, а затем снижается; после тридцати пика достигает доля не согласных называть себя счастливыми (каждый третий).

Рис. 4. Самоопределение в терминах счастья, в %

Объяснить причины поколенческих различий позволяют два уточняющих вопроса – о том, что именно помогает респонденту чувствовать себя счастливым или несчастным (Рис. 5, Табл. 3). Среди факторов личной счастливости лидируют семейное благополучие (56%) и здоровье близких (61%), наличие любимых людей (52%) и радость от самой жизни (56%), на втором месте – наличие хороших друзей (39%), благополучное материальное положение (32%), устраивающая работа/учеба/профессия (29%), радость в

детях/внуках (28%) и занятия творчеством (24%). Практически по всем перечисленным основаниям прослеживаются некоторые поколенческие различия, за исключением хорошего материального положения, семейного благополучия и здоровья (по последним двум показателям из общей картины выбиваются подростки, для которых они пока не актуальны). Для ощущения счастья подросткам значительно важнее, чем для остальных поколений, занятия творчеством, интересная деятельность и хорошие друзья. Любимый человек и в целом любовь более важны для 20-29-летних. Для старшего поколения менее значимы и хорошие друзья, и хорошее материальное положение, и интересная работа – все то, чего по объективным причинам часто лишены самые возрастные россияне, которые чаще остальных поколений «просто радуются, что живут».

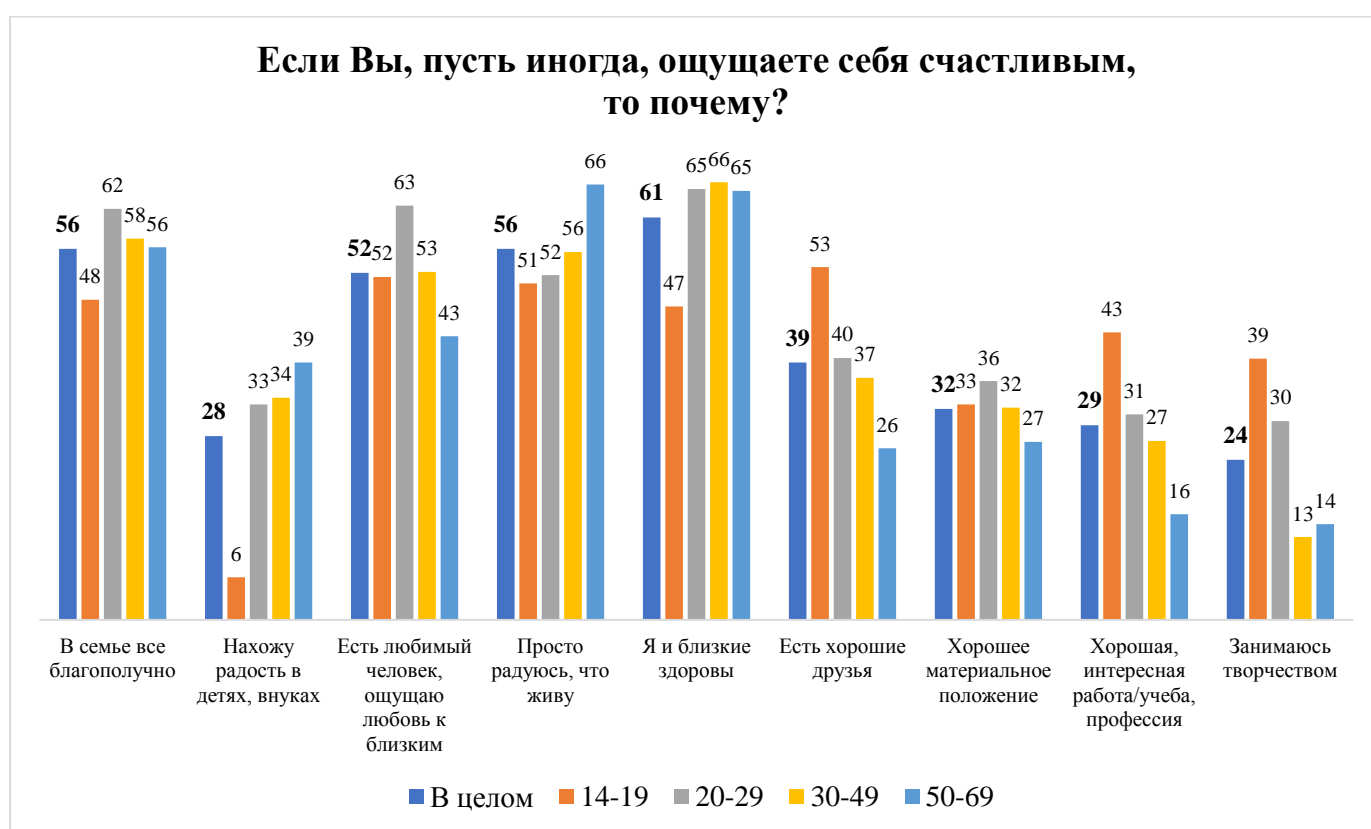

Рис 5. Основания считать себя счастливым, в %

Несчастливыми респондентов делает не только отсутствие факторов счастья, но и другие причины (Табл. 3): прежде всего, нехватка денег (50%) и беспокойство о будущем (47%), болезни и плохое здоровье (43%), лишаящие уверенности в завтрашнем дне (42%), а также накопленная усталость, не дающая радоваться жизни (40%) в сложных жизненных обстоятельствах (37%), одним из которых выступает ощущение несправедливости жизни (37%); каждый третий назвал чувство, что многое не получается, проблемы в семье, тревожную ситуацию в стране и мире, одиночество; каждый четвертый – отсутствие хорошей работы; каждый пятый – хроническое отсутствие времени на отдых.

Поколенческие различия прослеживаются практически по всем факторам несчастливости, за исключением ощущения несправедливости жизни (ее отмечает примерно каждый третий), и по большинству перечисленных факторов наблюдаются изменения с возрастом. Так, чем старше человек, тем меньше его печалит низкий уровень доходов, накопленная усталость, сложные жизненные обстоятельства и личные неудачи, семейные проблемы и хроническое отсутствие времени на отдых, но больше – болезни и плохое здоровье (видимо, следует говорить о минимизации жизненных запросов и пессимистичном фатализме пожилых россиян). Подростки выбиваются из общей картины тем, что чаще переживают за будущее, преувеличивают свою жизненную усталость и сложные обстоятельства, отмечают, что многое у них не получается, они одиноки и страдают от хронического отсутствия времени на отдых (типичная картина противоречивых подростковых стремлений и гиперболизированных самооценок). По ряду факторов несчастливости наблюдается дифференциация ответов по тридцатилетнему рубежу: после него респонденты реже чувствуют себя несчастными, переживая за будущее, отмечая накопленную усталость, проблемы в семье и хроническое отсутствие времени на отдых, но чаще – в силу неуверенности в завтрашнем дне

Таблица 3

Причины ощущать себя несчастным, в %

Варианты ответов	В цело м	14- 19	20- 29	30- 49	50- 69
Не хватает денег, низкий уровень доходов	50	52	56	54	38
Переживаю за будущее	47	58	47	38	44
Болезни, плохое здоровье	43	39	42	44	48
Нет уверенности в завтрашнем дне	42	38	36	44	49
Ничего не радует, накопилась усталость	40	56	45	35	26
Сложные жизненные обстоятельства	37	45	38	36	30
Ощущение несправедливости жизни	37	41	34	32	39
Многое не получается	31	47	30	28	19
Проблемы в семье	31	36	37	29	23
Тревожная ситуация в стране и мире	29	16	33	32	36
Одиночество	29	50	26	23	17
Нет хорошей работы/ не могу найти работу	24	22	27	28	19
Хроническое отсутствие времени на отдых	20	29	27	15	10

Чтобы проверить гипотезу о том, что на прямые личные вопросы россияне склонны давать позитивно-завышенные оценки под давлением

фактора социальной желательности (называют себя счастливыми более двух третей опрошенных), в анкету были включены два проективных вопроса – о соотношении счастливых и несчастных людей в окружении респондента и об изменении этого соотношения за год (Рис. 6-7). Хотя большинство себя лично склонны характеризовать как в целом счастливых людей, в своем окружении они наблюдают скорее баланс счастливых и несчастных людей (каждый второй), чем преобладание счастливых (37%), и с возрастом последний показатель снижается (после тридцати лет – 31%, среди подростков – 46%). Большинство опрошенных не заметили изменения соотношения двух групп в своем окружении за прошедший год, но с возрастом снижается доля отметивших увеличение счастливых.

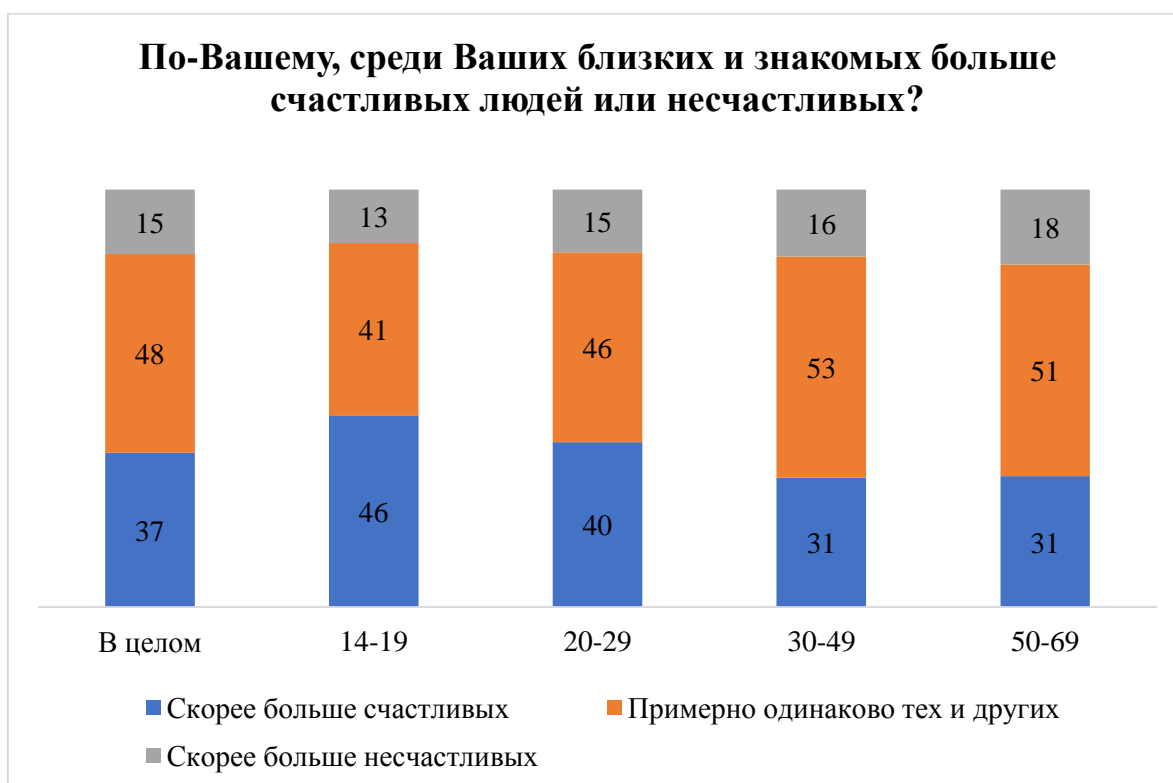

Рис 6. Соотношение счастливых и несчастных людей в окружении, в %

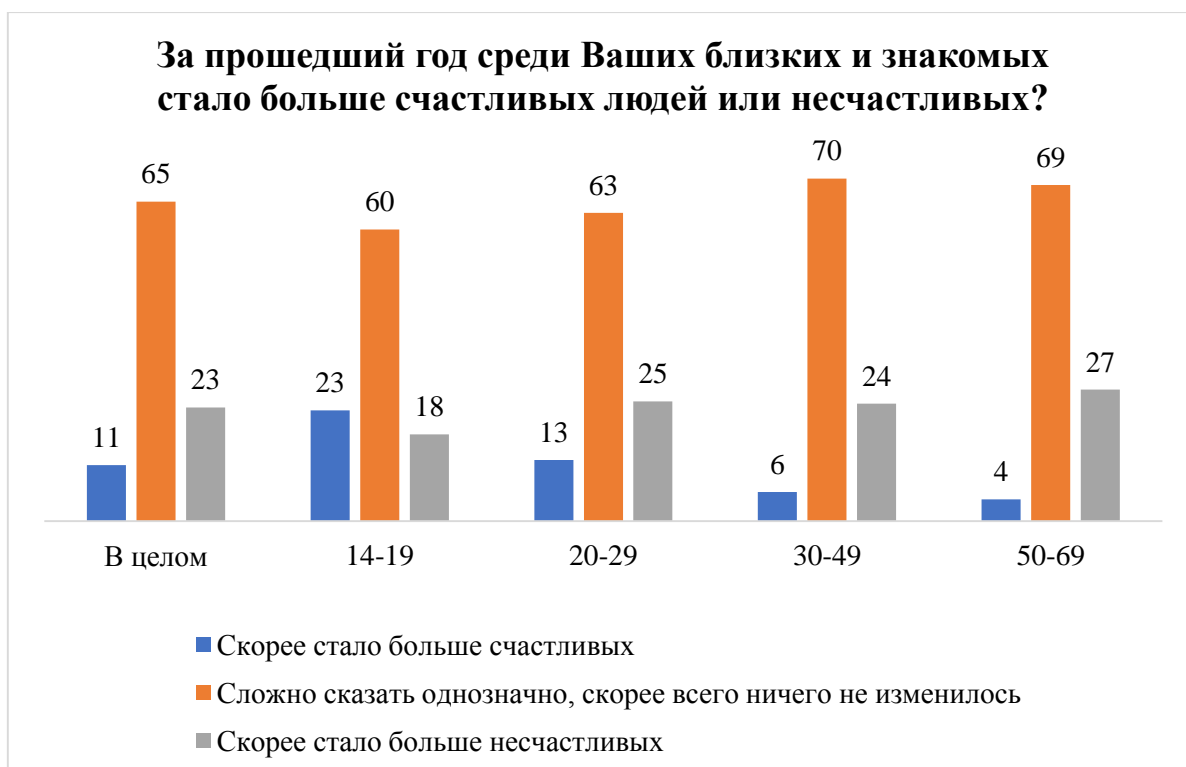

Рис 7. Изменение соотношения счастливых и несчастных людей в окружении, в %

Выше было отмечено, что ощущение несправедливости жизни – единственный фактор несчастливости, практически в равной мере характерный для всех поколений. Соответственно, возникает вопрос: насколько совпадают трактовки справедливости и проявлений несправедливости у разных поколений? По мнению большинства опрошенных (Табл. 4), социальная справедливость носит, в первую очередь, правовой характер – это равенство всех перед законом (71%); свыше половины респондентов, по сути, уточнили эту трактовку – равенство прав и соблюдение законов (по 58%), равенство возможностей и гарантии безопасности (по 56%), соблюдение большинством моральных норм (53%), свобода слова и отсутствие дискриминации (по 50%), социальные гарантии (49%); каждый третий отметил отсутствие социального неравенства и равенство доходов (по 31%). Здесь наблюдаются поколенческие различия (на фоне единодушного понимания социальной справедливости как равенства прав, соблюдения моральных норм и отсутствия дискриминации), но они незначительны и вполне предсказуемы: с возрастом возрастает важность равенства перед законом и его соблюдения, гарантий безопасности и социальных гарантий, и, напротив, снижается важность свободы слова и равенства доходов. По многим показателям водоразделом вновь выступает тридцатилетний рубеж – после него более значимы всеобщее равенство перед законом, его соблюдение и гарантии, но менее важна свобода слова.

Таблица 4

**У каждого человека есть свое понимание социальной справедливости.
А в чем, на Ваш взгляд, состоит социальная справедливость? (в %)**

Определение	В цело м	14- 19	20- 29	30- 49	50- 69
Равенство всех перед законом	71	64	66	75	79
Равенство прав	58	61	60	57	55
Соблюдение законов	58	45	57	65	65
Равенство возможностей	56	57	54	56	57
Гарантии безопасности	56	45	54	62	65
Соблюдение большинством людей моральных норм	53	50	51	52	58
Свобода слова	50	64	55	44	38
Отсутствие дискриминации	50	51	52	51	47
Социальные гарантии	49	34	40	55	68
Низкий уровень/отсутствие социального неравенства	31	26	27	30	40
Равенство доходов	31	35	34	30	24

Оценки жизни в российском обществе в категориях справедливости не показали значимых поколенческих различий: примерно каждый второй полагает, что жизнь иногда справедлива, а иногда нет, от 15% до 19% – что жизнь скорее справедлива (сумма ответов «считаю, что жизнь справедлива» и «считаю, что жизнь по большей части справедлива»), каждый третий – что скорее несправедлива (37% после 50 лет). Чтобы получить не только «качественную», но и «количественную» оценку российского общества по критерию справедливости, в анкету был включен вопрос: «Представьте себе лестницу, где 1 означает несправедливейшую жизнь из возможных, а 10 – самую справедливую. На какой ступеньке между 1 и 10, на Ваш взгляд, сегодня находится российское общество?». Большинство оценок сконцентрировалось в интервале между 3 и 7 (среднее – 5), т.е. респонденты избегали крайне позитивных и негативных оценок, но наиболее показательны именно суммы трех значений на каждом полюсе шкалы: самые высокие оценки (максимально справедливое социальное устройство) дал примерно каждый десятый (12% до 30 лет, 16% – с 30 до 49, 10% – после 50); самые низкие оценки (максимально несправедливая жизнь) – 14% до 30 лет, каждый пятый в группе 30-49-летних (20%), каждый четвертый старше 50 лет (25%). Подобные оценки, видимо, носят характер устойчивых социальных представлений, потому что поколенческие различия в характеристике изменений позиции российского общества на этой лестнице за период пандемии почти не наблюдаются: более половины респондентов не заметили изменений, каждый третий полагает, что ситуация со справедливостью ухудшилась, каждый десятый (но 15% подростков и 5% молодежи) – что, напротив, улучшилась.

Для уточнения критериев высказанных оценок использовался вопрос о том, какие из компонентов социальной справедливости, по мнению респондентов, реализуются в России (в полной мере, отчасти или не реализуются вообще). В Таблице 5 приведены доли выбравших вариант «не реализуются вообще».

Таблица 5

Какие из перечисленных компонентов социальной справедливости, по-Вашему, реализуются в России? Ответ: «не реализуются вообще», в %

Компоненты	В целом	14-19	20-29	30-49	50-69
Равенство доходов	64	51	64	68	72
Низкий уровень/отсутствие социального неравенства	33	27	33	35	39
Равенство всех перед законом	30	16	29	35	42
Равенство возможностей	29	25	30	28	34
Свобода слова	29	26	33	26	28
Равенство прав	26	17	24	30	34
Отсутствие дискриминации	19	22	19	18	19
Соблюдение большинством людей моральных норм	18	16	15	18	22
Гарантии безопасности	17	13	19	18	20
Соблюдение законов	17	9	13	20	25
Социальные гарантии	13	10	13	15	16

Основным нарушением принципа социальной справедливости в стране респонденты считают неравенство доходов; со значительным отставанием за ним идет социальное неравенство – перед законом, прав и возможностей, а также отсутствие свободы слова (от 26% до 33%); завершают список набор проявлений социальной несправедливости (менее 19%) дискриминация, аморальность, высокие социальные риски, несоблюдение законов и социальных гарантий. Если исключить из анализа несколько выбивающихся из общей картины представлений подростков, то в целом с возрастом увеличивается доля отмечающих отсутствие практически всех перечисленных компонентов социальной справедливости (за исключением свободы слова).

Чтобы валидизировать полученные данные, в анкету был включен вопрос о том, какие проявления социальной несправедливости респонденты наблюдают сегодня в России (Рис. 8). В данном случае наибольший интерес также представляет вариант ответа «никогда»: так, от 10% до 18% подростков никогда не наблюдают перечисленные проявления социальной несправедливости. В целом, за исключением этого показателя и повышения доли уверенных в низком качестве российского образования после 30 лет,

наименее наблюдаемые проявления социальной несправедливости – отсутствие гарантий безопасности и нарушение прав и свобод человека.

Рис 8. Никогда не наблюдаемые проявления социальной несправедливости, в %

Впрочем, практически каждый пятый затруднился ответить на вопрос, сталкивался ли он или его близкие в последние несколько лет с социальной несправедливостью к себе лично (Рис. 9).

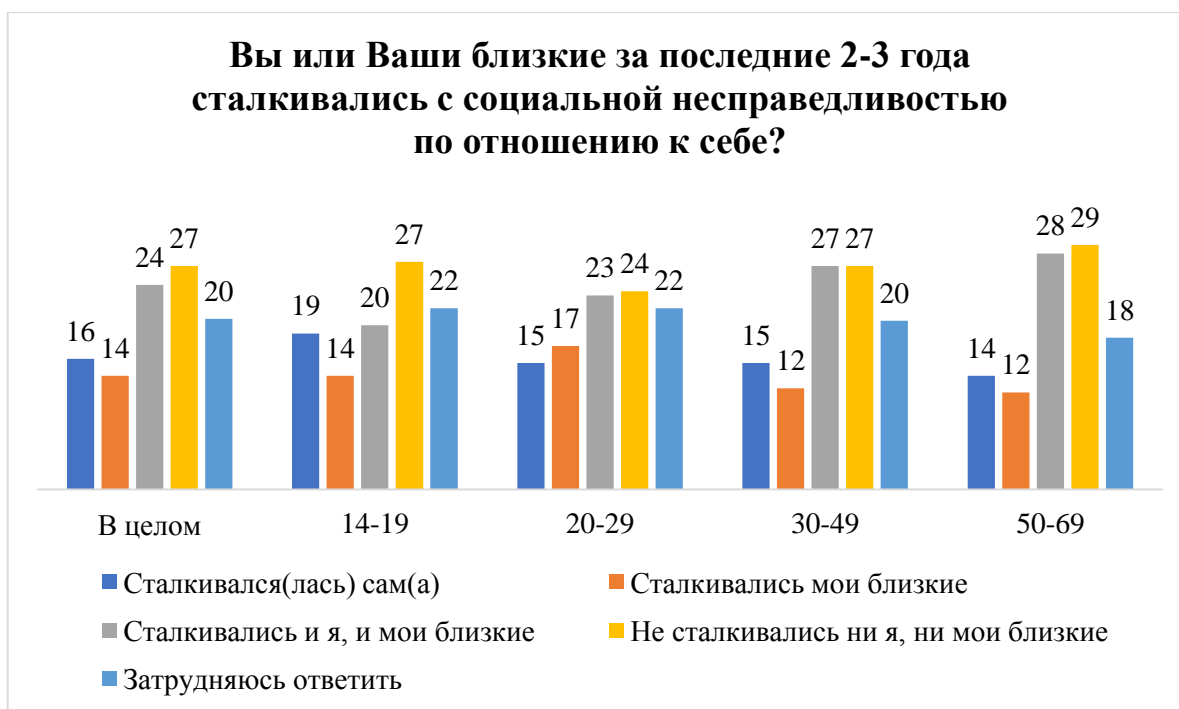

Рис 9. Личный опыт столкновения с социальной несправедливостью, в %

Поколенческие различия по данному вопросу незначительны, если последовательно сопоставлять варианты ответов. Учитывая более значимые расхождения в трактовках справедливости и степени ее проявленности в российском обществе, видимо, рассуждая о социальной (не)справедливости, респонденты скорее воспроизводят устойчивые социальные представления и медийные репрезентации, чем высказывают личное мнение на основе своего жизненного опыта. Это подтверждает и распределение ответов на вопрос, стало ли российское общество за последние 2-3 года менее/более социально справедливым (Рис. 10): после тридцатилетнего рубежа снижается доля затруднившихся ответить, после двадцати лет возрастает доля полагающих, что ничего не изменилось; среди подростков каждый пятый считает, что российское общество стало более справедливым, но чуть менее трети в остальных возрастных группах (с небольшими колебаниями) уверены, что менее справедливым.

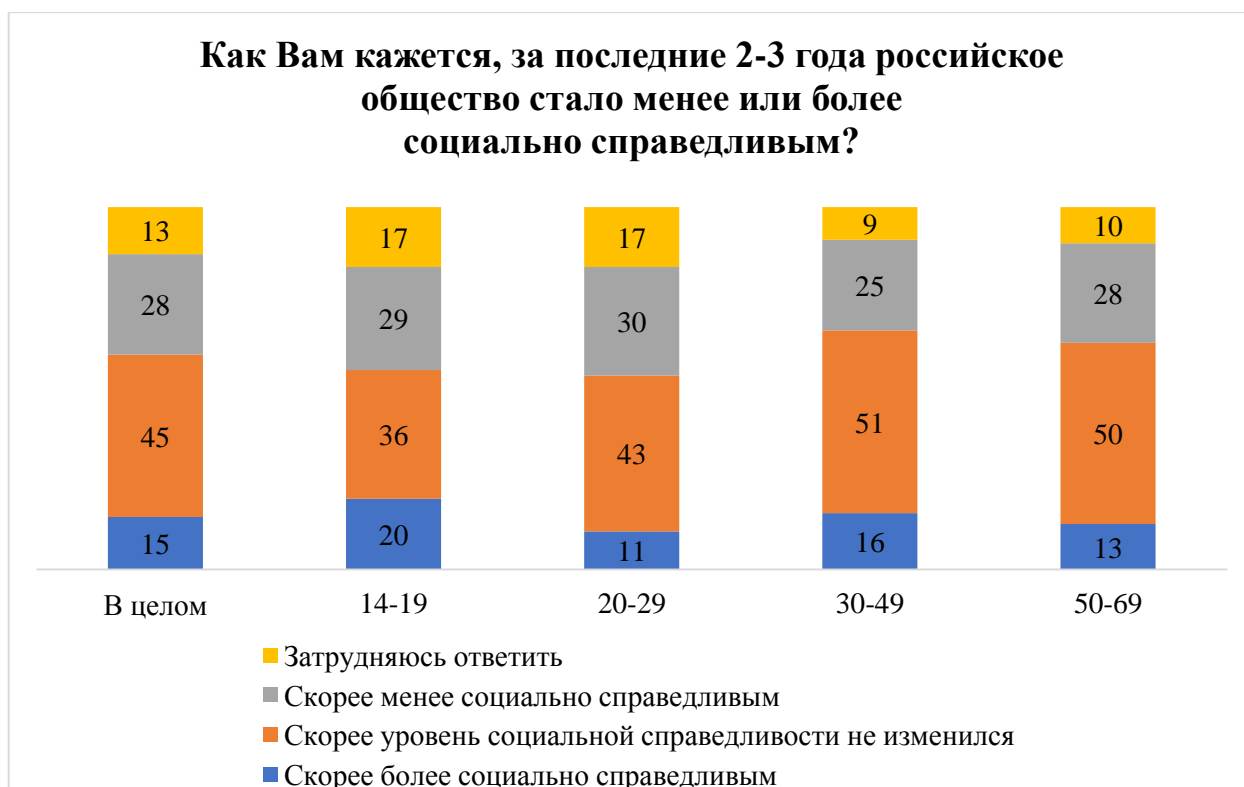

Рис 10. Оценки изменения уровня социальной справедливости, в %

В отличие от счастья, которое большинство опрошенных считает неизмеримым феноменом/абстрактным понятием (наблюдаются существенные колебания ответов до и после тридцатилетнего рубежа), справедливость, напротив, квалифицируется как поддающаяся измерению (свыше 60%), но не в каких-то величинах, а в сопоставлении с прошлым (свыше 52%), и здесь серьезных поколенческих различий не наблюдается (Рис. 11-12).

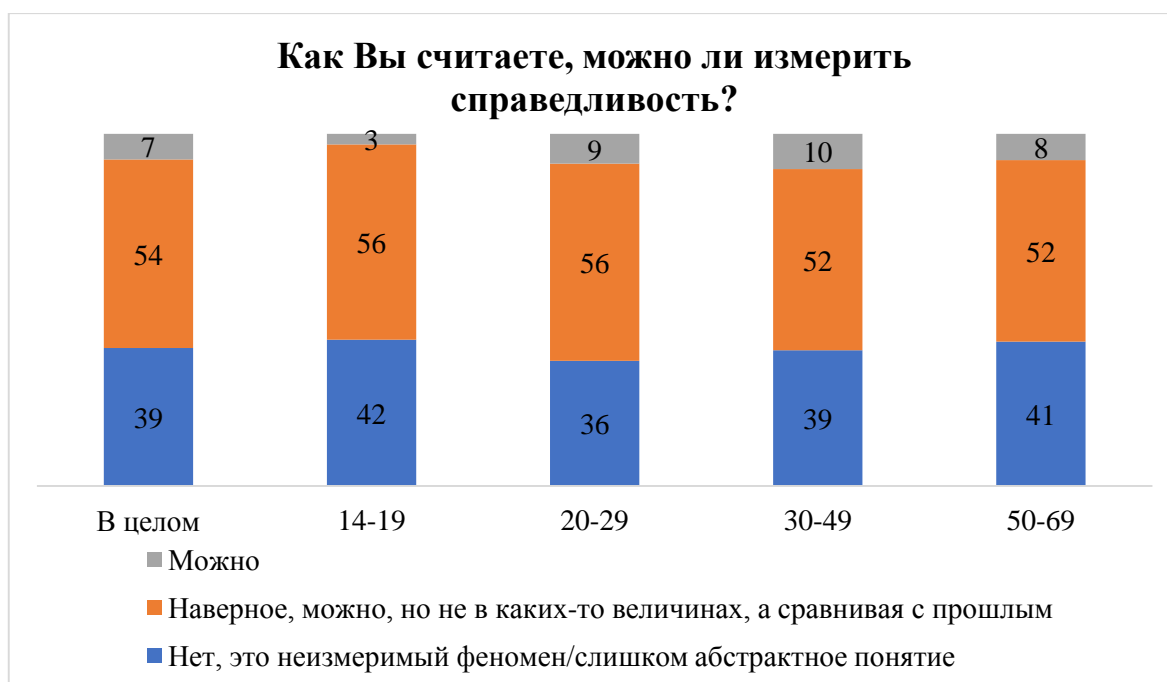

Рис. 11. Оценки измеримости справедливости, в %

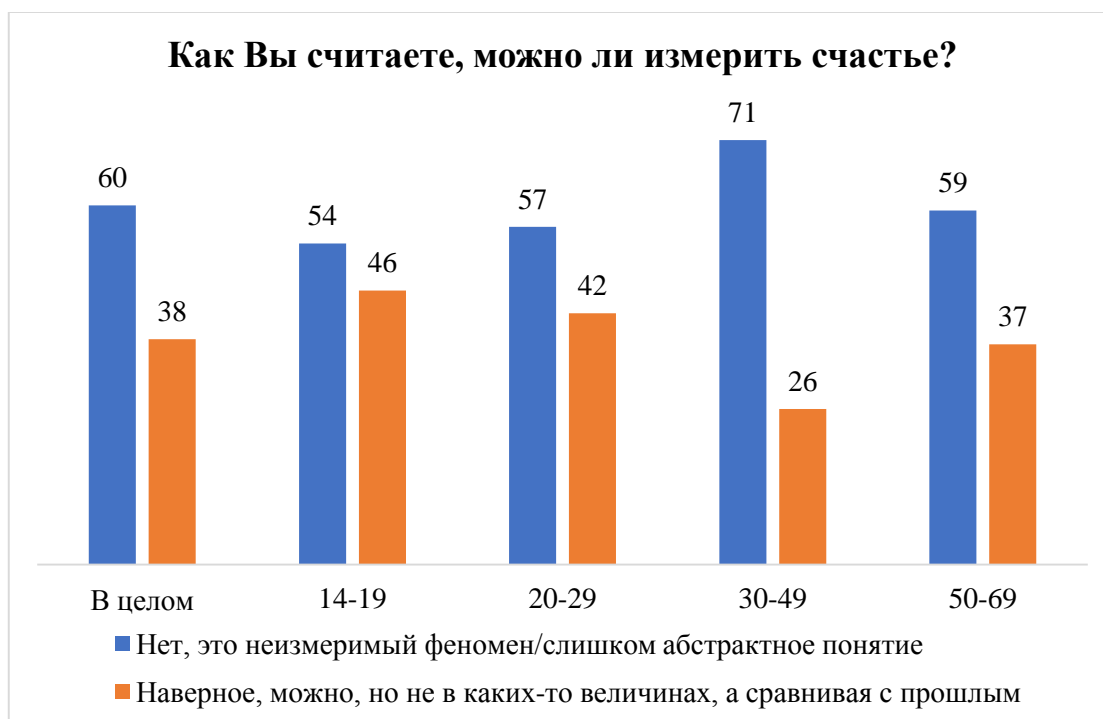

Рис. 12. Оценки измеримости счастья, в %

Таким образом, приведенные фрагменты двух опросов говорят о наличии в российском обществе поколенческого консенсуса в отношении счастья и справедливости – двух фундаментальных ценностных оснований социальной солидарности и социального порядка. У всех поколений доминирует личностная трактовка счастья, т.е., независимо от возраста, россияне считают, что человек сам принимает решение быть счастливым. Поколенческие различия в трактовке счастья и его факторов предсказуемы в том смысле, что детерминированы скорее не мировоззренческими различиями, а объективным снижением качества жизни старших поколений, которым все сложнее находить основания для ощущения себя счастливым во внешних обстоятельствах, поэтому они сосредотачиваются на своем ближнем круге, внутреннем мироощущении и личной ответственности за собственное счастье.

Тем не менее, среди факторов счастья преобладают «внешние» по отношению к личному решению – здоровье, семья, любимый человек, материальное положение, исполнение желаний/мечты, любимая работа/профессия и свободное время, хотя это тоже «персональные» аспекты жизни. Распределение факторов счастья соответствует иерархии смысложизненных ценностей, где безусловные лидеры – крепкое здоровье (свое и близких), надежный ближний круг (семейное благополучие), наличие любимого человека и материальный достаток, т.е. наличие всего перечисленного не может не способствовать ощущению себя счастливым, как бы человек ни трактовал счастье. Поколенческие различия здесь не носят принципиального характера и предсказуемы: с возрастом снижается важность материального достатка, любви и дружбы, работы/профессии и хобби, но возрастает значение благополучия близких и крепкого здоровья. Структура

распределения самооценок в терминах счастья схожа во всех возрастных группах – большинство считает себя счастливыми людьми, но после тридцатилетнего рубежа этот показатель начинает снижаться.

Соответственно, отсутствие того, что делает человека счастливым, квалифицируется респондентами как факторы несчастливости – прежде всего, это низкий уровень дохода, болезни и плохое здоровье, но столь же важны беспокойство о будущем и неуверенность в завтрашнем дне, которые тоже мешают радоваться жизни. За исключением ощущения несправедливости жизни, по всем остальным факторам несчастливости прослеживаются поколенческие различия: с возрастом людей все больше печалит низкий доход, накопленная усталость и болезни, сложные жизненные обстоятельства, личные неудачи и семейные проблемы. Вероятно, объективные ограничения заставляют пожилых россиян минимизировать свои запросы и реалистично-пессимистично описывать свое положение, тогда как подростки высказывают субъективно-гиперболизированные оценки, значительно чаще других поколений отмечая в качестве причин своей несчастливости одиночество и хроническое отсутствие времени на отдых.

Если в понимании счастья россияне тяготеют к «личностным» определениям и внутренним (в пределах близкого социального круга) факторам обретения, то справедливость большинство характеризует как правовую, а не морально-нравственную категорию, хотя каждый второй признает важность соблюдения большинством сограждан моральных норм и отсутствия дискриминации. За исключением поколенческого единодушия в трактовке социальной несправедливости как одного из факторов личной несчастливости, по остальным определениям справедливости наблюдаются небольшие и предсказуемые различия: с возрастом (в целом и после тридцатилетнего рубежа особенно) возрастает важность равенства перед законом и его соблюдения, гарантий безопасности и социальных гарантий, но снижается значение свободы слова и равенства доходов.

Однако при этом не прослеживается серьезных поколенческих различий в оценке жизни в российском обществе – каждый второй затрудняется ее сформулировать, каждый третий говорит о несправедливости. Причина таких оценок – убеждение большинства опрошенных, что для страны характерно неравенство доходов, от четверти до трети называют социальное неравенство (перед законом, прав и возможностей) и отсутствие свободы слова, причем с возрастом растут доли отмечающих отсутствие практически всех компонентов социальной справедливости. При этом практически каждый пятый затруднился ответить на вопрос, сталкивался ли он или его близкие в последние несколько лет с социальной несправедливостью к себе лично, т.е. рассуждая о социальной (не)справедливости, респонденты воспроизводят некие социальные стереотипы, а не опираются на личный жизненный опыт.

Иными словами, в российском обществе наблюдаются основания для поколенческой солидарности – счастье и справедливость все возрастные группы определяют схожим образом, поколенческие различия не носят

принципиального характера, а если и значимы, то применительно к абстрактно-личностному понятию счастья, а не к более важному для поколенческого диалога и солидарности понятию социальной справедливости.

Библиографический список

1. Беляева Л.А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. 2009. №1.
2. Воронков В.М. Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М., 2005.
3. Гаврилюк В.В., Трикоз Н.А. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход) // Социологические исследования. 2002. №1.
4. Глотов М.Б. Поколение как категория социологии // Социологические исследования. 2004. №10.
5. Дубин Б.В. Поколение: смысл и границы понятия // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М., 2005.
6. Карабчук Т.С., Сальникова Д.В. Объективное и субъективное благополучие: опыт сравнительного анализа стран Центральной Азии, России и Беларуси // Социологические исследования. 2016. №5.
7. Климова А.М., Чмель К.Ш. Региональные различия в субъективном благополучии: компенсирует ли социальная политика эффекты неравенства в России? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. №1.
8. Кон И.С. Возрастные категории в науках о человеке и обществе // Социологические исследования. 1978. №3.
9. Кон И.С. Ребенок и общество. М., 2003.
10. Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М., 2005.
11. Леготин Э.В. Межпоколенческая дифференциация среди молодых когорт в условиях преобразования российского общества: Дис. к.с.н. М., 2003.
12. Ленин В.И. Памяти Герцена // Ленин В.И. Полное собрание сочинение. М., 1976. Т.21.
13. Лисовский В.Т. «Отцы» и «дети»: за диалог в отношениях // Социологические исследования. 2002. №7.
14. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб., 2002.
15. Лэйард Р. Счастье. Уроки новой науки. М., 2012.
16. Мангейм К. Проблема поколений // Очерки социологии знания. М., 2000.
17. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии):

сравнительный анализ ценностных ориентаций (часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т.18. №1.

18. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (часть 2) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т.18. №2.

19. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Ценностные ориентации и социальное самочувствие студенчества (результаты исследовательского проекта). М. 2017.

20. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 1997.

21. Проди П. История справедливости: от плюрализма форумов к современному дуализму совести и права. М., 2017.

22. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.

23. Семенова В.В. Жизненный путь и социальное самочувствие в когорте 30-летних: от эйфории к разочарованию // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. №5.

24. Семенова В.В. Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М., 2005.

25. Сен А. Идея справедливости / Под науч. ред. В. Софронова, А. Смирнова. М., 2016.

26. Троцук И.В. Методические и содержательные особенности социологического изучения феномена счастья опросными методами // Социальная политика и социология. 2019. Т.18. №1.

27. Троцук И.В. Справедливость в социологическом дискурсе: семантические, эмпирические, исторические и концептуальные поиски // Социологическое обозрение. 2019. Т.18. №1.

28. Троцук И.В., Гребнева В.Е. Возможности и ограничения основных методических подходов к изучению счастья // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2019. Т.25. №3.

29. Троцук И.В., Королева К.И. Неочевидные ограничения социологической оценки благополучия: результаты методического эксперимента // Социальная политика и социология. 2020. Т.19. №1.

30. Троцук И.В., Королева К.И. Субъективное благополучие – качество жизни или счастье? // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. №9.

31. Шанин Т. История поколений и поколенческая история // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М., 2005.

32. Шанин Т. Революция как момент истины. 1905-1907 – 1918-1922 гг. М., 1997.

33. Шахматова Н.В. Поколенческая организация современного российского общества. Саратов, 2003.

34. Шматова Ю.Е., Морев М.В. Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. №3.

35. Штомпка П. Справедливость // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. №6.

36. Trotsuk I.V. Three approaches to the sociological study of the social well-being // Serbian Sociological Review. 2019. Vol.LIII. No.1.

Сведения об авторе

Троцук Ирина Владимировна - доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов, irina.trotsuk@yandex.ru

Trotsuk Irina Vladimirovna - DSc (Sociology), Professor, Department of Sociology, RUDN University, irina.trotsuk@yandex.ru

Лепшокова З.Х., Лебедева Н.М.
Lepshokova Z.Kh., Lebedeva N.M.

ИНКЛЮЗИВНЫЕ И ЭКСКЛЮЗИВНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ НАРОДОВ РОССИИ: РОЛЬ БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ⁴

INCLUSIVE AND EXCLUSIVE IDENTITIES OF REPRESENTATIVES OF DIFFERENT PEOPLES OF RUSSIA: THE ROLE OF BASIC VALUES

Аннотация: В настоящей главе базовые человеческие ценности рассматриваются как ценностно-мотивационный источник сходств и различий в выраженности гражданской, этнической и религиозной идентичностей с целью поиска и выявления общего ценностного базиса данных идентичностей у представителей разных народов России. Теоретико-методологической базой исследования выступила теория базовых ценностей Ш. Шварца. В результате исследования выяснилось, что ценностным базисом общероссийской гражданской идентичности у россиян, независимо от их этнического происхождения, выступает ценность «Безопасность Общественная», лежащая в основе желания жить в безопасном, стабильном и сильном государстве, готовом защитить человека от любых угроз. Ценностным базисом этнической и религиозной идентичностей у россиян, независимо от их этнического происхождения, выступает ценность «Традиции», реализуемая в мотивации сохранения и поддержания традиций и обычаев своей культуры, религии и семьи. Результаты исследования обсуждаются через призму их практической значимости и применимости для сплочения и единения российского

⁴ Глава подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). The chapter was prepared within the framework of the Basic Research Program at HSE University, RF

многонационального и поликонфессионального общества на основе общих базовых человеческих ценностей.

Abstract: In this chapter, basic human values are considered as a value-motivational source of similarities and differences in the expression of civil, ethnic and religious identities in order to search for and identify a common value basis for these identities among representatives of different peoples of Russia. The theoretical and methodological basis of the study was the theory of basic values by S. Schwartz. As a result of the study, it turned out that the value basis of the all-Russian civic identity among Russians, regardless of their ethnic origin, is the value of "Public Security", which underlies the desire to live in a safe, stable and strong state, ready to protect a person from any threats. The value basis of ethnic and religious identities among Russians, regardless of their ethnic origin, is the value of "Tradition", realized in the motivation to preserve and maintain the traditions and customs of their culture, religion and family. The results of the study are discussed through the prism of their practical significance and applicability for the cohesion and unity of the Russian multinational and multi-confessional society based on common basic human values.

Key words: values, civic identity, ethnic identity, religious identity, inclusive identity, exclusive identity, Russians, Kabardians, Balkars, Russia.

Ключевые слова: ценности, гражданская идентичность, этническая идентичность, религиозная идентичность, инклюзивная идентичность, эксклюзивная идентичность, русские, кабардинцы, балкарцы, Россия.

Страна, народ и единоверцы являются одними из наиболее важных социальных общностей, которые довольно часто люди в поликультурных странах используют для определения своих основных социальных идентичностей. Социальные идентичности оказывают колоссальное влияние на взаимодействие с другими людьми, которое может варьировать от незабвенного самопожертвования в интересах представителей своей группы до поддержки крайних форм насилия в отношении представителей чужих групп [22, 37]. При этом внутри каждой группы существуют значительные индивидуальные различия в степени идентификации людей с этой группой. Например, некоторые люди рассматривают свою гражданскую идентичность как ключевой аспект своей личности, другие же придают ей лишь ограниченное значение [4]. Эти различия имеют важные последствия. Так индивидуальные различия в степени выраженности гражданской идентичности связаны со степенью политического участия [30], индивидуальные различия в степени выраженности этнической идентичности связаны с предпочтением различных межкультурных установок в процессе межкультурного взаимодействия [3; 7; 9], тогда как индивидуальные различия в степени выраженности религиозной идентичности связаны с выраженностью различных экономических установок [24].

Несмотря на столь важную роль социальных идентичностей в социальной, политической и экономической жизни людей, существует относительно мало исследований, посвященных пониманию источника сходств

и различий в выраженности данных социальных идентичностей. Исследования по этой теме, посвящены преимущественно источникам идентификации с нацией, например, таким как, правый авторитаризм [19; 20], ориентация на социальное доминирование [17; 33], общие ценности [29] и индивидуальные ценности [34].

Исследование С. Роккас с коллегами [34] представляется одним из самых любопытных в этой плеяде, поскольку направлено на изучение базовых ценностей как мотивационной основы индивидуальных различий в выраженности национальной идентификации израильтян. В исследовании обнаружено, что увеличение значимости ценностей Сохранения повышает уровень национальной идентификации, в то время как увеличение значимости ценностей Открытости изменениям понижает уровень национальной идентификации [34].

Вслед за С. Роккас с коллегами [34] при учете важности изучения детерминант инклюзивных и эксклюзивных идентичностей для межгруппового взаимодействия и согласия [6] в настоящем исследовании мы попытаемся подойти к рассмотрению базовых человеческих ценностей как мотивационного источника сходств и различий в выраженности таких социальных идентичностей, как гражданская, этническая и религиозная. Иными словами попытаемся ответить на вопрос: «Почему некоторые люди в большей степени, чем другие, склонны идентифицировать себя со страной, народом или единоверцами?». Для ответа на этот вопрос мы используем мотивационный подход, базирующийся на теории базовых ценностей Ш. Шварца.

Теория базовых ценностей Ш. Шварца

В теории базовых ценностей Ш. Шварца ценности раскрываются как желаемые и надситуативные цели различной важности, которые служат руководящими принципами в жизни людей [38]. Каждая ценность определяет наши установки и руководит нашим поведением свойственным ей образом вне зависимости от ситуации. В своем обновленном подходе Ш. Шварц выделил 19 ценностей, образующих мотивационный круг [15] и относящихся к четырем блокам ценностей более высокого порядка: Открытость изменениям, Сохранение, Самоутверждение и Самопреодоление (Рисунок 1).

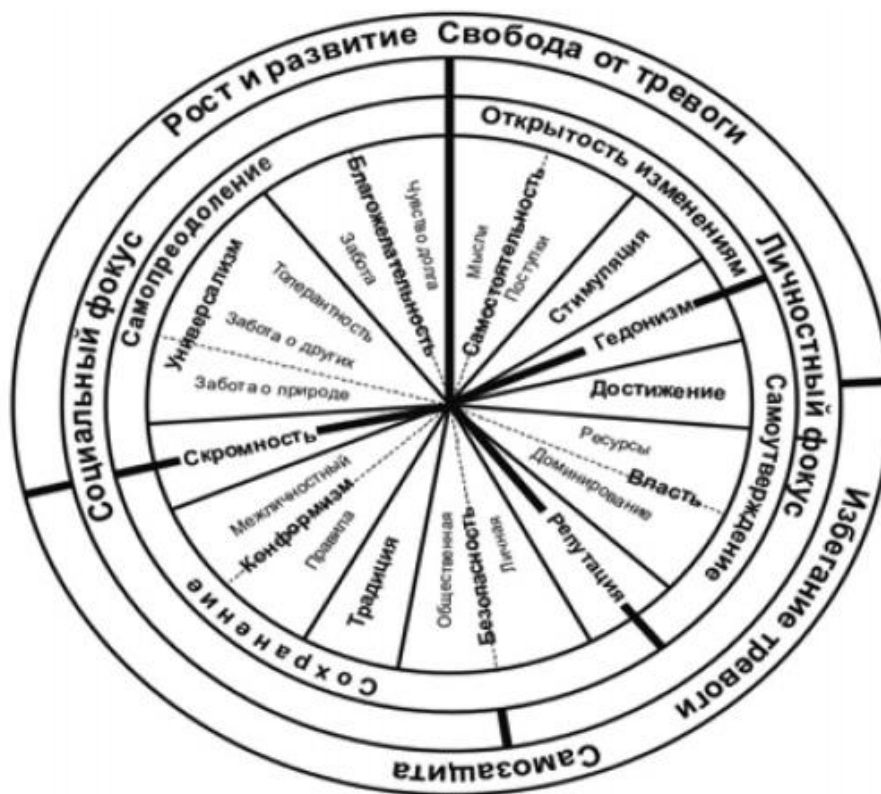

Рисунок 1 – Круговой мотивационный континуум 19 ценностей по Ш. Шварцу [15]

Ценности Открытости изменениям несут в себе мотивы самостоятельности и независимости, а также открытости новому опыту, поиска новых ощущений, «вкуса жизни». Ценности Сохранения, напротив, подчеркивают самоограничение, порядок и сопротивление изменениям, включают в себя ориентацию на безопасность, поддержание норм и правил, конформность во взаимодействии с другими людьми. Ценности Самоутверждения связаны с желанием обладать ресурсами и высоким статусом, стремлением к социальному успеху, власти, доминированию и богатству. Ценности Самопреодоления, напротив, включают в себя заботу о других людях, стремление к равенству и благу, как близких людей, так и людей всего мира в целом независимо от их ранга и статуса. Противоречивые блоки ценностей более высокого порядка находятся в противоположных направлениях от центра и образуют две ценностные оси. Ось Сохранения – Открытости изменениям и ось Самоутверждения – Самопреодоления [38]. Подразумевается, что чем больше выражены ценности одного полюса, тем меньше выражены ценности противоположного полюса оси.

Исследования в рамках базовой теории ценностей выявили мотивационную основу многих типов группового поведения, установок и даже отношения к некоторым социальным идентичностям. Например, ценности предсказывают готовность членов группы к социальным контактам с членами чужой группы [36]. Помимо этого, ценности предсказывают выбор аккультурационных установок представителей принимающего населения [8] и

аккультурационных установок представителей этнических меньшинств [12], в том числе беженцев [27] и в целом предсказывают выраженность установок по отношению к культурному разнообразию [26]. Также ценности предсказывают сложность социальной идентичности [35] и позитивность инклюзивной и эксклюзивной идентичностей представителей этнического большинства и меньшинства [6].

Наше исследование направлено на выяснение основного механизма, связывающего выраженность гражданской, этнической и религиозной идентичностей с ценностями. Иными словами мы стремимся понять, какие базовые человеческие ценности могут лежать в основе социальных идентичностей, обладающих разной степенью инклюзивности для представителей разных народов России.

Инклюзивные и эксклюзивные социальные идентичности разных народов России

Как известно, единство страны образуется во многом благодаря чувству сопричастности со страной, порождаемого идентичностью, основанной на историко-культурных ценностях, разделяемых гражданами страны [13]. Для представителей всех народов России такую роль играет общероссийская гражданская идентичность, являясь инклюзивной идентичностью. В данном случае под инклюзивной идентичностью понимается надидентичность, заключающаяся в осознании человеком своей принадлежности к большой социальной общности, объединяющей представителей разных групп, то есть своего рода «зонтичная» всеобъемлющая [21; 6], открытая для всех граждан, «включающая» идентичность. Косвенно высокую степень инклюзивности российской идентичности демонстрируют и результаты исследований межкультурных установок в России, в которых обнаружено, что, например, у русского этнического большинства Москвы позитивность гражданской российской идентичности лежит в основе установок на интеграцию мигрантов [3] и представителей этнических меньшинств [7]. У представителей таких народов России как балкарцы и чеченцы позитивность гражданской идентичности лежит в основе непринятия установок на сегрегацию и исключение этнических меньшинств в межкультурном взаимодействии в их республиках [7]. Как мы видим, результаты вышеприведенных исследований явно демонстрируют интеграционный потенциал гражданской российской идентичности для укрепления межкультурного единства и согласия народов России.

Относительно религиозной идентичности россиян следует отметить, что она также обладает интеграционным потенциалом, но гораздо меньшим, чем гражданская идентичность, поскольку может быть как инклюзивной объединяющей для всех единоверцев, независимо от их этнической принадлежности, так и эксклюзивной, разъединяющей с представителями других конфессий России. При этом важно понимать, что выраженная религиозная идентичность зачастую базируется на высокой степени духовности человека, которая может лежать в основе благоприятных межгрупповых

установок и отношений. Так, например, в исследовании религиозной идентификации и этнонациональных установок молодежи России, обнаружено, что идентификация со своей религиозной группой у российской молодежи буддистского, мусульманского и православного вероисповедания сама по себе не является предиктором межгрупповой неприязни и лежит в основе патриотических этнонациональных установок [14].

В отношении же этнической идентичности можно сказать, что она относится скорее к эксклюзивным идентичностям, поскольку объединяет лишь представителей одной этнической группы. Однако встречаются случаи, когда этническая идентичность играет роль инклюзивной идентичности для представителей разных конфессий. Например, для чувашей [16] и осетин [2], большая часть которых исповедует христианство, а меньшая - ислам.

Говоря об инклюзивности и эксклюзивности социальных идентичностей народов России, важно также поднять вопрос и о соотношении гражданской, этнической и религиозной идентичностей в их самосознании, чтобы понять степень важности данных идентичностей для россиян. Результаты исследований показывают, что для русских этническая русская и гражданская российская идентичности образуют крепкий сплав, и зачастую обозначаются как единая этно-национальная идентичность [5]. Кроме того, этносоциологи отмечают, что государственная российская идентичность у русских, как у доминирующего населения страны, базируется на их этнической идентичности [1]. Таким образом, этническая русская и гражданская российская идентичности сильно перекрываются, при этом гражданская идентичность больше выражена, чем этническая идентичность. Подтверждается это также тем, что предикторами позитивного отношения к данным идентичностям у русского этнического большинства являются одни и те же ценности, а именно ценности Сохранения [6]. Относительно соотношения этнической и гражданской идентичностей у представителей других народов России существуют исследования, которые показывают, что, например, у кабардинцев и балкарцев по степени важности на первом месте стоит региональная кавказская идентичность, затем следует этническая идентичность, после республиканская идентичность, далее религиозная идентичность, и наконец, на последнем месте стоит гражданская идентичность. При этом стоит отметить, что все пять идентичностей выражены достаточно сильно [31].

Таким образом, степень инклюзивности и эксклюзивности гражданской, этнической и религиозной идентичностей различается, как и соотношение данных идентичностей по степени значимости для народов России. Это делает настоящее исследование крайне актуальным, поскольку позволяет выявить в рамках социокультурного подхода как универсальные, так и культурно-специфические паттерны связей ценностей с социальными идентичностями россиян, проживающих в разных регионах России и принадлежащих к разным этническим и религиозным группам.

Возможные механизмы связи социальных идентичностей с ценностями, гипотезы исследования

Следуя Н. Физер [25] и С. Роккас с коллегами [34], мы считаем, что на идентификацию с группой влияет то, в какой степени членство в группе способствует поиску, достижению и защите важных для человека ценностей. Большинство социальных групп предоставляют возможности и ресурсы, которые могут способствовать достижению людьми определенных ценностей, а также они могут предъявлять некоторые требования и ограничения, которые могут помешать достижению других ценностей [34]. Следовательно, связи конкретных ценностей с идентификациями со страной, народом и единоверцами зависят от тех ценностей, которые достижимы через идентификацию с этими общностями.

Таким образом, встает вопрос: «Какие ценности наиболее совместимы с идентификацией со своей страной, со своим народом и со своими единоверцами?»

В случае с идентификацией со своей страной, то есть с гражданской идентичностью, мы можем предположить, что доминирующее ожидание большинства граждан состоит в том, что человек должен идентифицировать себя со страной, что будет являться выражением его патриотизма. В данном ключе, выраженная гражданская идентичность проявляет себя как положительный и нормативный признак. Такая нормативная идентичность, скорее всего, обеспечит безопасность и стабильность, а также ощущение того, что человек соответствует широко принятым социальным ожиданиям. Получается, что соответствуя групповой норме идентификации со своей страной и согражданами, люди обретают уверенность в том, что их взгляды и поведение являются правильными и законными, даже когда они сталкиваются с вызовами или угрозами.

В случае с идентификацией со своим народом, то есть с этнической идентичностью, мы можем предположить, что доминирующее ожидание большинства соплеменников состоит в том, что человек должен идентифицировать себя со своим народом, что будет являться выражением его принадлежности к определенному народу и этнокультурной самобытности. Но при этом представители других этнокультурных групп, с которыми в поликультурном обществе взаимодействует человек, зачастую не ожидают от него, что он должен проявлять свою этническую идентичность, порой даже могут этого и не хотеть [7; 11]. Более того, если человек проживает в инокультурной среде, то его этнокультурная идентичность может актуализироваться и становится более выраженной [23]. В данном ключе выраженная этническая идентичность может проявлять себя как идентичность, которая нуждается в сохранении через поддержание культурных традиций этнической группы. Подобная идентификация, скорее всего, обеспечит следование традициям. Соответствуя внутригрупповой норме идентификации со своей этнической группой, люди обретают уверенность в том, что их взгляды и поведение являются важными для сохранения самобытности культуры своей этнической группы, в частности и тогда когда они сталкиваются с проявлениями этнической дискриминации [39; 32]. На наш

взгляд, подобного рода рассуждения отчасти применимы и к религиозной идентичности.

Исходя из выше изложенного, мы выдвигаем следующие гипотезы исследования:

1. Ценности Сохранения, в частности ценности Безопасности, позитивно связаны с выраженностью гражданской идентичности у представителей разных народов России.

2. Ценности Сохранения, в частности ценности Традиции, позитивно связаны с выраженностью этнической и религиозной идентичностей у представителей разных народов России.

Методология исследования

Процедура. Социально-психологический опрос проводился в г. Москве и столице Кабардино-Балкарской республики (КБР), г. Нальчике в 2014-2015 гг. Респонденты заполняли анкеты очно в присутствии интервьюера. Участие в исследовании было анонимным, добровольным и безвозмездным.

Выборка исследования

В таблице 1 представлены гендерные и возрастные характеристики выборки.

Таблица 1

Гендерные и возрастные характеристики выборки

Респонденты	N	Пол		возраст			
		мужчины	женщины	Min.	Max.	Mean	SD
Русские (Москва)	205	60	145	18	60	30,42	13,53
Кабардинцы и балкарцы (КБР)	282	90	192	18	59	30,91	14,35

Примечание: N – объем выборки; Min. – минимальный возраст; Max. – максимальный возраст; Mean – среднее арифметическое значение; SD – стандартное отклонение.

Методы

Ценности. Опросник Шварца PVQ-R [15] состоит из 57-ми утверждений. Каждой из 19-ти измеряемых ценностей соответствует три утверждения, и респондентам предлагалось оценить каждое из них по 6 - балльной шкале от 1 до 6, в зависимости от того, в какой степени описанный человек похож на него самого. Например, «Для него важно поддерживать традиционные ценности или верования» для ценности *традиция* из блока ценностей Сохранение, «Для него важно ощущать власть, которую могут дать деньги» для ценности *власть-ресурсы* из блока ценностей Самоутверждение. 19 ценностей обновленной теории Шварца объединяются в блоки ценностей более высокого уровня: Открытость изменениям, Сохранение, Самоутверждение и Самопреодоление.

В настоящем исследовании использовались значения осей Сохранение – Открытость изменениям и Самоутверждение – Самопреодоление. Они были рассчитаны с помощью соответствующей процедуры вычитания противоположных по мотивации блоков ценностей [см. напр., 10; 26; 6].

Гражданская российская, религиозная и этническая идентичности измерялись с помощью шкал выраженности гражданской (6 пунктов), религиозной (5 пунктов) и этнической (7 пунктов) идентичностей, входящих в опросник MIRIPS, переведенного и адаптированного на русский язык [3]. Примеры вопросов выраженности этнической идентичности «Я считаю себя русским. Я горжусь тем, что я русский»; примеры вопросов выраженности гражданской идентичности «Я считаю себя россиянином. Я горжусь тем, что я гражданин России»; примеры вопросов выраженности религиозной идентичности «Я считаю себя представителем своей религии. Я рад, что исповедую свою религию». Ответы заданы в форме 5-балльной шкалы Ликерта от 1 - абсолютно не согласен до 5 - абсолютно согласен.

Социально-демографические характеристики. Респондентов попросили указать их пол, возраст, национальность, религиозную принадлежность, уровни образования и дохода.

Математико-статистическая обработка данных. Для обработки данных использовался статистический пакет SPSS 22.0. Для проверки связей использовался иерархический регрессионный анализ и множественный регрессионный анализ, для выявления модерационного эффекта использовался плагин PROCESS macro версии 3.0 для SPSS [28].

Результаты исследования

В таблице 2 представлены результаты иерархического регрессионного анализа, чтобы оценить вклад ценностей и этнической принадлежности в оценку социальных идентичностей россиян.

Таблица 2. Связь ценностей и этнической принадлежности с выраженностью социальных идентичностей россиян, проживающих в разных регионах и принадлежащих к разным этническим группам

Независимые переменные	Зависимые переменные								
	Гражданская идентичность			Этническая идентичность			Религиозная идентичность		
	1 шаг	2 шаг	3 шаг	1 шаг	2 шаг	3 шаг	1 шаг	2 шаг	3 шаг
Возраст	-0,04	-0,10	-0,08	0,07	-0,01	0,00	0,08	-0,01	0,00
Пол (0=мужчины, 1=женщины)	-0,05	-0,08	-0,07	-0,05	-0,09	-0,08	-0,04	-0,08	-0,08
Образование	0,08	0,05	0,03	0,00	-0,03	-0,04	-0,09	-0,11	-0,12
Доход	-0,06	-0,06	-0,06	0,01	0,01	0,01	0,07	-0,07	-0,06
Этническая принадлежность (1=русские-Москва, 2=кабардинцы и балкарцы-КБР)		-0,07	-0,09		0,09	0,06	0,28***	0,26***	0,32***
Сохранение/Открытость изменениям		0,16**	0,59***		0,23***	0,44**		0,25***	0,35***

Самоутверждение/ Самопреодоление		-0,12*	0,07		-0,08	0,16		-0,04	-0,24
Сохранение/Открыт ость изменениям* Этническая принадлежность			-0,45**			-0,22			-0,60***
Самоутверждение/ Самопреодоление* Этническая принадлежность			-0,18			-0,25			0,22
<i>F change</i>	1,93	10,81***	3,86*	1,95	14,53***	1,63	11,13***	16,45***	13,77***
<i>R</i> ²	0,02	0,07	0,08	0,02	0,08	0,09	0,11	0,18	0,23
ΔR^2		0,05	0,01		0,06	0,01		0,07	0,05
<i>F</i>	1,93	4,53***	4,43***	1,95	5,63***	4,75***	11,13***	13,21***	13,94***

Примечание. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$; в таблице представлены стандартизированные коэффициенты (β).

В результате анализа выяснилось, что у россиян, чем больше выражены ценности Сохранения, тем больше выражены гражданская и религиозная идентичности. При этом данные эффекты в большей степени характерны для русских Москвы (рисунок 1,2). Кроме этого, чем больше выражены ценности Сохранения, тем больше выражена этническая идентичность россиян, и данная связь не зависит от этнической принадлежности.

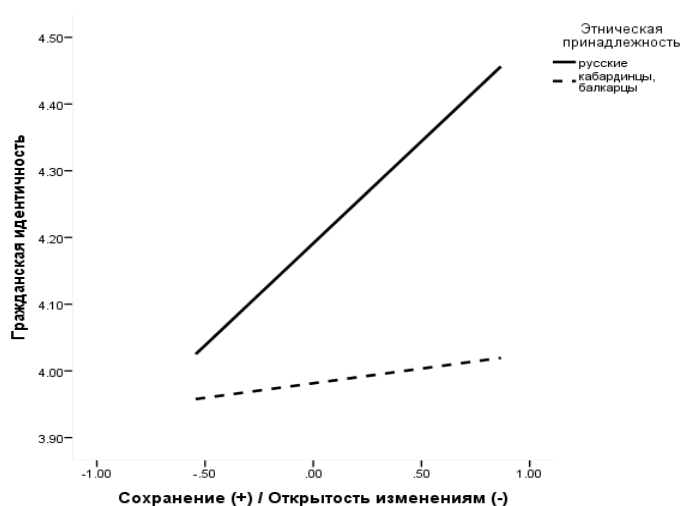

Рисунок 1 — Наклоны линии регрессии для гражданской идентичности

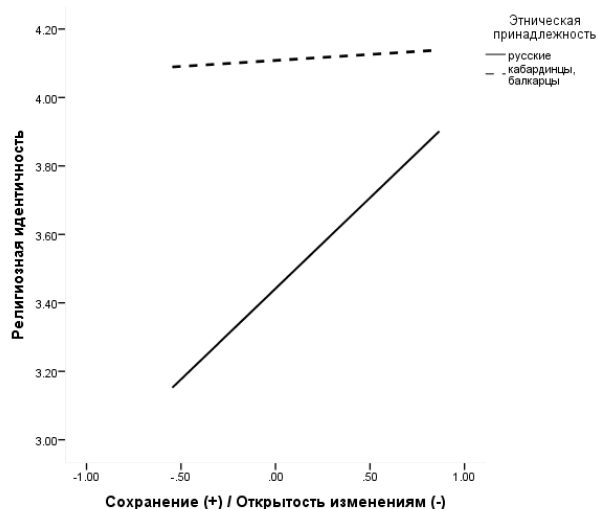

Рисунок 2 — Наклоны линии регрессии для религиозной идентичности

Далее рассмотрим результаты множественного регрессионного анализа, чтобы оценить вклад всех ценностей блока Сохранения в выраженность социальных идентичностей россиян (таблица 3).

Таблица 3. Связь ценностей Сохранения с выраженностью социальных идентичностей русских (Москва), кабардинцев и балкарцев (КБР)

Независимые переменные	Зависимые переменные					
	Гражданская идентичность		Этническая идентичность		Религиозная идентичность	
	русские	кабардинцы, балкарцы	русские	кабардинцы, балкарцы	русские	кабардинцы, балкарцы
Безопасность общественная	0,17*	0,31**	0,17*	0,13	0,06	-0,08
Безопасность личная	0,04	0,01	-0,01	0,09	0,04	0,04
Традиция	0,32***	-0,11	0,31***	0,18*	0,53***	0,13 †
Конформизм межличностный	0,01	-0,06	0,01	-0,06	0,10	0,12
Конформизм правила	0,01	0,03	0,02	-0,04	-0,08	-0,08
R^2	0,16	0,12	0,15	0,08	0,29	0,04

Примечание. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$; в таблице представлены стандартизированные коэффициенты (β), †- $p=0,06$.

В результате анализа выяснилось, что у россиян, ценность «Безопасность Общественная» значимо позитивно связана с выраженностью гражданской

идентичности. Помимо этого у русских обнаружена значимая позитивная связь ценности «Традиция» с выраженностью гражданской идентичности. Кроме этого, у обеих групп россиян ценность «Традиция» значимо позитивно связана с выраженностью этнической идентичности. В то же время у русских обнаружена значимая позитивная связь выраженности ценности «Безопасность Общественная» с выраженностью этнической идентичности. И, наконец, у русских выраженность ценности «Традиция» значимо позитивно связана с выраженностью религиозной идентичности, у кабардинцев и балкарцев данная связь также обнаружена, но статистическая значимость данной связи на уровне тенденции.

Обсуждение

Цель настоящего исследования состояла в изучении ценностей как мотивационного источника сходств и различий в выраженности гражданской, этнической и религиозной идентичностей, обладающих разной степенью инклюзивности для российского общества, в частности для представителей разных народов России. Для достижения данной цели исследования были выдвинуты и верифицированы две гипотезы.

Итак, первая гипотеза нашего исследования о том, что ценности Сохранения, в частности ценности Безопасности, позитивно связаны с выраженностью гражданской российской идентичности у представителей разных народов России, подтвердилась, однако с определенными нюансами. В результате иерархического регрессионного анализа обнаружилось (таблица 2), что у представителей обеих групп россиян ценности Сохранения позитивно связаны с выраженностью гражданской российской идентичности. При этом данный эффект в большей степени характерен для русских, чем для кабардинцев и балкарцев. Для более детального понимания того, какие конкретно ценности блока ценностей Сохранения связаны с выраженностью гражданской российской идентичности у исследуемых групп был проведен дополнительный множественный регрессионный анализ (таблица 3). В результате данного анализа удалось выяснить, что ценность Безопасность Общественная позитивно связана с выраженностью гражданской российской идентичности, как у русских, так и у кабардинцев и балкарцев. Данные результаты свидетельствуют о том, что в основе различий выраженности гражданской российской идентичности у представителей разных народов России лежит одна и та же ценность, а именно ценность Безопасности, выражающаяся в стремлении жить в безопасном и стабильном обществе. Получается, что осознание себя гражданином России, гордость и позитивные чувства по отношению к своей стране более важны для тех представителей народов России, которые ценят стабильность и порядок в обществе, а также сильное государство, способное их защитить от любых угроз. На наш взгляд, данный результат может найти широкое практическое применение при создании и реализации национальных программ по укреплению гражданской общероссийской идентичности. Результаты нашего исследования отчетливо демонстрируют то, что инклюзивность (всеобъемлемость) гражданской

общероссийской идентичности для народов России может усиливаться через актуализацию такой базовой человеческой ценности, как Безопасность Общественная. Данная ценность является одной из самых важных ценностей блока Сохранения и дарит ощущение наличия общего крепкого безопасного дома для всех россиян независимо от их этнической принадлежности.

В Указе Президента РФ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» в редакции Указа Президента РФ от 06.12.2018 № 703 подчеркивается, что одним из направлений в сфере государственной национальной политики является укрепление общероссийской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов РФ. Раскрывается работа над этим направлением через «формирование гражданского самосознания, патриотизма, гражданской ответственности, чувства гордости за историю России, воспитание культуры межнационального общения, основанной на уважении чести и национального достоинства граждан, традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Результаты же нашего исследования показывают, что укрепление и расширение диапазона инклюзивности гражданской общероссийской идентичности у народов многонациональной России может лежать не только в плоскости духовно-нравственных и культурных ценностей народов РФ. Но и в плоскости базовых человеческих ценностей, отвечающих за безопасность и раскрывающихся в стремлении человека любой национальности жить в безопасном, стабильном и сильном государстве.

Вторая гипотеза нашего исследования о том, что ценности Сохранения, в частности ценности Традиции, позитивно связаны с выраженностью этнической и религиозной идентичностей у представителей разных народов России, подтвердилась, однако также как и первая гипотеза со своими нюансами. В результате иерархического регрессионного анализа обнаружилось (таблица 2), что у россиян, независимо от их этнической принадлежности, ценности Сохранения позитивно связаны с выраженностью этнической идентичности. Кроме этого, обнаружено, что у россиян ценности Сохранения позитивно связаны с выраженностью и религиозной идентичности. При этом последний эффект в большей степени характерен для русских, чем для кабардинцев и балкарцев. Для более детального понимания того, какие конкретно ценности блока ценностей Сохранения связаны с выраженностью этнической и религиозной идентичностей у исследуемых групп был проведен дополнительный множественный регрессионный анализ (таблица 3). В результате данного анализа удалось выяснить, что ценность Традиции позитивно связана с выраженностью этнической и религиозной идентичностей, как у русских, так и у кабардинцев и балкарцев, правда, у последних на уровне тенденции. Данные результаты свидетельствуют о том, что в основе выраженности этнической и религиозной идентичностей у представителей разных народов России лежит одна и та же ценность, а именно ценность

Традиции, выражающаяся с точки зрения мотивационной цели в стремлении поддерживать и сохранять культурные, семейные и религиозные традиции [15].

Таким образом, осознание себя представителем своего народа и своей религии, а также гордость и позитивные чувства по отношению к своему народу и приверженность своей религии более важны для тех россиян, которые высоко ценят традиции и обычаи своей культуры, религии и семьи. Получается, что ценность Традиции у представителей разных народов России лежит в основе их этнической идентичности, будь она русской, кабардинской или балкарской, также она лежит и в основе религиозной идентичности, будь она православной или мусульманской. Все это говорит о том, что мотивационным источником выраженности не самых инклюзивных идентичностей россиян является одна и та же ценность, то есть общая. В ранее проведенных исследованиях уже отмечалось, что идея общих ценностей служит полезным инструментом в формировании и укреплении национальной идентичности в многонациональных государствах [29]. Это может позволить в национальных программах по укреплению единства народов многонациональной и поликонфессиональной России построить общий психологический фундамент на базе высокой значимости данной ценности для представителей православных и мусульманских народов России.

Помимо универсальных связей ценностей с социальными идентичностями, которые описаны выше, мы также получили и культурно-специфические связи, которым стоит уделить особое внимание. Так, например, у русских ценность Традиции оказалась позитивно связанной не только с этнической и религиозной идентичностями, но и с гражданской. Это отчетливо свидетельствует о наличии прочной связи гражданской российской, этнической русской и религиозной православной идентичностей в самосознании русских России. Об этом также свидетельствует и то, что у русских ценность «Безопасность Общественная» позитивно связана не только с гражданской, но и с этнической идентичностью. Таким образом, мы видим, что в основе гражданской российской и этнической русской идентичностей у русских лежат одни и те же ценности, а именно, ценности Безопасности и Традиции. Это в очередной раз доказывает, что гражданская и этническая идентичности русских друг друга «подпитывают» и укрепляют, так как базируются на основе одних и тех же ценностей. У кабардинцев и балкарцев подобных связей не обнаружено, в результате чего их гражданская идентичность меньше выражена, чем гражданская идентичность русских.

Заключение

Ценности и идентичность являются важными мотивационными силами в жизни людей [18]. Базовые ценности [38] и социальные идентичности [40] сосредоточены на различных, но связанных аспектах личности и имеют частично совпадающие моменты в отношении человеческой мотивации. Однако до сих пор проведено очень мало исследований, которые пытаются интегрировать эти важные движущие силы в жизни людей теоретически или эмпирически [34; 6]. Настоящее исследование вносит свой значительный вклад

в русло данных исследований через призму социокультурного похода, раскрывая полезность изучения ценностей в раскрытии мотивационной природы социальных идентичностей, обладающих разной степенью инклюзивности для членов поликультурного общества. В результате исследования удалось выявить общий ценностный базис для инклюзивной общероссийской гражданской идентичности, которым выступила разделяемая россиянами ценность Безопасность Общественная, раскрываемая через мотивацию жить в безопасном, стабильном и сильном государстве, способном защитить своих граждан от любых угроз. Кроме этого, удалось выявить и общий ценностный базис для этнической и религиозной идентичностей россиян. Данный базис заключается в разделяемой ими ценности «Традиция», проявляющейся в мотивации сохранения и поддержания традиций и обычаев своей культуры, религии и семьи.

Таким образом, несмотря на то, что данное поисковое исследование проводилось лишь на русских, кабардинцах и балкарцах, его результаты открывают большие перспективы для сплочения и единения российского многонационального и поликонфессионального общества на основе общих базовых человеческих ценностей, обогащая существующие национальные программы социально-психологическим взглядом на проблему.

Библиографический список

1. Дробужева, Л.М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. – 2002. – №2. – С.213-244.
2. Козенова, Д.В. Роль религии в Северной Осетии // Russian Journal of Education and Psychology. - 2013. - №5 (25). – С. 26
3. Лебедева, Н.М. Взаимная аккультурация москвичей и инокультурных мигрантов: социально-психологический анализ // Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России / Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко - М.: РУДН. - 2009. - С. 64-92.
4. Лебедева, Н.М., Лепшокова, З.Х. Стратегии межкультурного взаимодействия на Северном Кавказе. Роль идентификации и дезидентификации в межэтнических отношениях // Russia in Global Affairs.- 2017. - № Спецвыпуск: Атлас общественной дипломатии. Сентябрь. - С. 277-290.
5. Лебедева, Н.М., Лепшокова, З.Х., Галяпина, В.Н. Культурно-психологические факторы межпоколенной трансмиссии ценностей у русских на Северном Кавказе // Вопросы психологии. – 2016. – № 5. – С. 47-61.
6. Лепшокова, З.Х. Инклюзивные и эксклюзивные идентичности и контакты: роль ценностей и статуса этнической группы // Национальный психологический журнал. - 2021. - № 2. - Т. 42. - С. 61-75.
7. Лепшокова, З.Х. Стратегии адаптации мигрантов и их психологическое благополучие (на примере Москвы и Северного Кавказа) / З.Х. Лепшокова. – М.: Грифон, 2012. – 192 с.

8. Лепшокова, З.Х., Вылегжанина, М.С. Роль индивидуальных ценностей представителей принимающего населения в их аккультурационных ожиданиях // Культурно-историческая психология. - 2017. - № 4. - Т. 13. - С. 40-48.
9. Лепшокова, З.Х., Татарко, А.Н. Удовлетворенность жизнью, гражданская идентичность и аккультурационные ожидания принимающего населения Москвы // Общественные науки и современность. - 2019. - № 4. - С. 147-157.
10. Магун, В. С., Руднев, М. Г., Шмидт, П. Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. - 2015. - Т. 121. - № 3-4. - С. 74-93.
11. Мукомель В.И. Ксенофобы и их антиподы: кто они? // Мир России. - 2017. - Т. 26. - № 1. - С. 32-57.
12. Рябиченко, Т.А., Лебедева Н. М. Ценности и межкультурные установки русских Литвы. Особенности поколений // Межкультурные отношения на постсоветском пространстве / Н.М. Лебедева. - М.: Менеджер. - 2017. - С. 342-362.
13. Тишков, В.А. Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы // Вестник Российской Академии Наук. - 2019. - Т. 89. - № 4. - С.408-412.
14. Хухлаев, О.Е., Александрова, Е.А., Гриценко, В.В., Константинов, В.В., Кузнецов, И.М., Павлова, О.С., Рыжова, С.В., Шорохова, В.А. Идентификация с религиозной группой и этнонациональные установки буддистской, мусульманской и православной молодежи // Культурно-историческая психология. - 2019. - № 3. - Том 15. - С. 71-82.
15. Шварц, Ш., Бутенко, Т.П., Седова, Д.С., Липатова, А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. - 2012. - Т. 9. - № 2. - С. 43-70.
16. Ягафова, Е.А. Чуваши-мусульмане в XVIII - начале XXI вв. / Е.А. Ягафова. - Самара: ПГСГА, 2009. - 128 с.
17. Altemeyer, B. (1998). The other "authoritarian personality." In M. P. Zanna (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (vol. 30, pp. 47-92). San Diego, CA: Academic Press.
18. Bardi, A., Jaspal, R., Polek, E., Schwartz, S.H. (2014). *Values and Identity Process Theory: theoretical integration and empirical interactions*. Cambridge University Press.
19. Blank, T. Determinants of national identification in East and West Germany: An empirical comparison of theories on the significance of authoritarianism, anomie, and general self-esteem // *Political Psychology*. - 2003. - №24. P. 259-288.
20. Burris, C.T., Branscombe, N.R., Jackson, L.M. "For God and country": Religions and the endorsement of national self-stereotypes // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. - 2000. - №31. - P. 517-527.

21. Curtis, K.A. Inclusive versus exclusive: A cross-national comparison of the effects of subnational, national, and supranational identity // *European Union Politics*. - 2014. - №15(4). – P. 521–546
22. Doosje, B.E. J., Branscombe, N.R., Spears, R., Manstead, A.S.R. Antecedents and consequences of group-based guilt: The effects of ingroup identification // *Group Processes & Intergroup Relations*. - 2006. - №9. - P. 325–338.
23. Ebaugh, H., Chafetz, J.S. Religion and the new immigrants: continuities and adaptations in immigrant congregations. Altamira.Walnut Creek. CA. 2000.
24. Efremova, M., Lepshokova, Z. Religious Identification and Attitude toward Economic Involvement among Christians and Muslims in Russia // *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. - 2019. - Vol. 16. - № 2. - P. 269-284.
25. Feather, N.T. Values and national identification: Australian evidence // *Australian Journal of Psychology*. - 1994. - №46. P. 35–40.
26. Grigoryan, L., Schwartz, S. H. Values and attitudes towards cultural diversity: Exploring alternative moderators of the value–attitude link // *Group Processes & Intergroup Relations*. - 2021. - №24(6). P. 966–981.
27. Hanel, P.H.P., Beier, M., Wolfradt, U. The Role of Human Value Congruencies for the Acculturation of Refugees. 2022, May 16. <https://doi.org/10.31234/osf.io/tf4pw>
28. Hayes A.F. (2018). Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis: A Regression-Based Approach. New York, NY: Guilford Press. 692. p.
29. Henderson, A., McEwen, N. Do Shared Values Underpin National Identity? Examining the Role of Values in National Identity in Canada and the United Kingdom // *National Identities*. - 2005. - №7(2). P. 173–191.
30. Huddy, L., Khatib, N. American patriotism, national identity, and political involvement // *American Journal of Political Science*. - 2007. - №51. P. 63–77.
31. Lepshokova Z., Lebedeva N. The Role of Social Disidentification in Acculturation Preferences of Ethnic Majority and Minority Members in Kabardino-Balkar Republic, in: *Changing Values and Identities in Post-Communist World* / Ed. by N. Lebedeva, R. Dimitrova, J. W. Berry. Switzerland : Springer, 2018. Ch. 17. P. 313-331
32. Meca, A., Gonzales-Backen, M., Davis, R., Rodil, J., Soto, D., Unger, J. B. Discrimination and ethnic identity: Establishing directionality among Latino/a youth // *Developmental Psychology*. - 2020. -№ 56(5). – P. 982–992.
33. Pratto, F., Stallworth, L.M., Conway-Lanz, S. Social dominance orientation and the ideological legitimization of social policy // *Journal of Applied Social Psychology*. - 1998. - №28. – P. 1853–1875.
34. Roccas, S., Schwartz, Sh.H., Amit, A. Personal Value Priorities and National Identification // *Political Psychology*. – 2010. - Vol. 31. - №3. – P. 393–419.

35. Roccas, S., Brewer, M. Social identity complexity // *Personality and Social Psychology Review*. - 2002. - №6. – P. 88–106.
36. Sagiv, L., Schwartz, S.H. Value priorities and readiness for out-group social contact // *Journal of Personality and Social Psychology*. - 1995. - №69. - P. 437–448.
37. Sahdra, B., Ross, M. Group identification and historical memory // *Personality and Social Psychology Bulletin*. - 2007. - №33. – P. 384–395.
38. Schwartz, S.H. (1992). Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. In M. Zanna (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 25, pp. 1–65). New York: Academic Press.
39. Tabbah, R., Chung, J.J., Miranda, A.H. Ethnic Identity and Discrimination: An Exploration of the Rejection-Identification Model in Arab American Adolescents // *Identity*. – 2016. - №16:4. P. 319-334.
40. Tajfel, H., Turner, J.C. (1986). The social identity theory of intergroup behaviour. In S. Worchel, W. G. Austin (eds.). *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago, IL: Nelson-Hall. pp. 7–24.

1. Лепшокова Зарина Хизировна - кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Центра социокультурных исследований Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики", taimiris@yandex.ru

2. Лебедева Надежда Михайловна - доктор психологических наук, профессор, директор Центра социокультурных исследований Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики", lebedhope@yandex.ru

Lepshokova Zarina Khizirovna - Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Center for Sociocultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, taimiris@yandex.ru

Lebedeva Nadezhda Mikhailovna - Doctor of Psychological Sciences, Professor, Center for Sociocultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, lebedhope@yandex.ru

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ
ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ

Р.Б. Шайхисламов
R.B. Shaikhislamov

**ЕВРАЗИЙСКИЙ МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ:
ОБЩЕРОССИЙСКИЙ, РЕГИОНАЛЬНЫЙ ИЛИ ЛОКАЛЬНЫЙ? ⁵
EURASIAN INTERCULTURAL DIALOGUE:
ALL-RUSSIAN, REGIONAL OR LOCAL?**

Аннотация. В главе анализируется проблема, поставленная евразийцами – следует ли определять российскую культуру как евразийскую. На основе исследований автора рассматриваются вопросы соотносительности в общественном сознании российской культуры с западными и восточными культурами. Поскольку Башкортостан является регионом, в котором представлены и славянские, и тюркские, и угро-финские культуры (которые условно можно назвать евразийскими, имея в виду их общее пространство бытия), он может гипотетически рассматриваться как модель евразийской культуры (при допущении, что таковая существует). Приводятся данные о культурной дистанции жителей Башкортостана различной этнической идентичности к культурам народов региона, страны, ближнего и дальнего зарубежья евразийского континента.

Делается вывод о том, что полноценный межкультурный диалог возможен в том социальном пространстве, где преобладает взаимное приятие этнических культур. Где нет такого преобладания, то межкультурные коммуникации преимущественно являются по своему содержанию толерантными.

В главе использованы данные двух наших исследовательских проектов при финансовой поддержке РФФИ – «Особенности формирования гражданской идентичности россиян в полиэтничном регионе (на примере Республики Башкортостан)» в 2015-2016 годы и «Информационные события в конструировании образа России в системе «Я»- и «Мы» -концепций поколений Y и Z» в 2020-2021 годы.

Absnract. The chapter analyzes the problem posed by the Eurasians – whether Russian culture should be defined as Eurasian. Based on the author's research, the issues of correlation in the public consciousness of Russian culture with Western and Eastern cultures are considered. Since Bashkortostan is a region in which Slavic, Turkic, and Finno-Ugric cultures are represented (which can be conditionally called Eurasian, referring to their common space of being), it can hypothetically be considered as a model of a Eurasian culture (assuming that such a culture exists).).

⁵ Глава подготовлена в рамках реализации программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «*Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности*» 2020-2022 гг. по проекту «Молодежь в межэтнических коммуникациях: интолерантность, толерантность, диалог».

Data are given on the cultural distance of the inhabitants of Bashkortostan of different ethnic identities to the cultures of the peoples of the region, country, near and far abroad of the Eurasian continent.

It is concluded that a full-fledged intercultural dialogue is possible in the social space where mutual acceptance of ethnic cultures prevails. Where there is no such predominance, then intercultural communications are predominantly tolerant in their content.

The chapter uses data from two of our research projects with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research - "Peculiarities of the formation of the civic identity of Russians in a multi-ethnic region (on the example of the Republic of Bashkortostan" in 2015-2016 and "Information events in the construction of the image of Russia in the system" I "- and" We "-concepts of generations Y and Z" in 2020-2021.

Ключевые слова. Российская культура, евразийская культура, локальная культура, региональная культура, этническая культура, культурная идентичность, этническая идентичность, гражданская идентичность, межкультурная дистанция, социальные связи, интолерантность, толерантность, диалог, приятие, принятие, понимание.

Keywords. Russian culture, Eurasian culture, local culture, regional culture, ethnic culture, cultural identity, ethnic identity, civic identity, intercultural distance, social ties, intolerance, tolerance, dialogue, acceptance, acceptance, understanding.

Вопрос о том, существует ли единая евразийская культура, следует ли считать российскую культуру евразийской, в научном общественности является спорным. При этом споры между сторонниками и противниками идей евразийства идут в большей степени на метафизическом уровне, в виде теоретизирования. [1; 2; 3; 4; 15; 17; 18]. В то же время этот научный спор практически никак не выходит на поле широкого общественного обсуждения. Можно сколько угодно в научных спорах приводить аргументы за и против тезиса о существовании евразийской культуры, от этого контуры и самой российской культуры никак не изменятся. Другое дело – обсуждение этого вопроса в рамках широкой (не только научной) общественности, в том числе в межэтническом, межконфессиональном и межрегиональном общении. Публичное обсуждение о природе и тенденциях российской культуры побуждает активных, равнодушных граждан к конструированию самого содержания данной культуры.

Чтобы конструкты культуры стали реальностью, они должны укорениться в общественном сознании. В нем социальная и культурная реальность и отражаются, и конструируется. Показателем того, является ли (если является, то в каких пределах) российская культура евразийской, служит близость культурной дистанции, степень взаимного приятия культур евразийского пространства. Одним из главных постулатов евразийства являются идеи единства культур восточно-славянских, тюркских и угро-финских народов

России. Эмпирическая верификация этого постулата может быть осуществлена при помощи измерения взаимной приемлемости культур. Мы можем утверждать, что евразийская культура существует реально, а не только как идеология, при одном допущении – доминировании взаимной приемлемости культур их представителями по сравнению с взаимным исключением или безразличием.

Возможно ли формирование российской культуры, культурной, социальной и политической идентичности россиян в рамках конструкта евразийства? Наша работа является попыткой дать ответ на вопрос о реальности такой интегрированной надэтнической культуры на основе анализа наших эмпирических данных исследований в Республике Башкортостан за последние годы. Почему за основу верификации мы взяли данные по этому региону? Образное выражение о Башкортостане «сердце Евразии» связано не только с образом административных границ региона и его расположением на границе Европы и Азии, но и его этнокультурным многообразием и особым культурным колоритом. В республике на протяжении столетий в едином социокультурном пространстве проживают башкиры, татары и чуваша, представляющие тюркские народы, русские, а также украинцы и белорусы - восточнославянские народы, мари, мордва, удмурты – представители угро-финской группы уральской семьи языков. Русские, башкиры и татары составляют абсолютное большинство населения региона, в этом смысле можно говорить о локальном славяно-тюркском социокультурном ареале.

Данные по Республике Башкортостан не дают типичную российскую картинку, поскольку субъекты страны в этнокультурном плане отличаются друг от друга. Но Башкортостан интересен в качестве оригинальной модели российской культуры и культурной идентичности россиян. На примере этого региона возможна эмпирическая верификация о постулата евразийском характере российской культуры.

Методологическими основаниями нашего исследования являются конструктивистский и социокультурный подходы. С точки зрения подхода социального конструирования реальности культура представляется результатом обобщений, определений индивидами того, что считают правильным и значимым. Эти определения, став элементом не только самосознания, но и поведения людей, в результате социальных взаимодействий превращаются в реально существующую культуру. С этой точки зрения определения российской культуры, ее соотнесенности с различными этническими культурами в евразийском пространстве, выражаемые респондентами при опросах населения, дают общую картину постоянно становящейся социокультурной реальности. Культура рассматривается нами не только как предзаданность, служащей базой инкультурации личности. Она функционирует как система конструктов (суждений, понятий) и образов о ценном и нормальном, постоянно воспроизводящейся в процессе внутриличностного, межличностного, межгруппового и массового общения и отображающейся в индивидуальном, групповом и массовом сознании. В этом плане данные изучения общественного

мнения о специфике той или иной культуры характеризуют не только *сущее* – результаты отражения (адекватное или неадекватное) социальной реальности, но и *должное* – индивидуально и социально желательные конфигурации конкретной культуры.

Второй подход – социокультурный, связанный с именем П.А. Сорокина, предполагает исследование любого социального явления как единства социального, культурного и личностного. Культура есть укоренённые в социальных связях и в структуре личности нормы и ценности, служащие основой социальной и культурной идентичности, программой социальных действий и взаимодействий. Культура является ядром социальных систем, обеспечивающим статистическое или динамическое (в зависимости от типа социальных систем) равновесие, т.е. социальный порядок. Культура также является ядром личности (ценностно-нормативными ориентациями, т.е. идеалами, принципами). Культура формирует, программирует социальный и личностный мир, но, одновременно, сама трансформируется в результате изменений представлений о сущем и должном.

Также проблематика, которой посвящена глава монографии, предполагает использование сетевого подхода. Межкультурная дистанция как показатель интеграционных и дезинтеграционных процессов может быть описана в понятиях сетевого подхода. Социокультурное пространство, в пределах которого формируется единая культура, представляет собой переплетение «сильных» и «слабых» связей, в терминологии М.Грановеттера [6; 22], этнических, конфессиональных, субрегиональных культур. «Сильные» связи – это непосредственные (межличностные, на уровне малых групп, в организациях, по соседству и т.п.) межкультурные контакты. «Слабые» связи представляют собой опосредованные средствами массовых коммуникаций, кино, художественной литературой и другими каналами коммуникации межкультурные контакты. Сетевой анализ позволяет найти ответ на вопрос – на каком уровне (континентальном, российском, региональном в рамках России, локальном) – преимущественно формируется интегративная евразийская культура.

Евразийскую культуру можно представить в виде гипотетических моделей. Первая – это модель единой культуры, в которой другие этнические культуры существуют в виде несамостоятельных элементов. Вторая – это модель интегрированной культуры, в центре которой находится некое ядро общепринятых ценностей и норм, к которому тяготеют относительно автономные культуры. Третья – это модель мозаичной, диффузной культуры, представленной множеством самостоятельных культур, имеющих некоторые общие признаки. Рассмотрим, насколько эти модели могут объяснить социокультурные реалии.

Индикатором интегрированности культур может служить межкультурная дистанция, которая показывает степень общности различных культур. Интеграция культур, в том числе этнических, определяется тем, в какой мере индивиды тех или иных этнической и иной социальной идентичности

понимают и принимают чужую культуру. По мере этого понимания и приятия чужая культура перестает быть чуждой и становится близкой.

В отличие от социальной дистанции, которая определяет готовность принять представителей других социальных (этнических, расовых, конфессиональных и т.п.) групп в социальный круг (семья, друзья, соседи и т.д.), культурная дистанция определяет степень общности различных норм и ценностей. Хотя социальная и культурная дистанция тесно взаимосвязаны, тем не менее, они являются относительно автономными. С одной стороны, принятие представителей другой этничности или конфессиональной принадлежности в свою семью, в круг друзей или коллег обусловлено совместимостью образов жизни, религиозных, моральных и иных убеждений. С другой стороны, сокращение социальной дистанции не предполагает соотносительное уменьшение культурной дистанции.

Проблематика культурной дистанции и культурных границ стала предметом исследований в последние два десятилетия. Этот исследовательский интерес обусловлен социокультурными трансформациями и миграционными процессами в постсоветской России. Появились интересные публикации по этой проблематике [16; 19].

Любая дистанция, и в данном случае культурная не является исключением, измеряется в определенных мерах. Не претендуя на полноту описания «культурной метрологии», предложим две ключевых критерия измерения культурной дистанции. Первый – это понимание другой культуры, то есть постижение смыслов и значений, которыми руководствуются в своем вербальном и невербальном поведении представители другой культуры. Рефлексия интенций действий другого – это первый шаг для встречного движения культур. Рефлексия образа мыслей другого, а через это и постижение смыслов и значений, принятых в другой культуре, не обязательно предполагает принятие их на себя. К другой культуре можно относиться толерантно, отстраненно или даже снисходительно. Но можно относиться к ней сочувственно, на основе эмпатии (сопереживания). Вторым критерий – это принятие на себя другой культуры в целом или отдельных ее составляющих. Принятие другой культуры есть шаг к расширению собственной культурной идентичности. Принятие – это положительное отношение к другой культуре, образу жизни, нормам и ценностям другой социальной группы [14].

В нашем исследовательском проекте⁶ в 2016 году респондентам было предложено выбрать один из вариантов на вопрос *«У каждого народа есть свои правила поведения и общения, во что принято верить и что ценить. Как Вы лично относитесь к нормам и ценностям перечисленных народов?»*. Шкалы отношений строились на основе использования типология толерантности, предложенной В.А. Лекторским (безразличие, невозможность понимания,

⁶ Проект «Особенности формирования гражданской идентичности россиян в полиэтничном регионе (на примере Республики Башкортостан) при финансовой поддержке РФФИ в 2015-2016 гг. Методом стандартизированного интервьюирования было опрошено 1000 респондентов старше 18 лет, постоянно проживающих в Башкортостане, по районированной выборке (городские и сельские муниципальные образования во всех субрегионах) с последующим случайным отбором респондентов.

снисходительность, расширение собственного опыта и критический диалог) [13].

На основе двух индикаторов – понимание иной культуры и приятие ионной культуры – были сформулированы варианты суждений, представленные в таблице 1. В перечень культур народов, предложенных респондентам для определения своего отношения, были включены следующие группы, представленные в евразийском (в самом широком географическом представлении) пространстве.

Группировка осуществлялась следующим образом:

1. Культур дальнего европейского зарубежья – английская, немецкая и французская;

2. Культур дальнего восточного зарубежья – китайская, японская, индийская;

3. Культур ближнего зарубежья: а) центрально-азиатские – казахская, киргизская, узбекская, и восточнославянские (кроме русской, это украинская и белорусская; однако все эти три культуры представлены в культуре и России, и Украины, и Белоруссии);

4. Культур наиболее многочисленных народов Урало-Поволжского региона, в том числе Башкортостана – русская, башкирская, татарская, чувашская, марийская, мордовская, удмуртская.

Представление о «евразийской» культуре на основе полученных оценок респондентов Башкортостана можно получить на основе анализа данных в таблице 1.

Таблица 1

Отношение культурам отдельных народов Европы и Азии

Культуры и отношение к ним	«эта культура понятна и полностью приемлема»	«эта культура приемлема, хотя мало понимаю»	«эту культуру пока не приемлю, но стараюсь понять лучше»	«к этой культуре отношусь безразлично»	«эту культуру я не приемлю, но она у нас имеет право на существование»	«эта культура чуждая, она для нас не приемлема»	«затрудняюсь ответить»
французская	3	15,9	4,8	39,9	9,0	13,1	14,2
немецкая	4,7	14,7	5,9	40,2	9,2	11,4	14,0
английская	4,6	15,8	6,1	39,6	8,9	10,5	14,6
японская	3,3	17,3	5,7	39,0	8,5	12,6	13,6
китайская	3,5	15,5	5,6	40,5	9,5	10,6	14,8
индийская	3,1	16	5,1	41,5	8,7	10,9	14,6
белорусская	10,1	17,7	5,3	37,0	8,9	8,3	12,7
русская	52,3	13,2	4,3	15,1	4,7	2,9	7,4
украинская	8,1	15,7	5,2	37,4	10,5	9,6	13,5
узбекская	5,3	19,6	5,3	39,4	9,1	8,8	12,6
казахская	7,1	17,9	6,6	39,4	8,5	7,4	13,1
киргизская	4,6	17	5,1	40,3	10,0	7,7	15,3
мордовская	5,7	19,6	4,8	37,8	9,1	8,8	14,2
удмуртская	5,6	20,2	5,2	38,8	8,8	7,6	13,9
марийская	9,1	19,3	3,5	38,5	8,4	8,1	13,1

башкирская	39,2	21,2	1,1	20,2	5,5	2,8	6,9
татарская	39,7	18,5	6,3	18,5	6,5	2,7	7,7
чувашская	10,8	20,1	3,6	37,1	8,2	6,9	13,3

Если наглядно представить табличные данные в виде лепестковой диаграммы, то мы видим, что культуры дальнего зарубежья – и западного, и восточного – являются дальними и в плане культурной дистанции (см. рис.1).

Открытое неприятие западноевропейских культур показывают каждый десятый респондент, чуть меньше доля тех, кто относится к ним безучастно терпимо; 40 процентам респондентам эти культуры безразличны. Таким образом, 60 процентов респондентов существенно дистанцируются от западноевропейских культур. Подобное отношение проявляется и в отношении культур дальнего восточного зарубежья. Нам представляется маловероятным и ближайшей, и отдаленной перспективе европейский или восточный культурный выбор россиян. И это несмотря и на развитие экономических, политических и культурных контактов с Китаем и Индией; и на более обширное знакомство в школьном образовании западноевропейской художественной литературой, с историей европейских стран.

Что касается культур народов ближнего зарубежья (учитывая то, что в населении России, в том числе Башкортостана, представлены украинцы, белорусы, казахи, узбеки, армяне, азербайджанцы и т.д.), то дистанция в отношении их несколько ближе по сравнению с культурами дальнего зарубежья – в пределах 3 – 4 процентов. Наиболее близкими для респондентов культурами ближнего зарубежья являются белорусская, украинская и казахская.

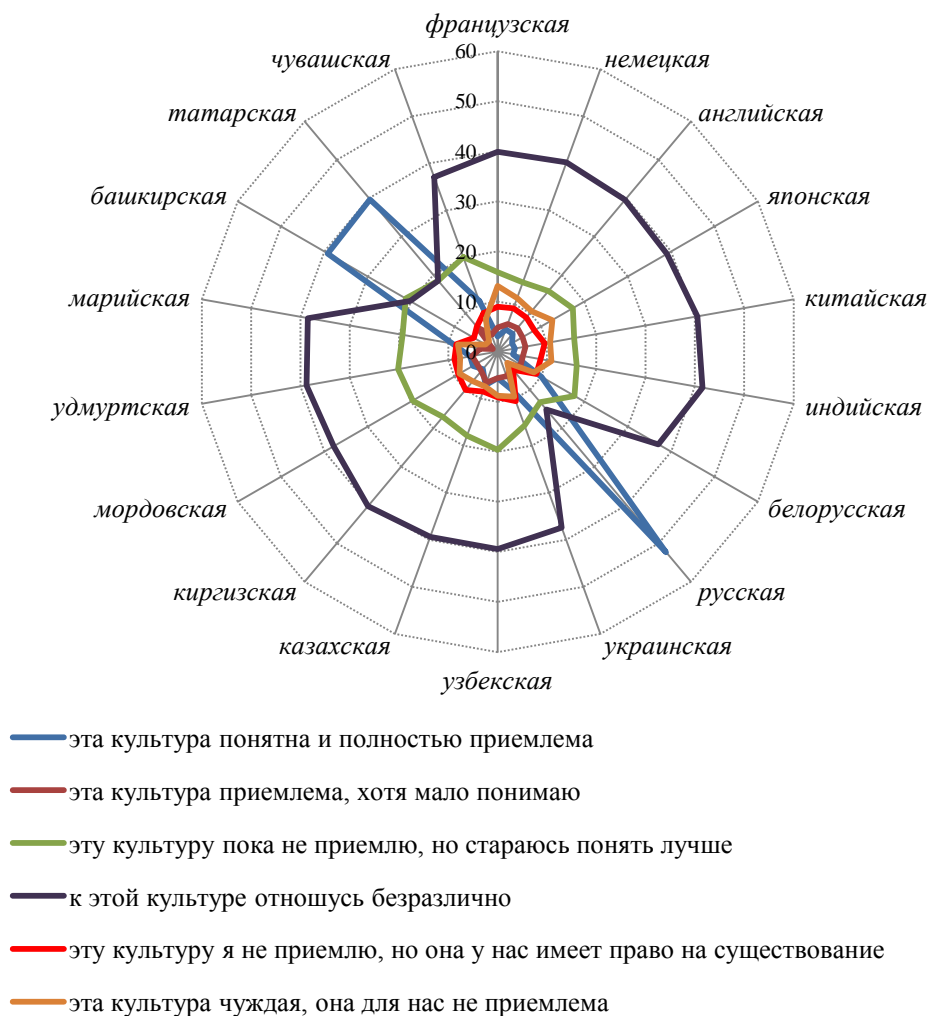

Рисунок 1

Отношение к культурам народов Европы и Азии

В Башкортостане на протяжении длительного исторического времени проживают башкиры, татары, русские, украинцы, мари, чуваш, мордва, удмурты и представители других народов страны. Дистанция в отношении их культур неоднозначна. Наиболее многочисленными этническими группами региона являются русские, башкиры и татары. В культурной дистанции в отношении многочисленных и малочисленных этнических групп региона есть различия. Доля респондентов, выбравших шкалу «эта культура понятна и полностью приемлема» в отношении культур малочисленных народов, составляет от 5 до 11 процентов. В отношении культур русских, башкир и татар доля таких респондентов превышает 4 – 5 раз – от 39 до 52 процентов. Естественно, эти средние данные являются не совсем объективными, поскольку в репрезентативной выборке и количество респондентов русской, татарской и башкирской идентичности многократно больше, чем представителей малочисленных народов. Поэтому необходим анализ культурной дистанции через призму этнической идентичности респондентов. В таблице 2 приведены

данные об отношении респондентов русской, башкирской, татарской и другой (объединенной в одну группу) идентичности к культурам разных народов России и ближнего зарубежья.

Таблица 2

Культурные дистанции респондентов разной этнической идентичности*

<i>Этническое самоопределение респондентов</i>	«эта культура понятна и полностью приемлема»	«эта культура приемлема, хотя мало понимаю»	«эту культуру пока не приемлю, но стараюсь понять лучше»	«к этой культуре отношусь безразлично»	«эту культуру не приемлю, но у нас имеет право на существование»	«эта культура чуждая, она для нас не приемлема»	«затрудняюсь ответить»
<i>русская культура</i>							
Русские	63,1	8,2	3,0	15,1	2,7	1,2	6,6
Башкиры	41,9	17,1	6,4	17,1	5,1	4,3	8,1
Татары	49,0	13,5	4,5	14,8	6,1	4,2	7,7
Другие	50,9	19,0	3,4	12,1	6,0	1,7	6,9
<i>башкирская культура</i>							
Русские	20,9	29,7	3,6	27,9	7,3	1,8	8,8
Башкиры	63,2	10,3	4,3	13,2	2,1	2,6	4,3
Татары	45,0	17,5	3,2	17,8	5,5	4,2	6,8
Другие	27,6	29,3	7,8	19,0	6,9	2,6	6,9
<i>татарская культура</i>							
Русские	19,1	28,5	6,1	27,3	6,1	2,7	10,3
Башкиры	39,9	13,3	9,0	16,3	9,9	4,7	6,9
Татары	67,1	7,7	3,2	11,3	3,9	1,6	5,2
Другие	24,6	29,8	9,6	17,5	7,9	1,8	8,8
<i>чувашская культура</i>							
Русские	8,8	22,1	2,4	40,8	7,3	3,6	15,1
Башкиры	12,3	17,0	5,1	37,4	9,4	8,5	10,2
Татары	5,2	18,8	3,9	37,2	9,7	10,0	15,2
Другие	28,4	24,1	3,4	25,9	4,3	4,3	9,5
<i>мордовская, удмуртская, марийская культуры</i>							
Русские	6,9	21,8	3,3	41,8	7,3	4,1	14,8
Башкиры	3,7	16,9	5,5	39,3	10,8	11,8	11,9
Татары	5,1	18,2	4,0	37,7	8,5	11,2	15,3
Другие	17,4	23,3	7,0	28,5	9,6	4,1	10,2
<i>украинская и белорусская культуры</i>							
Русские	15,3	19,2	3,8	37,7	7,3	3,8	13,0
Башкиры	4,3	15,6	7,5	37,7	9,4	13,2	12,4
Татары	4,5	14,7	3,9	37,5	11,6	12,6	15,2
Другие	13,6	17,1	8,3	34,2	12,3	5,3	9,2

<i>казахская, киргизская и узбекская культуры</i>							
Русские	4,4	20,9	4,6	43,9	7,0	4,3	14,9
Башкиры	6,4	15,6	7,7	37,3	10,4	10,8	11,9
Татары	6,0	16,7	5,1	36,2	10,7	10,8	14,5
Другие	6,7	19,2	6,4	42,0	9,3	5,0	11,4

* Стандартизированное интервьюирование населения Республики Башкортостан в 2016 году по проекту РФФИ «Особенности формирования гражданской идентичности россиян в полиэтническом регионе (на примере Республики Башкортостан)».

Большой интерес представляют данные об отношении респондентов различной этнической идентичности не только к культурам «других», но и к культуре «своей».

Какова культурная дистанция у респондентов русской идентичности? 63 процента из них считают, что **русская культура** для них понятна и полностью приемлема. Следовательно, что примерно 30 процентов респондентов русской идентичности (если не учитывать тех, кто затруднился ответить) в той или иной степени дистанцируются от своей этнической – русской – культуры. Разумеется, можно не относиться серьезно к тому, что 4 процента респондентов русской идентичности не приемлют русскую культуру («у каждого народа найдутся такие»). Но то, что 15 процентов респондентов русской идентичности безразличны к русской культуре, говорит о наличии серьезной проблемы этнической инкультурации, особенно среди молодежи.

Что касается отношения респондентов русской идентичности к культурам других народов, то наиболее близкая культурная дистанция обнаруживается в отношении башкирской и татарской культур (ближе, чем, например, к таким восточнославянским культурам, как украинская и белорусская). Отношение респондентов русской идентичности к культурам других российских народов и народов ближнего зарубежья принципиально не отличается от отношения респондентов башкирской и татарской идентичности.

Перейдем к характеристике культурной дистанции респондентов башкирской идентичности. Мы видим, что отношение к этнической культуре среди респондентов русской и башкирской идентичности по большому счету не отличается (5 процентов не приемлют, 13 процентов безразличны, 63 процента полностью приемлют). Что касается отношения к другим культурам, то наиболее близка дистанция у респондентов башкирской идентичности к русской и татарской культуре.

Отношение к татарской культуре у респондентов татарской идентичности также принципиально не отличается от отношения к своей этнической культуре среди респондентов русской и башкирской идентичности. То же самое можно сказать и о схожей дистанции респондентов русской, башкирской и татарской идентичности к культурам других народов – как российских, так и других стран.

Культурные дистанции в Башкортостане можно представить себе в виде расширяющихся кругов. Самый узкий круг (наиболее короткая дистанция) – это русская, башкирская татарская культуры. Второй круг – это культуры

других народов Урала и Поволжья, белорусская, украинская и казахская культуры. Третий круг – это культуры народов ближнего зарубежья (кроме указанных украинской, белорусской и казахской культур). Самый широкий круг (наибольшая культурная дистанция) – это культуры дальнего зарубежья.

«Узкий» круг культурной дистанции отличается от других преобладанием взаимного приятия этнических культур («эта культура приемлема, хотя мало понимаю» «эта культура понятна и полностью приемлема»), при этом приемлемость демонстрируют половина и более респондентов. В таком круге существует благоприятная почва для межкультурного диалога как равноправной плодотворной коммуникации.

В более «широких» кругах преобладает равнодушие к другим культурам, что позволяет нам утверждать, что культурная дистанция представлена в виде безразличной толерантности. Возможности полноценного межкультурного диалога в условиях превалирования безразличия к другим культурам весьма ограничены.

Интолерантность не является доминирующей характеристикой дистанции в отношении всех указанных культур народов – российских, ближнего и дальнего зарубежья. Межкультурную нетерпимость («эта культура чуждая, она для нас не приемлема», «эту культуру не приемлю, но у нас имеет право на существование») проявляет незначительная часть респондентов.

В начале главы мы обозначили проблему, поставленную идеологами евразийства – следует ли определять российскую культуру в целом как евразийскую.

В нашем исследовательском проекте 2020-2021 годов⁷ респондентам в возрасте от 16 по 30 лет было предложено определить, к каким культурам ближе российская культура. Поскольку не у всех респондентов имеются четкие представления о том, какие народы относятся угро-финским, тюркским и славянским, мы предложили респондентам две шкалы культур – западные и восточные. Итак, как идентифицируется российская культура «между Западом и Востоком»?

Таблица 3

Представления о российской культуре в соотношении с западными и восточными культурами

Российская культура...	ближе к европейским культурам	ближе к восточным культурам	самобытна я, особая культура	не согласны ни с одним определением	затруднились ответить
всего, в т.ч.	14,0	8,0	37,7	17,9	22,4
по возрасту респондентов					
16-18	12,2	7,7	33,8	16,2	30,2

⁷ Проект «Информационные события в конструировании образа России в системе «Я»- и «Мы» - концепций поколений Y и Z» при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ был реализован в 2020-2021 годы. Методом стандартизированного анкетирования было проведено в январе-феврале 2021 года два онлайн-опроса по 1000 респондентов в возрасте 16-30 лет, проживающих в Башкортостане. Выборка районированная (городские и сельские муниципальные образования во всех субрегионах) с последующим отбором респондентов по методу «снежный ком».

19-21	15,0	9,2	41,6	18,1	16,0
22-24	11,7	9,2	35,2	23,0	20,9
25-27	15,3	8,1	34,2	14,4	27,9
28-30	16,3	5,1	41,0	16,3	21,3
по этнической идентичности респондентов					
русская	18,2	9,0	37,8	15,8	19,1
башкирская	9,2	9,2	33,2	19,8	28,6
татарская	12,0	6,3	40,3	17,8	23,6
другие	12,0	7,6	30,4	22,8	27,2
место жительства респондентов					
город, более 1 млн. чел.	15,8	8,7	35,8	21,8	17,9
город, от 50 тыс. до 1 млн. чел.	14,0	9,2	41,4	18,3	17,2
нас. пункт от 10 до 50 тыс. чел.	12,8	10,2	42,3	18,0	16,7
село, поселок менее 10 тыс. чел.	12,0	6,0	34,9	13,7	33,4

Обратим, в первую очередь, на доли респондентов, затруднившихся дать свой ответ. То, что в среднем каждый пятый респондент не может определиться, говорит не только о недостаточном опыте размышлений по этому вопросу, но и об объективной сложности и неоднозначности российской культуры, что не позволяет сводить все к одному знаменателю. Об этом же говорит и выбор варианта ответа «не согласен ни с одним из определений» (российская культура не является однозначно уникальной, прозападной или провосточной).

За исключением тех, кто не смог однозначно дать определение, большая часть респондентов придерживается мнения о самобытности российской культуры. Эта точка зрения практически не зависит от возраста, этничности или места жительства респондентов. Несколько больше, но незначительно, доля тех, кто считает российскую культуру более близкой к европейским культурам, среди русских и жителей крупного города. Что касается отнесения российской культуры к восточным типам, то сторонников такого видения меньше всего. Обращает внимание то, что среди респондентов башкирской и татарской идентичности (если иметь в виду исторически более близкие контакты этих этносов с восточными культурами) «ориенталистов» примерно столько же, сколько среди русских.

В целом, мы не видим явно доминирующей точки зрения о сути российской культуры. Идея самобытности, уникальности российской культуры в молодежной среде не является позицией большинства, с этой точки зрения позиции культурного изоляционизма в молодежной среде не являются прочными. Идеи «европоцентризма», так и «ориенталистики», являются наименее популярными и не могут быть основой прозападных или пантюркистских настроений молодежи.

То, что представления об уникальности, самобытности российской культуры, которая наряду с другими факторами также может быть плодом синтеза культур восточнославянских, тюркских и угро-финских народов, в общественном сознании напрямую не связывается с евразийскими идеями. Представления о самобытности российской культуры не исключают (скорее даже предполагают) самобытность и русской, и татарской, и башкирской или

иной культуры народов России.

Значительная часть респондентов не видят оснований для отнесения российской культуры к какой-либо культурной универсалии и одновременно не усматривают в ней самостоятельную культурную универсалию (самобытную, уникальную). Если учесть, что каждый пятый респондент затруднился со своим ответом, то неопределенность о месте российской культуры является такой же распространенной в общественном мнении, как и представления об ее уникальности.

Как мы видим по данным таблицы, распределение суждений о месте российской культуры во мнениях молодежи практически не связано с возрастом, этничностью или местом жительства (город - село) респондентов.

Подытоживая наш анализ, сделаем следующие выводы. Процесс идентификации российской культуры в общественном сознании еще не завершен. И вряд ли общество придет к единой формуле российской культуры, поскольку социокультурная динамика не упрощает, а, наоборот, усложняет культурную картину общества. При этом эта социокультурная динамика разворачивается в большей степени по своей траектории, тем самым усложняя и общемировую культурную картину.

Что касается гипотезы формирования российской культуры в качестве евразийской культуры, как синтеза различных культур разных по историческому происхождению народов (славянских, тюркских, угро-финских и других), то наши данные не подтверждают ее. В общероссийских масштабах российская культура представляет взаимопроникновение различных культур при ведущей роли русской культуры. Но в региональном срезе мы увидим различные модификации российской культуры. Так, в регионах, в которых русские составляют 80-90 процентов населения, русская культура и есть российская культура. В многообразных в этнокультурном плане регионах – иные модификации российской культуры. Регионы страны в этнокультурном отношении заметно отличаются друг от друга. Это отличие состоит не только в том, какими этносами и в каком соотношении представлен тот или иной регион. В одних регионах происходит интенсивная межэтническая интеграция, активная межкультурная коммуникация; в других регионах сохраняется обособленность этносов и их культур. Поэтому в одних регионах складываются культуры надэтнического характера при сохранении самих этнических культур, другие регионы можно охарактеризовать преимущественно как конгломерат этнических культур.

Если рассмотрим евразийскую модель культуры как некое единство культур славянских, тюркских, угро-финских и других культур, то в каждом регионе это единство своеобразное, оригинальное [5; 7; 9; 10; 11; 12; 21]. Так, применительно к Башкортостану в целом можно утверждать, что складывается «евразийская» культура на основе интеграции русской, башкирской и татарской культур при сохранении их автономности. В то же время в Башкортостане в отдельных городах, поселках и селах формируются специфические локальные «евразийские» культуры (включая чувашскую, марийскую, удмуртскую,

украинскую, мордовскую культуры).

Различные локальные культуры являются результатом не просто этнической и языковой близости населения, но и в большей мере повседневным неформальным межэтническим общением. Такое общение относится, по определению М. Грановеттера, к «сильным» связям. «Сила связи — это комбинация (вероятно, линейная) продолжительности, эмоциональной интенсивности (emotional intensity), близости, или взаимного доверия (confiding), и реципрокных услуг, которые характеризуют данную связь» [22]. Если глобальные культуры формируются благодаря «слабым» (опосредованным, формальным) связям, особенно — посредством массовых коммуникаций, то локальные культуры складываются в результате межличностных коммуникаций.

В целом российскую культуру можно условно обозначить как евразийскую, имея в виду существование многообразных этнических и региональных культур. Но евразийское определение российской культуры — это скорее ее не органическая, а механистическая характеристика. В плане евразийства российскую культуру можно представить не в целом, а виде мозаичной картины множества локальных и региональных моделей интеграции славянских, тюркских, угро-финских и иных культур.

Список литературы

1. Аязбекова С.Ш. Евразийская культура: становление и основные этапы развития // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2017. № 1 (1). С. 5-10.
2. Аязбекова С.Ш. Культура в евразийском пространстве: теория, практика и современность // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2018. № 1 (2). С. 16-20.
3. Аязбекова С.Ш. «Большая Евразия» и евразийская культура в контексте мировых цивилизаций // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2019. № 1 (3). С. 5-11
4. Бабарыкина Н.В. Формирование этнической культуры молодежи в рамках евразийского пространства // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2018. № 1 (15). С. 103-106.
5. Гаджигасанова Н.С., Хайруллина Н.Г. Значимость идентификаций в представлениях населения в контексте особенностей этноконтактной среды (на примере исследования в российских регионах) // Знание. Понимание. Умение. 2015. №4. С.78-93.
6. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. Т. 10. № 4. Сентябрь 2009. С.31- 50.
7. Евстифеев Р.В. Исследования локальных идентичностей: теоретические подходы и перспективные направления // Научный результат. Социология и управление. – 2017. Т.3, №2. С.3-9.
8. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Смыслжизненные ценности в культурном пространстве российской молодежи // Научный результат. Социология и

управление. 2018. Т. 4, N 3. С.3-13. DOI: 10.18413/2408-9338- 2018-4-3-0-1

9. Максимова О.А., Нигматуллина Л.К. Молодежь Татарстана о межэтнических отношениях: региональный срез в контексте социологического анализа // Вестник экономики, права и социологии. 2020. №4. С.222-226.

10. Максимова С.Г., Морковкина А.Г. Образ России в представлениях населения современных приграничных регионов // Siberian Socium. 2017. Т. 1. № 1. С. 76-83.

11. Левашов В.К., Хайруллина Н.Г. Россия – Тюмень: векторы евразийского развития // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2015. № 2. С. 124-126.

12. Левашов В.К., Малькова В.К., Шайхисламов Р.Б. и др. Социальные и пространственные измерения современного региона. Отв.ред. Левашов В.К., Хайруллина Н.Г. Тюмень, Тюменский индустриальный университет, 2020. 185 с.

13. Лекторский В.А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. № 11. 1997. - С. 46-54.

14. Мелас В.Б. Шесть способов существования // Логико-философские штудии. 2016. Т.14. №1. С.224-231.

15. Матис В.И. Формирование евразийской поликультуры // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2019. № 1 (3). С. 19-23.

16. Немцева О.В., Михайлов И.В., Гузенина С.В. Научное измерение культурной дистанции и культурных границ в практике международных отношений // Caucasian Science Bridge. 2020. Т. 3. № 4 (10). С. 36-47.

17. Панарин С.А. Локус евразийства в современной российской культуре // Вестник Евразии. 2006. №1. С.19-29.

18. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Феномен евразийства // Евразийство и мир. 2013. Т. 1. № 2. С. 4-17.

19. Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / Институт этнологии и антропологии РАН; [В.В. Амелин и др.]; Авт. проекта и отв.ред. Дробижева Л.М. – М.: Изд-во Ин-та социологии, 1998. – 385 с.

20. Федосеева А.М., Пирлик Г.П. Феноменология субъектности как проявления личностного в отношениях с другим // Актуальные проблемы психологического знания. 2016. № 2 (39). С. 89-100.

22. Шаповалова И.С., Заводян И.С., Валиева И.Н. Молодежь российского приграничья: проблема этнической идентичности и толерантности // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7. № 1. С. 21-38.

22. Granovetter M. Network Sampling: Some First Steps // American Journal of Sociology . Vol.81. Issue 6 (May), 1976, 1287-1303.

Shaikhislamov Rafael Badretdinovich - Doctor of Sociology, Professor of Bashkir State University rafaelbadretdinovich@mail.ru

Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А.,
Maksimova S.G., Noyanzina O.E., Omelchenko D.A.,

**МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЕ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В
ПРИГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ И
МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ⁸
INTERRELIGIOUS AND INTERNATIONAL RELATIONS IN THE BORDER REGION
OF RUSSIA: INSTITUTIONAL CONDITIONS AND INTERCULTURAL DIALOGUE**

Аннотация. В материале представлен анализ межрелигиозных и межнациональных отношений в динамике за период с 2015 по 2022 гг., на основе ежегодного социологического мониторинга оценки мнений не менее чем 1200 жителей Алтайского края и экспертов – руководителей общественных этнических объединений. В Алтайском крае, несмотря на наличие отдельных негативных проявлений, ежегодно фиксируются стабильно высокие позитивные оценки отношений между жителями как разной национальности, так и вероисповедания. Результаты проводимых исследований свидетельствуют о том, что восприятие этой сферы не связано с объективно существующими процессами и событиями, а в значительной степени продиктовано мнениями, представлениями и установками населения, на которые влияют структурные, мировоззренческие и социально-психологические факторы. Управление в сфере национальной политики отличается тем, что его эффект имеет отложенный характер, процессы в данной области инерционны, но при этом имеют высокий потенциал спонтанной активизации.

Abstract. The article presents the analysis of interreligious and interethnic relations and their changes during the period from 2015 to 2022, based on the annual sociological monitoring of public opinion among at least 1200 residents of the Altai Krai and among experts – leaders of public ethnic associations. In the Altai Krai, despite the presence of certain negative manifestations, consistently high positive assessments of relations between residents of different ethnicities and religions are recorded every year. The results of research indicate that perception in this sphere is not related with objectively existing processes and events, but is largely dictated by the opinions, perceptions and attitudes of the population, which are influenced by structural, attitudinal and socio-psychological factors. Administration in the sphere of national policy is distinguished by deferred effects, the processes in this area are inertial, but at the same time have a high potential for spontaneous activation.

Ключевые слова: межрелигиозные отношения, межнациональные отношения, приграничный регион, институциональные условия

Keywords: interreligious relations, interethnic relations, border region, institutional conditions

Алтайский край исторически сформирован как многонациональный и полиэтничный регион, объединяющий в себе более 140 народностей и около 20 религиозных направлений, поэтому развитие межнациональных и межконфессиональных отношений всегда привлекало и привлекает внимание как исследователей, так и практиков. В настоящее время тема межнациональных и межэтнических отношений в Алтайском крае, реализации государственной национальной политики на уровне региона активно изучается научным сообществом [6, 10].

Вместе с тем новые исторические и социальные условия ставят перед экспертным и научным сообществом и новые задачи. Как пишут В.Ю. Зорин и М.С. Каменских, сейчас «ощущается острая потребность в обобщении позитивных практик, разработке и внедрении новых механизмов реализации Стратегии⁹, нацеленных на решение двуединой задачи

⁸ Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 22-28-01120 «Модели конструирования религиозной идентичности в приграничных регионах России: институциональные механизмы, стратегии и практики» (2022-2023 гг.)

⁹ Имеется в виду Стратегия государственной национальной политики.

формирования российской гражданской нации и сохранения этнокультурного многообразия народов России. <...> Очевидно, что на это и должны быть направлены усилия учёных, а обобщённые рекомендации могут стать основой для дальнейшей более углублённой разработки данной темы» [5]. Гармонизация и развитие межнациональных отношений, профилактика межэтнических и межконфессиональных конфликтов – это одно из важнейших направлений деятельности органов власти и местного самоуправления в любом полиэтническом регионе. Однако решение этих задач невозможно без учета мнения самого населения, поэтому органам власти необходимо активно взаимодействовать с представителями национально-культурных общественных объединений, которые могут и должны стать инструментом реализации национальной политики государства.

Как отмечал генеральный директор ЮНЕСКО Ф. Майора: «Жизнь в условиях многообразия является одним из источников серьезных проблем для обществ, в которых подрастают наши дети. В мире, где взаимопроникновение различных культур принимает все большие масштабы, обучение ценностям и навыкам «жизни общества» стало первоочередной задачей воспитания. Потому я обращаюсь к главам государств и правительствам мира, министрам и чиновникам, ответственным за образование на всех уровнях, к мэрам больших и малых городов, деревень и поселков, ко всем учителям, религиозным сообществам, журналистам и родителям: воспитывайте и учите наших детей и молодежь быть открытыми, относиться с пониманием к другим народам, к их истории и культуре, учите и основам человеческого общежития, учите тому, насколько важно отказываться от насилия и искать мирные пути разрешения споров и конфликтов». Именно память и знание истории и культуры своего народа, ощущение сопричастности к истории государства, его лидерам, духовным, материальным и культурным достижениям служат источниками гордости принадлежностью к нации и государству, которое ее олицетворяет.

Многонациональность (многонародность) населения России – это реальность не только прошлого, но и настоящего. Это живой процесс, подверженный трансформациям, включающий в себя взаимопроникновение и взаимовлияние культур. Причем этот процесс не всегда происходит бесконфликтно, а балансирует на стыке столкновения культур. Вместе с тем, интеграционные тенденции в поликультурном, социально дифференцированном обществе являются важным показателем его социального благополучия и эффективности развития.

Отметим, что на территории Алтайского края проживают представители более чем 140 народов и народностей, многие из них – выходцы из разных регионов России, стран СНГ. Несмотря на то, что Алтайский край не входит в число субъектов с наибольшей долей въехавших иностранных граждан, структура миграционных потоков, определяет характеристики ситуации в сфере межнациональных отношений.

Отсюда на сегодняшний день чрезвычайно актуальным является выявление особенностей взаимодействия различных национальных групп с местным населением.

С 2015 года на территории Алтайского края организован ежегодный социологический мониторинг, результаты которого позволяют не только охарактеризовать состояние межнациональных отношений, но и дать обоснованные прогнозы их развития на основе ежегодной оценки мнений не менее чем 1200 жителей Алтайского края и экспертов – руководителей общественных этнических объединений. В целом, в Алтайском крае, несмотря на наличие отдельных негативных проявлений, ежегодно (2015–2022 гг.) фиксируются стабильно высокие позитивные оценки отношений между жителями как разной национальности, так и вероисповедания. К сожалению, результаты проводимых исследований свидетельствуют о том, что восприятие этой сферы не связано с объективно существующими процессами и событиями, а в значительной степени продиктовано мнениями, представлениями и установками населения, на которые влияют структурные, мировоззренческие и социально-психологические факторы. Управление в сфере национальной политики вообще отличается во многом тем, что его эффект имеет

отложенный характер, процессы в данной области инерционны, но при этом имеют высокий потенциал спонтанной активизации.

Многообразие национального состава населения Алтайского края, многовековой опыт межкультурного взаимодействия, традиции учета культурного потенциала и интересов всех проживающих на его территории народов, высокий уровень самосознания этнических общностей составляют интеграционный ресурс края, определяют состояние и позитивный вектор дальнейшего развития межнациональных отношений.

Проведенный в 2022 году анализ межнациональных отношений показал, что по оценкам населения, они имеют отчетливо положительный характер. Не менее половины опрошенных жителей региона отмечали высокую распространенность взаимопомощи граждан друг другу вне зависимости от их национальной принадлежности (50% оценок выше 7 баллов и 33% оценок в диапазоне 5-6 баллов), почти половина (40-46% высоких оценок) – были уверены, что отношения между национальностями в Алтайском крае складываются на основе дружбы и уважения в обычаям, традициями и языку друг друга, 37% - указывали на уважительное отношение к представителям другой национальности. Между тем, традиционно низкие оценки были получены по показателям справедливости распределения должностей и различных благ для любых национальностей и осуждения проявлений национализма: только около пятой части респондентов (21-23%) дали по ним высокие оценки, тогда как более 40% отметили их слабую выраженность (рисунок 1). Таким образом, даже если в целом межнациональные отношения в регионе оценивались как благоприятные, они все же не были лишены своих недостатков. Неравенство доступа к ресурсам и попустительское отношение к лицам, подрывающим основы мирного взаимодействия между национальностями, являются значимыми уязвимыми местами в отношении населения, заслуживающими внимание со стороны субъектов национальной политики.

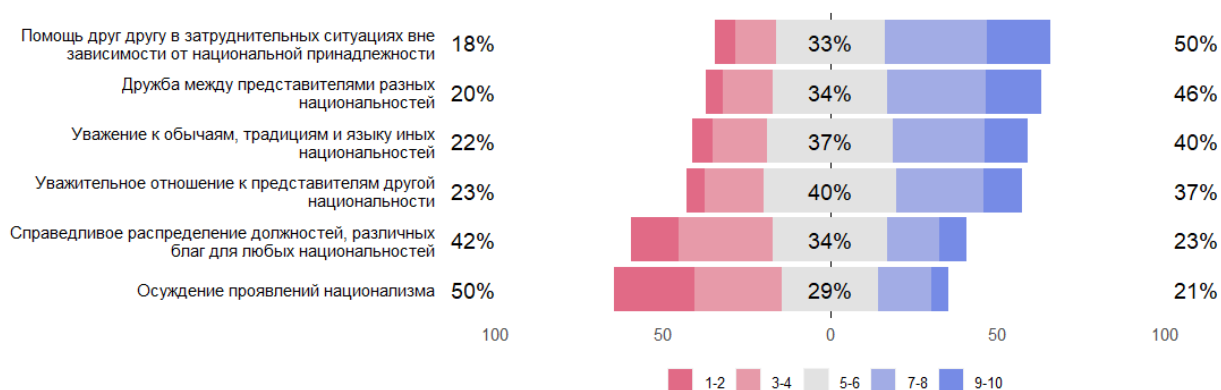

Рисунок 1 – Суммарные оценки выраженности положительных проявлений межнациональных отношений в Алтайском крае в 2022 году, %.

Несмотря на то, что большинство населения давало высокие и средние оценки, нельзя сказать, что общественное мнение было полностью единодушным. К примеру, женщины чаще давали более высокие оценки (выше семи баллов) выраженности дружбы между представителями различных национальностей (51,7% в группе мужчин 46,0%) и в среднем более высоко оценивали уровень уважения, проявляемого другим национальностям (среднее значение 6,1 балла, в группе мужчин 5,8 балла¹⁰).

Нужно отметить, что именно показатель дружбы между представителями разных национальностей стал своеобразным камнем преткновения между жителями Алтайского края, принадлежащим в различным социальным группам и категориям. Так, довольно существенными были различия в возрастных группах населения. Если среди 30-49 летних респондентов высокую оценку «дружбе народов» давали 49,1%, то среди молодежи до 29 лет

¹⁰ Здесь и далее при сравнении двух групп описаны только значимые различия в пропорциях или средних значениях: $p < 0,05$, χ^2 , $p < 0,05$, t-критерий Стьюдента.

– гораздо меньше (45,4%), а среди представителей старшего поколения и вовсе – 38,5%. Кроме гендерных и возрастных, значимыми являлись и поселенческие различия, а также различия по уровню дохода респондентов и образованию: проявления дружбы значимо чаще высоко оценивались в городе (48,6%, в селе – 39,4%), и в группах лиц, имеющих высокие доходы (59%, в группе респондентов со средними доходами 42,1%, с низкими – 36,0%) (рисунок 2).

Возрастные различия отчасти определили и дифференциацию оценок выраженности дружбы между представителями различных национальностей в статусных группах: меньше всего высоких оценок (36,6%) было выявлено в группе неработающих пенсионеров, тогда как среди наемных работников и руководителей доля таких оценок составила 48-50%, среди неработающих граждан – 40%. О более высоких проявлениях дружбы между представителями других национальностей также достоверно чаще говорили более образованные граждане (средний балл 6,36 среди лиц с высшим образованием), чем лица с менее высокими образовательными уровнями (6,08 балла).

Экономический фактор определял не только оценки выраженности дружбы, но и других позитивных характеристик межнациональных отношений, таких как уважение к представителям других культур, их языку и обычаям и помощь друг другу в затруднительных ситуациях вне зависимости от национальной принадлежности. Во всех случаях максимальные высокие оценки были даны в группах респондентов, обладающих более высоким уровнем благосостояния (50,6%, 58,4% и 46,1%), разрыв с группами с меньшими доходами достигал более 10 пп. При этом, в отношении взаимопомощи большую солидарность проявили группы граждан, считающие себя либо бедными (51,1%), либо, напротив, богатыми (58,4%), контрастировавшие с представителями «среднего класса», оценившего уровень взаимопомощи между жителями региона вне зависимости от их национальной принадлежности как менее высокий (45,7%). Что касается осуждения национализма, то здесь обеспеченные граждане, напротив, реже давали высокие оценки (15,4%), в особенности по сравнению с гражданами с средними доходами, считавшими борьбу с национализмом гораздо более эффективной (22,7% высоких оценок (рисунок 3)).

Наличие проблем с распределением ресурсов, неравномерность восходящей мобильности в различных национальных группах значимо чаще отмечалось в группе респондентов с высшим образованием (20,4% высоких и 79,6% средних и низких оценок по показателю справедливости) по сравнению с лицами с меньшим уровнем образования (25,0% высоких и 75% средних и низких оценок), тогда как распространенность взаимопомощи вне зависимости от национальной принадлежности оценивались более высоко неверующими респондентами (55,0%), тогда как среди верующих объем такой помощи считался скорее недостаточным (48,0% высоких оценок). Выявленные различия свидетельствовали не только об особенностях восприятия межнациональных отношений, обусловленных социально-психологическими факторами, такими как пол или возраст, но и указывали на внутрирегиональную неоднородность распределения указанных характеристик в различных зонах социального пространства, дифференцируемых по уровню социально-экономического благополучия, жизненного уклада и ценностей.

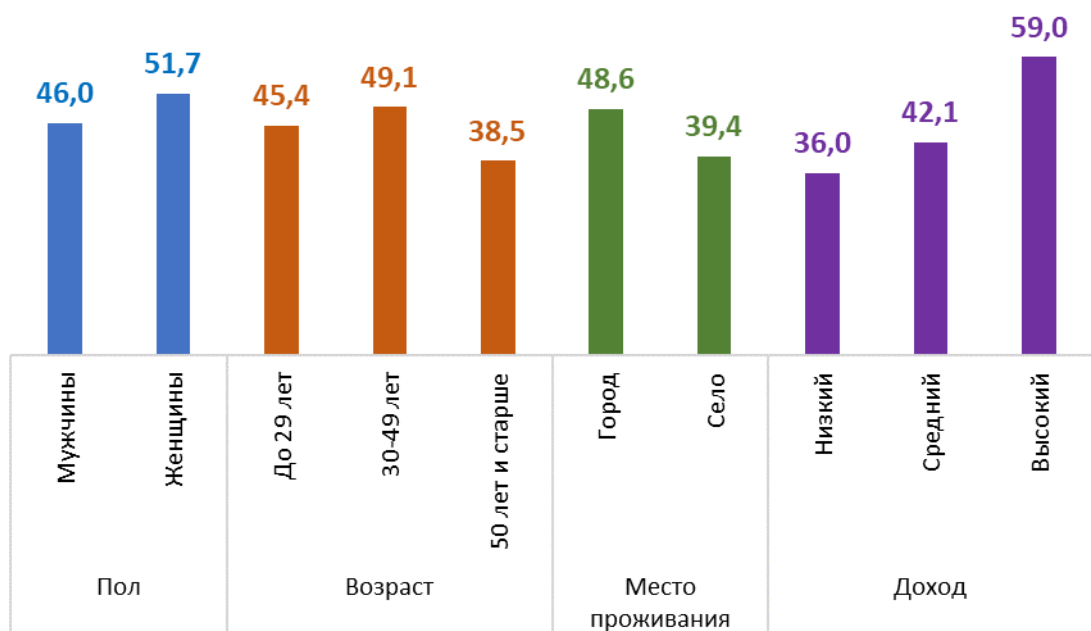

Рисунок 2 – Различия между долями высоких оценок респондентов в зависимости от пола, возраста, места проживания и уровня доходов, %.

Рисунок 3 – Различия между долями высоких оценок респондентов по показателям уважения к представителям другой национальности, их обычаям, традициям и языку и взаимопомощи разных национальностей, осуждения проявлений национализма в зависимости от уровня доходов, %.

Сравнение показателей оценки выраженности положительных тенденций в межнациональных отношениях в Алтайском крае за пять лет (2015-2020 гг.) показало наличие общих трендов, заключающихся в снижении оценок населения в период с 2015 по 2017 годы и их устойчивый рост в 2018, и особенно в 2019 и 2020 годах. Эти тенденции отчетливо видны как по увеличению доли высоких оценок, так и по динамике среднего балла, учитывающего не только высокие, но и низкие оценки.

Так, к примеру, в 2019 году произошел существенный скачок в количестве высоких оценок по показателю дружбы между национальностями (42,7%, +6,2% к предыдущему году) после четырех лет стабильных оценок в диапазоне 36,5-38,5%. В 2020 году рост

продолжился, и доля высоких отметок (45,5%) стала максимальной за весь пятилетний период. Похожую картину можно наблюдать и в отношении показателя взаимопомощи в затруднительных ситуациях вне зависимости от национальной принадлежности: снижение среднего балла до 6,0 пп. в 2017 году, произошедшего из-за увеличения низких оценок (высокие оценки, как можно увидеть на графике, практически не изменились), сменилось его поступательным ростом, сопровождающимся увеличением количества граждан, высоко оценивающих выраженность данного проявления. Максимальный прирост высоких оценок наблюдался в 2019 году (+6,6%), в 2020 рост сократился, но все-равно привел к весьма внушительным результатам практически в 50% опрошенных с высокими оценками. Что касается проявления уважения к обычаям, традициям и языку иных национальностей, то по данному показателю оценки респондентов изменялись по несколько другой траектории. В 2016 году был значительный всплеск (с 29,8% до 38,3% высоких оценок, прирост составил 8,5%), затем в 2017 году произошло небольшое снижение до 34,6% высоких оценок. После 2017 года наблюдается рост, в 2020 году составивший 40% граждан, дающих высокую оценку по данному показателю (рисунок 4).

Оценки населения относительно выраженности уважительного отношения к представителям другой национальности в значительной степени коррелировали с оценками уважения к их языку, обычаям и культуре: коэффициент корреляции между этими двумя характеристиками составил $r = 0,55$ в 2015 году, $r = 0,61$ в 2016 году, $r = 0,57$ в 2017, $r = 0,54$ в 2018, $r = 0,48$ в 2019 и $r = 0,55$ в 2020 году (все корреляции значимы на 1% уровне). Различия в средних значениях в разные годы не превышали порога в 0,1-0,2 балла, что также свидетельствовало о сходстве их восприятия и оценивания респондентами, считающими, что уважать человека, значит уважать и ту культуру, к которой он принадлежит, ее ключевые элементы, ценности и символы.

Рисунок 4 – Динамика высоких оценок и среднего балла по показателям положительных тенденций в межнациональных отношениях в Алтайском крае, 2016-2020 гг. (часть 1).

В отношении показателя справедливости распределения должностей и различных благ для любых национальностей наблюдалось значительное колебание оценок даже в достаточно краткосрочном пятилетнем периоде. Максимальные доли высоких оценок (28,6% и 29,8%) были отмечены в 2016 и 2019 годах, минимальные – в 2017 и 2020 годах (21,6% и 23,1%). Причины такого разброса оценок не ясны и вряд ли могут быть выяснены с достоверной точностью, однако можно предположить, что экономические факторы сыграли в их детерминации если не доминирующую, то весьма существенную роль. Если посмотреть как за этот период (чуть меньший, так как за 2020 год итоги еще не подведены), изменялись показатели доходов населения, в частности уровень бедности (по данным о количестве

жителей, имеющих доходы ниже регионального прожиточного минимума), и как эти доходы соотносились с возможностями жителей региона обеспечивать себя необходимыми товарами (что можно оценить по соотношению медианного дохода к фиксированной стоимости товаров и услуг), то можно увидеть довольно четкую параллельную зависимость между возрастанием или убыванием доли бедного населения и оценками справедливости, полученными в ходе наших социологических опросов (рисунок 6). Постоянное сокращение покупательной способности населения (доходы растут медленно, непропорционально увеличивающейся стоимости потребительской корзины) выступало дополнительным негативным фоном и проецировалось на оценки состояния межэтнических отношений.

Что касается оценок активности населения в осуждении национализма, признания его негативного влияния на характер межэтнических отношений, то характер их распределений в динамике показывает наличие двух основных периодов. Первый период, с 2015 по 2017 годы, характеризовался ежегодным незначительным увеличением количества граждан, высоко оценивающих уровень борьбы с национализмом в Алтайском крае. Во второй период, с 2018 года, началась тенденция к сокращению оценок до уровня 20,9%, после незначительного повышения в 2019 году. Такое отмечаемое жителями региона снижение бдительности по отношению к проявлениям национализма, по нашему мнению, не вполне оправдано и преждевременно, учитывая, что за последние годы (по крайней мере с 2018 года) в регионе значительно увеличилось количество лиц, испытывающих раздражение и неприязнь к представителям других наций и народов. При этом для оправдания своих негативных эмоций часто используются шовинистические лозунги, оправдывающие этническую неприязнь несоблюдением представителями недоминирующих этнических групп обычаев нашей страны (свыше 40%, в 2019 году – 45,7% среди ответивших на вопрос респондентов), низкой культурой поведения (свыше 30%, в 2019 году – 34,4%), враждебным отношением к русским (свыше 25%, в 2019 году – 38,2%), вовлеченностью представителей других национальностей в преступную деятельность (свыше 20%, в 2019 году – 30%) и другими причинами. И хотя следует признать, что оценки выраженности националистических взглядов в целом корреспондируют с оценками населения в отношении борьбы с ними, все вкуче свидетельствует о том, что уровень общественного контроля за данным негативным явлением занижен и не соответствует актуальному состоянию его проявлений (рисунок 5).

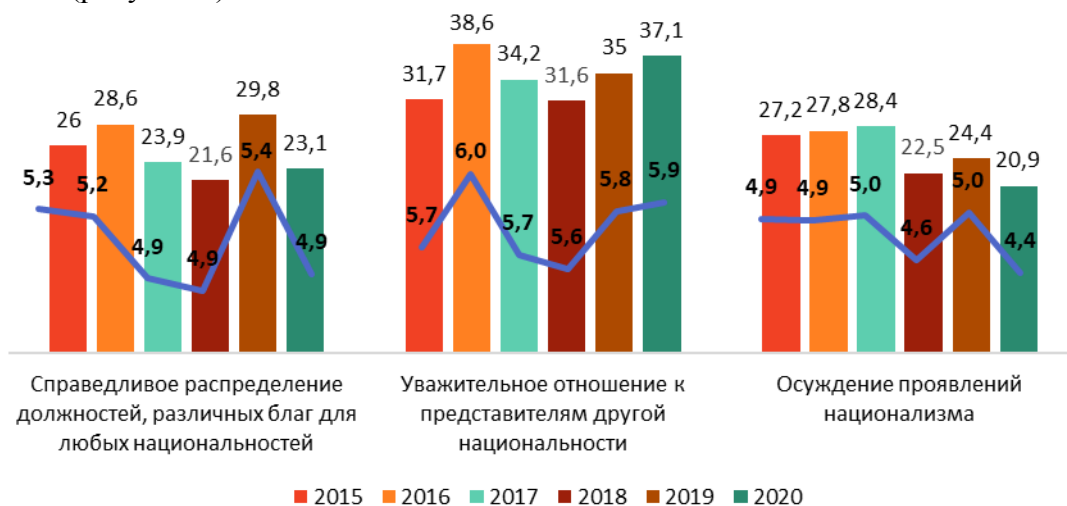

Рисунок 5 – Динамика высоких оценок и среднего балла по показателям положительных тенденций в межнациональных отношениях в Алтайском крае, 2016-2020 гг. (часть 2).

Рисунок 6 – Динамика показателей доходов населения Алтайского края (доля населения с доходами ниже прожиточного минимума и отношение медианных доходов к стоимости фиксированного набора товаров и услуг), 2015-2019. *Источник: данные Росстата, рассчитано и визуализировано авторами.*

Антиподом гармоничных межэтнических отношений выступает межэтническая напряженность, проявления которой имеют большое разнообразие, от латентных, тщательно завуалированных форм дискриминации до межнациональной розни и вражды, в крайних случаях достигающих уровня военного противостояния, сопровождающегося многочисленными человеческими жертвами.

Социальная напряженность в целом, не только в межнациональной сфере, является неотъемлемым атрибутом общества, важной характеристикой общественного сознания и поведения. Идеального общества не существует, и пока остаются непреодоленными проблемы социального неравенства, несправедливости, социальной дифференциации, находящиеся в более ущемленном, уязвимом положении группы всегда будут иметь претензии к тем, кто находится в привилегированном положении. Присутствуя во всех современных полиэтнических обществах, межэтническая напряженность представляет собой такую характеристику межэтнических отношений, при которых национально-этнические группы или их отдельные представители находятся в отношениях некоторой оппозиции, соперничества или конкуренции [4]. Как и социальная напряженность, ее межэтническая разновидность формируется под влиянием множества факторов, среди которых не последнюю роль играют политические и экономические, стимулирующие борьбу этносов за различные ресурсы и доминирование в той или иной социокультурной среде. Взаимодействия такого рода предполагают актуализацию в групповом, этническом сознании враждебных или даже конфликтных установок и стереотипов в отношении иных этнических групп, проявляющихся в виде этнизации сознания, ярко выраженной болезненной этнической идентичности и этноцентризма, констатации наличия угроз существования этноса, готовности к мобилизации для восстановления справедливости всеми средствами, включая самые радикальные [8].

Широкий взгляд на природу межэтнической напряженности предполагает ее понимание в качестве «нарушенного баланса взаимоотношений во всех сферах многонационального сообщества, в результате которого происходит раскол массового сознания на множество этнических идентичностей и межэтнические отношения переструктурируются согласно новым социальным условиям» [10]. Межэтническая напряженность возникает не только в результате комбинации объективных факторов и особенностей этноконтактирования, определяющих потенциал межэтнической напряженности, таких как доступ к власти, неравномерность распределения ресурсов, но и как результат отражения в сознании членов этнических групп общественных отношений и

межэтнических взаимодействий, негативного восприятия и отношения к членам других этнических групп, идентифицируемых в качестве виновных в бедах этноса, разделяемых достаточно большим количеством людей. Иными словами, межэтническая напряженность имеет не только качественные, но и выраженные количественные характеристики, достигая своего апогея в том случае, когда аргументы и мнения сторонников этнических разногласий начинает разделять большинство.

Ученые сходятся во мнении, что оценка уровня межнациональной напряженности требует комплексных методических решений, не ограничивающихся описанием идентификационных процессов или основывающихся на простых, односоставных показателях, что обуславливается ее многоаспектным характером. Зарубежные исследования по данной проблематике часто ориентируются на подход, позволяющий оценить уровень разобщенности общества по различным основаниям, которые могут лежать в основе межэтнических конфликтов – этническому, конфессиональному или лингвистическому признаку. Для этой цели используются разнообразные индексы – этнолингвистической фрагментированности, этнического разнообразия, этнической поляризованности, мозаичности и т.д. Расчет таких индексов как правило производится на основе статистических данных о количестве таких групп и их численности, обновляемых крайне медленно, что делает их слабо привязанными к актуальной ситуации. Такой подход делает также невозможным выделение детерминант этнонациональной напряженности, провести прикладной анализ тех социально-демографических групп, в которых она концентрируется. Мы солидарны с этой критикой и также разделяем мнение о том, что более эффективная методика межэтнической напряженности должна позволять выявлять среди населения распространенность ксенофобии, националистических установок и опасных поведенческих паттернов [7].

Инструментарий социологического мониторинга в Алтайском крае включал семь основных показателей, характеризующих различные формы проявления межэтнической напряженности – вербальные, психологические и физические, реализуемых на различных уровнях – индивидуальном, межгрупповом и социальном. Эти показатели описывали основные компоненты негативных установок: *когнитивные*, проявляющиеся в виде определенных представлений, стереотипов и предрассудков, *эмоционально-оценочные*, характеризующие отношение к межэтническим взаимодействиям и *поведенческие*, реализуемые в конкретных действиях представителей этносов в отношении друг друга.

Согласно результатам мониторинга, полученным в 2022 году, жители Алтайского края в большинстве случаев давали низкие оценки выраженности распространенности всех негативных явлений, что свидетельствовало в целом о мирном характере межнациональных отношений. Самыми частыми проявлениями межэтнической напряженности, судя по количеству высоких оценок, являлись – предрассудки, мешающие установлению дружеских отношений (17%), недружелюбные или враждебные высказывания о людях другой национальности (15%), соперничество за лидерство между представителями разных национальностей (12%).

Особую важность в диагностике межэтнических конфликтов и напряженности имели два показателя, оценивающих наиболее опасные для общества поведенческие проявления: психологическое давление, оказываемое на представителей других национальностей, в том числе осуществляемое посредством оскорблений и угроз, и физические действия противоправного характера, имеющие этническую мотивацию. По первому показателю доля высоких оценок в 2022 году составила 11% (66% низких оценок и 23% - оценок среднего диапазона), по второму – 10% (69% низких оценок и 21% средних).

Примечательно, что реже всего встречаемыми явлениями среди проявлений межэтнической напряженности, по мнению опрошенных, являлись осуждение межнациональных браков (9% высоких, 22% средних и 69% низких оценок) и недружелюбные высказывания о людях иной веры (8% высоких оценок, 22% средних и 71% низких) (рисунок 7). Таким образом, несмотря на распространенность когнитивных

искажений и неполноценных знаний о представителях различных этнических культур, достаточно высокой конкуренции между национальностями, в повседневной сфере между национальностями осуществлялись тесные контакты, создание межэтнических семей если не поощрялось, то и не находилось под запретом, не приводило к каким-то серьезным санкциям. Одновременно с этим, несмотря на тесную взаимосвязь между этнического и религиозного компонентов межэтнических отношениях, население Алтайского края проявляло значительно большую веротерпимость, чем этническую толерантность. Вопросы веры, проявления религиозности представителями разных национальностей не являлись значимыми основаниями для межэтнических разногласий.

В отличие от оценок выраженности толерантного, уважительного отношения к другим национальностям, которые оценивались жителями региона достаточно согласованно, в отношении негативных проявлений было выявлено значительное количество различий по социально-демографическим, экономическим, культурным основаниям в актуальном разрезе и в пятилетней динамике.

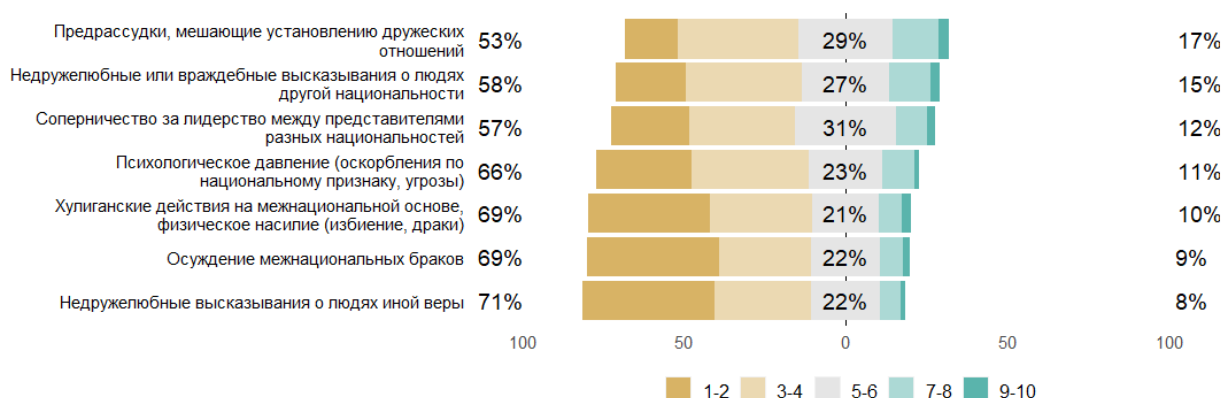

Рисунок 7 – Негативные проявления в межнациональных отношениях в Алтайском крае в 2022 году, %.

В частности, гендерные различия проявились в более высокой оценке распространенности неэтичных высказываний о людях иной веры среди мужчин (среднее значение 3,5 балла, 36,8% оценок диапазона 1-2 балла), чем в группе женщин (среднее значение 3,3 балла, 44,6% низких оценок того же диапазона). Однако, в силу гендерных диспропорций в возрастной структуре населения (среди молодежи до 30 лет нашей выборке было опрошено значимо больше мужчин – 35,7%, чем женщин – 28,7%, тогда как в возрастной группе старше 50 лет, напротив, было опрошено больше женщин – 34,0%, чем мужчин – 28,4%, что согласовывалось с реальным половозрастным составом населения), гендерные различия вероятнее всего обуславливались поколенческими сдвигами в оценках, чем собственно различиями в восприятии ситуации представителями разного пола.

Существенные различия по возрасту наблюдались по четырем показателям из семи – описывающим распространённость предвззудков, недружелюбных или враждебных высказываний о представителях другой национальности, психологического давления и недружелюбных высказываниях о людях иной веры. Как правило более высокие оценки давала молодежь, наиболее чувствительная к проявлениям интолерантности, что уже неоднократно фиксировали наши исследования. Именно в молодежной среде в наибольшей степени наблюдается интенсификация межкультурных коммуникаций, что связано с многократно усилившейся интернализацией образования, открытостью регионального рынка труда для иностранных мигрантов, незащищенностью информационного пространства от языка ксенофобии и вражды, противоречивой и трудной для проверки достоверности информации. Не случайно именно молодое поколение в два раза выше оценивает вероятность возникновения конфликтов на национальной почве (10% против 5,1% в других возрастных группах), хотя и оценивает межнациональные отношения в целом наравне с

другими группами как доброжелательные, способствующие межнациональному согласию или по крайней мере нормальные.

Только по показателю распространенности негативных высказываний о людях другой веры значимо более высокие оценки были даны представителями старшего поколения (старше 50 лет), давшими 9,8% высоких оценок по сравнению с 5,0% в группе респондентов среднего возраста (в группе молодежи доля составила 8,4%) (рисунок 8). Вероятно, большая чувствительность к религиозной нетерпимости у старшего поколения была связана с большей религиозностью респондентов данной группы. Среди старших поколений не только чаще встречались верующие (75,7%, в группе молодежи – 49,7%), но и значительно больше тех, кто определяет себя к представителям конкретной религии (чаще всего православию) и имел более выраженную религиозную идентичность (ощущает близость с другими верующими) (79,3%, в группе молодежи – 67,1%). Между тем, только одной религиозностью вряд ли можно было объяснить различия между старшим и средним поколением. Однако, почему при сходных показателях религиозной принадлежности и сходства вероисповеданий, респонденты среднего возраста значительно реже обращали внимание на призывы, дискриминирующие представителей других религий? На этот вопрос нам пока ответа найти не удалось. Учитывая, что в предыдущие годы такой зависимости найдено не было, требуются дополнительные данные, чтобы понять, насколько эта тенденция является устойчивой.

Рисунок 8 – Различия в оценках выраженности некоторых негативных характеристик межнациональных отношений в группах респондентов разного возраста в 2022 году, %.

Наше исследование показало, что на городских этнокультурных сценах конфликты происходили чаще, чем в сельских, и именно в городе они принимали формы хулиганских действий, физического насилия, драк и нападений. Это стало возможным выявить только при анализе суммарных низких оценок, так как высокие оценки были примерно одинаковыми в обеих типах местности и поселений. Жители села значимо чаще давали минимальные оценки в 1-2 балла (42,7%) по сравнению с горожанами (35,6%), усредненные значения также отличались статистически достоверно (3,6 балла среди жителей города, 3,3 балла среди селян).

Не меньшую роль, чем при оценке позитивных проявлений, играл экономический фактор. Взаимосвязь была обратной для оценок выраженности психологического давления, оскорблений и угроз, так как максимальные доли высоких оценок были выявлены в группе респондентов, имеющих низкие доходы и считающих себя бедными (18,7%), тогда как в

группе со средними доходами высокую оценку выраженности дали только 11,5%, в группе материально обеспеченных респондентов – 7,3%. По сути противопоставление наблюдалось только между группой респондентов с низкими доходами, в которой средний балл по данной шкале составил 4,4 балла, и респондентами, имеющими меньшее количество финансовых проблем (средние значения в данных группах не имели статистически значимых различий и составили в группе со средними доходами 3,5 балла и в группе с высокими доходами 3,8 балла). Похожие тенденции были выявлены и в отношении выраженности хулиганских действий и осуждения межнациональных браков. Во всех случаях высокие оценки бедных жителей региона были значимо выше высоких оценок и средних баллов представителей среднего класса и граждан, высоко оценивающих свое благосостояние, что указывало на то, что очаги межэтнической напряженности имеют большую тенденцию возникать там, где есть ярко выраженная фрустрация базовых потребностей, социальное и экономическое неблагополучие. Борьба за выживание в сложных экономических условиях усиливает существующие противоречия между национальностями (рисунок 9).

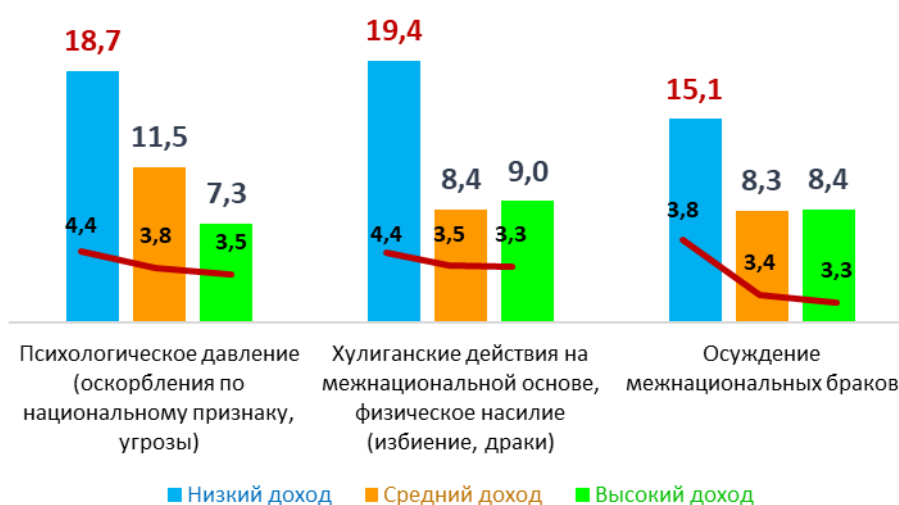

Рисунок 9 – Различия в долях высоких оценок по показателям психологического давления, хулиганских действий и осуждения межнациональных браков в группах респондентов с разными доходами, %.

Указанный тезис подтвердился и в ходе анализа ответов респондентов в различных социально-профессиональных группах. В частности, в группах неработающих респондентов трудоспособного возраста были выявлены значимо более высокие оценки распространенности предрассудков, мешающих установлению дружеских отношений между национальностями (среднее значение 5,02 балла, в группах руководителей, наемных работников, неработающих пенсионеров – 4,15-4,40¹¹), недружелюбных или враждебных высказываний о людях другой национальности (ср. знач = 4,81, в других группах 4,03-4,21) или веры (значимые различия между неработающими респондентами, в группе которых среднее значение составило 3,69 балла и руководящими работниками, давшими средние оценки в 3,07 балла), психологического давления (ср. знач = 4,23, в других группах 3,41-3,66), хулиганских действий на межнациональной почве (ср. знач = 3,92, в других группах 3,31-3,62), осуждения межнациональных браков (ср. знач = 3,6, значимые различия между ответами руководителей – 3,1 балла и неработающими, как трудоспособного, так и нетрудоспособного возраста – 3,5-3,6 балла) (рисунок 10).

¹¹ Значимость различий в средних значениях в случае наличия более двух групп проверялась на основе дисперсионного анализа и апостериорных попарных сравнений. В тексте описаны только различия значимые по меньшей мере на 5% уровне.

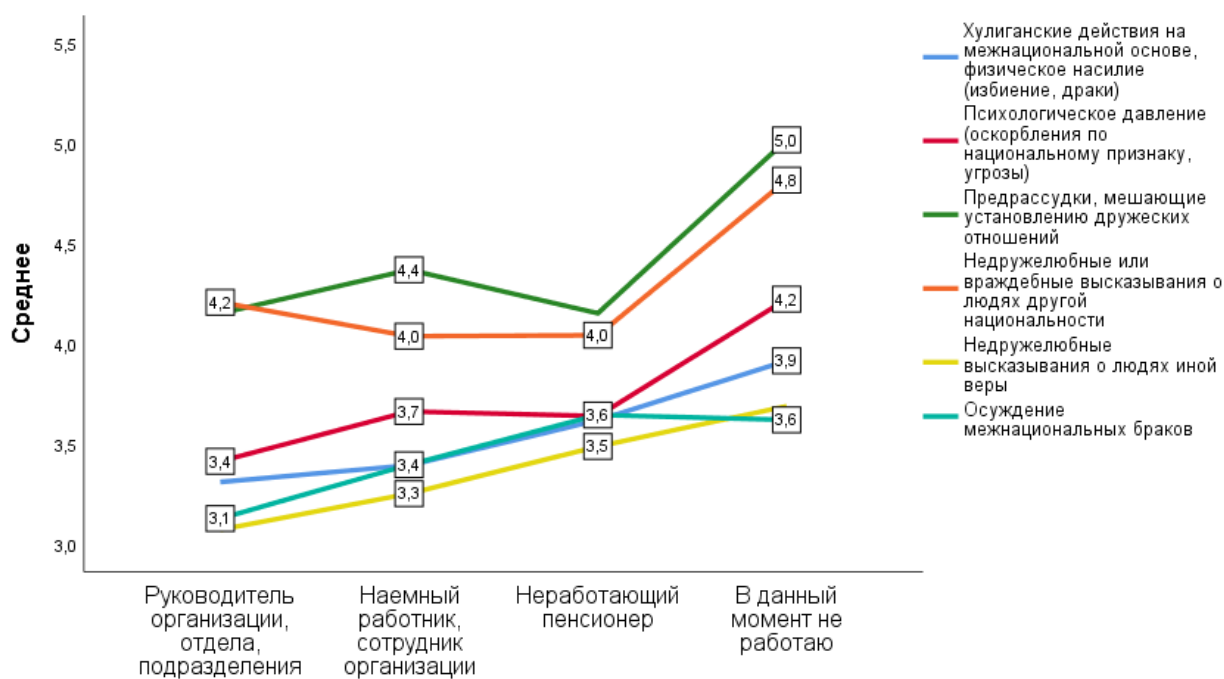

Рисунок 10 – Различия в средних значениях по шкалам негативных проявлений в зависимости от социально-профессионального статуса респондентов, средние значения.

Между тем, очевидно, наиболее значимыми факторами, определявшими оценку межнациональных отношений, являлись непосредственно связанные с идентификационными характеристиками, лежащими в основе категоризации и противопоставления этноконфессиональных групп.

Так, достоверные различия в оценках были выявлены между русскими респондентами и представителями иных национальностей, включая тех, кто имел смешанную с русской идентичность (поскольку провести сравнительный анализ из-за слабой наполненности категорий не представлялось возможным, все национальности были определены в одну общую группу). При этом более высокие оценки выраженности негативных проявлений были даны во второй группе, более сензитивной к проявлениям интолерантности, так как чаще всего именно представители нерусского меньшинства чаще всего становились объектами притеснений. Различия были значимыми по всем показателям, кроме этнических предрассудков, оцениваемых идентично всеми национальностями, проживающими в регионе (рисунок 11), и имели максимальный разброс по показателям распространенности угроз и оскорблений по национальному признаку (разность долей соответствующих ответов составила 7,8%), недружелюбных или враждебных высказываниях о людях другой веры и национальности (8,0% и 8,7%) (рисунок 11).

В отличие от фактора этнической принадлежности, религиозность, измеряемая нами на основе вопроса о том, считают ли респонденты себя верующими или нет, задавала несколько иную модальность различий. По четырем из семи показателей с достоверными различиями – распространенности недружелюбных высказываний о людях другой национальности и веры, психологическому давлению, хулиганским действиям, более высокие оценки были получены в группе неверующих респондентов, тогда как верующие, напротив, давали более благосклонные оценки (рисунок 12).

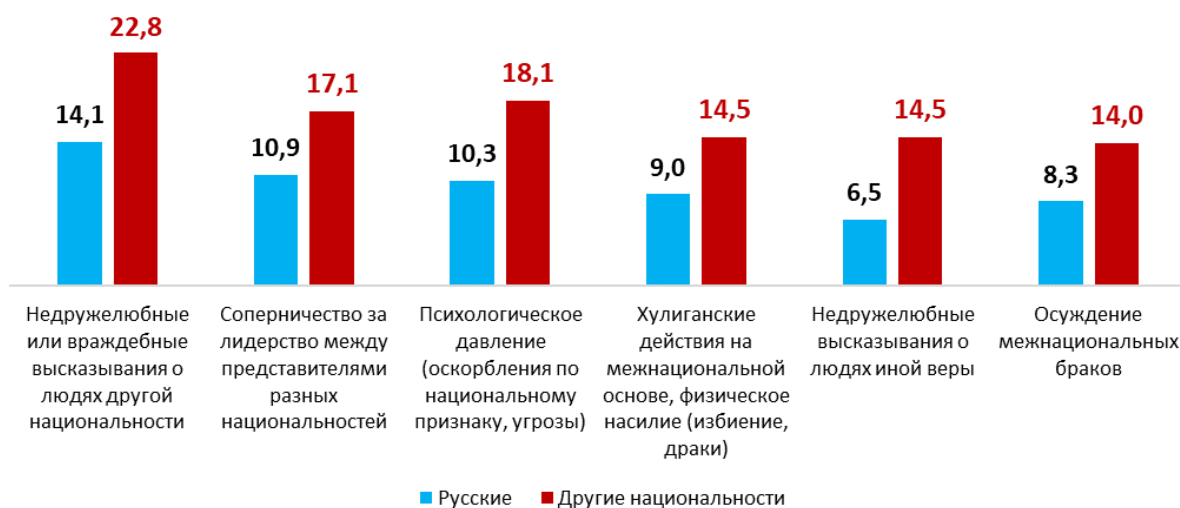

Рисунок 11 – Различия в долях высоких оценок по шкалам негативных проявлений в зависимости от этнической принадлежности респондентов, %.

Рисунок 12 – Различия в долях высоких оценок по шкалам негативных проявлений среди верующих и неверующих респондентов, %.

Сравнительный анализ оценок выраженности проявлений межэтнической напряженности в пятилетней ретроспективе показал, что некоторые из них отличаются устойчивостью, тогда как другие – чувствительно реагируют на малейшие изменения региональной этнической ситуации.

Так, относительно стабильный характер имели оценки по показателям, характеризующим наиболее опасные и ярко выраженные проявления межэтнической напряженности, в том числе на групповом уровне – соперничество за лидерство между представителями разных национальностей, психологическое давление, хулиганские действия: межгодовые изменения достигали не более 1,5-2%.

Латентные и обладающие накопительным эффектом проявления, имеющие более массовый характер и большее проникновение в сферу повседневных межличностных отношений, обладали большей вариабельностью. В частности, по показателю распространенности предрассудков, мешающих установлению дружеских отношений минимально высокие оценки были зафиксированы в 2016 году (13,9%), тогда как максимальные – в 2019 году (19,1%). По показателям распространенности вербальной этнически и религиозно мотивированной агрессии также лидировал 2019 год (25,6% и

15,9%), тогда как относительно более спокойными являлись 2018 и 2016 годы. Осуждение межнациональных браков достигало своеобразных пиков в 2015 (13,3%), 2017 (14,1%) и 2016 (11,6%) годах, тогда как в 2016, 2018 и 2020 годы происходило значимое снижение и в 2020 году наблюдалась минимальная выраженность не только по этому, но и по всем показателям данной группы. Таким образом, несмотря на периодические всплески интолерантности и трудности регулирования, по всем проявлениям межэтнической напряженности в регионе удалось добиться ощутимого снижения (рисунки 13 и 14).

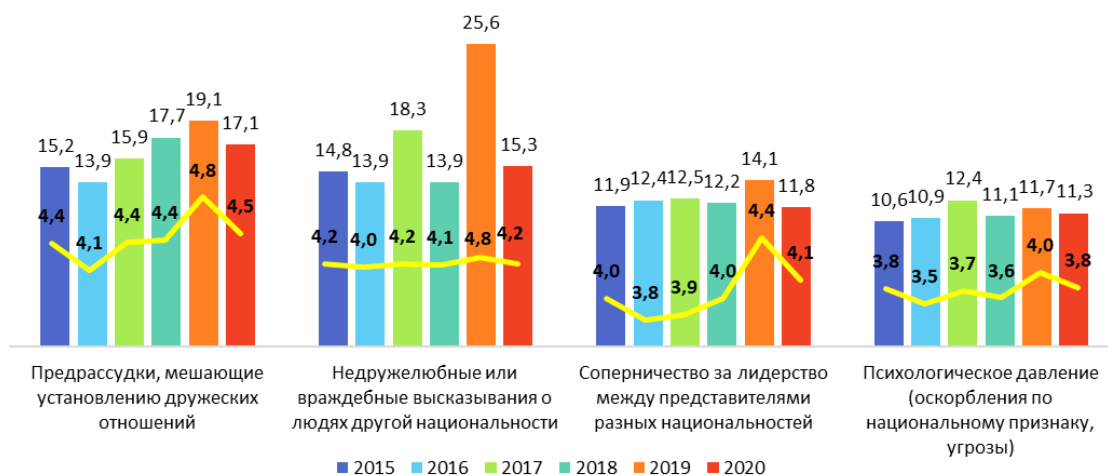

Рисунок 13 – Различия в долях высоких оценок по шкалам негативных проявлений среди верующих и неверующих респондентов, %.

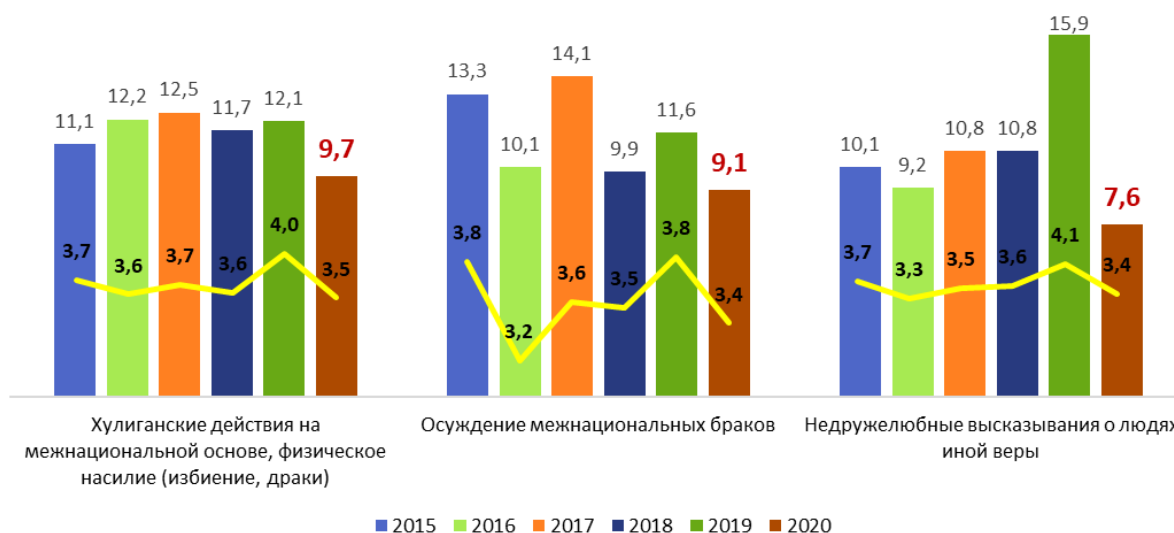

Рисунок 14 – Различия в долях высоких оценок по шкалам негативных проявлений среди верующих и неверующих респондентов, %.

Институциональные условия реализации государственной национальной политики в оценках населения

В ходе проведенных социологических опросов жители регионов оценивали качество исполнения региональными органами власти функций по обеспечению контроля за соблюдением законов в сфере государственной национальной политики, поддержки развития культуры и традиций представителей разных национальностей, поддержки национально-культурных общественных объединений и религиозных организаций, результаты

сотрудничества между государством, этническими диаспорами и национальными меньшинствами при принятии значимых решений, эффективность разрешения возникающих конфликтов в сфере межэтнических отношений, обеспечения прав равенства всех граждан защиты интересов всех граждан независимо от национальности и вероисповедания. В качестве обобщающего был использован показатель оценки эффективности созданной в регионе системы управления реализацией государственной национальной политики.

Согласно результатам исследования, практически по всем шкалам анализа были получены сходные оценки, среди ответов была велика доля оценок «среднего диапазона» (35–48%), что свидетельствовало об отсутствии четкой позиции и слабой осведомленности населения по данным вопросам.

Между тем, можно выделить ряд направлений, которые, по мнению населения, власть осуществляла наиболее успешно. Это четыре позиции:

- бескомпромиссное отстаивание интересов представителей всех национальностей (29% высоких оценок, 37% средних и 35% низких);

- поддержка коренных малочисленных народов (29% высоких оценок, 35% средних и 36% низких);

- оказание помощи национально-культурным общественным организациям (28% высоких оценок, 41% средних и 31% низких);

- развитие культуры и традиций разных национальностей (26% высоких оценок, 43% средних и 31% низких).

Показателями, получившими максимальные доли негативных оценок при практически идентичных средних оценках, являлись:

- «диалог государства и диаспор ведется эффективно и публично» – 40% низких оценок, 37% - средних и 23% высоких;

- «поддержка конфессий и религиозных организаций» (39% низких оценок, 40% средних и 21% высоких)

- «контроль за соблюдением законов в сфере государственной национальной политики» (39% низких оценок, 41% средних и 21% высоких).

Близкие оценки были получены по показателю эффективности разрешения администрацией региона возникающих конфликтов в сфере межэтнических отношений (38% низких оценок, 38% средних оценок и 24% высоких). Система управления межнациональными отношениями в регионе также была оценена жителями противоречиво: 37% жителей считали ее низкоэффективной, 38% - оценили как среднеэффективную и 24% - поставили максимальные оценки (рисунок 15). Судя по распределениям оценок можно заключить, что население не обладало достаточной информацией о результатах реализации национальной политики и предпочитало давать ничего не значащие, нейтральные ответы, а те, кто давал определенный ответ – чаще склонялись к отрицательной оценке, проецируя на неё свою неудовлетворенность другими аспектами общественной жизни, прежде всего экономическими и социальными. Среди различных направлений реализации государственной национальной политики население выше оценивало конкретные действия – проекты поддержки коренных национальностей, их культуры и религии, традиций и обычаев, в том числе в рамках деятельности этнически ориентированных некоммерческих организаций, в то время как публичные взаимодействия между национальностями, диаспоральными группами, учет национального компонента в правовой сфере, а также контроль за исполнением законодательства оценивались как неэффективные.

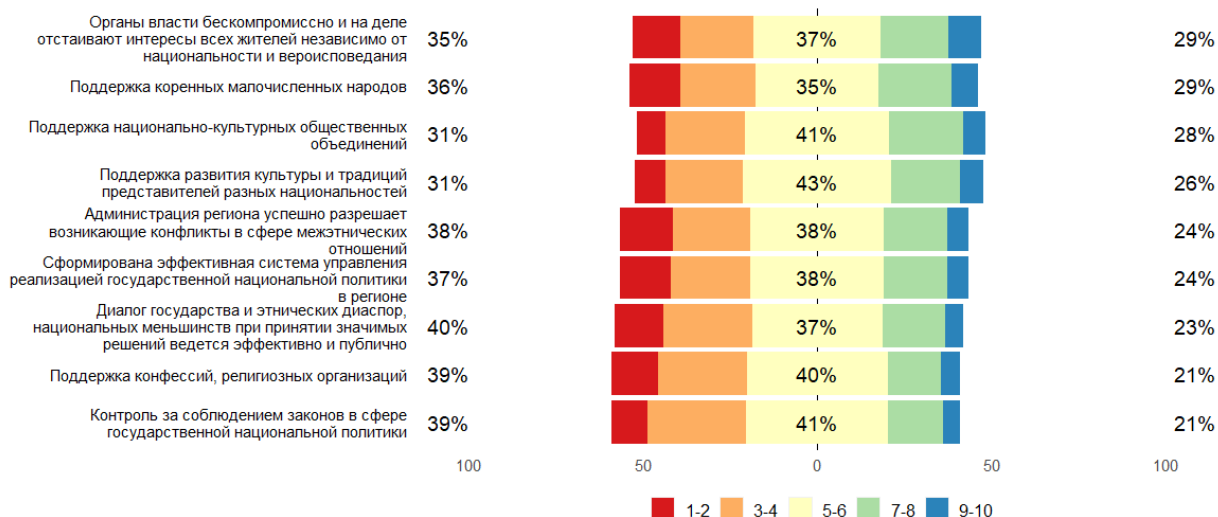

Рисунок 15 – Оценки реализации основных направлений государственной национальной политики в Алтайском крае в 2022 году, %.

В отличие от межнациональных отношений, национальная политика оценивалась жителями региона более согласовано, различия пролегли по меньшему количеству оснований. В большинстве случаев они носили точечный характер и касались какого-то одного или нескольких направлений, которые оценивались по-разному представителями различных слоев и групп регионального сообщества.

Так, действия региональной власти по реализации государственной национальной политики оценивались в значительной степени синхронно и непротиворечиво представителями различных поколений и гендерных групп.

Наиболее многочисленные различия были выявлены в оценках жителей городских и сельских поселений. Различия были значимыми по всем показателям, кроме двух – отстаивания интересов всех жителей независимо от национальности и успешности разрешения администрацией региона межэтнических конфликтов, которые оценивались сходным образом.

Так, городские жители более высоко оценивали уровень оказываемой в регионе поддержки развития этнических культур и традиций (28,3% высоких оценок, средний балл – 5,5, среди сельских жителей – 21,7% и 5,0 балла), качество контроля за соблюдением законов в сфере государственной национальной политики (22,5% высоких оценок, среднее значение – 5,1 балла, тогда как в селе 16,2% и 4,6 балла). Эффективность функционирования системы управления государственной национальной политикой была также более очевидна для городских жителей, большая часть из которых являлись жителями региональной столицы (доля высоких оценок составила 25,6%, средний балл – 5,1, в сельских поселениях – 20,8% и 4,8 балла) (рисунок 16). Дополнительно, на основе анализа средних значений были выявлены значимые различия в оценках поддержки национально-культурных общественных объединений и религиозных организаций, коренных малочисленных народов, а также эффективности и публичности диалога между государством и этническими диаспорами, этническими меньшинствами при принятии значимых решений (t-критерий Стьюдента, $p < 0,05$), их направленность была прежней – большие значения в городе и меньшие в селе. Однако слабая величина эффекта (различия в средних) в отсутствии других доказательств не позволили сделать вывод о том, что разногласия в оценках были действительно существенными.

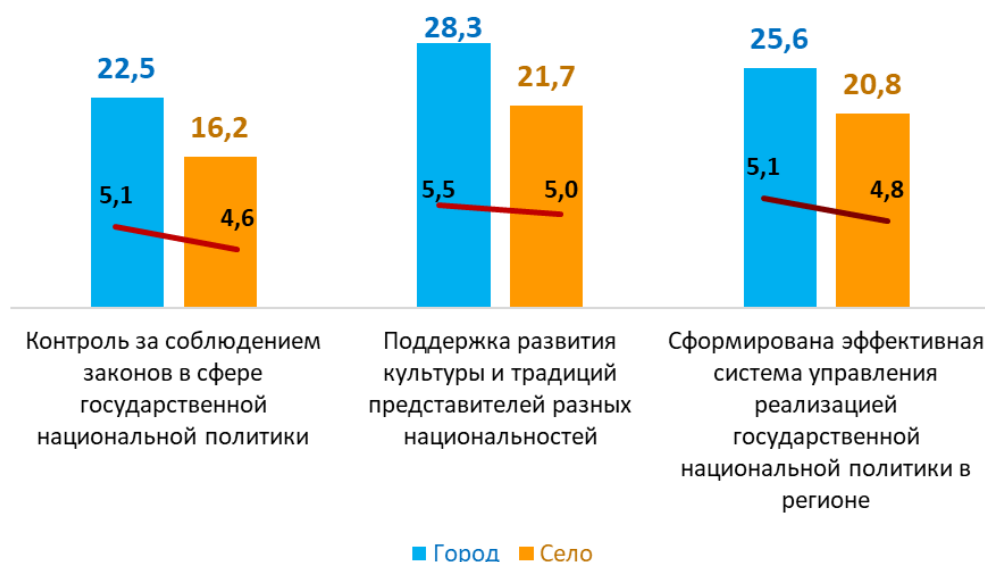

Рисунок 16 – Различия долей высоких оценок и средних баллах некоторых показателей эффективности реализации государственной национальной политики в зависимости от места проживания респондента.

Интеллектуальная элита региона, представленная жителями, имеющими одно или несколько высших образований, ученые степени и т. д., выражала скептическое отношение к тому, насколько бескомпромиссно власти региона отстаивают интересы жителей независимо от их национальности и вероисповедания: только 24,8% респондентов данной группы дали высокие оценки по соответствующему показателю, тогда как среди не имеющих высшего образования такое мнение разделяли более трети (31,1%) респондентов.

Финансовое благополучие являлось значимым фактором, определяющим характер оценки в отношении поддержки, оказываемой различным конфессиям и религиозным организациям: наиболее высокие оценки по данному направлению давали респонденты либо с низкими (22,3%) либо, особенно, с высокими (25,3%) доходами, тогда как респонденты, оценивающие свои доходы на среднем уровне гораздо реже давали высокую оценку (18,4%). Такие различия объяснялись прежде всего религиозными практиками, осуществляемые жителями с разным уровнем дохода. Согласно полученным данным, чаще всего посещали церковь респонденты, имеющие низкие или, напротив, высокие доходы – по крайней мере не реже раза в месяц туда ходили 12,8% имеющих финансовые проблемы и 6,9% обеспеченных граждан, тогда как те, кто имели средний доход гораздо реже посещали религиозные учреждения (4,9%). Различались и доли тех, кто вообще не ходит в церковь: среди респондентов со средними доходами таких оказалось 38,4%, тогда как среди богатых респондентов – 29,4%, среди бедных – 34,6%. Таким образом, реальное участие в деятельности религиозных учреждений, осуществление религиозных обрядов, взаимодействие с церковнослужителями создавало значимый информационный фон, способствующий более высокой оценке получаемой ими поддержки от государства.

В отличие от фактора дохода, воздействие социально-профессионального статуса проявилось только в отношении одного направления – поддержки коренных малочисленных народов. При этом основное противостояние в оценке наблюдалось между респондентами, занимающими руководящие должности – руководитель организации, отдела, подразделения – то есть лицами, имеющими более высокий уровень образования (76,4% с высшим образованием) и высокими доходами (47,2% отнесли себя к категории обеспеченных и богатых), которые давали в среднем более низкую оценку по данным направлениям (среднее значение составило 4,99 балла) и неработающими пенсионерами, считающими, что поддержка коренных народов осуществляется на более высоком уровне (среднее значение 5,58 балла).

Исследование показало, что фактор религиозности в оценке национальной политики оказался более значимым, чем фактор национальной принадлежности, при этом направленность различий свидетельствовала о большей неудовлетворенности верующих респондентов результатами реализации по некоторым направлениям. Так, верующие респонденты более низко оценивали качество контроля за соблюдением национального законодательства (18,2% высоких оценок по сравнению с 23,6% в группе неверующих) и реже оказывались неудовлетворены поддержкой национально-культурных общественных объединений (25,1% высоких оценок по сравнению с 32,4% в группе неверующих). Только каждый пятый верующий считал, что диалог между государством и этническими диаспорами ведется эффективно и публично, тогда как среди неверующих граждан доля подобных ответов составила 26,5% (рисунок 17). Учитывая, что большинство респондентов в нашей выборке являлись верующими (67,8% от всех ответивших на соответствующий вопрос анкеты), такая неудовлетворенность верующими в отношении результатов реализации национальной политики заслуживает внимания со стороны лиц, принимающих решения в данной области и последующего более глубокого изучения.

Между тем, хотя в группах русских и нерусских респондентов доли верующих были практически идентичными (67,4% и 69,9%), представители национальных меньшинств в регионе давали все-же более высокую оценку по показателю поддержки национально-культурных общественных объединений (37,3%) по сравнению с русским большинством (25,9%), что естественным образом было связано как качественно-количественными характеристиками таких объединений, их ориентацией на защиту национальностей, чья культура и традиции находятся под угрозой вытеснения доминирующей русской культурой. Таким образом, выявленные социо-структурные различия в оценках населения определялись как степенью вовлеченности граждан в реализацию конкретных направлений и возможностями напрямую оценить их воздействие, так и общими факторами, определяющими критичность оценки социальной политики в целом, а не только этносоциальной политики как ее отдельной и довольно специфической разновидности.

Рисунок 17 – Различия в оценке некоторых направлений реализации государственной национальной политики в зависимости от уровня религиозности респондентов, %.

Принципиально важным представляется оценить, как изменялись оценки населения в отношении эффективности реализации направлений государственной национальной политики и в целом функционирования системы управления межнациональными отношениями в регионе. Данные, полученные за пятилетний период, показывают, что население чутко реагировало на малейшие изменения, как в этносоциальных процессах, так и более широком социально-экономическом и политическом контексте.

По всем девяти показателям, кроме контроля за соблюдением законодательства, 2017 и отчасти 2018 год стали переломными моментами, в которые наблюдались наиболее пессимистические оценки населения, после которых ситуация начала оптимизироваться. Безусловно, значимым фактором для изменения тренда стало принятие в 2017 году первой государственной программы «Реализация государственной национальной политики в Алтайском крае», в рамках которой получили свое упорядочение и развитие основные направления, заложенные в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года.

Между тем, заслуживают описания и другие изменения, зафиксированные общественным мнением в различные годы. В частности, в отношении контроля за соблюдением законов в сфере государственной национальной политики минимальное количество высоких оценок было получено в 2019 году (16,3%), тогда как наиболее успешным являлся 2016 год, когда более пятой части респондентов (21,1%) поставили по данному направлению максимальные оценки. Поддержка развития культуры и традиций различных национальностей оценивалась максимально высоко в 2016 году (28,6% высоких оценок), тогда как 2017 год стал «провальным» (22,5%). Тесно связанная с предыдущим направлением и конкретизированная в нем деятельность национально-культурных общественных объединений лучше поддерживалась государством, по мнению населения, в 2016 и 2020 годах (27,5% высоких оценок), тогда как 2017 год являлся кризисным.

В отношении конфессий и религиозных организаций наиболее успешным являлся 2018 год, когда почти каждый четвертый опрошенный житель (24,3%) благосклонно оценивал уровень оказываемой им поддержки, а наиболее неудачным также стал 2017 год. Показатель оценки поддержки, оказываемой коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока был введен в 2017 году, что напрямую было связано с принятием государственной программы и необходимостью отслеживания изменений по данному направлению. За прошедшие четыре года только в 2017 году по данному показателю были получены относительно скромные оценки (20,1%), тогда как в последующие три года доля высоких оценок существенно выросла (прирост составил более чем 8 пп.) и колебалась в пределах 28,2-30,6%.

Оценки жителей региона эффективности и публичности диалога властей с диаспорами и национально-культурными объединениями напоминали «качели»: начиная с 2015 года, когда был своеобразный пик отношения населения (21,7%) происходило падение, вплоть до 2017 года, когда был достигнут пятилетний минимум (16,6% положительных оценок), после 2017 года начинается поступательный рост и оценки 2020 года демонстрируют наибольшие достижения в деле выстраивания конструктивных государственно-общественных отношений в межнациональной сфере (22,8%). Безусловно, что это далеко не предел и среди других показателей коммуникация государства и общество выглядит даже скорее безуспешной, о чем свидетельствуют 40% низких оценок, но завоевания последних лет позволяют надеяться не только на стабилизацию, но и на позитивное развитие ситуации.

Разрешение конфликтных ситуаций в пятилетний период имело наименьшую эффективность в 2018 году, когда только 18,8% опрошенных смогли дать максимальные оценки по соответствующему показателю, тогда как наилучшие результаты были достигнуты в 2020 году – почти каждый четвертый житель региона (24%) выразил уверенность, что новые власти способны решать возникающие конфликты, в том числе имеющие этническую специфику, достаточно эффективно.

Ситуацию с оценкой независимости, неангажированности органов власти, их усилий по защите интересов всех жителей региона, независимо от их национальной принадлежности принципиально рассматривать с учетом того, что данный показатель традиционно оценивался жителями Алтайского края довольно высоко - за прошедшие пять лет доля высоких оценок ни разу не снижалась ниже 20%. Тем не менее, максимальных успехов, по мнению населения, власти достигли в 2016 году, когда 34,0% опрошенных дали максимально

высокие оценки, тогда как снижение эффективности защиты интересов наблюдалось в 2018 году (23,2%), чему, конечно, способствовала смена власти в регионе и временный период «безвластия», когда жители не могли адекватно дать оценку тому, кто и насколько бескомпромиссно отстаивает их интересы. В целом, если оценивать функционирование системы управления реализацией государственной национальной политики за прошедшие пять лет, то можно отметить, что наименее удачными годами для нее стали 2017 и 2018 годы (17,9% и 18,5% высоких оценок населения), тогда как наиболее удачным, несмотря на кризис, стал 2020 год, когда количество граждан, высоко оценивающих ее эффективность, достигло максимума и составило 24% (рисунки 18 – 19).

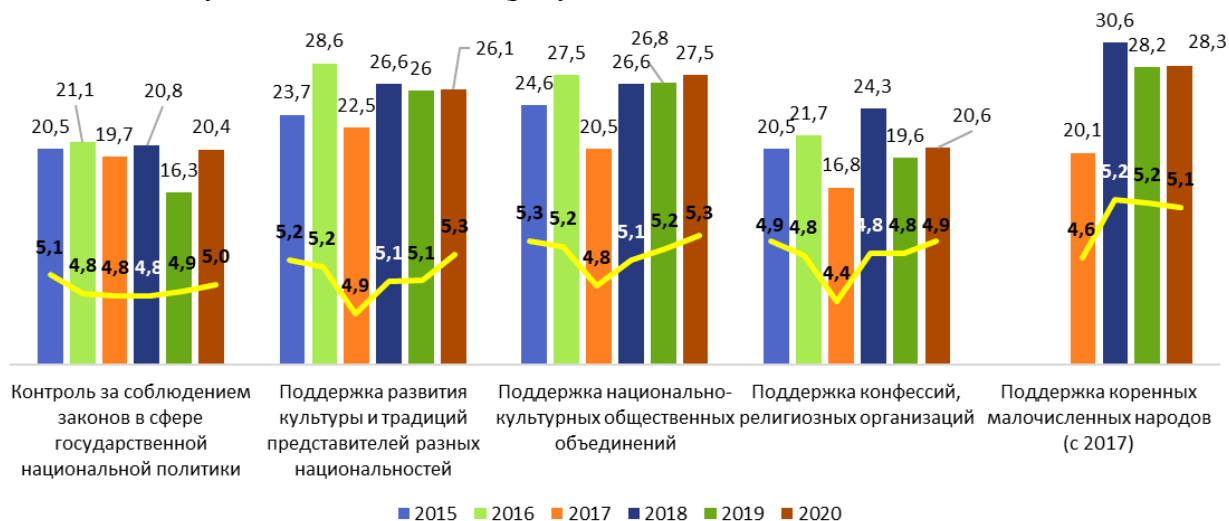

Рисунок 18 – Динамика высоких оценок и среднего балла по некоторым направлениям реализации государственной национальной политики (первая часть).

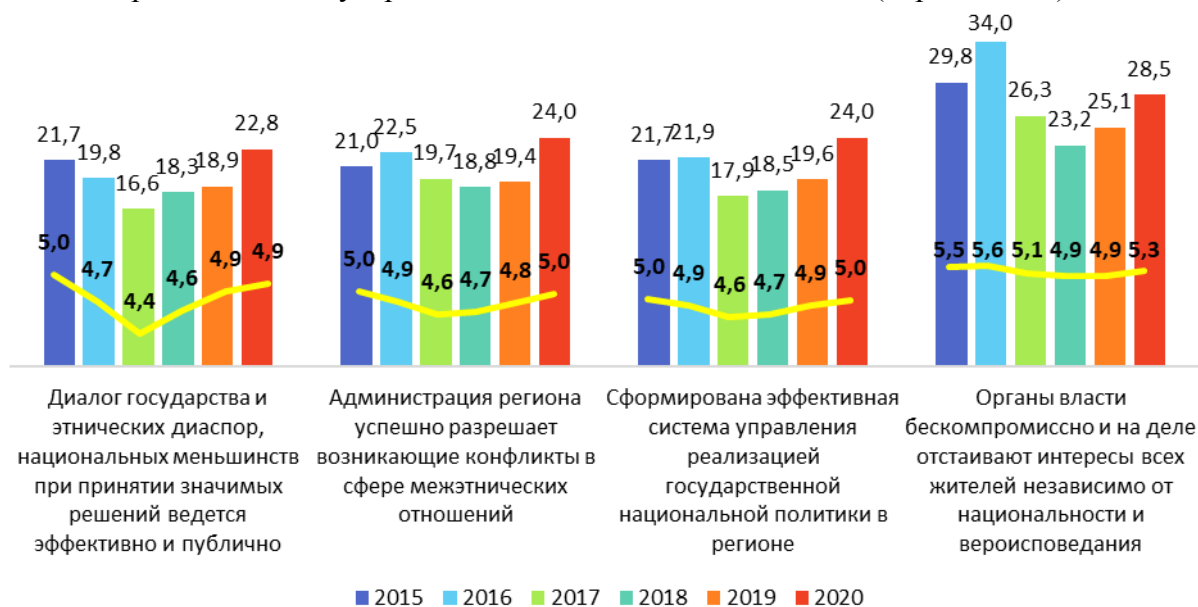

Рисунок 19 – Динамика высоких оценок и среднего балла по некоторым направлениям реализации государственной национальной политики (вторая часть).

Восприятие этносоциальных процессов с позиций территориальных и этноконфессиональных идентичностей

Современная российская государственная национальная политика ставит в число своих важнейших приоритетов укрепление народного единства, формирование сильного гражданского самосознания на основе общероссийской (наднациональной) идентичности и, одновременно с этим, сохранение самобытности народов России, языкового и культурного многообразия, что отражено в основополагающих документах и, по сути, представляет собой разнонаправленные объединительные и различительные векторы развития межнациональных отношений, требующие большого искусства для обеспечения их баланса и конструктивного развития. Очевидно, что перекосяк как в одну, так и в другую сторону способен привести к весьма печальным последствиям для российской нации, что обуславливает необходимость в глубокой оценке обеих составляющих.

Учитывая чрезвычайно важное значение, которое в контексте реализации национальной политики придается проблематике идентичностей, их многообразию, взаимосвязи и взаимообусловленности, в рамках социологического мониторинга межнациональных отношений этой теме отведена отдельная часть. Основываясь на теоретических позициях, что в оценке межнациональных отношений важно учитывать не только формальные характеристики идентичности, ассоциации, ощущение принадлежности индивида к тем или иным социальным группам, но и их выраженность, интенсивность, наполненность определенными чувствами, мотивацию к использованию идентичности в качестве инструмента удовлетворения потребностей, а также направленность, модальность идентичности, ее способность принимать позитивные, нейтральные и негативные формы [2, 3] мы ставили перед собой задачи сопоставить оценки населения характеристик межнациональных отношений и результатов реализации национальной политики в зависимости от сформированности и степени развитости у них гражданских, территориальных, этнических и конфессиональных типов идентичностей. Указанные виды идентичностей образовывали определенный континуум, представленный уровнем локализации идентичности, где максимально широким объектом гражданских идентификаций выступала общность граждан России, а минимальным – общность жителей города и села, тогда как этноконфессиональные идентификации оценивались на основе оценок близости с общностями, представляющими всех членов определенной этнической группы или религиозного сообщества.

Наше исследование показало, что выраженность общероссийской гражданской, региональной и локальной идентичностей оказывало положительный эффект на восприятие межнациональных отношений, что проявлялось в более высоких оценках выраженности дружбы между представителями разных национальностей, осуждения национализма (региональная идентичность), уважения к представителям другой национальности, их обычаям, традициям и языку (российская и региональная идентичности), а также более низких оценках выраженности негативных явлений – этнических предрассудков, соперничество за лидерство между представителями разных национальностей, вербальных нападок на иноверцев (российская идентичность), недружелюбных или враждебных высказываний о людях другой национальности, хулиганских действий и физического насилия (российская и местная идентичности), психологического давления (российская и региональные идентичности) (таблица 1).

При этом, разные типы идентичностей имели разный вес и силу влияния. Общероссийская идентичность обладала более ярко выраженным стабилизирующим эффектом, позволяющим не заострять внимание на противоречиях, не случайно ее отсутствие ассоциировалось с представлением межнациональных отношений в негативном свете, что не подтверждалось объективными данными. Региональная идентичность, напротив, в большей степени сказывалась на восприятии положительных моментов, указывающих на большую сплоченность представителей национальностей, проживающих в Алтайском крае, тогда как локальная идентичность «отвечала» за восприятие и оценку конкретных вербальных и поведенческих проявлений межэтнической напряженности.

Примечательно, что не только гражданские, но выраженные этническая и религиозная идентичности ассоциировались с положительной оценкой характера межнациональных отношений.

Таблица 1 – Различия в распределениях высоких оценок по показателям характеристик межнациональных отношений в группах респондентов с различной степенью выраженности российской, региональной и локальной идентичностей*

	Российская идентичность		Региональная Идентичность		Местная Идентичность	
	0	1	0	1	0	1
Дружба между представителями разных национальностей	41,1	46,1	28,0	47,2	35,7	46,5
Уважение к обычаям, традициям и языку иных национальностей	28,8	40,6	25,8	41,1	32,1	40,5
Уважительное отношение к представителям другой национальности	31,5	37,5	22,6	38,4	28,6	37,8
Предвзвешенные, мешающих установлению дружеских отношений	30,1	16,4	19,4	17,2	20,2	17,2
Недружелюбные или враждебные высказывания о людях другой национальности	30,1	14,5	21,5	14,9	25,0	14,6
Соперничество за лидерство между представителями разных национальностей	21,9	11,1	16,1	11,5	16,7	11,4
Справедливое распределение должностей, различных благ для любых национальностей	35,6	22,5	19,4	23,4	22,6	23,2
Психологическое давление (оскорбления по национальному признаку, угрозы)	23,3	10,7	19,4	10,8	17,9	10,9
Хулиганские действия на межнациональной основе, физическое насилие (избиение, драки)	19,2	9,2	15,1	9,3	16,7	9,3
Недружелюбные высказывания о людях иной веры	20,5	6,7	9,7	7,3	9,5	7,5

* 0 означает отсутствие близкой связи респондента с идентифицируемой общностью, 1 указывает на наличие близкой связи.

Выраженная этническая идентичность способствовала восприятию межэтнических отношений как более дружественных, а негативных проявлений, таких как психологическое давление и угрозы, недружелюбные высказывания о представителях других национальностей – как эпизодических, реже встречающихся, не оказывающих системного эффекта на состояние межэтнической сферы региона (таблица 2). Эффект религиозной идентичности проявился во внимании к уважительному отношению к культуре, традициям и языку других национальностей, и, что немаловажно, позитивной оценке межконфессиональных взаимодействий, которые значительно реже оценивались как антагонистические. Единственный показатель, по которому оценки имели противоположное значение, был «осуждение проявлений национализма», выраженность которого оценивалась значительно выше среди лиц со слабой религиозной идентичностью (24,9% по сравнению с 19,5% в противоположной группе). Таким образом, этноконфессиональная идентичность, наряду с гражданскими вариантами, согласно нашим данным, оказывали исключительно положительный эффект на оценки респондентов, а не являлись проявлением протестной этнической мобилизации, характерной для ситуации межэтнического противостояния. Более того, как показали наши данные, сильная гражданская идентификация не только не исключала, но, напротив, предполагала наличие и сильной этнической и религиозной составляющих, что оказывало дополнительный, кумулятивный эффект не только на восприятие межнациональных отношений, но и на собственное поведение респондента. Среди имеющих сильную общероссийскую идентичность (по данным за 2020 год) 93,1% имели также выраженную этническую идентичность и 77,1% - выраженную религиозную (среди лиц со слабой общероссийской идентичностью соответствующие доли составили только 41,1% и 43,1%), результаты сопоставления региональной и местной идентичности с этнической и религиозной были практически идентичными.

Таблица 2 – Различия в распределениях высоких оценок по показателям характеристик межнациональных отношений в группах респондентов с различной степенью выраженности этнической и религиозной идентичностей*

	Этническая идентичность		Религиозная идентичность	
	0	1	0	1
Дружба между представителями разных национальностей	36,8	47,2	41,8	47,5
Уважение к обычаям, традициям и языку иных национальностей	35,3	40,7	34,8	41,8
Уважительное отношение к представителям другой национальности	33,1	37,8	35,1	37,8
Осуждение проявлений национализма	24,1	20,7	24,9	19,5
Предвзвешенности, мешающих установлению дружеских отношений	21,8	16,7	19,3	16,7
Недружелюбные или враждебные высказывания о людях другой национальности	22,6	14,6	17,3	14,7
Соперничество за лидерство между представителями разных национальностей	10,5	11,9	13,5	11,2
Справедливое распределение должностей, различных благ для любых национальностей	27,8	22,8	26	22,1
Психологическое давление (оскорбления по национальному признаку, угрозы)	17,3	10,7	15,5	10
Хулиганские действия на межнациональной основе, физическое насилие (избиение, драки)	13,5	8,9	14,3	8,1
Недружелюбные высказывания о людях иной веры	9	7,3	10,5	6,5

* 0 означает отсутствие близкой связи респондента с идентифицируемой общностью, 1 указывает на наличие близкой связи.

Прогнозная модель взаимосвязи и взаимообусловленности характеристик межнациональных отношений и результатов реализации государственной национальной политики

На последнем этапе анализа мы обобщили все полученные результаты и попытались представить их в виде модели, описывающей наличие эффекта от реализации государственной национальной политики и его направленность на различные явления, происходящие в межнациональной сфере, согласно оценкам жителей региона.

Предварительный эксплораторный факторный анализ подтвердил, что оцениваемые индикаторы хорошо укладывались в обобщающие интегральные показатели. Было выделено три основных фактора, общая информативность которых составила более 60%, что было достаточно для достаточно большого количества показателей, описывающих столько разнообразные проявления межэтнических взаимодействий.

Первый фактор описывал показатели деятельности органов власти по реализации отдельных направлений национальной политики, при этом его содержание наиболее полно раскрывалось через три из них: «Диалог государства и этнических диаспор, национальных меньшинств при принятии значимых решений ведется эффективно и публично» ($\lambda = 0,80$), «Поддержка деятельности национально-культурных общественных объединений» ($\lambda = 0,80$), «Поддержка конфессий, религиозных организаций» ($\lambda = 0,81$), «Администрация региона успешно разрешает возникающие конфликты в сфере межэтнических отношений» ($\lambda = 0,83$), «Сформирована эффективная система управления реализацией государственной национальной политики в регионе» ($\lambda = 0,85$) (таблица 3).

Второй фактор описывал негативные проявления, среди которых наибольшее значение имели наиболее радикальные формы: «Психологическое давление (оскорбления по национальному признаку, угрозы)» ($\lambda = 0,80$), «Хулиганские действия на межнациональной основе, физическое насилие (избиение, драки)» ($\lambda = 0,79$), близко к которым располагались нагрузки и недоброжелательных высказываний к представителям другой национальности

($\lambda = 0,79$) и веры ($\lambda = 0,77$). Примечательно, что показатель осуждения национализма также вошел во второй фактор, что противоречило его содержанию и свидетельствовало о противоречиях в оценках жителей региона.

Третий фактор описывал положительные тенденции с главным акцентом на дружеские отношения и уважение к традициям и национальной культуре этнических групп ($\lambda = 0,74-0,81$). Важно отметить, что показатель справедливости распределения различных благ и должностей для различных национальностей практически с равными нагрузками ($\lambda = 0,39$ и $\lambda = 0,40$) входил в оба фактора – положительных тенденций и национальной политики, то есть в сознании респондентов ассоциировался как с деятельностью органов власти, так и с ее результатами. Несмотря на важность полученной информации, такая двойственность и противоречивость оценок по двум переменным – справедливости распределения и осуждения национализма, не вполне соответствовала задачам выделения четко различающихся факторов и изучения их взаимосвязи, поэтому из последующего анализа эти переменные пришлось удалить. Проверка шкал на внутреннюю согласованность показала ее высокие значения по всем трем факторам ($\alpha_{\text{Кронбаха}} > 0,8$) напряжённости и фактору гармоничных межнациональных отношений.

Таблица 3 – Результаты компонентного анализа. Метод главных компонент с вращением варимакс.

Код		Факторы		
		1	2	3
x1	Дружба между представителями разных национальностей			0,79
x2	Уважение к обычаям, традициям и языку иных национальностей			0,81
x3	Помощь друг другу в затруднительных ситуациях вне зависимости от национальной принадлежности			0,77
x4	Предрассудки, мешающие установлению дружеских отношений		0,68	
x5	Недружелюбные или враждебные высказывания о людях другой национальности		0,79	
x6	Соперничество за лидерство между представителями разных национальностей		0,71	
x7	Справедливое распределение должностей, различных благ для любых национальностей	0,39		0,40
x8	Уважительное отношение к представителям другой национальности			0,74
x9	Психологическое давление (оскорбления по национальному признаку, угрозы)		0,80	
x10	Осуждение проявлений национализма		0,54	
x11	Хулиганские действия на межнациональной основе, физическое насилие (избиение, драки)		0,79	
x12	Осуждение межнациональных браков		0,68	
x13	Недружелюбные высказывания о людях иной веры		0,77	
x14	Контроль за соблюдением законов в сфере государственной национальной политики	0,74		
x15	Поддержка развития культуры и традиций представителей разных национальностей	0,76		
x16	Поддержка национально-культурных общественных объединений	0,80		
x17	Поддержка конфессий, религиозных организаций	0,81		

x18	Поддержка коренных малочисленных народов	0,77		
x19	Диалог государства и этнических диаспор, национальных меньшинств при принятии значимых решений ведется эффективно и публично	0,80		
x20	Администрация региона успешно разрешает возникающие конфликты в сфере межэтнических отношений	0,83		
x21	Сформирована эффективная система управления реализацией государственной национальной политики в регионе	0,85		
x22	Органы власти бескомпромиссно и на деле отстаивают интересы всех жителей независимо от национальности и вероисповедания	0,72		

Далее мы прибегли к моделированию структурными уравнениями для проверки валидности нашей модели измерения и установления структурных зависимостей между фактором национальной политики и его влияния на оценки негативных и позитивных характеристик межнациональных отношений.

Его результаты показали, что реализуемая в регионе национальная политика в большей степени направлена на обеспечение гармонизации межнациональных отношений: в регрессионном уравнении, где зависимой переменной выступает фактор положительных проявлений, а независимой – фактор национальной политики, коэффициент имеет большую статистическую значимость и вес ($\beta = 0,58$, $p < 0,01$). Наличие достаточно сильной положительной ассоциации свидетельствовало о несомненной важности проводимых мероприятий и об их эффективности, что нашло отражение в оценках населения.

Одновременно с этим, региональная политика, как ни странно, значимо и позитивно, хотя по вкладу совсем слабо, была взаимосвязана и с негативными проявлениями ($\beta = 0,13$, $p < 0,01$). Данную взаимосвязь можно объяснить прежде всего спецификой измеряемых показателей, которые, действительно, в большей степени касались развития положительных межэтнических отношений путем поддержки и развития деятельности, осуществляемой национально-культурными организациями, обеспечения соблюдения законодательства и других условий, необходимых для гармоничных межэтнических взаимодействий и удовлетворения этнокультурных потребностей, чем противодействия действиям противоправного характера.

Кроме этого, моделирование показало наличие достоверной отрицательной взаимосвязи между положительными и отрицательными характеристиками межнациональных отношений ($r = -0,35$, $p < 0,05$), уравнивающих и нейтрализующих друг друга, что свидетельствовало не только о необходимости борьбы с проявлениями ксенофобии, этнически мотивированной агрессии и насилия, но и культивирования межэтнического взаимоуважения и толерантности как основного ресурса межэтнического согласия в регионе. Таким образом, мы увидели, что процессы, происходящие в межэтнической сфере тесно связаны между собой и представляют констелляцию взаимообусловленных величин. Гармонизация межэтнических отношений, безусловно, имеет естественные ресурсы, прежде всего заключающиеся в исторически сложившемся многовековом опыте принятия полиэтничности как естественной и неотъемлемой характеристики социума, отсутствии предпосылок для раздора. Между тем, как свидетельствуют результаты нашего исследования, без целенаправленных усилий по поддержанию позитивных межэтнических отношений их гармонизация находится под большой угрозой, попустительство в деле национальной политики, даже в благополучном регионе, где большинство населения принадлежат к одной, причем, доминирующей национальности, недопустимо (рисунок 20).

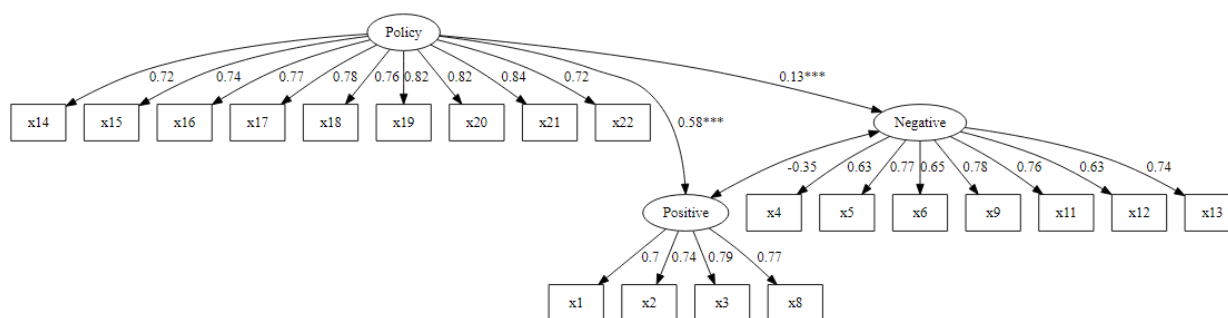

Рисунок 20 – Структурная модель взаимосвязей между факторами оценок межнациональных отношений и оценки результатов национальной политики ($\chi^2 = 1228.68$, $p = 0,0005$, $CFI = 0,936$, $TLI = 0,925$, $RMSEA = 0,069$, $SRMR = 0,045$)

Обобщая специфику межрелигиозных и межнациональных отношений в приграничном регионе России (Алтайском крае), зафиксируем основные тенденции:

1. Межнациональные отношения и регулирующая их национальная политика представляют собой динамично развивающиеся социальные структуры с многофакторной детерминацией, определяемой не только особенностями этнической и конфессиональной структур населения, но и факторами социально-экономического порядка, задающими вектор регионального развития. Проведенный в Алтайском крае в 2022 году анализ межнациональных отношений показал, что по оценкам населения, они имеют отчетливо положительный характер и ориентированы на взаимопомощь, дружбу и взаимоуважение между различными национальностями, внимание к этническим культурам, традициям и языку.

2. Между тем, несмотря на благоприятную обстановку, жители региона отмечают распространенность латентных проявлений межэтнической напряженности – этнических предрассудков, недружелюбных высказываний о представителях других национальностей и вероисповеданий, недостаточно активно в регионе осуждаются проявления национализма. Хотя радикальные проявления в виде этнически мотивированного насилия и психологического давления маловероятны и носят локальный характер, наличие незначительных долей высоких оценок (около 9-10%) не позволяет сделать вывод о том, что в регионе полностью решены межнациональные противоречия. Среди них особенно выделяется проблема несправедливого распределения благ и должностей, усугубляемые социально-экономическими проблемами, проецируемыми жителями на межэтнические отношения. Неравенство доступа к ресурсам и попустительское отношение к лицам, подрывающим основы мирного взаимодействия между национальностями, являются значимыми уязвимыми местами в отношении населения, заслуживающими внимание со стороны субъектов национальной политики. Выявленные различия в оценках респондентов, принадлежащих к различным социальным группам и категориям, также указывают на внутрирегиональную неоднородность межэтнических отношений в различных зонах социального пространства, дифференцируемых по уровню социально-экономического благополучия, жизненного уклада и ценностей.

3. Наше исследование показало наличие нескольких проблемных зон, обладающих более высокими рисками межэтнической напряженности. Это прежде всего молодежная среда с более интенсивными межкультурными коммуникациями и повышенным порогом чувствительности к интолерантности и социальной несправедливости. Обладая в целом более прогрессивными взглядами на природу этничности и миграцию, молодежь испытывает тревогу относительно существующего в регионе потенциала конфликта.

Городские пространства также являются в большей степени рискованными, чем сельские, что связано с большей плотностью межэтнических контактов при их одновременной мимолетности, интенсивной социальной динамикой и большей конкуренцией за рабочие места. В то же время, различия определяются не только поселенческими особенностями и характеристиками уклада жизни. В частности, результаты социологического мониторинга убедительно доказывают взаимосвязь между межэтнической напряженностью и социально-экономическим неблагополучием. Борьба за выживание в сложных экономических условиях усиливает существующие противоречия между национальностями. Значительный разрыв оценок возникает и в случае противопоставления различных этнических контекстов и идентификационных процессов. К сожалению, выраженные негативные проявления в межэтнических отношениях в большей степени отмечаются представителями нерусского меньшинства, которые значительно чаще русских становятся объектами притеснений.

4. Положительный эффект на восприятие межнациональных отношений оказывала ощущаемая респондентами близость к значимым социальным общностям – жителям России, региона, города и села. Этноконфессиональная идентичность, наряду с гражданскими вариантами, согласно нашим данным, также оказывала положительный эффект, и не ассоциировалась с протестной этнической мобилизацией, характерной для ситуации межэтнического противостояния. Кроме того, сильная гражданская идентификация не только не исключала, но, напротив, предполагала наличие и сильной этнической и религиозной составляющих, что оказывало дополнительный, кумулятивный эффект не только на восприятие межнациональных отношений, но и на собственное поведение респондента.

5. Результаты моделирования показали, что реализуемая в регионе национальная политика в большей степени направлена на обеспечение гармонизации межнациональных отношений, тогда как в отношении негативных проявлений эффекта практически нет, что во многом связано со спецификой оценки и включенными в инструментарий показателями. Одновременно с этим, наши результаты убедительно свидетельствуют о том, что происходящие в межэтнической сфере процессы тесно связаны друг с другом, они имеют естественные ресурсы стабилизации, но без целенаправленных усилий по поддержанию позитивных межэтнических отношений их гармонизация находится под большой угрозой. Все вышесказанное свидетельствует о необходимости продолжения системной работы, недопустимости снижения градуса государственного и общественного внимания к межнациональным вопросам, поддержке национально-культурных общественных объединений. Не меньшие усилия и средства рекомендуется уделять научным исследованиям, способным прояснить и предоставить обоснованные доказательства для социальной инженерии, реализации проектных социальных технологий.

Библиографический список

1. Brown R., Capozza D. (ed.). *Social identities: Motivational, emotional, cultural influences*. – Psychology Press, 2016.
2. Hockey J. L., James A. *Social Identities Across Life Course*. – Macmillan International Higher Education, 2017.
3. Hogg M. A. *Social identity theory // Understanding peace and conflict through social identity theory*. – Springer, Cham, 2016. – С. 3-17.
4. Жаде З.А. Специфика проявления межэтнической напряженности в местах компактного поселения курдов в Республике Адыгея // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2013. – Вып. № 3 (124). – С. 194-200.
5. Зорин В.Ю., Каменских М.С. Этнополитическая ситуация в России: современное развитие и основные мегатренды // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2020. – №1. URL: www.evestnik-mgou.ru.

6. Максимова С.Г., Омельченко Д.А., Ноянзина О.Е. Этническая идентификация русских в моно- и полиэтнических регионах: анализ репертуарных решеток // Society and Security Insights. – 2020. – Т.3. – № 2. – С. 13-40.
7. Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Этноконфессиональная напряженность в российском обществе: опыт эмпирической апробации методики измерения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 4 (152). – С. 130-152.
8. Черныш М. Ф. Факторы возникновения и воспроизводства межэтнической напряженности в теоретической перспективе // ПОЛИС. Политические исследования. – 2016. – № 5. – С. 25-36.
9. Шахбанова М. М. Межэтническая напряженность и этнический конфликт: содержание, факторы формирования, типология // История, археология и этнография Кавказа. – 2017. – № 1 (49). – С. 154-167.
10. Шахова Е.В. Особенности проявления межэтнического взаимодействия в Алтайском крае (по результатам социологического исследования) // Социодинамика. – 2019. – №7. – С. 1-9.
11. Шахова Е.В., Максимова С.Г. Межэтническое взаимодействие и социальная интеграция населения как взаимосвязанные процессы (по результатам социологического исследования в Алтайском крае) // Социодинамика. – 2019. – №8. – С. 1-12.
12. Шергалиева М. Т. Этническая идентичность как вид социальной идентичности // Вестник СГТУ. – 2014. – №1(76). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-identichnost-kak-vid-sotsialnoy-identichnosti> (дата обращения: 21.07.2020).

Сведения об авторах

Максимова Светлана Геннадьевна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета, svet-maximova@yandex.ru

Ноянзина Оксана Евгеньевна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета, noe@list.ru

Омельченко Дарья Алексеевна - кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета, daria.omelchenko@mail.ru

Maximova Svetlana Gennadyevna - Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Department of Social and Youth Policy Altai State University, svet-maximova@yandex.ru

Noyanzina Oksana Yevgenyevna - Candidate of Social Sciences, Lead Researcher Head of the Department of Social and Youth Policy Altai State University, noe@list.ru

Omelchenko Daria Alekseevna - Candidate of Social Sciences, Lead Researcher Head of the Department of Social and Youth Policy Altai State University, daria.omelchenko@mail.ru

Максимова О.А., Нагматуллина Л.К.

Максимова О.А., Нагматуллина Л.К.

**МОДЕЛИ ГРАЖДАНСКОЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН¹²
MODELS OF CIVIL AND ETHNOCULTURAL COMPETENCE OF THE YOUTH
OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN**

Аннотация: Статья посвящена вопросам формирования гражданской и этнокультурной компетентности современной молодежи. Обосновывается необходимость смещения фокуса внимания в сторону молодежи как социальной группы, концентрирующей в себе огромный потенциал возможностей в решении задач настоящего и будущего страны. На основании эмпирических данных, полученных в результате исследования, проведенного в рамках проекта «Молодежь в межэтнических коммуникациях: интолерантность, толерантность, диалог» (рук. Р.Б. Шайхисламов), реализованного в рамках программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020-2022 гг., проведен анализ доминирующих в сознании представителей молодежи Республики Татарстан установок и ориентиров, ценностных предпочтений в аспекте их гражданских позиций и отношений в полиэтнической среде. Авторы отмечают необходимость формирования молодого поколения россиян с присущими им социально-значимыми гражданскими качествами, способствующими оперативному реагированию на вызовы современности.

Abstract: The article is devoted to the formation of civic and ethno-cultural competence of contemporary youth. The necessity of shifting the focus of attention towards the youth as a social group, concentrating in itself a huge potential of opportunities in solving the problems of the present and future of the country, is substantiated. Based on empirical data obtained as a result of a study conducted within the framework of the project "Youth in interethnic communications: intolerance, tolerance, dialogue" (headed by R.B. Shaikhislamov), implemented within the framework of the program of fundamental and applied scientific research on the topic "Ethno-cultural diversity of the Russian Society and Strengthening the All-Russian Identity" 2020-2022, an analysis was made of attitudes and guidelines that dominate the minds of the youth of the Republic of Tatarstan, value preferences in terms of their civic positions and relations in a multi-ethnic environment. The authors note the need to form the young generation of Russians with their inherent socially significant civic qualities that contribute to a prompt response to the challenges of our time.

Ключевые слова: молодежь, ценностные ориентации молодежи, гражданская идентичность, гражданская компетентность, гражданское воспитание молодежи, патриотизм, этноконтрастная среда, полиэтническая молодежь, социальная активность молодежи.

Key words: youth, value orientations of youth, civic identity, civic competence, civic education of youth, patriotism, ethno-contact environment, multi-ethnic youth, social activity of youth

¹² Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 22-28-01120 «Модели конструирования религиозной идентичности в приграничных регионах России: институциональные механизмы, стратегии и практики» (2022-2023 гг.)

В настоящее время на фоне процессов, происходящих в мировом пространстве, определяемых совокупностью различных факторов эпидемиологического характера периода ковид-ситуации и геополитического соперничества, не носящих позитивный характер и нарушающих процесс общения между странами, формируется атмосфера напряженности, нарушается диалоговое взаимодействие. В подобных условиях конструктивное решение проблем, поиск взаимоприемлемых компромиссов, озабоченность российского социума вопросами укрепления человеческого ресурса страны, способного выполнять роль надежного фундамента в обеспечении будущего страны, представляются абсолютно оправданными. Актуализируется смещение фокуса внимания в сторону молодежи как социальной группы, которой предстоит в дальнейшем решать задачи, стоящие перед страной и подтверждать кредит доверия старших поколений россиян. Поэтому неиссякаем и исследовательский интерес в стремлении понять, насколько роль инициатора реализации ключевых инициатив опережающего социально-экономического развития страны, обеспечения ее политической стабильности и формирования веры в осуществимость всего задуманного, под силу современной молодежи. Объектом пристального внимания в этом контексте выступают, в первую очередь, ценностные ориентации представителей молодых поколений, оказывающие влияние на возможность решать стоящие перед ними проблемы и задачи.

В системе духовно-нравственных оснований особое место занимают личностные качества гражданского порядка, позволяющие каждому новому поколению молодежи активно включаться в процессы достижения национальных целей страны. В современных условиях динамичного темпа жизни социума, сопровождаемого информационными войнами, изучение уровня гражданской ответственности молодежи, доминирующих в ее сознании установок и ориентиров, степени готовности к их реализации на протяжении всей жизни, приобретает особое значение. Понимание ценностных предпочтений представителей молодых поколений в аспекте их гражданских позиций является задачей первостепенного характера, которая несет в себе важный посыл в будущее, определяя прогресс и стабильность страны, ее место и роль в глобализированном мире. Не случайно, гражданское воспитание молодежи рассматривается как приоритет национальной безопасности по сохранению внутреннего состояния государства и отечественного социума [2].

Исследование, развернутое при участии авторов с целью получения представления о моделях гражданской и этнокультурной компетентности современной молодежи, ее гражданской зрелости и этнокультурных ценностях, позволило отследить основные тенденции изменения оценочных приоритетов в мнениях представителей молодого поколения, уловить тональность высказанных оценок.

В репрезентативном выборочном опросе молодежи Республики Татарстан¹³ приняли участие 2250 респондентов, представляющих различные этнические, территориальные, половозрастные группы молодого поколения.

Общая картина выборочной совокупности по основным социально-демографическим характеристикам в процентно-числовых выражениях выглядит следующим образом: мужчин – 43 %, женщин - 57%; молодежь в возрасте от 16 до 30 лет, распределенная по четырем возрастным подгруппам: 16-18 лет, 19-21 лет, 22-25 лет, 26-30 лет с соблюдением квот в 25% в каждой из них для обеспечения более корректных сравнений в ходе исследовательского анализа; представители молодежи более чем 19 национальностей, среди которых: 52% русских, 37% татар, 9% иных разнообразных идентичностей, представленных числовой последовательностью с шагом не более 0,5-1% и 3% респондентов, которые предпочли не указывать национальность; четыре подгруппы респондентов, выделенные в соответствии с местом проживания: в городе с населением более 1 млн. чел.- 26,6% опрошенных, в городе с населением от 100 тысяч до 1 млн. чел. – 41,9%, в городе с населением до 100 тысяч чел. – 13,6%, в поселке, селе – 17,9%.

Сбор социологической информации был проведен с использованием метода анкетного он-лайн опроса, что позволило обеспечить достаточно большой объем выборки за счет ведения виртуального диалога с респондентами – представителями региональной молодежи, в привычном для них информационном поле, общение в котором не просто не доставляет им дискомфорт, а даже способствует искреннему выражению собственных мнений по задаваемым вопросам, а также провести оперативную обработку данных, визуально представить распределение ответов респондентов в таблицах и диаграммах, то есть наиболее удобной для анализа форме. Результаты проведенного исследования позволили провести социологический анализ данных не только в контексте их количественной оценки, но и качественной, сделать следующие обобщения и выводы.

В своем большинстве молодежь Татарстана испытывает гордость за достижения и успехи своей страны. Поэтому и доля респондентов, которых за последний год довольно часто охватывало это чувство и тех, кто испытывал его хотя бы иногда в процентном показателе больше (61,4%) по отношению к тем представителям молодежи, кто вообще не испытывал это чувство (26,0%). Однако в числе ответивших на этот вопрос респондентов, 12,6% предпочли высказать безразличие к обсуждаемому вопросу, что вероятнее всего, объясняется просто отсутствием стремления проанализировать степень проявления собственных чувств к стране, в которой они живут, нежеланием взглянуть на сферу личностных душевных качеств в обсуждаемом ракурсе. Между тем, наличие в комплексе базовых ценностей молодежи качеств

¹³ Исследование проведено в рамках проекта «Молодежь в межэтнических коммуникациях: интолерантность, толерантность, диалог» (рук. Р.Б. Шайхисламов), реализуемого в рамках программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020-2022 гг.

патриотизма, проявляемых, том числе, в наличии сформировавшегося и сложившегося отношения к Родине и способности открыто и прямо выразить это чувство, свидетельствует о наличии определенной гражданской позиции.

Характер патриотических чувств выражается также и в умении видеть неудачи и ошибки своей страны, способности достаточно критично, как это свойственно молодежи, оценить все происходящие события. Собственно, так и поступили представители опрашиваемой нами молодежи. Подобного рода закономерность в высказываниях была отмечена и в ходе проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в июне 2020 г. исследовании, посвященном поиску ответов на вопросы о том, что такое быть патриотом, и какими событиями и успехами в жизни страны гордятся россияне. Так, на 10 п.п. с 2018г. увеличилась доля тех, кто считает патриотизмом честность в суждениях о стране, какой бы горькой не была правда (29%) [3]. Заметим, что, судя по тому, как распределялись ответы респондентов в анкете опроса, представители региональной молодежи в полной мере разделяют эту точку зрения, поэтому анализ показал отсутствие резкого отклонения и значительного числового разрыва мнений в сторону положительных оценок.

Отвечая на вопрос о том, испытывали ли респонденты чувство стыда или недовольства страной – за неудачи и ошибки за последний год, 32,2% из числа опрошенных ответили, что такого чувства не испытывали, иногда подобное чувство возникало у 38,5% респондентов и только 15,7% опрошенных оно охватывало довольно часто. И сколь бы ни противоречивыми, на первый взгляд, не казались эти цифры, их возможно объяснить, учитывая следующие моменты: с одной стороны, нельзя отрицать факт наличия субъективной составляющей в оценке происходящих в современном обществе событий, отдельным человеком, также как и наличие укоренившегося в сознании части современного отечественного социума тренда на социальное сопротивление (например, развернувшаяся пропаганда вреда вакцинации против коронавирусной инфекции, транслируемое лидерами мнений), стереотипизацию представлений и оценок, способствующие формированию и трансмиссии резко отрицательных мнений по отдельным вопросам, соответственно формирующих установку на их восприятие в качестве серьезной ошибки. С другой стороны, респонденты продемонстрировали включенность в обсуждение процессов, происходящих в обществе, стремление их осмыслить. И если учесть, что в структуре понятия «гражданская позиция» наряду с компонентами патриотизма и социально-политической активности, имеется и элемент гражданственности, предполагающий активное и сознательное участие субъекта в делах и проблемах общества при наличии определенных убеждений [4], то респонденты в данном случае не побоялись эти убеждения выразить в ходе опроса, проявив таким образом свою гражданскую позицию, которую важно было зафиксировать исследователям в процессе анализа данных анкетного опроса.

В совокупности качеств, формирующих облик гражданина-патриота, любовь к отечеству, гражданское достоинство, долг, честь, жертвенность, составляют ценностно-ориентационную основу личностного ресурса каждого человека, позволяют в любые жизненные периоды различного рода вызовов, уметь противостоять им, сохранять позитивное восприятие мира, стремление к их преодолению путем продуманных и последовательных социальных действий, ориентированных на перспективное развитие социума. Именно гражданская компетентность, определяемая уровнем гражданской зрелости и ответственности, способностью самостоятельно находить и принимать конструктивные решения в ситуациях выбора и нести за них ответственность, формирует уверенность в будущей успешности страны, а чувство гордости за принадлежность к большой и сильной стране, несомненно обогащает и дополняет содержание понятия «патриотизм» особым звучанием и социальным смыслом, который в годы транзитного состояния отечественного социума был полностью «размыт» из-за свойственной этому периоду хаотизацией отношений, почти полным погружением представителей многих социальных групп в зону нравственного разложения, конфронтации, на фоне предпринимаемых попыток перенастроить сознание социумной общности, особенно молодых ее представителей, на волну насаждаемых извне идеологических конструктов с пренебрежением к прошлому страны, ощущением легкости бытия в условиях рыночных отношений. Такая ситуация грозила потерей гражданской идентичности, при постыдным желанием того времени умалчивать принадлежность к государственному образованию. В этом отношении современная молодежь демонстрирует иные позиции, отвечая на вопрос о том, изменились ли за последний год их чувства того, что они являются россиянами. Так, 32,1 % из числа опрошенных уверенно дали ответ, что их чувства остались в этой позиции неизменными, то есть как были всегда положительными, так таковыми и остались и ничего последний год ковид-эпидемии в их взглядах не поменял, 14,5% отметили наличие у них изменений в отношении ощущения себя россиянином «больше в положительную сторону», что свидетельствует об их гражданском «здоровье». Подобные ответы в численном и процентном соотношении (46,6%) перевесили долю тех, кто утверждал, что его чувства «изменились больше в отрицательную сторону» (11,2%) и полагающих, что они «как были отрицательными, так такими и остались» (3,5%). Таким образом варианты положительных и отрицательных ответов на вопрос разделились в соотношении 46,6% против 14,7%. При этом существенной зависимости мнений респондентов от пола, возраста, места проживания выявлено не было.

Однако особое внимание следует обратить на момент, который требует вдумчивого осмысления и заключается в наличии в ответах молодежи мнений относительно того, что они «не испытывали и не испытывают ни положительных, ни отрицательных чувств по поводу того, что они россияне» (21,2%) и 17,6% ответов от числа опрошенных, в которых респонденты затруднились дать ответ на поставленный вопрос. Такого рода мнения,

конечно, не несут в себе какого-либо деструктивного потенциала, но заставляют сконцентрировать внимание на вопросах, требующих объединения усилий социальных институтов общества, в чьи задачи входит воспитание и социализация молодого поколения, особенно в части его духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания. Здесь необходим не формальный подход, а взвешенная, учитывающая особенности современного цифрового поколения молодежи, их социальную уязвимость в силу еще недостаточно сложившегося понимания смыслового содержания наиболее значимых ценностных конструкторов, корректировка процесса формирования качеств личности.

Представителям молодых поколений необходимо научиться выстраивать траекторию правильного понимания и восприятия гражданских позиций, концептуальную основу патриотизма. В противном случае, за молодежь это могут сделать другие, легко перепрограммируя ее сознание, разрушая духовно-нравственный потенциал и идеалы, накопленные многими поколениями предков. Подлинная система ценностей в эпоху глобализации должна быть свободна от сиюминутных обстоятельств и перефразируя высказывание знаменитого классика, мы не должны проиграть бой за души молодежи.

В современных условиях отечественный социум стремится к позитивному решению социально-политических проблем с ориентацией на стабильность, укреплению традиционных ценностей, воспитанию у молодежи чувства любви и гордости за свою страну, готовности ее защищать. Поэтому вопрос в анкете, прозвучавший следующим образом: «Некоторые говорят: «Моя Родина не обязательно Россия; ею может быть другая страна, где мне хорошо будет жить»? Каково Ваше мнение на этот счет?» скрывает в себе содержательно глубокую цель по выяснению истинности гражданского чувства любви к Родине, выяснению причин и факторов, оказывающих влияние на его формирование.

Аналогичный вопрос содержался в анкете первого этапа исследования, проведенном в 2020 году, а в виду того, что опрос региональной молодежи, анализируемый в данном случае, является логическим его продолжением, то интересным представлялось проследить динамику изменений взглядов молодежи по этому вопросу. Так, если в 2020г. 37,7 % респондентов считали «Россию своей Родиной независимо от того, где жить лучше – здесь или в другой стране» и не склонны были рассматривать условия и качество жизни как тождественные их пониманию и определению категории «родина», ставить между ними знак равенства [5, с.224], то уже в 2021г., количество молодежи, для которой фактор жизненного благополучия во всех его проявлениях не рассматривался в качестве определяющего и оказывающего влияние на формируемые представления о родине, увеличилось до 45,4 %.

Таким образом, сопоставление процентных показателей, указывает на незначительную, но все же положительную динамику роста на 7,7% количества представителей молодого поколения, в матрице ценностных ориентиров которых преобладают абсолютные ценности, сохраняются и культивируются

гражданские позиции, во многом определяемые нравственным чувством патриотизма.

В исследовании 2020 г. число тех, кто предпочел вариант ответа: «Для меня Родина там, где мне комфортно, хорошо жить, независимо от того, где я родился», составила 37,8%, а в 2021 г. количество респондентов, которые предпочли фактически близкий по смыслу вариант ответа: «Для меня неважно – моя Родина Россия или другая страна, главное, чтобы мне было хорошо там жить» определялось цифрой 30,3%. И в данных ответах улавливается определенная положительная тенденция увеличения на 7,5% количества молодежи, не готовых считать своей Родиной страну, способную обеспечить лишь благополучное существование. Одновременно с этим, если по итогам исследования 2020 г., число респондентов, которые не задумывались над вопросом масштабности и глубины проявления собственных чувств по отношению к родине, составляло 6,9%, то новое исследование увеличило это количество до 12,7%. В целом, в ходе анализа результатов всех ответов опроса, стало достаточно заметным количество респондентов, которые, высказывая точку зрения по тому или иному вопросу анкеты «никогда не задумывались» над поставленной в вопросе темой или «задумывались, но затруднялись ответить». Данное обстоятельство, конечно, не является свидетельством полной индифферентности представителей молодых поколений к обсуждаемым вопросам, но все же фиксирует необходимость концентрации их внимания на обсуждении серьезных и значимых проблем, формирования к ним интереса с использованием различных средств и методов воспитания, адекватных потребностям современных молодых поколений и направленных на формирование гражданской компетентности, способной не допустить манипулятивного воздействия на молодежь. Это тем более важно в современных условиях фундаментальных угроз, когда от ценностных ориентаций конкретной личности зависит настоящее и перспективное будущее страны.

Бесспорно, одним из характерных признаков гражданственности является чувство патриотизма. Существующие многочисленные определения и трактовки понятия «патриотизм» свидетельствуют о емком и глубоком по своему содержанию явлении, характеризуемом различными формами проявления, многоаспектностью и широким диапазоном интерпретации, часто рассматриваемом с позиции знания и уважения исторического прошлого своего народа. В этой связи, анализ и осмысление уровня сформированности у молодежи патриотических качеств в контексте сохранения исторической памяти и понимания роли и значения страны в обеспечении Победы в Великой Отечественной войне 1945 года в масштабах всего мира, представляется особо значимым на фоне непрекращающихся попыток переписать историю.

Результаты анализа ответов респондентов на вопрос о том, чьей они считают Победу в Великой Отечественной войне 1945 года – ветеранов войны и труда, или всех нас, позволили зафиксировать факт того, что старшие поколения смогли обеспечить преемственность позиций в отношении

беспристрастной и объективной оценки ключевых исторических событий прошлого страны. Большая часть опрошенных считает, что Победа в Великой Отечественной войне 1945 года принадлежит ветеранам войны и труда (59,6%), что безусловно демонстрирует степень уважения к тем, кто защитил Родину от врага, одержав победу над нацизмом, 27% респондентов считают ее общей, разделяя таким образом гордость за свою страну-победителя и тех, кто сокрушил врага. Обращает также на себя внимание и тот факт, что среди респондентов, кто считает победу общей, больше доля тех, кто «часто» и «иногда» гордится достижениями своей страны, а так же испытывают позитивные чувства по поводу того, что являются россиянами, утверждая что «и сегодня человек должен быть гражданином своего государства» и считает «Россию своей Родиной независимо от того, где жить лучше – здесь или в другой стране». Таким образом, ценность Победы для представителей татарстанской молодежи несомненна. Действительно, сохранение исторической памяти на основе глубокого изучения и взвешенной оценки событий в настоящее время актуализируется настолько, что переходит в разряд стратегических задач, без реализации которой не представляется суверенное развитие страны, способное обеспечить молодежь жизненно актуальными социальными ценностями.

Содержание системы ценностных представлений в обществе, ее целостность во многом определяется основаниями культуры, степенью развитости духовной, нравственной жизни, состоянием индивидуального и общественного сознания, формируемым культурно-институциональными комплексами и транслирующими духовный продукт всем сферам социумной жизни в виде ценностей, норм, идей, концепций, идеологий, теорий. В этой связи, выбор ценностных ориентиров современной молодежью как социальной группы, наиболее восприимчивой ко всему инновационному, зависит от качества активизации и реализации ресурса культуры, способного раскрыть потенциальные возможности представителей молодых поколений и направить их в русло конструктивной и созидательной деятельности по развитию страны при одновременном формировании гражданской и этнокультурной компетентности с набором в ней личностных, мировоззренческих качеств морально-нравственного характера, гражданского долга, патриотизма, ответственности, уважения других народов, заинтересованного участия в делах общества.

Важно понять, насколько вопросы культуры актуальны и понимаемы молодежью, насколько значимы для нее в условиях отечественной социокультурной реальности, а также в контексте процессов, рассматривающих, в том числе, культурное развитие сквозь призму сочетания в нем глобальных и локальных интересов. Поэтому вопрос анкеты, направленный на выявление точки зрения респондентов относительно сути российской культуры и прозвучавший следующим образом: «Существуют разные точки зрения о сути российской культуры. Какая точка зрения Вам представляется более правильной?» представлялся содержательно интересным для

исследовательского анализа. Самыми распространенными точками зрения по данному вопросу стали оценки: «Все смешанно: российская культура в чем-то европейская, в чем-то восточная, в чем-то самобытная» (31%), «Я не думал об этом» (23%) и «Российская культура является не восточной и не европейской; она самобытна, неповторима» (21%).

Динамика распределения числовых показателей при выборе варианта ответа представлена на рис.1:

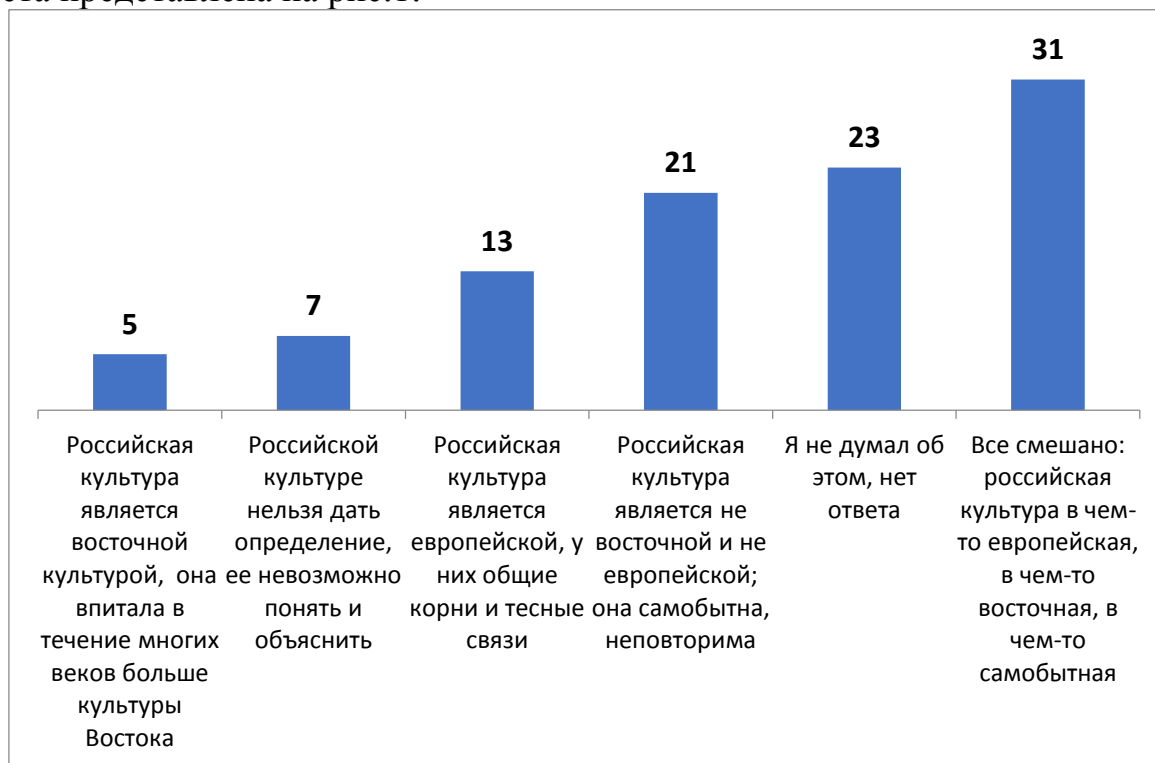

Рис. 1. Высказывания о сути российской культуры (в % общего числа опрошенных)

Предпочтение, отданное респондентами варианту ответа о смешанном типе культуры, сочетающей в себе и восточные, и европейские черты, возможно объяснить спецификой регионального среза исследуемого вопроса, обусловленность мнений респондентов глубокими традициями проживания на территории республики представителей различных этносов, благоприятной, основанной на взаимном уважении и согласии этноконтактной средой.

В соответствии с полученными данными, мужчины на 7% чаще женщин относили российскую культуру к европейской (17% против 10%), а женщины на 5% чаще выбирали вариант «Все смешанно: российская культура в чем-то европейская, в чем-то восточная, в чем-то самобытная» (33% против 28%). Что касается анализа ответов по данному вопросу относительно возрастной характеристики опрашиваемых, то существенного расхождения в мнениях респондентов не зафиксировано, распределение ответов молодежи разных возрастных групп в процентных показателях различалось незначительно. Со стороны представителей разных этнических групп наблюдалась следующая позиция: самобытность и неповторимость российской культуры на 5% чаще отмечали русские, чем татары (23% и 18% соответственно). Вариант ответа «Российская культура является европейской, у них общие корни и тесные

связи», то есть на близость к европейской культуре значительно чаще указывали респонденты, не указавшие свою национальность в анкете (на 13% чаще среднего). Сравнение мнений представителей городской и сельской молодежи по вопросу понимания сути российской культуры, позволило отметить факт, в соответствии с которым выбор вариант ответа «Все смешано: российская культура в чем-то европейская, в чем-то восточная, в чем-то самобытная» на 13,3% чаще делала городская молодежь, чем сельская (40,1% против 26,8%).

Несмотря на то, что не представилось возможным получить отклик на поставленный вопрос в анкете у 23% респондентов, которые предпочли не задумываться о проблемах духовно-культурного порядка, в целом можно утверждать, что большая часть молодежи ориентируется в культурном поле, стремится к осознанному анализу проблем с ним связанных, что, несомненно может рассматриваться в качестве активной гражданской позиции в отношении осмысления ключевых вопросов современности. Подтверждением этому могут служить также и ответы респондентов на вопрос анкеты: «У разных народов существуют свои правила поведения и общения; что-то ценится больше, что-то – меньше или вообще не ценится; есть свои обычаи и традиции. Как Вы определили бы свое отношение к перечисленным культурам разных народов?». Так, например, оценивая близость различных культур для себя лично, наибольшее количество респондентов - представители более чем 18 национальностей, принявших участие в опросе, имели четкое мнение относительно русской и татарской культур как наиболее для них знакомой на территории проживания, что объясняется тем, что татары и русские, являются двумя преобладающими по численности этническими группами в регионе, характеризующимся этническим многообразием. Поэтому опрошенные продемонстрировали следующую структуру оценок: 56% респондентов, дают позитивно-окрашенные оценки татарской культуре, в частности, 35% имеют о ней представление и считают ее полностью приемлемой для себя, 21% имеют представления о татарской культуре и много что из нее они могут принять. Тональность оценивания русской культуры также является положительной, 67% опрошенных дают позитивно-окрашенные оценки: 44% имеют представления о русской культуре, утверждая, что она для них полностью приемлема, а 23% также имеют представления об этой культуре и многое что из нее могут принять. Таким образом, отношение молодежи к культурам других народов, выраженное в мнениях, пусть даже только в отношении двух из них, позволяет не только дать положительную оценку состоянию межэтнических отношений в республике, охарактеризовать его как уважительное, основанное на межэтническом согласии, сотрудничестве, доверии, готовности взаимного принятия обычаев, традиций проживающих рядом народов, но и отметить наличие у молодежи потенциала овладения этнокультурными ценностями на уровне, позволяющем говорить о сформированности этнокультурной компетентности в общем потоке развития культуры [6].

Во все времена одним из предназначений культуры была помощь человеку в обретении устойчивости, целостности личности. Социальные нормы, базовые ценности сформированные на основе ценностей культуры способствовали вхождению молодежи в социокультурную среду с преобладанием в ней гражданских, духовно-нравственных качеств, доказывающих свою жизненную силу на протяжении всей истории.

Современная молодежь готова реальными делами, активной деятельностью на благо страны демонстрировать проявление качеств патриотизма, убежденно и уверенно считая, что в России должны быть общие идеи, цели, мечты, разделяемые представителями молодых поколений и способные не просто выступить в качестве мотивирующего фактора к достижению совместного результата, но и объединить россиян. Такую позицию высказало большинство респондентов (78%), отвечая на вопрос анкеты «Должны ли быть общенациональные идеи, общенародная мечта, ради воплощения которых в жизнь россияне могут объединиться?». Результаты ответа на вопрос анкеты отражен на рис.2:

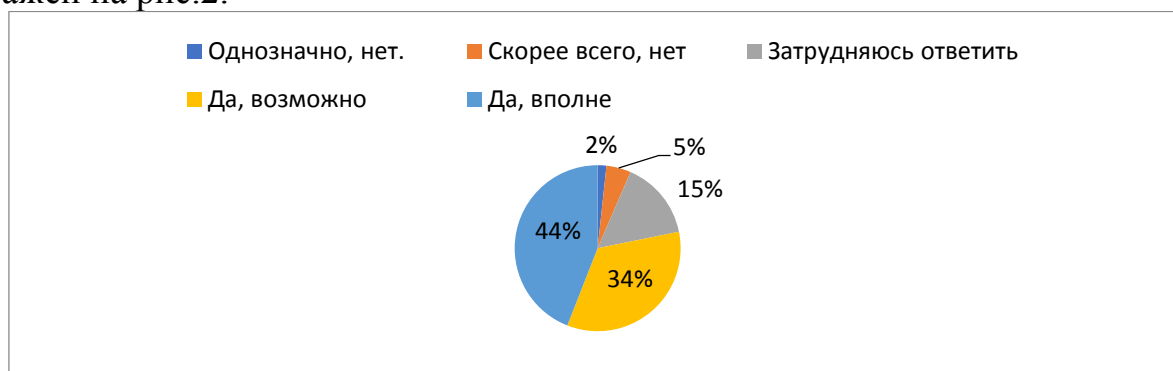

Рис. 2. Должны ли быть общенациональные идеи, общенародная мечта, ради которых россияне могут объединиться? (в % общего числа опрошенных)

Следует отметить, отсутствие взаимосвязи между высказанной точкой зрения и полом, возрастом, местом проживания (город, село), этнической принадлежностью респондентов, большинство было практически единодушно в ответах на данный вопрос. Поэтому цифровые значения анализируемых показателей в соответствии с социально-демографическими характеристиками опрашиваемых различались лишь на незначительные десятки и даже сотые доли процентов. При этом, в ходе анализа ответов, прослеживалась закономерность особой поддержки необходимости таких общенациональных идей, общенародной мечты, ради которых россияне могут объединиться, среди тех респондентов, кто одновременно еще и довольно часто испытывают гордость за достижения, успехи нашей страны, то есть, как можно предположить, той части опрошенной региональной молодежи, в процессе социализации которой в рамках различных социальных институтов примеры успешных воспитательных патриотических практик способствовали формированию ценностно-ориентационных конструктов с наличием в них уважения к Родине, гордости за свою страну, патриотического сознания.

В набор наиболее значимых десяти идей, способных быть общими для объединения страны, по мнению представителей молодых поколений, вошли следующие (таб.1):

Таблица 1. Объединительные идеи (в % от общего числа опрошенных)

Идеи	Процент опрошенных	Идеи	Процент опрошенных
«Здоровый народ»	60%	«Россия без коррупции»	47%
«Россия без бедности»	67%	«Страна научных открытий»	38%
«Образованная страна»	58%	«Страна дружественных народов»	35%
«Чистая окружающая среда»	50%	«Страна, где все понимают друг друга»	34%
«Комфортные условия жизни»	50%	«Страна высокой культуры»	33%

Среди идей, возглавивших список, безусловными лидерами стали такие из предложенных вариантов ответов, которые чаще поддерживались респондентами, в частности: «Здоровый народ» (60%), «Россия без бедности» (67%), «Образованная страна» (58%), «Чистая окружающая среда» (50%). Явное процентное преимущество таких вариантов выбора указывает не просто на универсальность устремлений и задач, предстоящих реализовывать современному отечественному социуму. В данном случае нельзя не отметить уровень актуализации, осмысления, осознания социально-значимых проблем современной молодежью, в системе жизненных координат которой преобладают и имеют первостепенную значимость тех из них, которые рассматриваются более на социетальном уровне, имеющем отношение ко всему обществу, и носят глобально-стратегический характер, нежели на непосредственно индивидуальном, сугубо личностном, что может свидетельствовать о достаточно высоком уровне гражданских позиций представителей молодых поколений.

Поддерживаемыми опрошенными стали объединительные идеи, не вошедшие в «десятку» набравших наибольший процент ответов, но в сценарии развития страны, также играющие существенную роль. Соответственно, такими вариантами ответов, нашедшими отклик у молодежи, стали: «Спортивная держава» (32%), «Страна доброжелательных людей» (27%), «Страна духовности» (20%). Наименьшее количество ответов в процентном выражении получил вариант идеи «Ведущая военная держава» (14,7%) и только 4% респондентов посчитали, что «общенациональной идеи не должно быть». В выборе и оценке общенародных идей явно прослеживается гендерная специфика в оценках молодежи. Так, например, юноши чаще выбирали варианты идей «Спортивная держава» и «Страна научных открытий», девушки были более привержены идеям «Образованная страна», «Страна талантов», «Чистая окружающая среда», «Страна доброжелательных людей», «Страна дружественных народов», «Страна, где все понимают друг друга». Одновременно, не было выявлено значительных различий в оценках респондентов по возрасту и этнической принадлежности.

Таким образом, существующее распределение мнений респондентов по анализируемому вопросу обнаруживает направленность к установлению позитивной тенденции в отношении понимания молодежью ключевых объединительных идей, способствующих реализации национальных целей и проектов.

Следует отметить, что у опрошенной молодежи сформировалась убежденность в понимании того, что общенациональные идеи, общенародные мечты, определяемые ею в качестве приоритетных в настоящий период, и ради воплощения которых в жизнь россияне могут объединиться, должны быть близки и разделяться представителями различных социальных общностей. Поэтому анализ ответов на ряд вопросов анкеты, в которых требовалось определить степень принятия этих идей в качестве объединительных, представил следующую картину, определяемую цифровыми показателями. Считают, что идеи могут быть «Практически общими для богатых и малообеспеченных» - 36,5% опрошенных, «Могут быть общими для всех людей всех национальностей страны» - 53,9%, «Эти идеи могут быть общими для всех, независимо от возраста» - 49,2%, «Эти идеи могут быть общими для всех, независимо от принадлежности к политикам или простым людям» - 39,2%. На первый взгляд, фиксируется недостаточная весомость числовых величин в отдельных ответах, которая, однако, усиливается, за счет другого, вариативного выбора респондентов, согласно которому не все, но отдельные идеи также могут рассматриваться в качестве объединяющих. Так, например, по мнению опрашиваемой молодежи «Одни идеи могут быть общими (разделяться богатыми и малообеспеченными людьми, а другие – нет)» (23,8%), «Отдельные идеи могут быть общими для молодежи и пожилых людей» (17,5%), «Отдельные идеи могут быть общими для политиков, и для простых людей» (14,3%).

Как видим, молодежь акцентирует внимание на общности жизненных стратегий вне зависимости от уровня жизни, этнической принадлежности, возраста, а также безотносительно к политику или простому человеку, формируя таким образом области совместного эффективного взаимодействия представителей различных социальных образований, в пространстве которых происходит повышение уровня социальной активности молодежи на основе ее включения в реализацию долгосрочных национальных целей, участия в общественной жизни страны и региона, формируется чувство сопричастности к значимым событиям современности.

Современная молодежь достаточно чувствительна к различного рода проблемам, происходящих в отечественном социуме. Как свидетельствует проведенное ранжирование ответов респондентов в отношении проблем, волнующих представителей республиканской молодежи, первое место занимает проблема состояния здоровья, далее идут проблемы безработицы, бедности, уровня и качества образования, сокращения численности населения, угрозы исчезновения языка народов. Графически это представлено на рис.3:

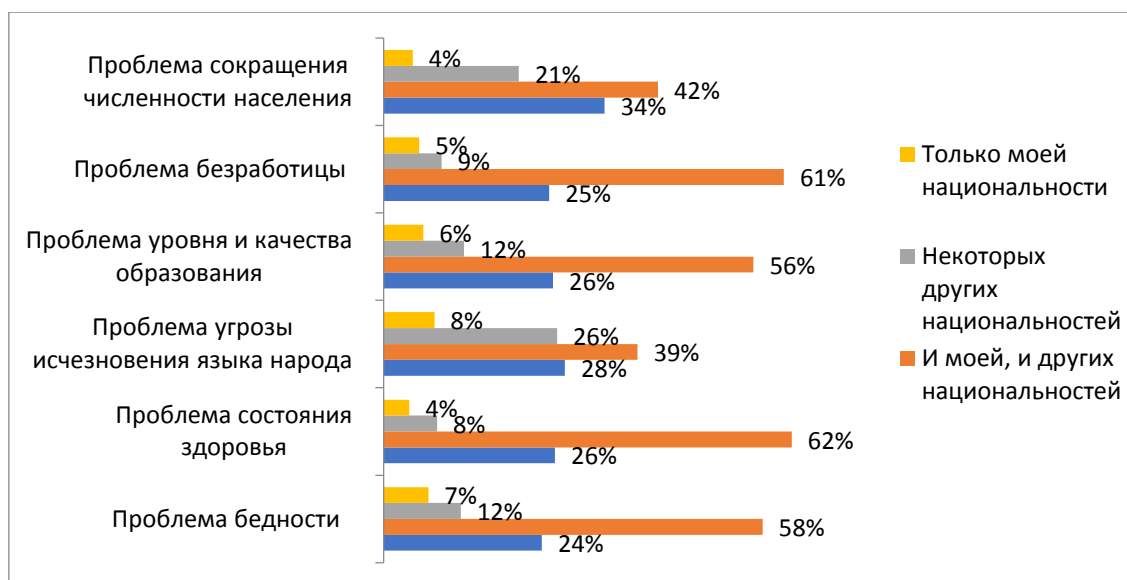

Рис.3. Каких национальностей касаются, на Ваш взгляд, перечисленные проблемы? (в % общего числа опрошенных)

Углубленный анализ ответов респондентов на данный вопрос показал: оценки молодежью основных проблем россиян указывают на то, что практически все их виды кажутся респондентам значимыми как для своей этнической группы, так и для представителей других национальностей. Доля опрошенных, указавших на то, что представленная проблема свойственна только лишь их национальности, составило меньшинство в каждой из опрошенных этнических групп.

Полиэтническая молодежь республики подтвердила отсутствие зависимости между стоящими перед народом страны проблемами и их этнической окраской, принадлежности одному народу, что позволяет прийти к заключению, что у многонациональной России и ее регионов социальные проблемы общие и решать их необходимо сообща, консолидируя все совместные усилия. Более того, фактическое единодушие и последовательность молодежи в выражении идеи относительно совместного решения проблем свидетельствует о сопричастности к общим социально-экономическим процессам, выраженном чувстве единства и не утратившей своей актуальности гражданской ответственности в молодежной среде.

Рассматривая гражданскую компетентность в качестве лично образующей основы представителей молодых поколений, следует понимать содержательную ее составляющую не только как умение жить в гражданском обществе, правовом государстве, но и желание его формировать, создавать, предпринимая реальные действия в этом направлении. В этом плане респонденты убеждены в том, что должны участвовать в реализации национальных целей страны, что, несомненно, может рассматриваться в качестве показателя активной гражданской позиции молодежи. Данный факт ярко демонстрируют ответы молодежи в блоке вопросов анкеты, где

представлена формулировка цели и задан прямой вопрос: «Кто может и должен реализовывать эту национальную цель?».

В формулировке вопросов по данной тематике разработчики анкеты руководствовались ключевыми целями, обозначенными в Указе Президента Российской Федерации «Указ о национальных целях развития России до 2030 года»: сохранение населения, здоровье и благополучие людей, возможности для самореализации и развития талантов, комфортная и безопасная среда для жизни, достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство, цифровая трансформация [1].

Анализ ответов на вопросы позволил сделать вывод о том, что вне зависимости от пола и возраста респондентов, чаще всего поддержку находят два варианта ответа о субъектах достижения поставленных целей, представленные в ответах респондентов в различных цифровых сочетаниях: «цель может и должна быть реализована не только государством, нужны совместные усилия всех россиян» и «цель может и должна быть реализована только государственными органами». В равной доле и к первому, и ко второму ответу опрошенные относят такие цели как «Комфортная и безопасная среда для жизни», «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство», «Цифровая трансформация». Респонденты - татары несколько чаще других отмечали, что только государство может справиться с реализацией таких целей как «Возможности для самореализации и развития талантов», «Комфортная и безопасная среда для жизни». Чаще других, в мнениях респондентов звучала точка зрения, что именно для достижения целей по обеспечению здоровья и благополучия людей, самореализации и развития талантов, необходимы в большей степени не только усилия государства, но и всех россиян.

В большинстве ответов именно вариант: «Эта цель может быть реализована не только государством, нужны усилия всех россиян», нашел наибольшую поддержку среди молодежи. К тому же, такие ее устремления подтверждаются и данными исследования ВЦИОМ 2020 г., в котором вторым по популярности определением патриотизма среди россиян стала деятельная работа на благо своей страны (44%, +6 п.п. по сравнению с 2018 г.) [2]. Действительно, включенность молодежи в практическую деятельность по реализации задач, стоящих перед страной, способствует повышению уровня ее социальной активности, формированию чувства ответственности, личной сопричастности к значимым делам, соответственно, патриотических убеждений и гражданской ответственности.

Расширение горизонтов созидательной деятельности молодежи по достижению национальных целей страны, мера осознания молодыми поколениями их важности, способствует более интенсивному становлению и утверждению российской идентичности. В этом плане показательна закономерность, в соответствии с которой, представители молодежи, часто или иногда испытывающие гордость за достижения, успехи нашей страны на 20-

30% чаще других утверждали, что считают «Россию своей Родиной независимо от того, где жить лучше – здесь или в другой стране».

Позитивная социальная активность способствует формированию у молодежи четких ценностных ориентиров. Так, отвечая на вопрос «Считаете ли Вы, что жители нашей страны – это единый и целостный российский народ?» более половины опрошенной молодёжи (52,8%) вне зависимости от пола, возраста, этнической принадлежности, разделяют именно эту точку зрения. Безусловно, в оценках российской идентичности встречались и другие позиции респондентов, которые были более склонны не согласиться с подобным утверждением (23,5%) или затруднились с ответом (23,7%), при этом, на 10—20% реже считают, что жители нашей страны – это единый и целостный российский народ, представители молодежи, для которых, по их мнению, быть россиянином для них ничего не значит и как они полагают, это простая формальность. Сравнительный анализ ответов на вопросы анкеты, выявил, что в многовариантности чувств к Родине, положительный ответ значительно чаще (на 20-30%) давали опрашиваемые, часто или иногда испытывающие гордость за достижения, успехи нашей страны и не чувствующие недовольство за неудачи, ошибки нашей страны (13-30%). Одновременно, на 15-20% чаще считают народ единым респонденты, убежденные, что и сегодня человек должен быть прежде всего гражданином своего государства и на 20% чаще других те, кто считает Россию своей Родиной независимо от того, где жить лучше – здесь или в другой стране. Как представляется, такие данные, выраженные в мнениях республиканской молодежи, могут свидетельствовать о качественно новом уровне интегративных процессов по осознанию принадлежности представителей разных народов к российской общности.

Образ эталонного, «настоящего» россиянина, в двух преобладающих мнениях татарстанской молодежи представляется имеющим «права гражданина, независимо от того, где родился» (34%), согласно другой позиции, это «тот, кто родился в России, а не является мигрантом, получившим гражданство» (31%). Необоснованно было бы утверждать, что варианты ответов, получившие меньший процент в иерархии представлений респондентов: «Настоящий россиянин тот, кто уважительно относится к разным народам своей страны» (24%), «Настоящий россиянин тот, кто является патриотом России» (22%), «Настоящий россиянин тот, кто на деле содействует развитию страны» (17%), «Настоящий россиянин тот, кто не позорит страну своим поведением» (16%) и др., представленные на рис.4, по своему содержанию, значимости для личности в качестве гражданских ориентиров и эффективности решения общегражданских проблем уступают по значимости находящимся в начале списка:

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Настоящий россиянин тот, кто ...» (в % общего числа опрошенных)

В совокупном образе россиянина, мужчины на 10% чаще женщин видели того, «кто родился в России, а не является мигрантом, получившим гражданство» (37% и 27% соответственно), а женщины на 11% чаще мужчин предпочитали вариант «Настоящий россиянин тот, кто уважительно относится к разным народам своей страны» (29% и 18% соответственно), на 9% чаще полагали, что «Настоящий россиянин тот, кто является патриотом России» (26% и 17% соответственно) и на 6% чаще указывали вариант «Настоящий россиянин тот, кто гордится достижениями страны» (18% и 12% соответственно). Бесспорно, женщины продемонстрировали более широкую дисперсию, диапазон разброса мнений, что, однако, резко не контрастировало с мнениями мужчин. В данном вопросе была также зафиксирована устойчивость и невосприимчивость к факторам национальных и возрастных отличий респондентов.

В настоящее время на фоне процессов, происходящих в мире, все более актуализируются вопросы сохранения российской идентичности и ментальной безопасности в русле поддержания и утверждения патриотических устремлений. И эту тенденцию явно чувствует современная молодежь. На это указывают данные опроса и наличие в них следующей закономерности: среди тех респондентов, кто довольно часто испытывает гордость за достижения страны на 7-15% чаще других утверждает, что «Настоящий россиянин тот, кто является патриотом России». И даже та часть молодежи, которая высказала точку зрения о том, что довольно часто испытывает недовольство за неудачи, ошибки нашей страны, на 8% чаще других отмечает, что «Настоящий россиянин тот, кто не позорит страну своим поведением». Действительно, многогранность и многоаспектность феномена патриотизма не исключает достойного поведения человека в контексте установок культуры.

Утверждения о «настоящем» россиянине во многом опосредованы мнением респондентов относительно осознания ими того, какую страну они считают своей родиной и наличием определенной системы чувств к ней. Так, для тех,

кто считает «Россию своей Родиной независимо от того, где жить лучше – здесь или в другой стране» чаще других отмечают что, чтобы быть россиянином важно быть патриотом России (на 5-15%), необходимо переживать за неудачи, трудности, испытываемые страной (на 5-10%), гордиться достижениями страны (на 5-8%) и быть воспитанным в традициях российской культуры (на 5%). Представители молодежи, кто стремился рассуждать и думать на эту тему, но пока не решил для себя что такое Родина, ближе всего по своим оценкам «настоящего россиянина» к тем, кто что считает, что «Россия – их Родина, вне зависимости хорошо или плохо в ней жить». В современных условиях факт возрастания патриотических настроений вполне объясним, потому что отвечает объективным реалиям настоящего момента в отношении оперативного реагирования на вызовы современности разного характера, требующего наличия морально-нравственных ценностей. Формирование патриотического сознания может дать долгосрочный эффект в виде молодых поколений россиян, преданных и любящих свою страну, стремящихся обеспечить ее успешное развитие.

В отличие от других социально-демографических групп молодежь очень чутко реагирует на все изменения, происходящие в обществе, улавливает настроения и готова преодолевать сложности современных жизненных реалий, активно включаться в инновационные процессы, концентрирует в себе огромный потенциал возможностей, необходимо лишь вооружить молодежь знаниями, сформировать у молодых поколений весь необходимый комплекс социально значимых гражданских качеств, отвечающих задачам настоящего и будущего страны.

Библиографический список

1. Указ о национальных целях развития России до 2030 года. URL: <https://kremlin.ru/acts/news/63728> (дата обращения 20.03.22)
2. Ховрин А.Ю., Зацепин М.И. Проблемы формирования молодой личности в контексте национальной безопасности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-formirovaniya-molodoy-lichnosti-v-kontekste-natsionalnoy-bezopasnosti/viewer> (дата обращения 09.03.22).
3. Патриотизм сегодня: не только любить, но и работать! URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnya-ne-tolko-lyubit-no-i-rabotat> (дата обращения 10.03.22).
4. Березутский Ю.В. Гражданская позиция молодежи региона: опыт социологического анализа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-rozitsiya-molodezhi-regiona-opyt-sotsiologicheskogo-analiza> (дата обращения 04.03.22).
5. Максимова О.А., Нагматуллина Л.К. Молодежь о национальных отношениях: региональный срез в контексте социологического анализа // Вестник экономики, права и социологии. – 2020. – №4. – С. 222-226.
6. Афанасьева А.Б. Формирование этнокультурной компетентности в системе высшего педагогического образования. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-etnokulturnoy-kompetentnosti-v-> (дата обращения 15.03.22).

Сведения об авторах

Максимова Ольга Александровна - кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, *olga_max@list.ru*

Назматуллина Людмила Константиновна - кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева-КАИ, *nagmlk@yandex.ru*

Maksimova Olga Aleksandrovna - Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor, Department of General and Ethnic Sociology, Kazan (Volga Region) Federal University, *olga_max@list.ru*

Nagmatullina Lyudmila Konstantinovna - Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology, Political Science and Management, Kazan National Research Technical University. A.N. Tupolev-KAI, *nagmlk@yandex.ru*

Хайруллина Н.Г.

Khairullina N.G.

**ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ:
РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА ТЮМЕНСКОЙ МОЛОДЕЖИ¹⁴
ALL-RUSSIAN CIVIL IDENTITY:
RESULTS OF THE SURVEY OF TYUMEN YOUTH**

Аннотация: Современная общероссийская идентичность начала формироваться после распада советского государства. Люди, оказавшись в ситуации неопределенности, неуверенности, испытывают потребность в идентификации (с людьми своей национальности, с жителями своего региона, села и пр.). Научные и общественные обсуждения основ государственной национальной политики в первом десятилетии нового тысячелетия завершились признанием российской идентичности. В обновленной Стратегии государственной национальной политики присутствует определение общероссийской гражданской идентичности, понимаемой как «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества». С этого периода вопросы формирования общероссийской гражданской идентичности стали предметом обсуждения представителями власти, политиками, учеными, гражданским сообществом. В непростой ситуации выбора оказалось поколение молодежи, которое определяет будущее своей страны. Поэтому индикатором отношения молодежи

¹⁴ Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 22-28-01120 «Модели конструирования религиозной идентичности в приграничных регионах России: институциональные механизмы, стратегии и практики» (2022-2023 гг.)

к вопросам формирования общероссийской гражданской идентичности являются результаты социологических исследований. Такое исследование было проведено в конце октября 2021 года в населенных пунктах юга Тюменской области. В опросе приняли участие 1920 представителей тюменской молодежи. В ходе опроса удалось выяснить мнение тюменской молодежи о собственных успехах и неудачах, о достижениях и неудачах страны; об отношении к понятию «россиянин», об отношении к России в целом, к объединительным идеям. Результаты исследования подтверждают, что для Тюменского региона сегодня важной задачей остается формирование и развитие общероссийской гражданской идентичности в сознании молодежи.

Annotation: The modern all-Russian identity began to take shape after the collapse of the Soviet state. People, finding themselves in a situation of uncertainty, uncertainty, feel the need for identification (with people of their nationality, with residents of their region, village, etc.). Scientific and public discussions of the foundations of the state national policy in the first decade of the new millennium ended with the recognition of Russian identity. The updated State Ethnic Policy Strategy contains a definition of an all-Russian civic identity, understood as “the awareness by the citizens of the Russian Federation of their belonging to their state, people, society, responsibility for the fate of the country, the need to respect civil rights and obligations, as well as adherence to the basic values of Russian society.” Since that period, the issues of the formation of an all-Russian civic identity have become the subject of discussion by government officials, politicians, scientists, and the civil community. A generation of young people, who determine the future of their country, found themselves in a difficult situation of choice. Therefore, the results of sociological research are an indicator of the attitude of young people to the formation of an all-Russian civic identity. Such a study was conducted at the end of October 2021 in the settlements of the south of the Tyumen region. 1920 representatives of the Tyumen youth took part in the survey. During the survey, it was possible to find out the opinion of the Tyumen youth about their own successes and failures, about the achievements and failures of the country; about the attitude towards the concept of "Russian", about the attitude towards Russia as a whole, towards unifying ideas. The results of the study confirm that for the Tyumen region today, the formation and development of an all-Russian civic identity in the minds of young people remains an important task.

Ключевые слова: общероссийская идентичность, гражданская идентичность, Россия, тюменская молодежь, россияне, гражданство, представления о российской идентичности

Keywords: all-Russian identity, civic identity, Russia, Tyumen youth, Russians, citizenship, ideas about Russian identity

Тюменская область - это полиэтничный и поликонфессиональный регион Российской Федерации, в котором проживают представители более 143 национальностей. В области исторически компактно проживали русские, сибирские татары, коренные малочисленные народы Севера. В связи с

открытием в середине 1950-х месторождений нефти в Среднем Приобье и газа на севере Ямала в регион для работы приехали представители различных народов, культур и религий. Вторая волна миграции с начала 2000-х годов обусловлена в первую очередь дефицитом рабочей силы в благополучном регионе, каковым является Тюменская область. Основными поставщиками трудовых мигрантов являются республики Средней Азии, в первую очередь, Республики Таджикистан, Узбекистан и Кыргызстан. Основной поток внешней трудовой миграции приходится на молодых мужчин, что усугубляет риски радикализации молодых людей, деструктивное влияние экстремистских религиозных организаций. В такой ситуации для полиэтничной Тюменской области и других российских регионов актуализируется задача формирования и развития объединяющих ценностных и социокультурных основ общероссийской гражданской идентичности в сознании современной молодежи.

Современное поколение молодежи определяет будущее своей страны. Различного рода преобразования, происходившие последние десятилетия в нашей стране, затронули и оказали влияние на различные сферы жизнедеятельности большинства россиян и в первую очередь молодежи. Процессы глобализации актуализировали ценности, длительно находившиеся под запретом (свободная любовь, однополые браки, гомосексуализм, наркотики и др.). Поскольку происходящие преобразования протекают быстрее, чем мировоззренческие изменения, то у некоторых представителей подростков и молодежи произошла деформация индивидуальной идентичности, образовался ценностный вакуум, который заполнили средства массовой информации и социальные сети.

За последние десять лет, не смотря на конфронтационный характер отношений с европейскими странами, в России произошли значительные социально-политические события, укрепившие позиции России как мировой державы (Олимпиада в Сочи, присоединение Крыма к России, Чемпионат Мира по футболу, урегулирование сирийского конфликта, строительство «Северного потока – 2» и др.). Одновременно внутри страны прошла (непопулярная среди большинства россиян) пенсионная реформа, принят закон о материнском капитале, новый текст Конституции России с поправками 2020 года и др. При этом деятельность зарубежных НКО оказывает влияние на деформацию государственной идентичности российской молодежи. Как видим, России сталкивается и с внутренними проблемами, и с внешними вызовами и угрозами.

В марта 2021 г. В. Путин на заседании совета по межнациональным отношениям обратил внимание на необходимость укрепления общероссийской гражданской идентичности, назвав ее ключевой задачей. Президент РФ объяснил, что общероссийская идентичность и гражданское самосознание это солидарность жителей страны и их ощущение сопричастности «к судьбе Отечества». Он подчеркнул, Россия – многонациональное государство и

формирование общероссийской идентичности имеет важное значение наряду с эффективной экономикой и компетентным управлением.

В Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года среди приоритетных направлений государственной национальной политики указано укрепление гражданского единства, гражданского самосознания и сохранение самобытности многонационального народа Российской Федерации (российской нации). На государственном уровне признается, что «многонациональный народ Российской Федерации (российская нация) - сообщество свободных равноправных граждан различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих гражданским самосознанием, а общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание) - осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества» [11]. Последнее понятие является компромиссным, поскольку обсуждалось и формировалось в научном сообществе длительное время. Наиболее полное представление дефиниций «российская идентичность» и «российская гражданская нация» находим в работах В.А. Тишкова, который под последней понимал политическую общность многих народов [9]. По его мнению, если нет общей идентичности, то нет и страны, поэтому перед представителями новых поколений встают вопросы: что такое Россия, что значит быть россиянином, что связывает гражданина с его страной? [10, С.108] По мнению Л.М. Дробижевой, общероссийская гражданская идентичность подразумевает отождествление себя с определенной общностью, представления о ней, формируемые в процессе социализации личности различными институтами гражданского общества (государство, семья, образование, СМИ, интернет-ресурсы), эмоциональное переживание этих представлений (гордость, стыд, патриотизм) и готовность к осуществлению определенных действий [5, С.484].

Титов В.В. под национально-государственной идентичностью предлагает понимать интегрированный образ «нас», «своих», представляющий собой сложный политико-психологический и социокультурный конструкт, динамика которого обусловлена трансформационными процессами в политической системе России и наличием исторических и культурно-психологических факторов [8].

Таким образом, становится очевидной целью современной российской национальной политики: формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление интеграционных тенденций и общегражданского сознания, сохранение и развитие этнокультурного разнообразия всех народов России.

Объектом эмпирического исследования содержания и особенностей формирования общероссийской гражданской идентичности у представителей тюменской молодежи, проведенного в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие

российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020-2022 гг. (руководитель проекта д.социол.н., профессор Шайхисламов Р.Б.), стали старшеклассники, студенты бакалавриата и магистратуры ведущих тюменских вузов, работающая молодежь. При этом респонденты были разбиты на четыре возрастные группы: 16-18 лет – 40 %; 19-21 год – 25,8 %; 22-25 лет – 18,5 % и 26-30 лет – 15,7 %. Всего в опросе, проведенном на юге Тюменской области, приняли участие 1915 человек, из них 46 % составили респонденты мужского пола, 54 % - женского. При этом в городе с населением от 100 тысяч человек (областной центр Тюмень) проживают 60 % участников опроса, в городе с населением до 100 тысяч человек (провинциальные города Ялуторовск, Заводоуковск, Ишим) – 24 %, в сельской местности – 16 %. Предмет исследования - содержание и особенности формирования общероссийской гражданской идентичности у представителей тюменской молодежи.

Жизненное благополучие любого человека определяется существующими представлениями о роли и месте в окружающем мире его страны, родины. Через ответы на (казалось бы) отвлеченные вопросы о национальной идее, об отношении к России, оценке ее достижений и неудач, значимости понятия «россияне» и другие, вырабатываются и наполняются смыслами жизненные цели и ценности российской нации, можно увидеть, как представители определенных поколений принимают участие в разработке и реализации стратегий развития страны.

Так, на вопрос, испытывали ли респонденты гордость за собственные достижения, успехи за последний год, большинство участников ответили утвердительно: да, довольно часто испытывал почти каждый второй (46,4 %), иногда – чуть менее половины опрошенных. Одновременно 7,5 % молодежи признались, что не испытывали гордость за собственные достижения или успехи. Иначе ответили молодые люди на вопрос, испытывали ли они недовольство за собственные достижения, успехи за последний год: почти две трети респондентов признались, что испытывали чувство недовольства за собственные неудачи и ошибки (10,7 % довольно часто, 57,2 % иногда). Каждый третий не испытывал таких чувств.

Ответы на следующие два вопроса позволили выявить отношение молодежи к достижениям и неудачам России за последний год. Гордость за страну испытали чуть более половины респондентов (довольно часто каждый пятый, иногда – 41,6 %), не испытывали четверть опрошенных участников опроса. При этом каждый шестой респондент признался в своем безразличии к достижениям России. Каждый второй участник опроса признался, что за последний год испытывал чувства недовольства за неудачи, ошибки России (довольно часто – каждый седьмой, иногда – 35,3 %), не испытывал каждый третий респондент. Одновременно каждый шестой участник опроса заявил, что это ему безразлично.

Позитивные ответы выявлены на вопрос, изменились ли за последний год отношение к тому, что являетесь россиянином? Каждый седьмой участник опроса признался, что это чувство стало в большей мере положительным,

каждый третий ответил, что чувства не изменились, как были положительными, так и остались. При этом 6,0 % заявили, что чувства стали в большей мере отрицательными, а по оценке 4,6 % они как были отрицательными, так и остались. Каждый четвертый молодой человек не испытывал ни положительных, ни отрицательных чувств по поводу того, что он является россиянином. Затруднения с ответом испытал каждый пятый молодой человек. Таким образом, каждый десятый представитель молодого поколения не идентифицирует себя как гражданина своей страны.

Важной составляющей идентичности является осознание связи со своей страной, регионом, малой Родиной, семьей, друзьями, людьми своей национальности. Рассмотрим ответы на первый индикатор общероссийской идентичности тюменской молодежи на вопрос о значимости для них группы «россияне». Чуть менее трети молодых людей ответили, что группа «россияне» для них ничего не значит, это простая формальность (30 %). Каждый седьмой участник опроса ответил, что эта группа что-то значит, но самое главное – Я, а не эта группа. Чуть более четверти опрошенных считают, что «россияне» и Они значимы одинаково (28,9 %). При этом для 5,2 % респондентов эта группа более значима, чем собственное «Я», 6,8 % признались, что вне этой группы он себя просто не представляют. Чуть более десяти процентов затруднились ответить на поставленный вопрос. Примерно аналогичное распределение ответов (плюс-минус 2-4 %) выявлено при оценке отношения к группам «жители моего региона» и «жители моего города, села». Аналогичные результаты были получены в других российских регионах [1, 2].

Другие оценки выявлены при оценке групп «моя семья» и «мои друзья». Семья ничего не значит, это простая формальность для 3,1 % участников (60 человек!). В том, что семья что-то значит, но самое главное – Я, а не эта группа признались 5,3 % респондентов. Каждый пятый полагает, что семья и Он значимы одинаково. Семья для почти трети респондентов более значима, чем их собственное «Я», а 40 % участников вне этой группы себя просто не представляют. При оценке своих друзей получены следующие ответы: 4,2 %, 16 %, 52 %, 26,5 % и 20,9 % соответственно. Остальные затруднились ответить.

Далее представим ответы, характеризующее отношение тюменской молодежи к представителям своей национальности. Каждый третий участника респондент (30 %) признался, что «люди своей национальности» для них ничего не значат, это простая формальность. Каждый пятый ответил, что «люди своей национальности» для них что-то значат, но самое главное – Я, а не эта группа. Для каждого третьего «люди своей национальности» имеют одинаковое значение. Пятьдесят человек из числа опрошенной молодежи признались, что «люди своей национальности» более значимы, чем их собственное «Я», а 7,2 % молодых людей ответили, что вне этой группы они себя просто не представляют.

Распределение оценок значимости исследованных групп для респондентов, характеризующие соответствующие идентичности, представлены на рис.1. Из представленных данных видно, что общероссийская гражданская идентичность

практически совпадает с региональной, национальной идентичностью и с идентификацией с малой Родиной. Сформулированный вывод подтверждается исследованиями, проведенными среди студенческой молодежи, проживающей в южных регионах России [12]. Дробижева Л.М., ссылаясь на данные ФАДН–ВЦИОМ (2019), заключает, что российская идентичность практически не уступает по своей массовости национальной (этнической), региональной и локальной. По ее наблюдениям, россияне несколько чаще идентифицируют себя по национальности, чем по гражданской солидарности [4]. Основным институтом социализации тюменской молодежи является семья, а основными агентами – друзья.

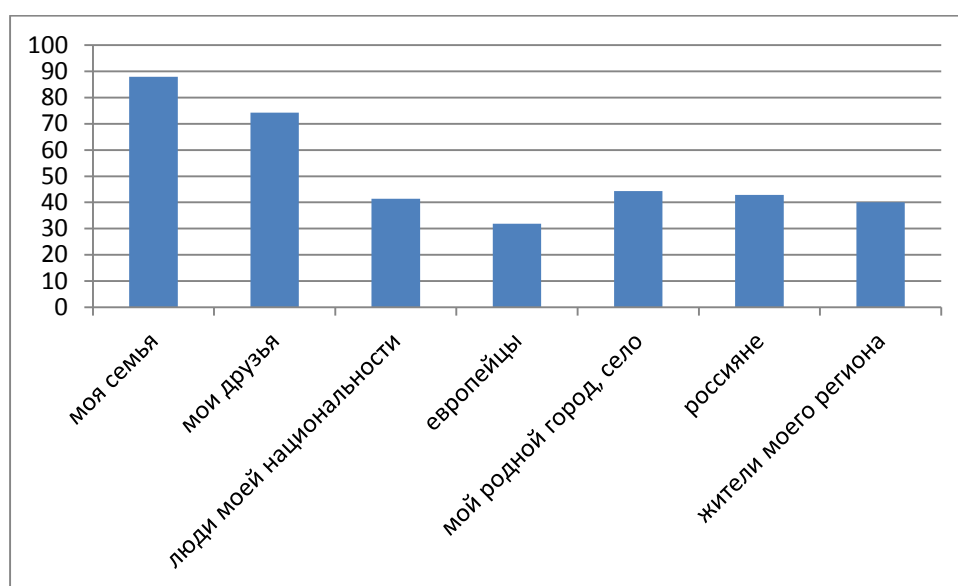

Рис. 1. Распределение оценок значимости групп для респондентов, в %, n=1915

Далее рассмотрим ответы на вопросы, раскрывающие отношение тюменской молодежи к своей стране. Так, на вопрос-суждение «Моя Родина не обязательно Россия; ею может быть другая страна, где мне хорошо будет жить», около трети участников опроса согласились и выбрали вариант ответа – «Родина Россия или другая страна, главное, чтобы мне было хорошо там жить». Около половины опрошенных (44,5 %) представителей молодого поколения считают Россию своей Родиной независимо от того, где жить лучше – здесь или в другой стране. При этом 3,5 % участников признались, что не хотели бы считать Россию своей Родиной независимо от того, где жить лучше – здесь или в другой стране. Задумывались над этим вопросом, но пока затрудняются с ответом 7 % респондентов, а в два раза большее число не задумывались об этом вообще.

Молодые люди, проявляют свою российскую гражданскую идентичность, говоря в разных ситуациях «Я - россиянин», «Я – гражданин России», предпочитая одежду (футболки, спортивные костюмы, куртки и др.) с надписью «Россия» и т.д. Этим он признает свое членство с общностью «россиянин», «российский народ», он принимает, гордится членством в данной общности, принимает, разделяет и руководствуется ценностями, нормами и

правилами поведения, принятыми в обществе. Индикатором, который в определенной степени позволяет измерить гражданскую идентичность у тюменской молодежи, являются ответы на вопрос-суждение: молодые люди обсуждают тему гражданства. Первый говорит, что современный человек должен быть гражданином всего мира, а не какой-то отдельной страны. Второй возражает, считая, что и сегодня человек должен быть гражданином своего государства. Третий не согласен ни с первым, ни со вторым; по его мнению человек – гражданин только сам для себя, для своей семьи. Кого поддержат наши участники опроса? Каждый шестой участник опроса сторонник первой позиции (современный человек должен быть гражданином всего мира, а не какой-то отдельной страны), чуть меньшее число участников (13,5 %) высказались за вторую позицию, по их мнению, сегодня человек должен быть гражданином своего государства. Каждый десятый (третья позиция) считает, что гражданин только сам для себя, для своей семьи. При этом 2,8 % участников не придерживаются ни одной позиции. Чуть более трети опрошенных (36,9 %) полагают, что все в чем-то правы, и в чем-то – неправы. Каждый пятый не задумывался над таким вопросом. Из представленных ответов можно заключить, что устойчивую российскую гражданскую идентичность проявил только каждый десятый участник опроса. В связи с этим возникают вопросы, например, как формировать у подрастающего поколения сопричастность с Россией, патриотическое отношение к стране?

Для того чтобы определить, на сколько знает и разделяет тюменская молодежь ценности и нормы поведения референтного сообщества, проанализируем ответы на вопрос, кого можно назвать настоящим россиянином (разрешалось выбрать не более семи ответов), соответствующих представлениям респондентов. Половина опрошенных представителей тюменской молодежи ответили, что настоящий россиянин тот, кто уважительно относится к разным народам своей страны. Чуть менее половины ответивших полагают, что настоящий россиянин тот, кто обладает всеми правами гражданина, независимо от того, где родился и тот, кто не позорит страну своим поведением (41,5 %). Более трети опрошенных считают, что настоящий россиянин тот, кто уважительно относится к другим странам (38,1 %), на деле содействует развитию страны (38,0 %) и уважительно относится к женщинам, детям, пожилым (37,4 %) и свободно владеет русским языком как государственным языком (36,6 %). Каждый третий участник опроса указал, что настоящий россиянин тот, кто родился в России, а не является мигрантом, получившим гражданство (35,3 %), кто является патриотом России (34,8 %) и гордится достижениями страны (32,8 %). Четверть опрошенных заявили, что настоящий россиянин тот, кто воспитан в традициях российской культуры (26,4 %), переживает за неудачи, трудности, испытываемые страной (24,1 %). Одновременно каждый десятый считает настоящим россиянином того, кто ставит интересы России выше своих интересов, исповедует традиционную для России религию и не критикует свою страну.

Общероссийская государственная идентичность измерялась с помощью вопроса, могут ли быть общие идеи, общенародная мечта, ради воплощения которых в жизнь россияне способны объединиться. Выяснилось, что три четверти опрошенных высказали положительное отношение (вполне могут быть – 36,9 %, возможно (38,7 %)). Противоположную оценку высказали 7,2 % участников опроса (скорее всего, нет 4,7 % и однозначно, нет – 2,4 %). Затруднился с ответом на данный вопрос каждый шестой респондент. Далее участники опроса выбирали наиболее важные объединительные идеи, перечислим их (в порядке убывания):

«В России нет бедности» - 71,3 %.

«Россияне – самые образованные люди» - 66,3 %.

«В России самые комфортные условия жизни» - 60,6 %.

«Россияне – здоровый народ» - 59,6 %.

«В России самая чистая окружающая среда» - 59,2 %.

«В России самые честные предприниматели» - 56,4 %.

«Россия – страна научных открытий» - 47,4 %.

«Россияне – люди высокой духовной культуры» - 38,7 %.

«Россия – ведущая военная держава в мире» - 38,3 %.

«Россия – страна дружбы народов» - 36,6 %.

«Россия – страна талантов» - 35,7 %.

«Россия – спортивная держава» - 35,5 %.

«Россияне – самые доброжелательные люди в мире» - 33,7 %.

«Россияне – высоконравственные люди» - 20,8 %.

«В России искоренена коррупция» - 20,1 %.

«Россия – страна, где слышен голос каждого человека, каждого поколения, каждого народа» - 5,0 %.

На основании представленных ответов, можно сформулировать вывод о том, что (глазами молодежи) в России требуется первоочередное решение проблем бедности, здоровья, экологии и образования.

В ходе опроса молодые люди должны были высказать свое мнение, на сколько указанные идеи (мечты) могут разделяться богатыми и малообеспеченными людьми. В нашем случае мы будем ориентироваться в первую очередь на идеи (мечты) победить бедность, решить проблемы здравоохранения, экологии и образования в России. Чуть менее половины опрошенных считают, что высказанные идеи могут быть общими для богатых и малообеспеченных россиян. Практически каждый четвертый (22,5 %) полагает, что одни идеи могут быть общими, а другие – нет. Менее десяти процентов участников опроса утверждают, что данные идеи не могут быть общими для богатых и малообеспеченных россиян. При этом более четверти опрошенных представителей тюменской молодежи не смогли ответить на поставленный вопрос.

Насколько идея победить бедность, решить проблемы здравоохранения, экологии и образования в России могут быть общими для людей разных национальностей? Более половины опрошенных (56,4 %) считают, что люди

всех национальностей страны заинтересованы и мечтают о решении проблем бедности, здравоохранения, экологии и образования в России. Каждый десятый считает, что отдельные проблемы могут быть общими для людей разных национальностей, а другие нет. При этом 6,3 % респондентов полагают, что эти идеи не могут быть общими для людей разных национальностей. Каждый четвертый не смог ответить на данный вопрос-рассуждение.

Далее респонденты оценивали, насколько отмеченные идеи (мечты) могут быть едиными и для молодежи, и для пожилых людей? Чуть более половины опрошенных представителей тюменской молодежи считают, что выдвинутые ими идеи могут быть общими для всех, независимо от возраста.

При этом 14 % респондентов предположили, что отдельные идеи могут быть общими для молодежи и пожилых людей, а каждый десятый указал, что у молодежи – одни идеи, у пожилых людей – совсем другие идеи. При этом каждый пятый затруднился ответить на вопрос.

Приведем ответы на вопрос, насколько отмеченные молодежью идеи (мечты) могут быть едиными и для политиков, и для простых людей. По мнению 43,4 % респондентов, идеи о решении проблем бедности, здравоохранения, экологии и образования в России могут быть общими для всех, независимо от принадлежности к политикам или простым людям. Отдельные идеи могут быть общими для политиков, и для простых людей – такой вариант ответа выбрали 13,5 представителей молодого поколения, чуть большее число респондентов (16,8 %) уверены, что у политиков – одни идеи, у простого народа – другие идеи. Одновременно более четверти респондентов не смогли ответить на поставленный вопрос.

Индикатором, характеризующим национальную идентичность участников вопроса, является отношение к проблемам людей одной с ними национальности и определить степень ее серьезности. Всего предлагалось проанализировать шесть проблем (табл. 1).

Таблица 1

Отношение тюменской молодежи к проблемам людей одной с ними национальности и оценка степени ее серьезности, в %

Проблема	Такой проблемы практически нет	Есть, но она незначительная	Одна из серьезных проблем	Затрудняюсь ответить
Угроза исчезновения языка народа	14	35,6	21,1	35,3
Сокращение численности населения	12,6	27	33,7	31,6
Бедность	13,5	15,9	53,2	24,3
Состояние здоровья	12,9	14,8	52,5	27
Уровень и качество образования	15,6	16,2	48,7	26,5

Безработица	13,8	14,2	53,8	24,3
-------------	------	------	------	------

Данные табл. 1 подтверждают серьезность проблем, которые были подняты в предыдущем вопросе, тогда участники опроса через оценку национальных идей выражали свою мечту об улучшении российской действительности. Тюменская молодежь выбрала проблемы бедности, здравоохранения, экологии и образования. По мнению чуть более половины респондентов, не зависимо от национальной принадлежности, проблема бедности, безработицы, состояния здоровья, уровня и качества образования являются наиболее серьезными. Каждый третий участник опроса серьезной проблемой назвал сокращения численности населения. Проблема угрозы исчезновения языка народа отмечена каждым пятым участником опроса, а каждый третий указал на ее существование, при этом считает ее незначительной.

При формировании общероссийской гражданской идентичности необходимо учитывать наличие и степень развития у молодых россиян чувства патриотизма, которое характеризуется через такие составляющие как гордость за свою страну, желание улучшить деятельности различных институтов, сохранить национальные культуры, историю, возможность проявить гражданскую активность при реализации социальных инициатив. В соответствии с Указом Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» определены пять ключевых целей. Рассмотрим оценки представителей молодого поколения, кто может и должен реализовывать эти цели. Представим ответы респондентов отдельно по каждой национальной цели, приведя краткую характеристику цели.

Национальная цель «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей» предполагает рост численности населения страны, повышение продолжительности жизни до 78 лет, снижение уровня бедности в два раза, до 70% увеличить число занимающихся физкультурой и спортом. Каждый пятый участник опроса полагает, что эта цель может и должна быть реализована только государственными органами власти. Чуть более трети опрошенных считают, что она может и должна быть реализована не только государством, нужны совместные усилия всех россиян. При этом 7,8 % респондентов полагают, что эта цель не может и не должна быть реализована только государством и гражданами страны, нужны конкретные действия отдельного человека, преследующего свои интересы. Примерно такое же число участников уверены, что поставленная цель важна, но она недостижима при всех усилиях государства, общества и отдельного человека. Одновременно 15 человек заявили, что такую цель нельзя ставить, пусть все как идет, так и идет, а четверть опрошенных затруднились с ответом.

Вторая национальная цель «Возможности для самореализации и развития талантов» предполагает вхождение в десятку стран по качеству общего и высшего образования, по научным исследованиям; создание системы поддержки способностей и талантов у детей и молодежи; условия для

формирования гармонично развитой и ответственной личности; увеличение числа волонтеров; увеличение числа посещений культурных мероприятий.

Каждый пятый участник опроса считает, что эта цель может и должна быть реализована только государственными органами, чуть более трети опрошенных (36,4 %) полагают, что она может и должна быть реализована не только государством, нужны совместные усилия всех россиян. Каждый десятый участник полагает, что данная цель не может и не должна быть реализована только государством и гражданами страны, нужны конкретные действия отдельного человека, преследующего свои интересы. В два раза меньшее число респондентов уверены, что она важна, но она недостижима при всех усилиях государства, общества и отдельного человека. Ни один опрошенный не ответил, что такую цель нельзя ставить, при этом четверть участников опроса затруднились ответить на данный вопрос.

Согласно следующей национальной цели «Комфортная и безопасная среда для жизни» в России должно произойти улучшение жилищных условий, увеличение строительства жилья; улучшение качества городской среды, дорог; полный переход к современным методам утилизации коммунальных отходов; снижение выбросов загрязняющих веществ в два раза). Данную национальную идею, по мнению более трети опрошенных, может и должна реализовать только государственная власть. Более четверти уверены, что она может и должна быть реализована не только государством, нужны совместные усилия всех россиян. При этом 5,9 % полагают, что данная цель не может и не должна быть реализована только государством и гражданами страны, нужны конкретные действия отдельного человека, преследующего свои интересы. Одновременно 4,3 % утверждают, что она важна, но недостижима при всех усилиях государства, общества и отдельного человека. А 17 человек уверены, что такую цель нельзя ставить, пусть все как идет, так и идет. Четверть опрошенных вновь испытали затруднения с ответом.

Национальная цель «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство» должна позволить повысить темпы роста производства выше общемировых темпов; устойчивый рост доходов и пенсий не ниже инфляции; доля занятых в сфере малого и среднего предпринимательства до 25 млн. чел.

Какие структуры должны продвигать данную идею? Каждый третий участник опроса считает, что эта цель может и должна быть реализована только государственными органами, чуть более четверти опрошенных полагают, что она может и должна быть реализована не только государством, нужны совместные усилия всех россиян. При этом 6,9 % опрошенных считают, что эта цель не может и не должна быть реализована только государством и гражданами страны, нужны конкретные действия отдельного человека, преследующего свои интересы. Пессимистическую оценку (цель недостижима при всех усилиях государства, общества и отдельного человека) высказали 4,5 % участников опроса. А 17 человек уверены, что такую цель нельзя ставить,

пусть все как идет, так и идет. Четверть опрошенных вновь затруднились с ответом.

Согласно пятой национальной цели «Цифровая трансформация» в России должны быть внедрены цифровые технологии в экономике, здравоохранении, образовании, государственном управлении; обеспечена практически полная доступность услуг населению в электронном виде; практически полная доступность Интернета для каждого жителя.

Данную национальную идею, по мнению более трети опрошенных, могут и должны реализовать государственные органы власти. Каждый четвертый уверен, что она может и должна быть реализована не только государством, нужны совместные усилия всех россиян. При этом 6,4 % полагают, что данная цель не может и не должна быть реализована только государством и гражданами страны, нужны конкретные действия отдельного человека, преследующего свои интересы. Одновременно 5,0 % утверждают, что она важна, но недостижима при всех усилиях государства, общества и отдельного человека. А 20 человек (1 % от числа опрошенных) уверены, что такую цель нельзя ставить, пусть все как идет, так и идет. Четверть опрошенных испытала затруднения с ответом. Как видим, от четверти до трети опрошенных в зависимости от рассматриваемой национальной идеи видят необходимость участия россиян в их реализации, можно предположить, что и тюменская молодежь готова к активной деятельности в преобразовании различных сфер деятельности российского общества.

В опросе российская идентичность измерялась через вопрос, считают ли респонденты жителей нашей страны единым и целостным российским народом? Каждый второй представитель тюменской молодежи считает, что жители России – это единый и целостный российский народ. Противоположную точку зрения высказали в два раза меньшее число опрошенных (25,2 %) и столько же затруднились ответить.

Многие ученые в своих исследованиях пишут, что при идентификации с гражданами России люди, прежде всего, называют общее государство, общую территорию, русский язык как общий государственный, общую культуру и исторические события [11]. В нашем исследовании участникам опроса была предоставлена возможность назвать факторы, благодаря которым сложился единый и целостный российский народ.

Таблица 2

Оценки респондентов факторов, позволивших сложиться единому и целостному российскому народу, в %

Критерий (фактор)	оценка					
	0 (ничего не значит)	1	2	3	4	5 (полностью зависит)
Наличие центральной государственной	32,9	12,8	11,1	20,7	11,3	16,9

власти						
Объединение в единое государство областей, краев и республик	22,4	11,3	9,3	18,6	17,3	26,4
Общая территория страны	21,1	9,3	10,1	16,7	17,3	29,7
Общее историческое прошлое	19,5	9,3	8,1	17,6	18,6	31,5
Общая экономика	22,8	10,7	10,7	22,1	17,0	21,6
Общероссийская многонациональная культура	20,4	9,3	7,5	16,8	18,5	31,6
Русская культура	21,1	10,1	9,8	20,5	18,4	24,4
Богатство языкового многообразия	21,0	8,9	9,3	18,4	18,0	28,4
Ведущая роль русского языка	23,7	10,0	9,9	20,4	17,2	23,8
Численное преобладание русских в стране	26,6	11,3	11,6	19,2	16,5	19,2
Тесное общение русских и других народов	21,5	8,9	8,0	16,0	16,3	33,3

На основании ответов (табл.2), можно выделить пять основных факторов, благодаря которым сложился единый и целостный российский народ: общее историческое прошлое, общероссийская многонациональная культура, тесное общение русских и других народов, общая территория страны и богатство языкового многообразия. Данные индикаторы назвал каждый второй участник опроса. При этом такой фактор как роль центральной государственной власти, ничего не значит для половины опрошенных для объединения жителей в единый и целостный российский народ.

В заключении отметим, что это первые результаты опроса тюменской молодежи. На основании проведенного исследования понимания общероссийской гражданской идентичности выявлены проблемы ее формирования у представителей тюменской молодежи. Поскольку процесс формирования общероссийской гражданской идентичности является сложным коллективным процессом, то его исследование проходило по методологии, основанной на анализе процесса идентификации в социополитическом и этнокультурном контекстах. Для Тюменского региона необходимо развивать общероссийскую гражданскую идентичность в сознании молодежи. Необходим поиск ценностных и социокультурных оснований общероссийской гражданской идентичности, объединяющей опыт совместного проживания представителей

всех национальностей. Результаты эмпирического исследования фиксируют, что у тюменской молодежи общероссийская гражданская идентичность сформирована не в достаточной мере, ниже чем большинству российских регионов. При этом в молодежной среде сохраняется роль традиционных ценностей, в первую очередь семьи и близких друзей. Выявлено желание молодежи на участие в социально-политической жизни региона и страны, на сотрудничество с властью. При этом роль государства в процессе формирования общероссийской идентичности молодежи (не только тюменской) должна быть основополагающей для создания условий, позволяющих молодому поколению проявлять социальную активность, успешно реализовать свой образовательный, научный и творческий потенциал.

Библиографический список

1. Авдеев Е.А., Воробьев С.М. Общероссийская гражданская идентичность молодежи Северного Кавказа: основные вызовы и риски конфликтности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2021. Т. 17. № 1. С. 69-86.
2. Белоконев С.Ю., Титов В.В., Усманова З.Р. Российская национально-государственная идентичность перед вызовами начала XXI века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. С. 90-98.
3. Дробижева Л.М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. 2018. №5. С. 100-115.
4. Дробижева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. №8. С. 37-50.
5. Дробижева Л.М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С.480–498.
6. Левитская А.А. Формирование российской идентичности в молодежной среде: практический опыт // Высшее образование в России. 2016. №6. С. 42-46.
7. Махинин А.Н. Российская гражданская идентичность как фактор социализации молодежи в современном мире // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2011. №7. С. 65-71.
8. Титов В.В. Российская национально-государственная идентичность: социокультурные императивы трансформации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. №3 (39). С. 13-17.
9. Тишков В.А. Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. №4. С. 408-412.
10. Тишков В.А. Российский народ. История и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с.

11. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. №1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» (с изменениями и дополнениями). URL: <http://base.garant.ru/70284810/ixzz6eXjZ16BZ> (дата обращения: 22.10.2021)

12. Шульга М.М. Проблемы социокультурной социализации молодежи Северо-Кавказского федерального округа // Теория и практика общественного развития. 2017. №12. С. 32–34.

Сведения об авторе

Хайруллина Нурсафа Гафуровна - доктор социологических наук, профессор, Тюменский индустриальный университет, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, nursafa@inbox.ru

Khairullina Nursafa Gafurovna - doctor of social Sciences, Professor, Tyumen industrial University, Professor of the Department of marketing and municipal management, nursafa@inbox.ru

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ
РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К МЕЖКУЛЬТУРНОМУ И
МЕЖРЕЛИГИОЗНОМУ ДИАЛОГУ

Багаева К.А.
Bagaeva K.A.

**РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ**

**RELIGIOUS SITUATION AND INTER-REFESSIONAL RELATIONS IN THE
REPUBLIC OF BURYATIA**

Аннотация. Статья посвящена межконфессиональным отношениям в Республике Бурятия. Представлен в исторический экскурс в процесс становления и формирования межконфессиональных отношений. Автор указывает, что конфессиональная политика в регионе складывалась на фоне государственной вероисповедной политики. Подробно рассматриваются традиционные конфессии как православие, буддизм, шаманизм, старообрядчество, имеющие длительную историю распространения на территории Республики. Автор разбирает историю возникновения и современное положение представленных религиозных организаций. Отмечается, что особой чертой религиозной ситуации современной Бурятии является поликонфессиональность, что проявилось в особом феномене «двоеверия» или даже «троеверия». Важным фактором религиозности является этнический аспект. Сделан вывод, что процесс возрождения религии, начавшийся в конце 20 века, несмотря на все его достоинства и недостатки, способствует формированию гармоничных межконфессиональных отношений. Кроме того, все конфессии, представленные в регионе играют большую роль в деле формирования благоприятной религиозной ситуации и установлению толерантных отношений.

Abstract. The article is devoted to inter-confessional relations in the Republic of Buryatia. It is presented in a historical digression into the process of formation and formation of interfaith relations. The author points out that the confessional policy in the region was formed against the background of the state religious policy. Traditional confessions such as Orthodoxy, Buddhism, Shamanism, and Old Believers, which have a long history of spreading on the territory of the Republic, are considered in detail. The author examines the history of the emergence and the current situation of the religious organizations represented. It is noted that a special feature of the religious situation in modern Buryatia is poly-confessionality, which manifested itself in a special phenomenon of "double-faith" or even "triple-faith". An important factor of religiosity is the ethnic aspect. It is concluded that the process of reviving religion, which began at the end of the 20th century, despite all its advantages and disadvantages, contributes to the formation of harmonious interfaith relations. In addition, all denominations represented in the region play a big role in the formation of a favorable religious situation and the establishment of tolerant relations.

Ключевые слова: религия, конфессия, межконфессиональные отношения, Республика Бурятия, православие, буддизм, старообрядчество, шаманизм.

Keywords: religion, denomination, interfaith relations, Republic of Buryatia, Orthodoxy, Buddhism, Old Believers, shamanism.

В настоящее время в мире идет процесс увеличения роли религии и религиозных организаций. Религиозная деятельность выходит за рамки только религиозной и связывается со всеми сферами общественной жизни: экономической, политической, правовой. Нельзя не отметить и тот факт, что религия сегодня оказывается связанной и с национальным фактором, кроме того способствует формированию нравственных ценностей в сознании общества: религиозные организации выполняют не только миссионерские функции, но и занимаются благотворительностью. Поэтому актуальна проблема религиозного фактора в современном обществе, в том числе в российских регионах. Тем более, что процесс возрождения религии связывается во многом с повсеместным строительством и возрождением храмов, дацанов. Отношения между государством и религий урегулированы на законодательном уровне: в Конституции РФ, федеральных законах, кроме того, в регионах действуют региональные законодательные акты.

Для того чтобы качественно проанализировать современную религиозную ситуацию в Республике Бурятия считаем, что необходимо обратиться к истории развития государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений в регионе.

В начале XX века на территории Бурятии были представлены основные религиозные конфессии (православие, буддизм, шаманизм, старообрядчество, ислам, иудаизм, католицизм), что определяло специфичность региона. Ламство, священники, уставщики и начетчики, раввины, муллы и другие служители культа среди населения пользовались огромным влиянием при формировании общественного мнения.

Произошедшая в 1917г Октябрьская революция привела к серьезным изменениям не только в политической, экономической сферах российского государства, но и изменила положение конфессий. Прежде всего эти изменения коснулись законодательной базы. Так, в 1918 г. был издан ленинский Декрет «Об отделении государства от церкви и школы от церкви, который лишил религиозные организации прав юридического лица.

На территории Бурятии религиозная политика Советского государства проявилась в том, что были лишены юридической силы права любых религиозных организаций и учреждений на ведение актов гражданских состояний, запрещение преподавания религиозных предметов, ограничения в порядке предоставления работы священнослужителям и др. Эти мероприятия вызвали откровенное сопротивление со стороны органов церковного управления, а также определенное недовольство со стороны верующих. Поэтому местным региональным властям была дана самостоятельность в определенных рамках для решения религиозных вопросов. Это касалось и Бурятии, особенно по отношению к буддийской конфессии.

Знаковым событием стало образование в 1923 г. Бурят-Монгольской АССР - теперь правовое положение религиозных организаций курировалось общим советским законодательством. Соответственно, когда начинается процесс становления национальной государственности происходит трансформация и религиозной политики. Что проявилось в изменении тактики: открытая война с

религией заменяется планомерной антирелигиозной пропагандой, политике веротерпимости и налаживанию взаимоотношений с религиозными организациями в рамках светского государства. Хотя это и не означало перемен в отношении религиозной политики, тем не менее, большинство религиозных общин были вынуждены заявить о своей лояльности по отношению к существующей власти, что было на самом деле наиболее оптимально в тех условиях.

На местах сложилась непростая ситуация: опираясь на указания центральных органов власти, на местах с целью ослабления деятельности религиозных институтов применяют широкий комплекс мероприятий экономического, политического, культурного плана. Однако первостепенное значение органы Советской власти придавали экономическим ограничениям: налогообложение как с духовенства и с культовых зданий, различные формы страхования, национализация церковных земель, учет и реквизиция церковного имущества. В отношении культовых зданий стала широко применяться их передача под культурнопросветительские нужды, были запрещены всякие религиозные процессии. Все эти меры встретили сопротивление со стороны верующих.

Изменение тактики Советской власти по отношению к конфессиям проявилось в форме организации и проведения обновленческого раскола в буддизме и православии. Его истоки, условия, в которых он протекал, в обоих случаях сходны: с одной стороны, инициированный и организованный властями обновленческий раскол сыграл определенную роль в отходе верующих масс от церкви; с другой стороны, церковь путем реформ пыталась приспособиться к новым историческим реалиям.

В период становления национальной государственности в БМАССР антирелигиозная борьба была направлена в первую очередь против буддийской конфессии. Результатом проводимой политики стало сокращение и эмиграционное движение ламства, национализация дацанов и их имущества, упразднение института хувараков.

По всей стране, в том числе и по Бурятии произошли качественные изменения в церковно-государственных отношениях. Во-первых, в основном была выполнена буржуазно-демократическая программа в части решения «религиозного вопроса». Во-вторых, наиболее крупные и влиятельные религиозные организации провозгласили курс политической лояльности к Советской власти. В-третьих, накоплен был теоретический и практический опыт регулирования самых различных сторон жизнедеятельности религиозных объединений, их отношений с государственными, общественными, хозяйственными и иными организациями.

В Бурятии антирелигиозная компания, развернувшаяся в первой половине 1930гг., характеризуется ярко выраженным репрессивным характером мероприятий по отношению к религиозным институтам. Это доказывается многочисленными и зачастую насильственными фактами закрытия культовых зданий, изъятием богослужебного имущества, арестами, обысками, преследованиями не только духовенства, но и простых верующих.

В Бурятии в первой половине 1930-х годов религиозная политика государства продолжала развиваться во всех основных направлениях: агитационно-пропагандистском, культурно-просветительском и административно-запретительном.

Вторая половина 1930-х годов рассматривается как последний и самый жестокий этап уничтожения инакомыслия в стране. Разумеется, церковь и

верующие оказывали сопротивление социалистическому строительству, религиозные организации призывали не нарушать прежних традиций жизни, саботировать решения новой власти. В 1937-38 гг. в Бурятии был принят ряд законодательных актов ЦИК и СНК БМАССР, Бурят-Монгольского Обкома ВКП (б), направленных на усиление антирелигиозной борьбы, свертывание деятельности священнослужителей. Наряду с административными мерами, выразившихся в закрытии зданий культа, уничтожения церковного имущества, широко проводились карательные меры. Священнослужители обвинялись в шпионаже, диверсионных действиях, разложенческо-вредительской работе в колхозах и совхозах. Фактически большинство подобных обвинений оказались несостоятельными.

К 1940 г. «религиозный вопрос» был окончательно разрешен. Антирелигиозная политика Советского государства пришла к своему логическому завершению. Результатами этой политики стало то, что на территории республики не осталось ни одного действующего здания культа, богослужбное имущество было окончательно изъято, духовенство подверглось террору и насилию.

Однако, весь комплекс антирелигиозных мер, предпринятых Советской властью, окончательно не уничтожил потребность людей в религиозной вере. Сознание большей части населения оставалось религиозным.

Духовная жизнь современного российского общества существенно отличается от советских времен религиозным многообразием и плюрализмом, отсутствием государственной или обязательной идеологии, свободой совести и вероисповедания, свободой мысли и слова, правом каждого на образование, обязательностью основного общего образования, свободой литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, правовой защитой собственности, правом каждого на пользование учреждениями культуры и на доступ к культурным ценностям.

И значительную роль в этом процессе сыграло принятие в 1993 году Конституции РФ, согласно ст.14 которой Российская Федерация является светским государством. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом.

Через четыре года конституционная норма о светском государстве практически дословно была воспроизведена в ч.1 ст.4 Федерального закона от 26 сентября 1997 года №125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» с дополнением, касающимся того, что не должно и вправе делать государство в лице своих органов:

- не вмешиваться в определение гражданином своего отношения к религии и религиозной принадлежности, в воспитание детей родителями или лицами, их заменяющими, в соответствии со своими убеждениями и с учетом права ребенка на свободу совести и свободу вероисповедания;

- не возлагать на религиозные объединения выполнение функций органов государственной власти, других государственных органов, государственных учреждений и органов местного самоуправления;

- не вмешиваться в деятельность религиозных объединений, если она не противоречит Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях»;

- обеспечивать светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях.

Государство также регулирует предоставление религиозным организациям налоговых и иных льгот, оказывает финансовую, материальную и иную помощь религиозным организациям в реставрации, содержании и охране зданий и объектов, являющихся памятниками истории и культуры, а также в обеспечении преподавания общеобразовательных дисциплин в образовательных учреждениях, созданных религиозными организациями в соответствии с законодательством об образовании.

В соответствии со ст.28 Конституции РФ каждому гарантируются (государством посредством законодательного установления определенных гарантий) свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Свобода совести в этическом плане – это право человека мыслить и поступать в соответствии со своими убеждениями, его независимость в моральной самооценке и самоконтроле поступков и мыслей. В то же время исторически свобода совести приобрела более узкое понимание – свобода в области религии. Она стала рассматриваться в плане взаимоотношений церкви и государства, а не только свободы мысли. В соответствии со ст.28 Конституции РФ свобода совести означает право человека исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы и обряды и осуществлять атеистическую пропаганду. За незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или совершению религиозных обрядов предусмотрена уголовная ответственность (ст.148 УК РФ). Гарантии свободы совести и религии включают:

- равноправие граждан независимо от их отношения к религии, не допускающее ограничения прав граждан по мотивам конфессиональной принадлежности, разжигания вражды и ненависти на религиозной почве;

- отделение религиозных, атеистических объединений от государства;

- светский характер системы государственного образования;

- равенство религий, религиозных объединений перед законом.

В России гарантируются свобода совести и свобода вероисповедания, в том числе право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Иностранцы граждане и лица без гражданства, законно находящиеся на территории России, пользуются правом на свободу совести и свободу вероисповедания наравне с гражданами России и несут ответственность за нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях. Граждане России равны перед законом во всех областях гражданской, политической, экономической, социальной и культурной жизни независимо от их отношения к религии и религиозной принадлежности. Гражданин России в случае, если его убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы, имеет право на замену ее альтернативной гражданской службой. Ничто в законодательстве о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях не должно истолковываться в смысле умаления или ущемления прав человека и гражданина на свободу совести и

свободу вероисповедания, гарантированных Конституцией РФ или вытекающих из международных договоров Российской Федерации.

Следует особо отметить, что в преамбуле Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» признается особая роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры; указывается, что в равной степени уважаются христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России.

Россия – государство многонациональное, что предопределило наличие в нем нескольких конфессий, в духовной жизни его общества представлены практически все мировые религии и ряд менее известных религиозных учений [1].

Сейчас происходит возрождение религиозной традиции в Бурятии. Данный процесс носит конструктивный характер и актуализируется в условиях формирования единой общероссийской идентичности. Все представленные на территории Бурятии традиционные религии представляют собой активную созидательную социокультурную силу, которая имеет значительный морально-этический, интеллектуальный и социальный потенциал, свою историю. Поэтому играет важную роль в создании общероссийской общности, укреплении межконфессиональных и межнациональных отношений в обществе.

На сегодняшний день, рисуя религиозную картину Республики Бурятия отметим ее поликонфессиональность. В самой общей форме обрисовать религиозную картину современной Бурятии можно следующим образом. Коренные народы Бурятии (буряты и эвенки) издревле придерживались языческих верований, имеющих архаическое происхождение и возникших в период первобытно-общинных отношений, а также шаманизма с его различными локальными и региональными вариантами, вобравшими в себя более ранние родоплеменные верования и культы. Также большая часть бурятского населения придерживается буддийской веры. Как верно указала Н.Л.Жуковская буддизм «синтезировал в себе все бытовавшие в шаманской практике культы, дополнив их буддийскими идеями о перерождении, воплощении» возмездии или воздаянии» нирване и т.д., создав тем самым видимость нравственного совершенствования людей под влиянием новой религии» [2, с. 98].

Несколько позже, одновременно с вхождением Бурятии в состав Российской империи, стало распространяться православие, которое приняла часть западных бурят, сохранявшая вместе с тем шаманские верования и культы. Среди русскоязычного населения Забайкалья также выделялась этнокультурная группа старообрядцев, называемых «семейскими», в результате чего этноконфессиональная ситуация в дореволюционной Бурятии стала еще более сложной.

Основные из перечисленных выше религий — шаманизм, буддизм, православие, старообрядчество, независимо от времени их появления на исторической арене Бурятии, претендуют в той или иной степени на роль национальных, культурных и идейных приоритетов в жизни бурятского и других этносов республики в целом.

В настоящее время в Республике насчитывается по данным Минюста РБ всего религиозных организаций 250, из них по конфессиям: Русская Православная Церковь – 83; Старообрядцы: Русская православная старообрядческая церковь -4, Древлеправославная церковь- 8; Римско-католическая церковь – 1; ислам – 3;

Буддизм – 75; иудаизм- 1, в том числе ортодоксальный – 1; шаманизм-18. Большинство религиозных организаций представлены в городе Улан-Удэ – 95 организаций, остальные рассредоточены по районам Республики. Кроме того, существует положительная динамика, идет рост религиозных организаций. Если в 1994 году было зарегистрировано 56 религиозных организаций, то в 1995 г. – 81 организация, в 1998 г. – 113, 2006 г. – 184, в 2009 г. – 190, в 2015 г. – 228. На начало 2020 г. зарегистрировано, как было отмечено, уже 250 религиозных организаций. [3]

На территории республики действует почти 180 храмов: это и православные, старообрядческие храмы, протестантские, католические, буддийские, которые относятся к Буддийской Традиционной Сангхе России (БТСР) и буддийские организации других направлений, мечети и шаманские дома.

С начала 90-х годов бурятский шаманизм начал активно возрождаться. Его адепты стали открыто совершать обряды и отправлять свои духовные потребности, приглашая для этого шаманов. Для многих бурят шаманизм стал ассоциироваться с национальной культурой, заполняющей культурно-исторический вакуум, образовавшийся после краха социалистической системы.

В наши дни шаманы выполняют различные обряды, однако, если для классического шамана считалось характерным не только его избранничество духами, одержимость ими, но и как следствие этого - умение впасть в транс, то для большинства современных шаманов состояние экстаза нехарактерно, и, видимо, даже необязательно. Религиозно-мифологические представления о богах и духах, о душе, смерти и загробной жизни сохраняются в виде отдельных осколков, пережитков, а обрядовые действия сильно упрощены. В настоящее время многие жители Бурятии обращаются к шаманам для выполнения различных треб. Современный шаман сегодня зачастую образован, публикует книги, выступает с лекциями, общается с духами, демонстрирует шаманские обряды и святыни, живет в гуще своего народа, переживает все его боли, проблемы, радости, поддерживает все установленные традиции, напоминая забывшим о древних обычаях, в определенно установленное время приносит жертвенные подношения духам предков и духам местности. Сегодня шаман - прежде всего хранитель древних традиций, устного эпического творчества своего народа, знаток обрядов, шаманских молитв и призываний, имен родовых духов. Состояние «онго» хотя и не сопровождает многие обряды, знакомо практикующим шаманам по личному опыту. Характерной чертой современного шаманизма является его открытость для всех желающих. Шаманы охотно общаются, делятся своими знаниями и демонстрируют при зрителях шаманские обряды. «В 2009 го. В Бурятии около 3 тыс. шаманов. К 2010г в Бурятии существуют четыре шаманистские организации» [4, с 75]. На сегодняшний день в Бурятии насчитывается уже 18 шаманистских организаций. Наиболее известные это «Тэнгэри», «Лусад» и «Боо мургэл».

Таким образом, в неошаманизме Бурятии можно выделить такие специфические черты. Во-первых, это возникновение нескольких объединений шаманов Бурятии, занявшихся не только культовой, но и издательской и просветительской практикой. Во-вторых, желание шаманов сотрудничать с учеными, участвовать в научных конференциях, дать возможность широкому читателю понять, как сами шаманы видят и ощущают себя, свой дар, свое предназначение в обществе. В-третьих, выход шаманов из своей узколокальной ниши в национальное пространство. Тем самым, шаманизм отсылает к

первобытным формам религиозности, когда большую роль играли символы, обряды.

На территорию российского государства буддизм пришел задолго до его первых контактов в XVII веке, когда произошло знакомство первопроходцев с Восточной Сибирью. Буддизм традиционно распространен в таких регионах как Калмыкия, Тува и Бурятия. Как пишет исследователь Н. Цыремпилов, «В современной России датой официального признания буддизма в России в качестве терпимой религии принято считать 1741г.» [5, с 84]. Самые первые правовые отношения между буддистами и государством отмечаются XVII веком.

Именно с этого времени ведется отсчет отношений между буддизмом и российским государством. Именно тогда начинают создаваться специальные государственные структуры по взаимодействию с конфессией. По этому поводу Д. Жамсуева пишет, что «до XIX века духовными делами бурят-буддистов занимались Посольский Приказ, Посольская канцелярия, Коллегия, Министерство иностранных дел» [6, с 63-65].

Начиная с XVIII века российское государство начинает обращать внимание на буддизм, с этого момента все административные дела буддистов осуществляются только с санкции Российского правительства. Так важным аспектом было то, что государство фактически узаконив существовавшую церковную иерархию во главе с Пандито Хамбо-ламой, тем самым пыталось вполне успешно контролировать буддийское духовенство и через них воздействовать на население.

В основном отношение буддистов к власти было лояльным, хотя во время российской империи возникали некоторые сложные ситуации относительно отношений с иностранными буддистами. Тем не менее, государство не доводило до конфликта, поскольку само было заинтересовано в устоявшихся нейтральных отношениях с буддизмом. Тем более, что в целях продвижения на Восток, буддизм был необходим и российской империи и советскому государству.

Антирелигиозная кампания Советского государства не обошла стороной и буддизм. «К началу Второй мировой войны буддисты в Бурятии и Калмыкии лишились централизованной духовной администрации» [5, с. 84]. Следует отметить, что в 1943г. в государственно-буддийских отношениях наступило потепление, так как Сталин разрешил частично восстановить буддийские институты, что также объяснялось необходимостью государства в духовной поддержке со стороны верующих. В этот период государственно-буддийские отношения вернулись к той модели отношений, которая существовала еще в имперской России. Это означало определенную линию отношений, когда буддизм, не обладая возможностью самостоятельного функционирования, в обмен на содействие со стороны государства, поддерживает последнее.

В советское время для государственного контроля было создано управляемое Центральное духовное управление буддистов и вновь возвращена должность Хамбо-Ламы, главы буддистов СССР. С этого же времени начинается также активное использование государством буддизма в геополитических целях. Поэтому буддийские деятели принимали участие в международных буддийских организациях и, как пишет Н.Цыремпилов, «принимали религиозные у себя на родине. Они должны были демонстрировать всему остальному миру, что религиозные свободы в СССР защищены законом» [5, с. 84]

Такие отношения сохранялись достаточно долгое время, изменения произошли в 1990г., когда был по-новому решен религиозный вопрос принятием Конституции и Федерального закона «О свободе вероисповеданий» в 1990г и в 1997 г. «О свободе совести и религиозных объединениях». Что стало отправной точкой изменения государства и общества по отношению к буддизму. Государство начинает уделять внимание религиозным буддийским организациям, а именно появляется «возможность беспрепятственной регистрации новых общин».[8, с .55-58].

По существу, в это время государство сохраняло контроль над религией, однако по отношению к духовенству государство было более лояльно. Возможно, поэтому буддийские священнослужители избираются в парламент как регионального так и федерального уровней.

Также 90-е годы – это начало качественно нового формирования ЦДУБ в рамках независимости религии от государства. В силу того, что в советский период буддизм понес большие потери как в материальном, так и в духовном плане, поэтому деятельность ЦДУБ тогда была ознаменована контактами с международными организациями. Кроме того, общая демократизация привела к появлению большого количества как разрозненных буддийских общин, так и новых религиозных движений. Что в конечном итоге поколебало и так слабый статус духовного управления и привело в 1998г. к расколу.

Итогом стало создание Буддийской Традиционной Сангхи России (БТСР), в состав которой вошли свыше 20 дацанов этнической Бурятии и буддийские общины России, титул главы буддийской церкви во всех официальных документах изменен на Пандито Хамбо-Лама. Особенностью данной организации было развитие буддийского вероучения тибетской школы Гелуг. Также было создано Духовное Управление Буддистов Российской Федерации (ДУБ РФ), глава которого Н.Илюхинов видел необходимость во взаимодействии со всеми буддийскими направлениями и тибетскими школами.

Получается, что в результате этого процесса «отпочкования», мы видим, что в Бурятии буддизм представлен «традиционным» российским буддизмом, развиваемый главой БТСР Хамбо-Ламой Д.Аюшеевым и его последователями и тибетский буддизм, представленный рядом школ.

Итак, середина и конец 90-х годов ознаменовалось для буддизма укреплением связей с государством и на этом фоне происходило официальное оформление самостоятельных буддийских организаций России, которые действуют и сейчас. Эти организации платят налоги, пользуются льготами, получают средства на восстановление и постройку храмов. В это время государство юридически и политически поддерживает буддизм и в свою очередь требует отдачи от буддийских организаций. Следует отметить, что процесс возрождения буддийской конфессии в 90-е годы отмечался ростом и строительством дацаном. С этого времени были вновь начаты службы в дацанах: Гусиноозерском и Цугольском.

Следует подчеркнуть тот факт, что, несмотря на то, что глава БТСР позиционирует себя как Хамбо-Лама России, остальные организации ему не подчиняются. В Бурятии БТСР существует достаточно свободно, не считая периода затяжного конфликта в конце 90-х начале 2000-годов с первым президентом Л.Потаповым, которого Д.Аюшеев обвинял в отсутствии поддержки буддистов. Хотя сегодня Сангха оказывает достаточно глубокое влияние на общественность, и местная власть предпочитает не вмешиваться в религиозные

дела. Поэтому слова бурятских буддологов подчеркивают такое положение: «Религиозным организациям предоставляются льготы в налоговой и финансовой сферах, помощь в реставрации и содержании культовых сооружений и т.д. Новые формы взаимоотношений государства и церкви направлены на развитие и демократизацию религиозных отношений и укрепление закона о религиозных организациях». [8, с. 105].

Однако, со стороны республиканских властей оказывается большое внимание БТССР. По-мнению, Д.Аюшеева существует особый феномен, называемый им «традиционный российский буддизм», возникший в 1741 г., который отождествляется с бурятским буддизмом. Отметим, что Хамбо-Лама является активным общественным деятелем, на сегодня он член Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ, также входит в Межрелигиозный Совет России.

С позиций Сангхи раскрывается идея диалога межконфессионального и межнационального. Так в Уставе Буддийской традиционной сангхи России записаны цели и задачи – «исповедание, распространение, изучение, бережное сохранение и пропаганда духовного наследия и заветов Будды, культуры и традиций буддийского учения, его философских, нравственных и этических основ, воспитание людей в духе сострадания к живым существам» [9].

«Выработка нового устава определила структуру и деятельность буддийской конфессии, регулировала и стимулировала религиозную деятельность БТССР в Бурятии. С этого времени Сангха проводит активную работу, направленную на объединение всех буддийских общин. Процесс объединения сложный, но, тем не менее, внешняя, и внутренняя консолидация церкви продолжается. Разработанные принципы взаимоотношений между дацанами составляют ее организационную структуру, что способствует ее объединению.

Деятельность БТССР направлена на консолидацию буддизма в России. Хотя процесс объединения сложный и имел негативные моменты, но эти явления постепенно устраняются, и внешняя и внутренняя консолидация церкви продолжается. Религиозная и общественная деятельность БТССР и его главы Хамбо-Ламы направлена на рост духовности, объединение и достижение единства в деятельности и взаимоотношениях буддийских общин.

Следует отметить, что благодаря деятельности буддийских организаций возросло влияние религии на разные стороны жизни верующих, это и культура, и спорт, и молодое поколение, экология и образование, и, конечно, возрождение и строительство буддийских монастырей.

Все, что происходит сегодня в деятельности БТССР, других буддийских общин привели к формированию положительной конфессиональной атмосферы в регионе. Республика Бурятия традиционно считается одной из спокойных, толерантных территорий России и в этом немаловажная заслуга Буддийской Традиционной Сангхи России.

В последние годы в связи с процессом духовного и культурного возрождения народов России, восстановления утраченных этнокультурных и религиозных традиций начался бурный процесс возрождения тибетского буддизма в Бурятии и в целом по России.

Буддийское духовенство подчеркивает необходимость тесного взаимодействия и сотрудничества с Русской Православной Церковью по всем важным проблемам общественно-политической и культурной жизни республики

и поддерживает, в частности, негативную позицию православного духовенства по отношению к «новым», нетрадиционным для Бурятии религиозным течениям восточного и западного происхождения.

Особенностью этноконфессиональной ситуации в современной Бурятии является и то, что наряду с традиционным доминированием школы Гелуг стали развиваться и другие направления тибетского буддизма — Карма Кагью, Дзогчен и т.д. Предпринимаются также попытки внедрения школ и направлений махаянского буддизма китайского, японского и корейского происхождения и даже немахаянских, тхеравадинских школ из Таиланда, Шри-Ланки и других стран Южной и Юго-Восточной Азии. Появляются новые синкретические религиозные объединения, содержащие элементы буддизма, индуизма и других учений, наподобие Общества последователей Шри Чинмоя, Рериховского общества и др.

Процесс возрождения бурятского буддизма является конструктивным и способствует установлению межэтнических отношений в республике и регионе, укреплению международных и межрегиональных связей, что, в конечном счете, содействует дальнейшему развитию науки, культуры и образования, разработке и реализации стратегии устойчивого развития республики. По мнению Т.Д.Скрынниковой, «в настоящее время резко возросла роль буддизма как национальной религии бурят, оказывающей мощное влияние на процессы возрождения этнокультурных ценностей и традиций и выступающей как важнейший фактор консолидации, сохранения и укрепления этнической самоидентификации» [10, с. 140].

Одновременно усиливается и другая роль буддизма — как мировой интерэтнической религии, способствующей приобщению бурят к культурно-историческому наследию других народов мира, дальнейшему развитию диалога, взаимовлияния, взаимообогащения культур Востока и Запада, но вместе с тем — стиранию, нивелировке национальных различий. В целом же, оценивая общую этнополитическую роль буддизма в современной Бурятии, можно заключить, что наряду с другими традиционными религиями он является одним из главных гарантов сохранения мира, стабильности и гражданского согласия многонационального народа республики. Таким образом, буддизм становится специфической системой культуры, которая дает определенные ценности и этническую принадлежность.

В 1990-е годы в Бурятии, как и по всей России, началось подлинное возрождение православия: возникают новые общины, восстанавливаются уцелевшие церкви, создаются молитвенные дома. В 1994 г. 21 апреля учреждены Читинская и Забайкальская епархии, образовано Бурятское благочиние в административных рамках Республики Бурятия. Первым епископом был назначен Преосвященный Палладий (Шиман). Создание бурятского благочиния явилось главным фактором в процессе строительства православных приходов на территории республики, а в духовном плане — повышение религиозности.

Религиозная жизнь православных Бурятии стала теснее связана с религиозной жизнью соседних регионов: верующие принимали у себя в республике церковные святые — мощи святых мучениц Елизаветы и Варвары во время Всероссийского крестного хода, мощи, Иннокентия Кульчицкого, капсулу с благодатным огнем, зажженным в Иерусалиме в храме Гроба Господня, и т.д.

В перспективе православие в Бурятии имеет тенденции к укреплению, все шире и глубже охватывая общественную и духовно-культурную жизнь

представителей русского народа, играя немалую роль в обновлении общества и увеличении религиозности населения. 10 октября 2009 г. является знаковым событием для православных республики, в этот день была создана Улан-Удэнская и Бурятская епархия и был, с 1 февраля 2014 г. был назначен епископ Савватий (Антонов). Важным событием было потому, что ранее территория Бурятии входила в состав Читинской епархии.

С этого периода начинается активная деятельность церкви по строительству и восстановлению приходов. В 2015 г. была создана Бурятская митрополия, в состав которой вошли Улан-Удэнская и Северобайкальская епархии, в состав которой вошли восточные и северные районы республики. В Улан-удэнскую епархию включены центральные, западные районы и сам город Улан-Удэ. 25 августа 2020 г. Решением Священного Синода Препосвященным Улан-Удэнским и Бурятским, Главой Бурятской митрополии был назначен митрополит Симбирский и Новоспасский Иосиф.

В настоящее время в Бурятии «общее количество храмов, часовен и иных молитвенных помещений насчитывает 138 единиц. Число мужских обителей – 2, женских – 1. Число приходов, имеющих юридическую регистрацию – 77. Число приходов, не имеющих юридической регистрации – 37. Всего на канонической территории епархии несут свое служение 60 священнослужителей [11].

Православными являются подавляющее большинство верующих русских, украинцев, белорусов, некоторая часть западных бурят, выходцев из Иркутской области.

К православию примыкает старообрядчество или древлеправославие, которое также следует отнести к традиционным верованиям на территории Бурятии, тоже имеющим глубокие исторические корни в республике. В Бурятии древлеправославие представлено несколькими согласиями и направлениями, из которых наиболее значительной этноконфессиональной группой являются так называемые семейские.

Во второй половине XVIII в. царское правительство, стремясь создать в Сибири устойчивое хлебопашество для снабжения Нерчинских рудников, согнало старообрядцев с освоенных мест и направило в Забайкалье. Переселяли староверов семьями, поэтому за ними закрепилось название «семейские».

Сегодня старообрядцы расселены в Бичурском, Мухоршибирском, Заиграевском, Кижингинском и других районах Бурятии. До революции они составляли очень своеобразную этнокультурную группу русского населения, проживающую компактно, почти замкнуто. В какой-то мере свою специфику они сохраняют и сейчас. Старообрядческая церковь в Бурятии представлена двумя митрополиями — «поповцами» и «беспоповцами». Поповцы ближе всего стоят к православной церкви, они приемлют все 7 таинств христианства и признают необходимость священников при богослужениях и обрядах. Среди поповцев выделяют единоверцев и последователей Белокрыницкой епархии. Единоверие возникло в результате компромисса между частью умеренно настроенных старообрядцев и православной церковью. Единоверцы сохранили свою старую обрядность, но подчинились руководству православной церкви. В условиях царской России перевод в единоверие был в большинстве случаев принудительным. В постперестроечный период в Бурятии зарегистрированы 3 старообрядческие общины этого направления. На данный момент поповцы делятся

на две части: Русская православная старообрядческая церковь и Русская древлеправославная церковь.

Беглопоповцы получили такое название, потому что приверженцы этого течения принимали священников, перебежавших к ним из православия. Беглопоповцы придерживаются наиболее ранней формы православия. Официально она называется Древлеправославной церковью и возглавляется архиепископом с резиденцией в городе Новозыбкове. В Бурятии зарегистрировано пять общин этого направления, у беспоповцев нет своего епископа и иерархии, всеми вопросами веры у них ведают грамотные старики — «уставщики». Они есть во многих селах, прежде всего их волнует правильность веры — принципиальный вопрос для «беспоповцев». В свою очередь, поповцы делятся еще на два течения: Русская православная старообрядческая церковь (РПСЦ, Белокриницкая, или «Австрийская», церковь) и Русская древлеправославная церковь (РДПЦ, Новозыбковская церковь, или «беглопоповцы»). В Бурятии старообрядчество представлено Русской православной старообрядческой церковью во имя св. Афанасия Великого (Белокриницкой митрополии, г.Улан-Удэ) и Русской Древлеправославной Церковью (Новозыбковской митрополии, г.Улан-Удэ), приходы которой расположены в с.Бичура, п.Тарбагатай, п. Куйтун Тарбагатайского района, с.Новый Заган Мухоршибирского района, с.Хасурта Хоринского района.

Как считает Васильева С.В. видный исследователь истории и культуры старообрядчества, современный этап «с началом возрождения можно связывать культуры старообрядцев (90-е гг. XX столетия). Он характеризуется процессом образования религиозных старообрядческих общин на местах»[12, с. 122].

Сейчас старообрядцы составляют около 27% населения республики, они компактно расселены в Тарбагатайском, Заиграевском, Бичурском, Мухоршибирском, Хоринском районах и являют собой монолитную массу, хорошо представленную во властных структурах республики. Т.е. достаточно большой процент населения республики идентифицируют себя со старообрядцами.

Итак, качественная характеристика традиционных конфессий, представленных в регионе показала модернизационный потенциал в современных условиях. Несмотря на широту рассмотренных религий, все-таки наиболее доминирующую позицию занимает буддийская конфессия. Несмотря на то, что в общероссийском контексте православие главная религия, для Бурятии — традиционно являющейся центром буддизма, роль и значение православия несколько меньше чем буддийской конфессии.

Следует отметить, что у населения республики существуют своеобразное двоеверие или даже троeverие, когда с православием переплетаются различные формы шаманизма и буддизма. Возможно, поэтому такой поликонфессиональный регион как Бурятия в связи с тесным историческим существованием конфессий констатируется как толерантный регион. Отмечаются ситуации, когда индивид относит себя к определенной конфессии и в то же время выполняет обряды и ритуалы другой. Поэтому символами современной Бурятии являются буддийские дацаны, и ступы, шаманистские священные места-обоо, коновязи- сэргэ и священные деревья, православные храмы и приходы.

Такова общая картина религиозной ситуации, сложившейся на территории Бурятии в условиях модернизации, усиления влияния западной культуры. Но, так или иначе, Бурятия была и остается поликонфессиональным регионом, где,

несмотря на наличие новых религиозных движений и активизацию их деятельности, все же преобладает общее тяготение к традиционным конфессиям, представленным на территории региона издавна, как шаманизм, буддизм, старообрядчество и православие. Влияние данных религий на общество очевидна, ведь определяющим компонентом религиозности является этнический фактор. В Бурятии, где большинство населения составляет русский этнос, соответственно, являются православными, а буряты- либо шаманистами и буддистами, межконфессиональные отношения достаточно терпимы. Религиозные верования в своих конфессиональных границах определяют мировоззренческие установки народов, проживающих на территории Республики Бурятия.

Библиографический список

1. Арзуманов И.А. Культур-конфессиональный фактор в процессах консолидации социополитического пространства Байкальской Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2009.№1(3). С.244-250
2. Жуковская Н.Л. Ламаизм и ранние формы религии. М.-1977, С. 98
3. Электронный ресурс
[https://burstat.gks.ru/storage/mediabank/bur2020_10-obschestv\(1\).pdf](https://burstat.gks.ru/storage/mediabank/bur2020_10-obschestv(1).pdf).
4. Религиозно-общественная жизнь российских регионов . Т.1./ Науч.ред. и сост.С.Б.Филатов.-М.:Летний сад.-2014.-620с
5. Цыремпилов Н.В.Буддизм в России: прошлое и настоящее // Власть №4,2013.-С.84
6. Жамсуева Д. Правовой статус буддийской конфессии бурят в системе российской государственности // Власть, 2008,№11.-с.63-65
7. Митыпов В.М. Буддийская церковь в условиях трансформации российского общества (конец 1980-х –начало 1990-х гг.)// Власть.№5.- 2015.-с.55-58
8. Ванчикова Ц.П.Чимитдоржин Д.Г. История буддизма в Бурятии: 1945-2000гг.-Улан-Удэ, Изд-во БНЦ СО РАН, 2006.- С 105
9. Устав БТСП <http://sangharussia.ru/>
10. Скрынникова Т.Д. Традиционная культура и буддизм в самоидентификации бурят// Религия и идентичность в России. М., 2003. С.140
11. Электронный ресурс Сайт Бурятской Митрополии РПЦ МП, 2015 // URL: <http://www.uud-eparh.ru/index.php/700-let-prp-sergiyu>
12. Васильева С.В. Старообрядчество Забайкалья: проблемы расселения и адаптации. // Межконфессиональные отношения на рубеже тысячелетий: материалы Междунар. Науч.-практ. Конференции. 14-15 июня 2007г.-УланУдэ: Изд-во БГУ,2007.-С.122

Сведения об авторе

Багаева Ксения Анатольевна - кандидат философских наук, доцент кафедры философии Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, ksyusha.81@mail.ru

Bagaeva Ksenia Anatolyevna - Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy Buryat State University named after Dorzhi Banzarov, ksyusha.81@mail.ru

Ламажаа Ч.К.
Lamazhaа С.К.

**ЯЗЫКОВЫЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ И ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В
РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА
LANGUAGE, RELIGIOUS AND IDENTIFICATION PROCESSES IN THE
REPUBLIC OF TYVA**

Аннотация: в главе рассматривается Республика Тыва (Тува) как территория, которая находится между цивилизациями, испытывает их влияние в разных аспектах социокультурной жизни населения. С одной стороны, Тува много веков развивалась как часть территории Внутренней (или Центральной) Азии кочевников, шаманистов, буддистов. С другой стороны, она уже два века также является и частью российской цивилизации. Поэтому в жизни населения в разных аспектах доминируют разные цивилизационные влияния, что приводит к тяготению Тувы в разных вопросах к разным цивилизационным общностям. Рассмотрены цивилизационные влияния в сфере языков, распространенных у тувинцев — большинства населения республики, а также их религиозная приверженность и самоидентификация. В каждой из тем анализ включает историческую ретроспекцию, что позволяет увидеть исторический выбор тувинцев в том или ином вопросе, появление того или иного фактора, его особенности.

Abstract: the chapter considers the Republic of Tyva (Tuva) as a territory that is located between civilizations, experiencing their influence in various aspects of the socio-cultural life of the population. On the one hand, Tuva has been developing for many centuries as part of the territory of Inner (or Central) Asia of nomads, shamanists, and Buddhists. On the other hand, it has also been a part of Russian civilization for two centuries. Therefore, in the life of the population, different civilizational influences dominate in different aspects, which leads to the attraction of Tuva in various issues to different civilizational communities. Civilizational influences in the sphere of languages spoken by Tuvans, the majority of the population of the republic, as well as their religious commitment and self-identification are considered. In each of the topics, the analysis includes historical retrospection, which makes it possible to see the historical choice of Tuvans in this or that issue, the appearance of this or that factor, its features.

Ключевые слова: тувинцы; Тува; лимитрофная зона; цивилизация; российская цивилизация; Внутренняя Азия; межцивилизационное взаимодействие; билингвизм; буддизм Тувы; цивилизационная идентификация

Key words: Tuvans; Tuva; limitrophic zone; civilization; Russian civilization; Inner Asia; intercivilizational interaction; bilingualism; Buddhism of Tuva; civilizational identification

Российский регион Республика Тыва (Тува) с точки зрения цивилизационного подхода соотносится с общностями более широкого социокультурного плана — цивилизациям, дает возможность рассуждать о ней как о части территории Внутренней (или Центральной) Азии, на которой развивалась много веков социокультурная общность кочевников, шаманистов, буддистов, то есть происходит межцивилизационное взаимодействие [5]. Тем не менее, она также является и частью российской цивилизации, будучи вовлеченной в нее уже почти два века назад. Тем самым Тува выступает как одна из особых пограничных территорий, которые в современных исследованиях цивилизаций, политической и философской науках называются разными терминами: «пограничье», «трансграничье», «лимитроф» (лимитрофная зона или лимитрофная территория), «буферная зона» и пр. [38, 50, 66].

Для анализа особенностей межцивилизационного взаимодействия я сначала обосную положение Тувы как лимитрофной зоны, затем проанализирую те социокультурные сферы общественной жизни, в которых наиболее ярко разворачиваются процессы культурной трансмиссии — сферы языка и религии, подытоживая анализ проблематикой цивилизационной идентификации тувинцев.

В качестве источниковой базы исследования выступят материалы научных публикаций, социологических исследований последних лет (2000–2021 гг.), опубликованных разными авторами, а также тех, в проведении которых я принимала непосредственное участие; материалы моих наблюдений в Туве.

В литературе, посвященной проблемам межцивилизационного взаимодействия разных регионов мира, объекты исследования делятся на «макрообъекты» (метацвилизации, цивилизации), «мезообъекты» (лимитрофы, пограничные территории, небольшие государства) и «микрообъекты» (части государств и цивилизаций, отдельные регионы, лимитрофные зоны). Последние в силу своей незначительности в цивилизационных теориях учитываются мало, лишь порой приводятся в качестве примеров отдельных пограничных территорий. Но внимание к подобным объектам, на мой взгляд, не менее важно, поскольку позволяет увидеть сложность и пестроту цивилизационной картины мира, а также конкретизировать вопросы взаимодействия больших цивилизационных систем.

Территория Тувы за многовековую историю существования в древности и средневековье входила в состав разных кочевых империй, находясь практически всегда в их периферии. В XIII в. вошла в состав Монгольского государства Чингисхана, его потомков, затем была частью монгольских государств. В XVII в. Россия начала распространять свое влияние на территорию южной Сибири, в том числе Тувы [17, С. 46–55], однако затем Китай утвердился в притязаниях на Саяны «под предлогом того, что народы Южной Сибири платили дань монгольским феодалам,

позднее признавшим власть маньчжурской империи» [17, С. 55]. Как писал В. Г. Дацышен, Пекин претендовал на власть над всеми урянхайцами, которых он относил (автор подчеркивает — безосновательно) к мятежным монголам [17, С. 64], «внешним варварам» или «внешним вассалам» [17, С. 65]. В середине XVIII в. была установлена власть Цинской династии над Тувой.

При этом, по мнению В. Г. Дацышена, у Китая было особое отношение к Туве, которое состояло в признанной необходимости иметь стабильный регион с лояльным Китаю населением на границах с Россией и в тылу Монголии [17, С. 69]. Территория Тувы была закрыта не только для россиян, но даже и для въезда из самого Китая [17, С. 87], посещение было разрешено только цинским чиновникам [17, С. 69]. О том же пишет М. С. Михалев, полагая данный факт причиной того, что Тува фактически не осваивалась жителями Китая [38, С. 126].

После заключения в 1860 г. двустороннего межгосударственного договора между Российской империей и империей Цин [11; 20, С. 53–60] по всей пограничной линии между ними была установлена свободная и беспошлинная торговля. Как пишут историки, «русским было предоставлено право ездить в Китай, Монголию и Туву и свободно продавать и покупать там разного рода товары...» [23, С. 284]. В последующем это привело к переселению русских в край, постепенному увеличению русского населения и растущему влиянию русских на тувинскую социально-политическую жизнь, что в итоге привело к вхождению Тувы в поле российской цивилизации. Как подчеркивает С. Л. Кузьмин, в начале XX в. Урянхайский край своим считали и Россия, и Монголия, и Китай [28, С. 4–6; 59]. Однако, в целом Россия отстояла свое влияние на край и продолжила его укреплять.

Тем не менее, в среде тувинской политической элиты присутствовала и идея самоопределения. Нойоны продолжали лавировать в поисках варианта самосохранения тувинцев в тисках между цивилизациями. Россия им представлялась меньшим из зол, поэтому после освобождения от китайского управления в поисках внешнего покровителя они обратились на север. Революционные события в самой России позволили им на короткий срок провозгласить свою государственность, но вхождение в цивилизационное поле продолжало наращивать обороты, что привело Туву к вступлению в союзное государство.

Будучи уже в составе России Тува, несмотря на нахождение в общем поле с единой культурной политикой, тем не менее сохранила этнокультурные особенности социальной жизни. Сохранилось у нее и сложное транспортное сообщение с остальными частями страны, определяющее географическую изолированность, которая, в свою очередь, накладывала отпечаток на понимание пространства за пределами региона населением. Транспортная проблема даже выносится в важнейший пункт географической самопрезентации Тувы, как определила Н. Ю. Замятина в

исследовании когнитивно-географических контекстов образов по материалах официальных региональных сайтов [21, С. 126–127].

Географическая обособленность подкрепляется культурной обособленностью, которая очевидна как жителям самой Тувы, так и жителям остальной России. В российских масс-медиа распространено даже представление о Туве не как о части российского государства, а как об отдельном «государстве в государстве». Ю. В. Попков и Е. А. Тюгашев, подчеркивая, что на протяжении своей истории тувинцы вступали во взаимодействие с несколькими магистральными культурами (монгольской, китайской-маньчжурской и российской), а с российской — взаимодействие только усиливалось, тем не менее, также не видят и не предвидят здесь формирования синтетической российско-тувинской культуры [50, С. 10]

Соответственно, Тува представляется пограничной территорией, которую можно рассматривать как лимитрофную зону, входящую в Великий Лимитроф [35], по В. Л. Цымбурскому [66]. Причем, пример Тувы ярко демонстрирует феномен культурно-религиозной и идеологической «самообороны» лимитрофных народов Центральной Азии от ближайших цивилизаций, о чем пишет автор концепции [66, С. 78].

В рамках этой темы возникает вопрос о том, от каких цивилизаций «обороняется», например, Тува, и частью каких она является, ощущает себя.

Понимая Туву как лимитрофную зону, назовем цивилизации, влияние которых определяет социокультурную жизнь в республике и приводит к тому, что в ее разных сферах доминируют влияния разных цивилизаций. Это переплетение влияний можно также назвать межцивилизационным взаимодействием. Во-первых, безусловно мы говорим о российской цивилизации, наличие которой никем из теоретиков не подвергается сомнению. Во-вторых, в истории Тувы сыграла определенную роль и китайская цивилизация. В-третьих, необходимо сказать о самой спорной теме — цивилизации или цивилизационной общности кочевников Внутренней Азии, относительно которой мнения до сих пор различаются, порой кардинально. Одни авторы, преимущественно представители монголоведения, обосновывают идеи степной цивилизации [12; 51; 19], крупных номадных цивилизаций [29], мегацивилизационной целостности [26; 27] и др. Теоретики же или обобщали свое видение до буддийской цивилизации, относили регион к дуге территории Великого Лимитрофа, к части Тибето-Синьзяно-Монгольской Центральной Азии [66], или рассуждали в свете общей метацивилизации Востока [58]. Встречаются даже рассуждения о том, что «кочевые племена Центральной Азии — производное явление Китайской империи, ее социальное и культурное пограничье» [25, С. 39].

В рамках данной статьи я не буду останавливаться на разборе позиций. Это безусловно требует обсуждения общих цивилизационных схем. Здесь я лишь подчеркну, что мы не можем рассуждать о взаимодействии на рассматриваемой территории только российской и китайской цивилизаций,

исключая цивилизационное своеобразие Внутренней Азии. Ряд авторов считают ее центром или ядром Монголию [19] или рассматривают как ядерный локус особого монгольского мира, охватывающего в том числе и Внутреннюю Монголию Китая, и Бурятию с Калмыкией, и многочисленные монгольские диаспоры по всему миру [39, С. 25].

На мой взгляд, интересна в этой связи трактовка И. Р. Гарри, которая считает, что цивилизационные особенности нынешней Внутренней Азии сложились в период, когда существовало единое политическое образование монгольской империи XII–XIII вв. После этого в XIV в. она распалась на конгломерат автономных политических образований, а разграничение пространства между Российской империей и цинским Китаем означал конец свободной степи. Сейчас этот обширный регион разделен тремя государствами — Россией, Китаем и Монголией, но специфику этой безусловно культурной целостности определяет тибето-монгольский буддизм [13].

Историческая ретроспекция позволяет увидеть, как на территории Тувы с XIX в. в сфере языка происходило изменение цивилизационных влияний.

История и результаты языковой политики советского, российского государства на территории Тувы достаточно изучены филологами и историками [40; 53; 2, С. 96–99; 52; 9; 6; 63; 65; 48; 55; 10; 4; и др.], поэтому в рассуждениях я опираюсь на их заключения.

Тувинцы, не имевшие своей собственной письменности, на протяжении нескольких веков использовали в официальной и личной переписке старописьменный монгольский язык — с XVII–XVIII вв. вплоть до 1930-х гг. [52; 9, С. 213]. Более того, А. А. Самдан и И. В. Отрошенко, ссылаясь на наблюдения исследователей рубежа XIX–XX вв., параллельно пишут, что монгольский язык имел достаточно сильное распространение среди тувинцев и считался языком культуры, литературным языком тувинцев [52, С. 9–11; 48, С. 16–17]. При этом А. А. Самдан подчеркивает, что тувинцы не приспособивали монгольскую письменность для тувинского языка, а использовали в своих нуждах монгольский литературный язык [52, С. 9–10]. То есть тувинцы не монголизировались, а в крае присутствовал билингвизм — тувинско-монгольский, и то — лишь у небольшой части населения.

Исследователи также упоминают о том, что в начале XX в. в Туве находились и книги на тибетском языке, однако они были религиозного характера, имели хождение среди священнослужителей, которые в годы культурной революции были разогнаны и репрессированы, а имущество храмов уничтожено. Китайский язык и вовсе был тувинцам недоступен в силу обособленного положения края в составе Цинской империи, о чем я уже выше упоминала.

С момента провозглашения собственной государственности — Тувинской Народной Республики, в чем тувинцам помогло советское правительство [23, С. 126–128], десятилетие продолжалась полемика

относительно графической основы для тувинской письменности. Как справедливо расценивает И. В. Отрощенко, вопрос сразу приобрел политическую окраску и поставил тувинское государство перед цивилизационным выбором [48, С. 22]. Выбирая иную основу письменности, тувинцы освобождались от влияния монгольской письменности и в целом монгольского языка, переходя в поле языковой политики России.

Решающим для выбора проекта письменности в Туве исследователи называют общую российскую политику перевода на латиницу большинства языков народов СССР, которая в конце 1930-х гг. в целом была заменена на алфавит на основе русской графики. При этом один из авторитетных современных филологов Тувы К. А. Бичелдей считает, что русский алфавит «совсем не чужд для тувинского языка» [9, С. 225], т. к. кириллица уже использовалась учеными (В. В. Радловым, Н. Ф. Катановым) при написании тувинских слов. Он называет выбор оправданным: «в настоящее время нет оснований бить тревогу о том, что действующая тувинская графика не справляется или плохо справляется со своей основной функцией» [9, С. 226–227]. Тем не менее филолог признает, что при создании тувинского алфавита был использован и политический принцип — принцип сближения к русской фонетике в русле идеи о постепенном формировании единой советской нации и единого языка [9, С. 227].

Так, в 1930 г., когда было принято решение о новой основе тувинской письменности, тувинцы стали реализовывать внутреннюю политику нового правительства во главе с С. К. Токой относительно сближения с советской Россией, в том числе в плане языка, и билингвизм тувинцев достаточно быстро сменил свое содержание и из тувинско-монгольского стал — тувинско-русским.

Исторически быстрый выход тувинцев из зоны влияния монгольского языка был обусловлен не только сменой основы письменности, но и тем, что в силу разницы между языками владение монгольским было уделом лишь образованной части населения. Для основной массы тувинцев (но не для тувинцев приграничных с Монголией районов) это был язык, который даже не был понятен. Несмотря на то, что и тувинский, и монгольский языки относятся к алтайской языковой семье, тем не менее они существенно отличаются друг от друга [54]. Этот факт лежит и в основании этнической самоидентификации (о чем будет сказано далее).

В связи с вхождением Тувы в состав России, тувинско-русский билингвизм продолжал укрепляться. В итоге мы можем видеть, что, согласно данным Всероссийской переписи 2010 г., 82% тувинцев владеют русским языком и только 1,1% — монгольским (причем еще 2% — владеют другими языками) . Даже в приграничных районах Тувы и Монголии далеко не все знают язык друг друга — тувинцы монгольский язык, а монголы — тувинский [47]. Лишь в Эрзинском районе Тувы отмечается высокий уровень знания монгольского языка (а также высокая заинтересованность у тувинцев в этом), в силу исторических особенностей — этот район традиционно был

населен тувинцами, больше контактировавшими с соседями и даже лучше владевшими монгольским языком, чем родным — тувинским.

При том, что перепись продемонстрировала высокие показатели знания тувинцами государственного языка, тем не менее 97% указали, что владеют и родным — тувинским языком. Правда, социолингвистические исследования у филологов вызывают тревогу относительно судьбы тувинского языка: уровень владения им падает от поколения к поколению, родной язык не считается социально престижным [55]. Несбалансированная реализация государственных программ по развитию языков влияет, как считают специалисты, на лингвистическую витальность тувинского языка [4, С. 261].

Таким образом, можно сказать, что в плане языка тувинцы не были охвачены китайским цивилизационным влиянием, а выйдя в начале XX в. из зоны влияния монгольской языковой культуры, продолжают сейчас находиться под значительным российским цивилизационным влиянием, что понятно, поскольку мы говорим о едином государственном пространстве. Тем не менее, поскольку государство мультикультурное, то его внутренняя политика не столь гибка, а регион сам не уделяет достаточно внимания языковой политике по поддержке родного языка основной части населения. Это приводит к тому, что в данном случае билингвизм тувинцев со сменами поколений может поменять главный язык: от тувинско-русского билингвизма — к русско-тувинскому, когда тувинский язык начнет серьезно уступать русскому. И понятно, почему в интерактивном атласе мировых языков, находящихся в опасности, которое ведет ЮНЕСКО (UNESCO Interactive Atlas of the World's Languages in Danger) тувинский язык отнесен к группе Vulnerable — уязвимый.

Если говорить о языке как факторе цивилизационной идентичности, то можно вспомнить о том, что тувинский язык относится к тюркским языкам, что роднит тувинцев с другими тюркоязычными народами не только Сибири (западносибирскими татарами, якутами, долганами, тофаларами, хакасами, шорцами, чулымцами, алтайцами), но и народами Кавказа, Причерноморья, Поволжья, восточной Сибири, за пределами России — с тюрками Турции, Кипра, Сирии и др. Тувинцы улавливают мелодику, смыслы речи других тюркоязычных народов, понимают общие слова, что позволяет им ощущать языковую близость с ними. Помимо этого, один из топонимов Тувы — название города Турана, административного центра Пий-Хемского района, является одним из главных образов пантюркизма: Туран для данной идеологии — это прародина «туранских», тюркских народов, это «Великий Туран».

Эти обстоятельства позволяют некоторым идеологам включать Туву (как и другие этносы урало-алтайской языковой семьи) в регионы потенциального распространения пантюркизма [22], который исходит прежде всего из Турции [46]. Анкара предпринимает успешные попытки по усилению своего влияния в тюркоязычных странах бывшего СССР [14, С. 79], установлению регионального лидерства в регионе [46, С. 117]. Несмотря

на изменения политики самой Турции с течением времени, а также изменениями мировой геополитики, как считают специалисты, эта страна вряд ли когда-нибудь полностью откажется от идеологии пантюркизма, сегодня лишь делая ставку на его смягченные варианты — «культурный неопантюркизм» (там же) или «неоосманизм» [1].

Тем не менее, в России, по понятным причинам, возможности Турции влиять на культурную политику российских регионов ограничены [22, С. 66].

Но в отношении Тувы можно указать и на иной «водораздел» между тувинцами-тюрками и другими тюрками. Этот «водораздел» — буддизм, мировая религия, которая укрепилась в Туве во второй половине XVIII в. Тувинцы-буддисты не вписываются в тюркский «идеал», в котором тюрки должны быть приверженцами ислама: «Мое имя — тюрк, моя фамилия — мусульманин» [22, С. 67].

Историография исследований буддизма в Туве также насчитывает немало интересных работ [8; 41; 61 и др.], к чему недавно также внесли лепту и мы с коллегами [36; 37; 7]. Помимо этого, в целом религиозная ситуация в Туве анализировалась коллегами в ряде работ [60; 43; 44; 45; 16]. Опираясь на эту литературу, я попытаюсь сформулировать снова особенности цивилизационного взаимодействия — теперь уже на поле религиозности населения.

В данном случае интересен тот факт, что буддизм укрепился в Туве лишь с третьей «попытки»: первая волна пришлась на IX в. при уйгурах [8, С. 24–25], вторая — на XIII в. при монголах [41, С. 13–17], но только третья волна (с середины XVIII в.) позволила ему не только приобрести статус официальной религии, но и быть принятой в традиции тувинцев, войдя в синтез с исконными религиозными верованиями. И закрепление третьей волны стало результатом специальной маньчжурской политики — как эффективное средство воздействия на «варварские» народы [41, С. 40]. Правящая династия Цин покровительствовала буддизму (причем именно традиции Гелуг) на покоренных территориях (для решения задач их управления) и это способствовало формированию в том числе его тувинского варианта [41, С. 40–41]. Он, как пишет М. В. Монгуш, унаследовал особенности тибето-монгольской почвы и тем самым существенно отличался от первоначального — индийского варианта [41, С. 41]. При этом И. Р. Гарри подчеркивает, что отличительной (от Монголии) особенностью Тувы стал распространение буддизма без подавления шаманизма [13, С. 13].

Обычно историческая оценка завоевательской политики Китая сводится к тому, что авторы подчеркивают негативные последствия для захваченных территорий (эксплуатацию, выбивание налогов и пр.). Однако, если мы говорим о макроисторических итогах, то не стоит забывать о том, что определенная политика даже агрессоров в итоге может иметь и положительные последствия. Так, например, А. С. Железняков считает, что маньчжуры положили конец вражде северных и южных монголов, находящихся по разные стороны от пустыни Гоби [19, С. 152]. Для Тувы

положительными последствиями маньчжурской политики можно назвать и утверждение буддизма, и административно-территориальные реформы, позволившие в итоге тувинцам преодолеть родоплеменное деление, что впоследствии позволило укрепить общетувинскую идентичность.

Политику пропаганды буддизма целенаправленно проводили сначала главные местные правители края — амбын-нойоны, а затем подхватили кожунные правители [23, С. 44]. В Туву приглашались ламы из Монголии [23, С. 44], сами тувинцы ездили в монгольские монастыри для обучения, а также совершали паломнические поездки для поклонения прежде всего главному иерарху монгольской буддийской церкви — Богдо гэгэну [21].

При этом, в Туве, как подытожила М. В. Монгуш, темпы распространения буддизма оказались выше, чем в Монголии: ему потребовалось меньше времени, чтобы пройти путь от первых лам-миссионеров до признания его светской властью в качестве официальной религии тувинцев (в Туве это заняло чуть более полутора века, тогда как в Монголии — семь веков) [41, С. 54].

Буддизм в Туве довольно быстро приспособился и к соседству с шаманизмом, и с существующей политической системой, а кроме того, стал выполнять важную образовательную функцию. Развитие монастырских школ позволило дать образование населению. Это позволило сформироваться политической элите, которая сумела в начале XX в. и лавировать между империями, и выйти на путь самоопределения. Известная гибкость буддийского учения, которая дает ему возможность адаптироваться к местным обычаям и традициям [8, С. 25–26], привела и к тому, что сами тувинцы стали считать буддизм своей традиционной религией. И, несмотря на период запрета в советское время, они этому убеждению не изменили. Даже несмотря на то, что уже к началу 1940-х гг. в Туве не насчитывалось ни одного хурээ [41, С. 121], все равно оставались и ламы, и верующие, которые поддерживали их, скрывали и священнослужителей, и священные реликвии, и свои убеждения. Институциональная практика была вытеснена внеинституциональной [41, С. 123].

Окончание советской политики освободило и религиозную жизнь, позволило тувинцам открыто считать себя верующими. Особое воодушевление население Тувы испытало в 1992 г., когда республику посетил с пастырским визитом Его Святейшество Далай-лама XIV, тогда политический и духовный лидер Тибета в изгнании [41, С. 128]. С этого времени тувинцы, воочию увидев иерарха своей религии, принялись восстанавливать институциональную сторону буддизма, совершать паломнические поездки в Индию, где проживает Далай-лама, а также в другие страны, где находятся буддийские святыни: Непал, китайский Тибет и, конечно же, в Монголию [36], тем самым осознавая себя частью большого буддийского мира [33] и укрепляя цивилизационную идентичность с тибето-буддийской цивилизационной общностью.

Современные социологические исследования показывают, что жители Тувы идентифицируют себя по традиционным религиозным верованиям как шаманисты (5%) или буддисты (56%), а часто и как верующие в религиозный синкретизм шаманизма и буддизма (16%) [16]. Хотя истинно верующих, приверженцев буддийского учения очевидно меньше; буддистами большинство тувинцев являются скорее по традиции, полагая достаточным соблюдать религиозные обряды [16, С. 26], не вникая особенно в суть учения [36, С. 145–146]. Более того, в республике происходит очевидный процесс укрепления добуддийских воззрений, который в том числе выражается в широкой распространенности семейных, родовых, территориальных обрядов освящения местностей, объектов природы — дагылга. Эти обряды призваны укрепить связь современных тувинцев, по их убеждениям, с духами родовых мест, духами их предков, в коммуникации с которыми им помогают обычно шаманы, но нередко обряды проводят и ламы, и старейшины аймаков (родственных объединений).

Каковы результаты, а возможно даже перспективы развития буддийского цивилизационного фактора в регионе, нам могут показать данные социологического исследования молодежи в Туве, который мы проводили с коллегами с 2019 г. [7]. 68,3% респондентов (а 90% наших опрошенных были тувинцами) назвали себя буддистами [7, С. 40] и 84% показали свое положительное отношение к нему [7, С. 44]. Наибольшее число респондентов — 62,1% — считают Россию евразийским государством, объединяющим европейские и азиатские народы и культуры [7, С. 41]. Большинство тувинцев достаточно правильно указали на традиционные буддийские регионы страны: Туву, Бурятию и Калмыкию. А вот Монголию буддийской страной назвали лишь 51,3% (там же: 44), столько же — 51% — Китай. 70% респондентов считают буддизм неотъемлемой частью российской истории [7, С. 42], 63% согласны с тем, что можно говорить о российском буддизме [7, С. 43].

Среди тувинцев есть также и приверженцы иных конфессий. Однако исследователи не делают подсчетов общего процентного числа среди тувинцев православных или протестантов. Утверждается, что таковые есть [43; 16], но число их в соотношении с традиционалистами очень невелико.

Укорененность буддизма в республике, которая состоялась с подачи Китая и сделала Туву регионом распространения религиозного влияния и опыта «высокой» (образованной, письменной) культуры из Монголии, сблизила две подчиненные маньчжурской империи территории — Туву и Монголию. Их религиозное пространство вначале стало практически общим в институциональном плане, но при этом все равно было локальной частью распространения тибетского буддизма. Но последовавшие события разъединили организации буддистов Тувы и Монголии. На обеих территориях развернулись гонения на буддийскую церковь в результате разворачивания антирелигиозной кампании в начале советского периода [41, С. 120–125; 15, С. 77–103]. В атеистических государствах — СССР, в

который вошла Тува, и в Монгольской Народной Республике (1924–1992) — буддизм не был полностью под запретом, однако деятельность лам и редких монастырей была под контролем. Кроме того, и советское государство, и монгольское возлагали на буддийские организации задачи по поддержанию международных связей [56; 15, С. 107–108].

Возрождение буддизма и там, и там началось одновременно с окончанием советской политики. В процессе возрождения тувинцы стали укреплять общность уже не с монгольским религиозным пространством, а с общим международным, центром которого является лидер тибетских буддистов [33, С. 35]. Соответственно, тувинцы в религиозном плане вошли в цивилизационное поле Внутренней Азии, объединенное тибетским буддизмом — ту общность, которую авторы называют тибетско-буддийской цивилизацией. Разумеется, к ним также примыкают другие традиционные буддийские регионы — Бурятия и Калмыкия. Но в отношении Тувы можно сказать, что она, тяготея к тибетско-буддийской цивилизационной общности (куда входят и калмыки, и буряты, и монголы), отчуждена от монголов и локализуется в особой лимитрофной зоне тюркоязычных буддистов.

Обрисовав ситуацию на полях языковых процессов и религиозности, теперь перейдем к рассуждениям о том, как сами люди — тувинцы — идентифицируют себя, в том числе в отношении к другим народам, с которыми они контактируют. Отчасти я писала об этом в своей монографии, посвященной анализу тувинского национального характера [32, С. 118–134]. Здесь же приведу и дополнительные сведения из публикаций, не охваченных мною ранее, а также свежих, успевших выйти за последние пару лет, подводя данный сюжет к проблематике межцивилизационных влияний.

В начале XX в. В. Родевич писал о том, что китайцы и монголы относятся к ним презрительно, урянхи (тувинцы) тоже не любили их. Его наблюдения хорошо передают истоки отчужденности тувинцев от китайцев и монголов, которая основана не только на языковом непонимании. Как писали этносоциологи, данная отчужденность привела в итоге к утверждению в среде тувинцев идеи самоопределения: «Если отдельные монгольские руководители ошибочно считали тувинцев монголами, то сами тувинцы, будучи древними тюрками по происхождению и тюркоязычными, всегда осознавали себя отдельным народом» [2, С. 18]. Помощь России в этом самоопределении и сохранении своих культурных устоев стала решающим фактором для того, чтобы Тува — в период цивилизационного выбора — «повернулась на север». Если до этого взаимоотношения тувинцев с русскими, которые стали активно селиться на территории края, я называла временем экономического сотрудничества и бытового общения (первая стадия взаимоотношений [32, С. 120–121]), то затем вхождение Тувы в российские цивилизационные процессы (вторая стадия) было обусловлено сначала попыткой поиска внешнеполитического покровителя, а затем признания советским правительством права народа на самоопределение. Несмотря на то, что в дальнейшем взаимоотношения разворачивались по

модели «Старшего и Младшего брата» (третья стадия [32, С. 123]), тем не менее тувинская политическая элита не забывала о своей выгоде в этой модели — возможности не только политической, но и всесторонней помощи со стороны северного союзника.

Надо сказать, что и Монголия была вовлечена в поле российских-советских цивилизационных процессов, воспринимая советскую модель общественного устройства и проводя в целом подобную же внутреннюю и внешнюю политику. Но она не вошла окончательно в полюс русской цивилизации. Как пишет А. С. Железняков, «процесс остановился ровно посередине» [19, С. 165]. Сам автор объясняет это эффектом самобытного «монгольского коммунизма» [19, С. 166].

Возвращаясь к тувинцам, отмечу, что несмотря на вхождение Тувы официально в состав российского государства, в российскую цивилизационную орбиту, тем не менее, регион и его население сохранили положение обособленной лимитрофной зоны.

Материалы свободного ассоциативного эксперимента с участием тувинских и русских жителей региона Э. Э. Тундума показали большую эмоциональную окрашенность у тувинцев по отношению к Туве (красивая, родная), в отличие от размерно-пространственных характеристик, данных ими России [57].

В нашем опросе молодежи Тувы 2020 г. мы выяснили, что у студентов этническая идентификация принимается половиной опрошенных тувинцев как главная. В отношении региональной и национальной (государственной) идентичностей соотношение примерно поровну [7, С. 39]. Исследование Э. Э. Тундума также показывает доминирование этнорегиональной идентичности, но без отторжения или неприятия российской идентичности [57, С. 420].

В 1990-е годы, когда в Туве, как и по всей России, фиксировалась значительная волна этнической мобилизации, одним из важных процессов стало «удревнение» своей истории. Как писала М. В. Монгуш, наряду с этнонимом «тувинцы» в республике стал функционировать и этноним «тюрки», который с одной стороны подчеркивал идею общности происхождения тувинцев с другими тюрками, а с другой — демонстрировал этногенетическое отличие от монголов [42, С. 169–170]. Расширение этнической идентичности у тувинцев — до азиатской, восточной, выражается также в распределении симпатий по тем или иным народам, эпохам, событиям, героическим личностям. Это, по ее мнению, приводит к восхищению у тувинцев японцами, индийцами, тибетцами, корейцами [42, С. 173–175].

Азиатская солидарность у тувинцев может проявляться в ситуации, когда им важно выразить свою близость к более близким для них народам (например, во время международных спортивных соревнований, где в противоборстве сборных любой азиатской страны и российской (с русскими спортсменами) многие тувинцы будут «болеть» за азиатов), или когда они оказываются в ситуации меньшинства, как и другие азиатские диаспоры,

группы в инокультурном окружении (на этом чувстве базируется активная работа тувинских и др. студенческих землячеств в российских городах).

При этом инокультурное окружение для них существует не только за пределами Тувы. Как писала еще в 1990-е гг. З. В. Анайбан, Тува стала представлять собой регион с наиболее выраженной социальной дистанцией основных контактирующих этнических групп — тувинцев и русских [2, С. 51]. Тому способствовали и различия в социально-профессиональной структуре общества, различия между городом и деревней, а также тот факт, что русские республики почти никогда не стремились и не осваивали язык большинства — тувинский язык [3, С. 53–54]. Это приводило и до сих пор приводит к тому, что русские жители коверкают и пишут неправильно тувинские имена, названия местностей и пр., что может восприниматься неприязненно тувинцами.

Особенно в городской среде своей же республики тувинцы были в инокультурном окружении до тех пор, пока в 1990-е годы число русскоязычных «чужих» в Туве не стало стремительно снижаться, и в итоге тувинцы не стали большинством. С этого времени немногочисленные русские республики ощущают себя в инокультурном окружении, в том числе в условиях повсеместного использования тувинского языка, непонятного для них, в том числе в официальных мероприятиях. Как писала З. В. Анайбан, значительное число местных русских, несмотря на достаточно длительное проживание в республике, до сих пор не в полной мере ощущают себя «тувинскими русскими» [2, С. 119]. Межнациональные браки в республике — не слишком популярны, как выяснила в недавнем исследовании З. Ю. Доржу [18].

Более сложную ситуацию с идентификацией тувинской молодежи замечают иностранные наблюдатели. Как пишет американская исследовательница К. Лунг, проработавшая в республике в 2015 г. и пообщавшись с тувинской молодежью, Туву нельзя считать простой провинцией, как пишут порой западные ученые; это и не бедный регион, как принято считать в остальной части России. «Это республика динамичных личностей с многочисленной мультикультурной молодежью. — считает она. — Тувинская молодежь подвержена многочисленным влияниям, а не только своему кочевому прошлому. Их многогранный подход к самоидентификации проистекает из гордости русских националистов в сочетании с их собственным пониманием того, что значит быть азиатом» [68, С. 52].

Как я уже писала, единственное развернутое комплексное исследование молодежи Тувы проводилось полвека назад — в 1970–1980-х годов, когда были консолидированы усилия ученых сразу нескольких научных центров Тувы и Сибири. В 1990-е годы исследователям удалось собрать материалы о разных сторонах жизни молодежи, а также в 2000-е, когда радикально изменились и социальные условия, и сама молодежь [31]. Тем не менее, очевидно, что проблема объединения усилий для очередного

комплексного исследования молодежи региона назрела и в ее решении важно учитывать проблематику сложной идентичности новых поколений тувинцев.

Приведенные показатели и мнения показывают нам, что идентификационная «карта» тувинцев имеет достаточно элементов для того, чтобы сохранялась их социокультурная отчужденность не только от жителей других российских территорий, но и от представителей русского этноса, проживающего с ними на одной территории. При этом тувинцы, сохраняя приверженность своему этносу, крепкую эмоциональную связь со своей малой Родиной, благодаря современным процессам глобализации, расширяют свою идентичность до общеазиатской, не обязательно связанной с кочевой, монгольской, буддийской. Российское цивилизационное влияние затронуло государственное строительство в регионе, экономическую и политическую жизнь, административное устройство, однако не смогло «захватить» поле идентичностей коренного населения.

Рассмотрение языковых, религиозных и идентификационных процессов, разворачивающихся в Туве и охватывающих основную часть населения — тувинцев, позволяет увидеть, как на определенной локальной территории, в сферах социокультурной жизни происходит сложное переплетение влияний в первую очередь российской цивилизации и кочевой-монгольской, тибето-буддийской, общеазиатской социокультурных общностей. Если китайское государство в прошлом включало в свой состав Туву, определив особенности ее политического развития, тем не менее, влияние китайской цивилизации здесь оказалось минимальным. Геополитическое решение региона войти в состав российского государства, тем не менее, также не привело к нивелированию его этнокультурной специфики, оставило за ним связи с азиатскими культурными мирами, некоторые из которых могут даже укрепляться — прежде всего по религиозным основаниям. Тува с ее моноэтническим и монокультурным миром определенно тяготеет к тибето-буддийскому культурному миру или цивилизации.

Библиографический список

1. Аватков, В. Неосманизм. Базовая идеология и геостратегия Турции // Свободная мысль. – 2014. – № 3. – С. 71–78.
2. Анайбан, З. В., Губогло, М. Н., Козлов, М. С. Формирование этнополитической ситуации. Т. 1. Очерки истории постсоветской Тувы. – М.: ЦИМО, 1999. – 420 с.
3. Анайбан, З. В., Тюхтенева, С. П. Этнокультурная адаптация населения Южной Сибири (современный период). – М.: б. и., 2008. – 217 с.
4. Арефьев, А. Л., Бахтикиреева, У. М., Синячкин, В. П. Проблемы билингвизма в системе школьного языкового образования Республики Тыва // Новые исследования Тувы. – 2021. – № 1. – С. 255–272. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>

5. Арнасон, Й. Понимание межцивилизационного взаимодействия // Метод. – 2015. – № 5. – С. 109–123.
6. Бавуу-Сюрюн, М. В. Тувинский язык на современном этапе: образовательный аспект // Новые исследования Тувы. – 2010. – № 3. – С. 57–71.
7. Бадмаев, В. Н., Уланов, М. С., Ламажаа, Ч. К., Бичелдей, У. П., Антонов, В. И., Очирова, О. А. Россия и буддийский мир глазами молодежи Тувы, Бурятии и Калмыкии (по материалам социологического опроса) // Новые исследования Тувы. – 2020. – № 1. – С. 35–49. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.1.3>
8. Берзин, А. Тибетский буддизм: история и перспективы развития. – Волгоград: б. и., 1992. – 32 с.
9. Бичелдей, К. А. 80 лет тувинской письменности: становление, развитие, перспективы // Новые исследования Тувы. – 2010. – № 4. – С. 210–229.
10. Боргоякова, Т. Г., Биткеева, А. Н. Тувинский язык в правовом и функциональном измерении // Новые исследования Тувы. – 2020. – № 1. – С. 50–59. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.1.4>
11. Буксгевден, А. О. Русский Китай : очерки дипломатических сношений России с Китаем. Порт-Артур: Издание книжного склада «Новый край». [Ч.] 1: Пекинский договор : 1860 г., 1902. – 239 с.
12. Буровский, А. М. Степная скотоводческая цивилизация: критерии описания, анализа и сопоставления // Цивилизации. Вып. 3 / отв. ред. А. О. Чубарьян. – М.: Наука, 1995. – 239 с. – С. 151–164.
13. Гарри, И. Р. Буддизм и политика во Внутренней Азии // Oriental Studies. – 2020 – Т. 13. – № 1. – С. 8–16. DOI: <https://www.doi.org/10.22162/2619-0990-2020-47-1-8-16>
14. Гордиевский, А. Пантюркизм без России // Россия и мусульманский мир. – 2007. – № 3. – С. 78–80.
15. Ванчикова, Ц. П. Буддизм в Монголии: история, духовенство, монастыри. – Иркутск: Оттиск, 2019. – 292 с.
16. Дашковский, П. К., Шершнева, Е. А., Бичелдей, У. П., Монгуш, А. В. Религиозная ситуация в Республике Тыва (по результатам социологического исследования) // Новые исследования Тувы. – 2021. – № 2. – С. 18–34. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.2>
17. Дацышен, В. Г. Саянский рубеж. Южная часть Приенисейского края и русско-тувинские отношения в 1616–1911 гг. – Томск: STT, 2005. – 250 с.
18. Доржу, З. Ю. Межэтническое взаимодействие русских и тувинцев в советской и постсоветской Тыве (на примере национально-смешанных семей) // Новые исследования Тувы. – 2019. – № 1. – С. 144–156. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.1.11>

19. Железняков, А. С. Монгольская цивилизация. История и современность. Теоретическое обоснование атласа. М.: Весь мир, 2016. – 288 с.
20. За три века. Тувинско-русские-монгольские-китайские отношения (1616–1915) / сост. В. А. Дубровский. – Кызыл: Типография Комитета по печати и массовой информации, 1995. – 86 с.
21. Замятина, Н. Ю. Города, районы и страны в политическом рельефе российских регионов. По материалам официальных сайтов субъектов РФ // Полис. – 2006. – № 2. – С. 122–138. DOI: <https://www.doi.org/10.17976/jpps/2006.02.10>
22. Иванова, В. В. Спелое яблоко. Идеалы пантюркизма и идентификационный синкретизм // Азия и Африка сегодня. – 2012. – № 1. – С. 65–71.
23. История Тувы / под ред. С. И. Вайнштейна и М. Х. Маннай-оола. – Новосибирск: Наука, 2001. – 367 с.
24. Киреев, А. А. К вопросу о типологии азиатских границ России (I часть) // Ойкумена. – 2012. – № 4. – С. 37–46.
25. Кириченко, О. В. Российское цивилизационное пограничье // Традиции и современность. – 2010. – № 10. – С. 34–74.
26. Крадин, Н. Н. Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии // Цивилизации. Вып. 3 / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 1995. – 239 с. – С. 164–179.
27. Крадин, Н. Н. Кочевники и всемирная история. СПб. : Издательство Олега Абышко, 2020. – 416 с.
28. Кузьмин, С. Л. Урянхайский вопрос и монголо-тувинские отношения в начале XX в. // Oriental studies. – 2018. – Т. 37. – Вып. 3. – С. 2–14.
29. Кульпин-Губайдуллин, Э. С. Спор о цивилизации // Золотоордынская цивилизация. – 2018. – № 1. – С. 7–13.
30. Ламажаа, Ч. К. Концепты «За Саянами» и «тувинское время» в общественном дискурсе Тувы // Пограничье культур — культуры пограничья / ред. З. Морохоева / DEBATUS ARTES LIBERALES. Т. VI. – Warszawa Instytut Badań Interdyscyplinarnych «Artes Liberales», Uniwersytet Warszawski, 2012. – 312 с. – С. 279–293.
31. Ламажаа, Ч. К. Социология молодежи Тувы // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 3. – С. 340–348. DOI: <https://www.doi.org/10.17805/zpu.2015.3.30>
32. Ламажаа, Ч. К. Национальный характер тувинцев. – М.; СПб.: Нестор-История, 2018. – 240 с.
33. Ламажаа, Ч. К. Геокультурные образы буддийского мира тувинцев: исторический контекст и современность // Новые исследования Тувы. – 2019. – № 3. – С. 27–40. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.3.3>

34. Ламажаа, Ч. К. Тувинские обряды дагылга в XXI веке // Этнографическое обозрение. – 2021. – № 2. – С. 125–143. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150014811-2>
35. Ламажаа, Ч. К. Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. – 2021. – № 3. – С. 178–194. <https://www.doi.org/10.25178/nit.20121.3.14>
36. Ламажаа, Ч. К., Бичелдей, У. П., Монгуш, А. В. Тувинское буддийское паломничество: от традиции к вере // Новые исследования Тувы. – 2020. – № 4. – С. 135–155. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.10
37. Ламажаа, Ч. К., Бичелдей, У. П. Основные характеристики тувинского буддийского паломничества рубежа XIX–XX веков // Новые исследования Тувы. – 2021. – № 2. – С. 6–17. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.1>
38. Михалев, М. С. Российско-китайское трансграничье: этносоциальные аспекты // Проблемы Дальнего Востока. – 2018. – № 6. – С. 123–134. DOI: <https://www.doi.org/10.31857/S013128120002696-6>
39. Монгольский мир между Востоком и Западом / отв. ред. Ю. В. Попков, Ж. Амарсанаа. – Новосибирск: Автограф, 2014. – 351 с.
40. Монгуш, Д. А. Развитие тувинского языка в советскую эпоху // Ученые записки. Вып. XII / отв. ред. Н. А. Сердобов. – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1967. – 281 с. – С. 96–107.
41. Монгуш, М. В. История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). – Новосибирск: Наука, 2001. – 200 с.
42. Монгуш, М. В. Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. – Осака: Национальный музей этнологии, 2010. – 369 с.
43. Монгуш, М. В. Деятельность нетрадиционных конфессий в Туве: 1990–2010 гг. // Новые исследования Тувы. – 2012. – № 1. – С. 58–70.
44. Монгуш, М. В. Христианские общины Тувы: краткий очерк // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – 2015. – № 8. – С. 159–175.
45. Монгуш, М. В. Традиционный и западный буддизм в современной России: опыт сравнительного анализа // Новые исследования Тувы. – 2016. – № 1. – С. 5–19.
46. Насибова, А. С. Эволюция идей пантюркизма во внешней политике Турецкой республики // Современные евразийские исследования. – 2015. – № 3. – С. 113–118.
47. Ойдуп, Т. М., Кылгыдай А.-К. Ч. Особенности межэтнических связей населения тувинско-монгольского приграничья // Социологические исследования. – 2012. – № 6. – С. 136–140.
48. Отрощенко, И. В. Языковая политика и культурное строительство в Тувинской Народной Республике // Новые исследования Тувы. – 2015. – № 2. – С. 16–31.

49. Пограничье культур — культуры пограничья / ред. З. Морохоева / DEBATY ARTES LIBERALES. Т. VI. — Warszawa: Instytut Badań Interdyscyplinarnych «Artes Liberales», Uniwersytet Warszawski, 2012. — 312 с.
50. Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. Пространственный образ Тувы в объективе социокультурной феноменологии // Новые исследования Тувы. — 2019. — № 3. — С. 4–14. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.3.1>
51. Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. II. История. Философия. Социология. Культурология и искусство: Материалы международной научной конференции. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. — 375 с.
52. Самдан, А. А. Монголоязычные источники по истории Тувы: дис. ... канд. ист. наук. — М., 2001. — 151 с.
53. Сат, Ш. Ч. Формирование и развитие тувинского национального литературного языка. — Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1973. — 193 с.
54. Сат, Ш. Ч. Тувинский язык // Языки мира: Тюркские языки / отв. ред. Э. Р. Тенишев. — М.: ИД «Кыргызстан», 1996. — 545 с. — С. 384–393.
55. Серээдар, Н. Ч. Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. — 2018. — № 1. — С. 4–19. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.1.1>
56. Терентьев, А. Буддизм в России — царской и советской. — СПб.: Издание А. Терентьева, 2014. — 484 с.
57. Тундума, Э. Э. Ассоциативная репрезентация гражданской и этнорегиональной идентичности жителей Республики Тыва // Мир науки, культуры, образования. — 2019. — № 1. — С. 419–420.
58. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 1996. — 660 с.
59. Хатунцев, С. В. Лимитрофы — межцивилизационные пространства Старого и Нового Света // Полис. — 2011. — № 2. — С. 86–98.
60. Хертек, Л. К. Тувинско-монгольские связи и отношения в период Тувинской Народной Республики // Новые исследования Тувы. — 2016. — № 3. — С. 65–81.
61. Хомушку, О. М. К характеристике религиозной ситуации в Республике Тыва // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2000. — № 3. — С. 27–35.
62. Хомушку, О. М. Религия в культуре народов Саяно-Алтая. — М.: РАГС, 2005. — 225 с.
63. Цивилизационный выбор и пограничье / ред. Я. Кеневич / Debaty IBI AL. Т. IV. — Warszawa : Instytut Badań Interdyscyplinarnych «Artes Liberales», Uniwersytet Warszawski, 2011. — 354 с.
64. Цыбенова, Ч. С. Современная языковая ситуация в Республике Тыва : автореф. дисс. ... канд. филол. н. М., 2013. — 24 с.

65. Цыбенова, Ч. С. Функциональное развитие тувинского языка: диахронический аспект // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. – 2018. – № 3 (21). – С. 56–66.

66. Цыбенова, Ч. С. Социальная характеристика языковой ситуации в Республике Тыва // *Oriental Studies*. – 2019. – № 3. – С. 460–477. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-43-3-460-477>

67. Цымбурский, В. Л. Россия — Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 144 с.

68. Leung, K. Z. Contemporary Youth Identity in the Republic of Tuva, Russia // Новые исследования Тувы. – 2017. – № 3. – С. 49–65. DOI: [10.25178/nit.2017.3.3](https://doi.org/10.25178/nit.2017.3.3)

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, lamazhaa@tuva.asia

Lamazhaa Chimiza Kuder-oolovna - Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Center for Political Science and Political Sociology, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, lamazhaa@tuva.asia

ORCID ID: 0000-0003-1813-3605

Намруева Л. В.

Namrueva L.V.

**РОЛЬ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В СОХРАНЕНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ)¹⁵
THE ROLE OF RURAL SETTLEMENTS IN THE PRESERVATION OF
ETHNIC CULTURE (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF
KALMYKIA)**

Аннотация В данной статье рассмотрена этнокультурная ситуация в двух сельских поселениях Калмыкии Ики-Бухус, Адык. Проанализировано наличие институтов этнической социализации, родственных, общинных отношений, сельских лидеров-сподвижников, деятельность которых направлена на сохранение и развитие нематериального этнокультурного наследия калмыков. В республике интерес к проблеме этнокультурного возрождения, сохранения этнической идентичности в калмыцкой науке с каждым годом возрастает. Разнообразная научная литература (этнологическая, социологическая, философская) способствует поколенческой трансмиссии и развитию этнической культуры калмыков. Калмыкия имеет базу культурной инфраструктуры, кадровый потенциал, что способствует дальнейшему улучшению полноценного качественного развития этнической культуры народов, проживающих на ее территории.

Abstract This article examines the ethno-cultural situation in two rural settlements of Kalmykia Iki-Bukhus, Adyk. The presence of institutions of ethnic socialization, kinship, community relations, and village leaders-associates whose activities are aimed at

¹⁵ Статья подготовлена при финансовой поддержке в рамках научного проекта Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (2020–2022 гг.).

preserving and developing the intangible ethno-cultural heritage of the Kalmyks is analyzed. In the republic, interest in the problem of ethno-cultural revival, preservation of ethnic identity in Kalmyk science is increasing every year. A variety of scientific literature (ethnological, sociological, philosophical) contributes to the generational transmission and development of the ethnic culture of the Kalmyks. Kalmykia has a base of cultural infrastructure, human resources, which contributes to the further improvement of the full-fledged qualitative development of the ethnic culture of the peoples living on its territory.

Ключевые слова: Республика Калмыкия, калмыки, сельские поселения, нематериальное наследие, этнокультурное возрождение, эпос «Джангар», туризм
Key words: Republic of Kalmykia, Kalmyks, rural settlements, intangible heritage, ethno-cultural revival, epic "Dzhangar", tourism.

Республика Калмыкия расположена на юге европейской части России, более 80 % ее площади занимают сельские территории. В сельских населенных пунктах, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., сосредоточено 55,1 % от всего населения республики. Именно села, переживающие всю сложность кардинальных изменений 1990-х гг., во многом определяют этнокультурный портрет региона. В сельских населенных пунктах современной Калмыкии, как и в целом по России, значительно сузилось сельхозпроизводство, сократилось количество сельхозпредприятий, в основном остались лишь крупные или объединенные хозяйства. Несмотря на множество негативных процессов, степень важности сельских поселений не снижается, а напротив, возрастает их роль в функционировании всего социального механизма. В этой связи известный социолог села А. А. Хагуров верно отмечает, что в условиях огромных российских пространств именно села могут взять на себя функции социального контроля над территориями, а также сохранять исторически освоенные агроландшафты, продовольственную безопасность, в то время как сосредоточение людей в городах в условиях современной техногенной цивилизации является огромным риском [11].

Сельские территории призваны сохранять не только агроландшафты, но и также этнокультурные ландшафты, которые объединяют объекты материального и нематериального культурного наследия этносов. В Конвенции об охране нематериального культурного наследия (НКН) утверждается, что НКН может эффективно содействовать устойчивому развитию общества в экономическом, социальном, экологическом направлениях. В области социального развития НКН может быть ресурсом, позволяющим достигать цели, связанные с продовольственной безопасностью, процессами образования и воспитания, социальной сплоченностью общества, гендерным равенством и т.д. В области экономического развития НКН может выступать средством поддержания жизнедеятельности сообществ, являться источником дохода его членов, одним из источников инноваций, способствовать развитию туристической деятельности и т.д.

Согласно Конвенции об охране нематериального культурного наследия, принятой в 2003 г. генеральной конференцией ООН по вопросам науки и культуры, «нематериальное культурное наследие» включает в себя обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки и связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства. Они признаны сообществами,

группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия. Нематериальное культурное наследие передается от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей среды, взаимодействия с природой и их истории. Оно формирует у них чувство самобытности и преемственности, «способствует уважению культурного разнообразия и творчеству человека» [10].

Согласно разделяемому нами мнению исследователей, «сельская среда в силу своей специфики – локальности, камерности, исторической преемственности, наличия тесных, родственных, соседских и общинных, по сути, связей – способна в течение длительного времени сохранять этнически маркированную культуру, передающуюся из поколения в поколение, порой в неизменном виде или с незначительными трансформациями» [10]. В данной статье рассмотрим на примере двух сельских поселений Калмыкии Ики-Бухус, Адык, как наличие институтов этнической социализации, родственных, общинных отношений, сельских лидеров-сподвижников позволяет сохранять и развивать нематериальное этнокультурное наследие калмыков. Следует отметить, что интерес к проблеме этнокультурного возрождения, сохранения этнической идентичности в калмыцкой науке не ослабевает, а, напротив, возрастает. Разнообразная этнологическая, социологическая, философская литература, имеющаяся в республике, способствует сохранению и развитию этнической культуры калмыков [12]. Республика имеет базу культурной инфраструктуры, кадровый потенциал, что является основой дальнейшего улучшения полноценного качественного развития этнической культуры народов, проживающих на ее территории [9].

Поселок Ики Бухус – административный центр Икибухусовского сельского муниципального образования Малодербетовского района с общим количеством населения 630 чел. (по итогам Всероссийской переписи 2010 г.). В поселении имеются средняя общеобразовательная школа, занимающая типовое двухэтажное здание, фельдшерско-акушерский пункт, сельский Дом культуры, детский сад, библиотека, отделение связи, четыре магазина. Население моложе трудоспособного возраста составляет 15,2%, трудоспособного возраста – 71,4%, старше трудоспособного возраста – 14,4 %. Соотношение мужчин и женщин составляет, соответственно, 51,1 % и 48,9 % (преобладает мужское население). Ики Бухус является калмыцким селом, так как калмыки доминируют в численном составе, они представляют 92,5 %, русские – 2,7 %, другие этнические группы – 4,8 % [8].

Второй анализируемый поселок, Адык – административный центр Адыковского сельского муниципального образования Черноземельского района с общим количеством населения 759 чел. (по итогам Всероссийской переписи 2010 г.). Селообразующим является сельскохозяйственный кооператив (СПК) «Племзавод „Первомайский“», имеющий многочисленные награды всероссийских выставок племенного скота и Российской агропромышленной выставки «Золотая осень». В 2003 г. СПК «Первомайский» присвоили статус племенного завода по разведению овец грозненской породы. По данным на лето 2019 г., здесь содержалось 53 000 овец, 4000 голов КРС и 160 лошадей. Хозяйство занимается и кормопроизводством, успешно функционируют убойный, консервный, мукомольный и пельменный цеха, пекарня, теплица, макаронная фабрика, очиститель воды [Болдуринова 2019]. Благодаря неустанной заботе руководителя Валерия Болдырева Героя Калмыкии, депутата Народного Хурала РК в поселке

сегодня есть все блага цивилизации и многое делается в плане социального благоустройства. Самое главное – в этом населенном пункте сформировано уникальное сообщество граждан, объединенных общими интересами и духовным родством [2].

В пос. Адык имеются средняя общеобразовательная школа, занимающая типовое двухэтажное здание, фельдшерско-акушерский пункт, сельский Дом культуры, детский сад, библиотека, отделение связи. Построен новый физкультурно-оздоровительный комплекс. Для молодых семей СПК строит новые современные дома. Соотношение мужчин и женщин составляет, соответственно, 49 % и 51 %, они распределены почти поровну. Калмыки составляют 65 % от всего населения Адыковского СМО, русские – 4 %, даргинцы – 19 %, казахи – 5,6 % [9]. В поселке проживают представители разных национальностей и вероисповеданий.

Совершенно справедливо замечание казанских исследователей супругов Рычковых и Г. Р. Столяровой о том, что «в Российской Федерации этнический фактор во всем многообразии аспектов – этнокультурном, этнодемографическом, этноконфессиональном и т.д. – был и остается осью общенационального развития» [Рычков, Рычкова, Столярова 2021: 10]. Исследуемые сельские территории объединяет такой фактор как наличие настоящих патриотов малой земли, которые возрождают этническую культуру.

Одному из них, Батру Манджиеву Указом главы республики в октябре 2021 г. присвоено почетное звание «Народный джангарчи» за особые заслуги в сохранении и развитии калмыцкого фольклора. Имя Батра Манджиева известно далеко за пределами республики, являясь методистом республиканского дома народного творчества, пропагандистом родного языка, он всюду рассказывает о богатейшем нематериальном наследии калмыков, ярко и эмоционально исполняет фольклор родного края.

В 1990-м г., когда в Калмыкии широко отмечали 550-летие калмыцкого эпоса «Джангар», 30-летний Батр Манджиев впервые вышел на сцену. Ики-бухусовцы, земляки знаменитого рапсода Ээлян Овла, исполнили «Вступительную песнь», в которой солировал Батр Манджиев. Впоследствии благодаря наставлениям знаменитого педагога, заслуженного учителя Калмыкии Кермен Убушиевой он серьезно стал приобщаться к искусству сказителей и с течением времени стал одним из самых известных.

Скромного жителя поселка Ики-Бухус в республике называют кладезем народной мудрости, сказитель более 30 лет свой опыт и знания передает детям и коллегам. Вся его семья говорит исключительно на калмыцком языке, активно занимается национальными играми, видами спорта. Свою любовь к языку, традициям и обычаям степняков, эпосу «Джангар» он передает ученикам, имена некоторых из них известны всей республике: Кутлан Мукубенов, Геннадий Манджиев, Михаил Гасанов. В каждого из них учитель вкладывает душу. Батр Каруевич заслуженный работник культуры республики, лауреат премии правительства страны «Душа России». Участвуя в телевизионных проектах телевидения Калмыкии, приобщает зрительскую аудиторию к этническим корням, духовным источникам. Батр Манджиев знает, что сила народа в богатейшем наследии предков, прописанным в эпосе Джангар, передает свои знания, воспитывая подрастающее поколение на нравственных ценностях народа [Батаева 2021].

В 2022 г. народный джангарчи, Заслуженный деятель искусств Калмыкии Батр Манджиев при поддержке администрации Малодербетовского района открывает школу джангарчи. Занятия запланированы для мальчиков от 10 до 15 лет, желающих изучать калмыцкий героический эпос «Джангар», родной язык и горловое пение [4].

Безусловно, огромна роль образовательных учреждений, которые выступают в качестве институтов сохранения этнического языка, культурного наследия, участвуют в историко-патриотическом воспитании молодежи, являясь средством этноисторической пропаганды. Следовательно, в сельском населенном пункте необходимы историко-культурный музей, храм или молитвенный дом, Дом культуры для проведения праздников, собраний, а в школах должны работать группы и классы с обучением на родном языке. Рассмотрим, как в анализируемом сельском поселении обстоят дела с институтами этнической социализации.

Сельская школа Ики-Бухуса в 2022 г. отмечает свой столетний юбилей. Одним из знаменитейших выпускников начальной школы является Эрдниев Пюрвя Мучкаевич, академик РАО, основатель педагогической теории «Укрупнения дидактических единиц». Ему посвящен школьный музей, где учитель математики с учащимися кропотливо собирают материалы об истории ики-бухусовского рода, его семи арванах (субэтнических подгруппах). В школьном музее представлены фотоматериалы о педагогической и научной деятельности семьи Эрдниевых, личные вещи ученого – мантия профессора, портфель, купленный молодым учителем в годы депортации калмыков в Сибири, в котором талантливый педагог вынашивал свои оригинальные идеи, ставшие впоследствии принципами теории УДЕ. В 2022 г. школьному музею исполнится 25 лет присвоения имени академика П. М. Эрдниева. Каждый житель села гордится своим земляком, ветераном Великой Отечественной войны, Героем Республики Калмыкия, профессором Калмыцкого государственного университета.

Деятельность активных, инициативных учителей Ики-Бухусовской школы отмечают на уровне СМО, РМО, министерства образования РК, РФ. Так учитель калмыцкого языка неоднократно была поощрена премией Главы республики «Лучший учитель калмыцкого языка». Благодаря ее усилиям дети активно участвуют в разнообразных постановках, демонстрируя блестящее знание родного языка, фольклора, обрядовой культуры. Школьники встречаются со сказителями, которые рассказывают о старинных обрядах, обычаях калмыков, благодаря такому общению учащиеся лучше познают историю и традиции народа, нравственные устои, эстетические и нравственные идеалы калмыцкого этноса. Знание устного народного творчества, литературы и этнографии калмыков активизируют их сознание, приобщает к морально-этическим нормам поведения калмыков, развивают художественное, творческое мышление детей. Многие из них во время обучения побеждают в олимпиадах, конкурсах различного уровня.

На территории Ики-Бухусовского СМО находится музей, зарегистрированный в соответствующем реестре министерства культуры РФ. Деревянная изба, в которой в начале XX в. были записаны эпические песни «Джангара», стала основой музейного здания. Основателем его является Кермен Даваевна Убушиева, ставшая летом 2017 г. Почетным гражданином Республики Калмыкия. Многие раритетные экспонаты собраны ее руками: старинный женский головной убор, предметы быта. Нынешний заведующий музеем, Нина Сергеевна Эрендженова, получила в 2016 г. денежное поощрение в размере 100 тыс. рублей

как руководитель лучшего муниципального учреждения культуры, который находится на территории сельского поселения. Все вознаграждение было потрачено на покупку стеллажей, на которых расположились ценные документы [6].

Таким образом, этнические акторы сельского поселения воспитывают уважение к культурному достоянию, созданному предшествующими поколениями, на примере деятельности известного знатока калмыцкого фольклора, сельской школы, сельского музея наблюдаем передачу таких объектов нематериального культурного наследия как народные знания, верования, обычаи, традиции, фольклор, обряд, уникальные формы исполнительского искусства (словесного, вокального, инструментального).

Другой объект нашего анализа Бадма Мушкаев, житель поселка Адык, автор проекта «Адык — страна Бумба», перспективного направления по развитию въездного туризма в Калмыкии. Индивидуальный предприниматель в 2017 г. стал победителем конкурса грантов Главы РК в сфере внутреннего и въездного туризма в РК в номинации «Лучший проект по созданию туристского маршрута», организованным профильным министерством. На средства грантовой поддержки в сумме 500 тысяч рублей, своих собственных материальных и денежных ресурсов при активной поддержке СПК «Племзавод «Первомайский» и жителей родного поселка он сумел за год реализовать свою мечту – превратить Адык в центр притяжения иногородних туристов, своего рода точку роста экономики Черноземельского района и всей республики.

За время реализации проекта Бадме Мушкаеву и его двоюродному брату Хонгору Манджиеву, который ему во всем помогает, удалось обустроить объекты инфраструктуры на всех участках маршрута, организованных на территории Адыковского СМО и природоохранных землях. Их цель: способствовать тому, чтобы уникальная культура калмыков, природа калмыцкой степи, полупустыни стали известны истинным ценителям культуры и природы. Отправной точкой тура является этнохотон, раскинувшийся на въезде в Адык, где можно отведать блюда национальных кухонь народов, проживающих в республике, — калмыцкой, русской, народов Северного Кавказа, корейской, немецкой. Коронным блюдом является «кюр», приготовленный по всем калмыцким обычаям в яме с углем из кизяка. Туристы могут полюбоваться и приобрести изделия декоративно-прикладного творчества учащихся местной школы и адыковских домохозяек [Болдуринова 2019].

На территории туристского стана посетители знакомятся с экспозициями этнохотона — традиционным укладом, устройством быта, хозяйственными занятиями степняков, четырьмя видами животных калмыцкой породы (корова, овца, лошадь и верблюд). Инициатор проекта рассказывает: «Мы показываем кочевой быт в юртах, проводим мастер-классы горлового пения, учим танцам, игре на домбре, метанию аркана, вязанию калмыцкого узла, предлагаем катание на верблюде, лошади. Угощаем гостей блюдами национальной кухни. Желающие фотографируются в калмыцких костюмах и воинских доспехах» [Мельников 2020]. По признанию руководителя проекта, «главное, проект приносит много хорошего родному поселку. Домой вернулись повара, которые уезжали на заработки в Москву. Когда выяснилось, что москвичи сами готовы ехать сюда, чтобы

попробовать калмыцкие блюда, у поваров отпала необходимость работать вдали от родины» [5].

На примере инициаторов туристического проекта «Адык — страна Бумба» наблюдаем реализацию таких объектов нематериального культурного наследия как изготовление предметов народного декоративно-прикладного искусства, предметов быта, воплощение исторических сюжетов, образов. Рассмотренные объекты нематериального культурного наследия выступают средством поддержания жизнедеятельности сельских сообществ, являются источником дохода его членов, одним из ресурсов инноваций, служат развитию туристической деятельности в сельских районах республики.

Следует отметить, что этнокультурный потенциал сельских территорий определяет и такой индикатор как природно-климатические условия. Казанские социологи относят к ним географическое положение, ландшафт, климатический пояс, наличие водоемов и состояние лесов, «розы ветров», средние температуры и др. [10]. Удивительная природа Черноземелья весной до наступления летнего зноя открывает зеленый участок степи – ковыльный, житниковый с буйными зарослями тамариска. В это время в водоемах обитают водоплавающие птицы, среди них встречаются и краснокнижные. Эти локации уже популярны среди любителей бердвотчинга (наблюдение за птицами). Для них специально установлены смотровые площадки. Организаторы маршрута планируют устраивать для натуралистов ночевки в кибитках в степи под звездным небом.

Неподалеку от этих живописных мест находится антропогенная пустыня, единственная на всей европейской территории, которая образовалась в результате огромной нагрузки на хрупкие почвы в виде бесчисленных отар сельхозживотных. Существует много версий о «поющих» барханах, происхождении звуков, издаваемых песками, но наиболее правдоподобна, конечно, научная версия о том, что при трении песчинок образуется свист. Эти места хранят предметы древности, когда-то здесь пролегал «Великий шелковый путь». В подвижных песках нередко находят различные предметы скифского и сарматского периодов, относящиеся к ямной, катакомбной культурам – наконечники стрел, медные зеркальца, встречались и черепа с костями [3]. Как видим, анализируемый турмаршрут направлен не только на расширение спектра туристических услуг, но и на реализацию познавательной и этнографической составляющих.

Проведенный нами анализ конкретных поселений показал, что власть республики стремится выделять ресурсы, поддерживать инициативы креативных сельских жителей, направленные на улучшение жизни сельского сообщества, расширение занятости сельчан, сохранение и передачу нематериального культурного наследия калмыков, экономическое развитие поселений через активизацию их туристического потенциала. Традиционные носители этнокультурного потенциала – сельская интеллигенция (педагоги, культработники), школа, музеи, сельские Дома культуры с фольклорными коллективами, исполнители фольклорных жанров, являясь главной культурной силой сельских поселений, не только выполняют социализационную, культурно-просветительную и воспитательную работу среди населения, но и также играют важную роль в социальном, этнокультурном развитии республики, в том числе сельского социума.

1. Батаева С. Батр Манджиев – Народный джангарчи <https://vesti-kalmykia.ru/news/batr-mandzhiev-narodnyj-dzhangarchi>
2. Болдуринова Е. «Адык – страна Бумбы». Теперь мы это точно знаем // Степные вести 01.11.2018 // <https://tegrk.ru/archives/47378> (дата обращения: 14 мая 2022).
3. Болдуринова Е. СПК «Первомайский» — школа передового опыта. // Степные вести (20 июня 2019). // <https://tegrk.ru/archives/47378> (дата обращения: 14 июня 2020).
4. В Калмыкии откроется школа джангарчи // <https://riakalm.ru> (дата обращения: 31.01.2022)
5. Мельников Р. Огненная вода ойратов // Российская газета - Экономика Юга России № 51(8105) // <https://rg.ru/2020/03/11/reg-ufo/v-kalmykii-poiavilsia-neobychnyj-marshrut-dlia-puteshestvennikov.html>
6. Намруева Л. В. Этнокультурные потребности населения как основа этнокультурной политики региона // Этнокультурная политика в мультиэтническом регионе Российской Федерации (на примере Республики Калмыкия). Монография. / Гунаев Е. А., Марзаева М. Б., Намруева Л. В. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 104-119.
7. Намруева Л. В. Здесь звучал голос Ээлян Овла // Хальмг унн. 2017. 23 августа.
8. Намруева Л. В. Реалии сельской глубинки (по материалам полевых исследований 2017 г. в Республике Калмыкия) // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации. Мат-лы III Всерос. науч.-практ. конф. (г. Казань, 6-7 сентября 2018 г.) Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 498-502.
9. Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всерос. переписи населения 2010 г. / территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия. Э.: 2013. 841 с. С. 446-447.
10. Рычков С. Ю., Рычкова Н. В., Столярова Г. Р. Этнокультурные ресурсы сельской поселенческой среды (пример Республики Татарстан и Республики Крым). Казань: Грумант, 2021. 228 с.
11. Хагуров А. А. Современное российское село: проблемы и перспективы развития // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 8 (отв. ред. М. К. Горшков). М.: ИС РАН, 2009. С. 243-257. С. 244.
12. Этнокультурная политика в мультиэтническом регионе Российской Федерации (на примере Республики Калмыкия). Монография. / Гунаев Е. А., Марзаева М. Б., Намруева Л. В. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 191 с.

***Намруева Людмила Васильевна** — кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра научно-инновационного управления Башкирского государственного университета; старший научный сотрудник отдела комплексного мониторинга и*

*информационных технологий Калмыцкого научного центра РАН,
Inamrueva@yandex.ru*

*Namrueva Ludmila Vasilevna - Candidate of Sociological Sciences, Senior
Senior Researcher, Department of Integrated Monitoring and Information Technologies,
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Inamrueva@yandex.ru)*
ORCID: 0000-0001-7805-8710

Трошкина И.Н., Тугужекова В.Н.
Troshkina I.N., Tuguzhekova V.N.

**ДИАЛОГ КУЛЬТУР В КОНТЕКСТЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ
КОММУНИКАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ)
DIALOGUE OF CULTURES IN THE CONTEXT OF INTER-ETHNIC
COMMUNICATION (BY THE MATERIALS OF THE REPUBLIC OF
KHAKASIA)**

Введение. На сегодняшний день вопрос межэтнических коммуникаций является актуальным в связи с признанием в 2000-х гг. научным сообществом РФ значимости вопросов межэтнической и межкультурной интеграции, борьбы с этнофобией по отношению к этническим мигрантам... [33, С. 3]. Ситуация усугубляется кризисом концепции мультикультурализма, возникшим по причине абстрактности глобальных ценностей, усиления этнической неоднородности этносообществ в результате изменения мировой демографической ситуации, ростом национального самосознания в регионах, где ранее (1990-е гг.) наличествовали очаги межэтнического напряжения [32, С. 423, 430].

Основными факторами напряжений являются низкий уровень культуры межнационального общения, стремление народов сохранить собственную культурную уникальность в условиях унификации культуры [29, С. 7, 28], изменения состава этнической среды, образовавшегося в результате мобильности населения [26, С. 7, 28], а также его естественной убыли. Решение данных вопросов связано как с развитием национальных культур и языков всех народов, так и созданием платформ культурного диалога посредством межэтнических коммуникаций.

В связи с территориальным сжатием русского массива и увеличением численности многих коренных народов Сибири и Дальнего Востока [22, С. 127-130], динамикой этнического состава субъектов РФ в нач. XXI в., большой интерес представляет межэтническое взаимодействие в титульных субъектах Сибири и Дальнего Востока, в т. ч. в Республике Хакасия. Возникают вопросы о категориальном аппарате, динамике основного национального состава населения и этнических организаций, площадках межэтнической коммуникации в регионе с высокой долей русского этноса – Республике Хакасия.

Для начала определимся с категориальным аппаратом. Диалог культур рассматривается нами в русле содержательного и конструктивного речевого

обмена информацией [29, С. 222], межкультурная коммуникация – взаимодействия, соприкосновения языков и культур каждого участника межнационального общения [21, С. 2], межэтническая коммуникация – обмена между этническими общностями материальными и духовными продуктами их культурной деятельности.

Межэтническая коммуникация является составляющей системы межкультурной коммуникации этносов и определяется избранной стратегией, уровнями и тактикой контакта культур (табл. 1).

Таблица 1

Стратегии, уровни и тактики межкультурного взаимодействия в России в XX-нач. XXI вв.

Стратегия	Уровни	Тактика подготовка и ведение боя, механизм	Характер отношений	Направления отношений	Виды межэтнической коммуникации
изоляционистской	национальный (этнический)	нейтрально о отношения	дружественный	культурные	межэтническая интеграция
мультикультуралистской	национальный и религиозный (этнический, национальный, цивилизационный) взаимодействие народов в различных сферах общественной жизни – политике, культуре, производстве, науке и искусстве; межличностные отношения людей разной национальности в трудовом, семейно-бытовом, соседском, дружеском, образовательном, неформальных видах взаимоотношений	поведение-защиты, нападения	нейтральный, конфликтный	экономические, политические, языковые, культурные, экологические	межэтническая интеграция как результат появления новой этнокультурной общности, при этом этническое большинство сохраняет свою этническую идентичность и особенности культуры

В переходный период нач. XX в. руководство нашей страны придерживалось изоляционистской культурной стратегии, в дальнейшем в XX – нач. XXI вв. – мультикультуралистской [28, С. 18]. Первый период

характеризовался наличием препятствий внутренним межкультурным контактам, второй – повышением опасности национальных и религиозных конфликтов. В целом, межэтническая коммуникация за столетний период проходила в русле межэтнической интеграции.

В рамках данной проблематики научным сообществом разрабатывалось ряд вопросов: этническая самоидентификация (идентичность), этнокультурная компетентность личности, толерантность, стремление к этнонациональному взаимопониманию в условиях многообразия современных культур [30, С. 114]. В первом случае они касались развития языков, культур всех этносов, во втором – языка и культуры преобладающего этноса страны, функционирования межкультурной площадки.

Данные вопросы рассматривались учеными в Республике Хакасия. Наиболее освещенной является тема развития языка, культуры титульного этноса с позиций исторической, филологической, философской наук (Анжиганова Л. В., Боргоякова Т. Г., Бутанаев В. Я., Кривоногов В. П., Логачева А. С., Скоробогач Н. И.) [6, 7, 9, 10, 17, 18, 24]; менее исследованной – межкультурного диалога (Абрамова М. А., Анайбан З. В., Анжиганова Л. В., Грошева Г. В., Кимеев В. М., Тугужекова В. Н.) [1-3, 4-5, 8, 11-13, 16, 26-27].

Современное состояние межэтнического взаимодействия в Республике Хакасия сложно представить без ряда демографических показателей. Рассмотрим их в сравнении с данными титульных регионов Сибири и Дальнего Востока.

Динамика численности населения, доминирующих этносов, семьи в национальных регионах Сибири и Дальнего Востока

Численность населения рассматриваемых регионов в начале XXI в. изменялась по двум траекториям. Для республик Алтай, Тыва, Саха (Якутия) характерна позитивная динамика с ростом городского населения, сокращением сельского (искл. составляет территория республики Саха (Якутия), где прирост отмечался параллельно как в сельской, так и в городской местности); в Бурятии и Хакасии – негативная, сокращение численности населения как за счет естественной, так и миграционной убыли (доля сельчан заметно увеличилась, горожан – сократилась) (табл. 2).

Таблица 2

Численность населения в национальных регионах Сибири и Дальнего Востока 2002-2010 гг., тыс. чел.*

Регионы	2002			2010		
	всего	город	село	всего	город	село
РФ	145166,7	106429,0	38737,6	142856,5	105313,7	37542,7
СФО	20062,9	14272,8	5790,0	19256,4	13857,1	5399,3
Республика Алтай	202,9	53,5	149,4	206,1	56,9	149,2
Республика Бурятия*	981,2	584,9	396,2	972,0	567,6	404,3
Республика	305,5	157,3	148,2	307,9	163,4	144,5

Тыва						
Республика Хакасия	546,0	386,8	159,2	532,4	358,1	174,2
ДФФО	6692,8	5081,5	1611,2	6293,1	4705,9	1587,1
Республика Саха (Якутия)	949,2	609,9	339,2	958,5	614,5	343,9

*В таблице использованы официальные данные текущего статистического учета (Всероссийские переписи населения 2002, 2010 гг.), представленные на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики. Численность городского и сельского населения по полу по субъектам РФ. Всероссийская перепись 2010 г. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol1/pub-01-04.pdf (Дата обращения 28.03.2022); Численность населения России, субъектов РФ в составе федеральным округов, районов, городских поселений, сельских населенных пунктов – районных центров и сельских населенных пунктов с населением 3 тысячи и более человек. Всероссийская перепись населения 2002 г. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=13> (Дата обращения 28.03.2022).

Национальный состав в данных регионах претерпел ряд изменений, отмечается общий процесс замещения русского титульными этносами (табл. 3):

– количество русского этноса сократилось в четырех из пяти регионов, увеличение характерно только для Хакасии (1,5 %), значительное снижение отмечается в Якутии (4,2 %), Туве (4,0 %), Бурятии (3,0 %);

– прирост титульных этносов в трех из пяти регионов является существенным, в Туве он составляет 3,9 %, Якутии – 3,1 %, в Бурятии – 1,7 %, на Алтае и в Хакасии данный показатель незначителен;

– отрицательная динамика иных крупных этносообществ прослеживается в двух регионах – Хакасии и Якутии, в последнем случае активен процесс замещения славянских народов некоторыми коренными малочисленными этносами, представителями кавказкой и среднеазиатской национальностей.

Таблица 3

Национальный состав титульных регионов Сибири и Дальнего Востока, 2002-2010 гг., %*

	2002	2010
Республика Алтай, тыс. чел.	202,9	206,1
русские	57,4	55,7
алтайцы	32,9	33,3
казахи	5,9	6,0
другие национальности	3,8	5,0
Республика Бурятия, тыс. чел.	981,2	972,0
русские	67,8	64,8
буряты	27,8	29,5
украинцы	0,9	0,6
татары	0,8	0,7
сойоты	0,2	0,3
эвенки	0,2	0,3
армяне	0,2	0,2
белорусы	0,2	0,1
немцы	0,1	0,1
евреи	0,06	0,03
другие национальности	1,7	3,3
Республика Тыва, тыс. чел.	305,5	307,9
тувинцы	77,0	80,9

русские	20,0	16,0
другие национальности	3,0	3,1
Республика Хакасия, тыс. чел.	546,0	532,4
русские	80,2	81,7
хакасы	11,9	12,1
немцы	1,6	1,1
украинцы	1,5	1,0
татары	0,7	0,6
белорусы	0,4	0,2
чуваша	0,4	0,3
другие национальности	3,3	3,0
Республика Саха (Якутия), тыс. чел.	949,2	958,5
якуты (саха)	45,5	48,6
русские	41,1	36,9
украинцы	3,6	2,2
эвенки	1,9	2,1
эвены	1,2	1,5
татары	1,1	0,8
буряты	0,7	0,7
киргизы	0,1	0,5
армяне	0,2	0,3
узбеки	0,1	0,3
таджики	0,1	0,2
азербайджанцы	0,2	0,2
белорусы	0,4	0,2
мордва	0,2	0,1
молдаване	0,2	0,1
башкиры	0,2	0,1
немцы	0,2	0,1
другие национальности	3,0	2,3

*В таблице использованы официальные данные текущего статистического учета (Всероссийские переписи населения 2002, 2010 гг.), представленные на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики.

Явное сокращение населения в Бурятии и Хакасии, латентно-перспективное – в иных регионах, обусловлено снижением размера семьи (табл. 4), при увеличении числа сложных семей, объединенных не родственными связями и одиноких домохозяйств, в условиях снижения нуклеарных. Это приводит к сокращению темпов рождаемости, в связи с изначально низким уровнем ориентаций домохозяйств на воспроизводство населения [25].

Таблица 4

Количество частных домохозяйств в национальных регионах Сибири и Дальнего Востока 2002-2010 гг., ед.*

	2002					2010				
	в домохозяйствах численность членов, чел.	средний размер домохозяйств, чел.	всего	город	село	в домохозяйствах численность членов, чел.	средний размер домохозяйств, чел.	всего	город	село
РФ	142754,	2,7	52711,3	39236,5	13474,7	140960,	2,6	140960,	103940,	37019,1

	0					0		0	9	
СФО	19686,0	2,7	7275,6	5273,6	2001,9	18940,4	2,6	18940,4	13605,8	5334,5
Республика Алтай	200,1	2,9	69,0	19,8	49,1	203,7	2,7	203,7	56,4	147,2
Республика Бурятия*	958,4	3,0	322,2	197,6	124,6	948,4	2,9	948,4	548,8	399,5
Республика Тыва	299,5	3,6	82,8	47,0	35,8	302,2	3,4	302,2	158,6	143,6
Республика Хакасия	536,7	2,7	198,5	142,6	55,8	525,4	2,6	525,4	352,1	173,3
ДФФО	6489,3	2,6	2450,8	1915,2	535,5	6120,4	2,5	6120,4	4598,7	1521,6
Республика Саха (Якутия)	937,9	3,1	305,0	212,6	92,4	947,7	2,9	947,7	607,1	340,5

*В таблице использованы официальные данные текущего статистического учета (Всероссийские переписи населения 2002, 2010 гг.), представленные на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики.

В целом, динамика численности населения во всех регионах имеет общий тренд – сокращение размера семьи, что в целом свидетельствует об ориентации населения титульных регионов Сибири и Дальнего Востока на естественное снижение численности жителей. Прирост населения в республиках Алтай, Тыва, Саха (Якутия) происходит в первых двух случаях за счет титульных этносов, в последнем – в результате замещения одних этносообществ другими. В Хакасии, единственном регионе с явно проявляющейся убылью населения отмечается увеличение удельного веса русского и хакасского этносов на фоне сокращения иных этносообществ и сужения размера семьи.

Этнические и религиозные организации Хакасии

Республика Хакасия в отличие от иных субъектов характеризуется ощутимой долей славянских этносов (более 80 %), высоким удельным весом религиозных организаций, в т. ч. христианской направленности (более 90 %), незначительным количеством этнических организаций с преобладанием малочисленных народов – шорцев (35,4 %) и депортированных (20,4 %).

Интересы этносообществ выражают 47 организаций (6,3 % от всех негосударственных некоммерческих организации), с начала 2000-х до 2021 гг. их численность увеличилась на 31,9 %, с 32 до 47 единиц [15]¹⁶ (табл. 5).

Среди этнических организаций доминируют однонациональные (93,7 %), на долю межнациональных приходится 6,3 %. Если количество вторых на протяжении последних лет оставалось стабильным, то первых – заметно увеличилась за счет прироста НКО малочисленного коренного этноса (шорцев), русского, появления новых диаспор (тувинской, алтайской, дегестанской, татарской, украинской). Наибольший прирост отмечается у представителей коренного малочисленного народа – шорцев (52,9 %).

¹⁶ Отчет о работе Министерства национальной и территориальной политики РХ за 2013-2021 гг. URL: <https://r-19.ru/authorities/the-ministry-of-national-and-regional-policy-of-the-republic-of-khakassia/docs/251/> (Дата обращения 06.04.2022)

Значительно превосходящими по численности являются организации шорцев, на их долю приходится 35,4 %, хакасов (12,5 %), немцев (8,3 %), русских, поляк, киргизов (по 4,1 %).

Таблица 5

Динамика этнических организаций Хакасии, %*

	Количество некоммерческих организаций, ед.	Год создания национально й организации	2013	2021
			731 негосударственные некоммерческие организации, в т.ч 398 общественных объединений, 122 религиозных организаций, 211 иных некоммерческих организаций	741 негосударственные некоммерческие организации, в т.ч., 380 общественных организации, 117 религиозных объединения, 244 иных некоммерческих организаций
	Этнические организации, ед.		36 ед. или 4,9 % от всех НКО	47 ед. или 6,3 % от всех НКО
	в т. ч. однонациональные	с 1992	34	44
1	шорцы	1999	25,0	36,1
2	немцы	1992	19,4	8,5
3	хакасы	1993	13,8	12,7
4	русские ¹	-	5,5	4,2
5	поляки	1993	5,5	4,2
6	узбеки	1999	5,5	-
7	киргизы	2002	5,5	4,2
8	чувашаи	2011	2,7	2,1
9	евреи	2004	2,7	2,1
10	азербайджанцы	1996	2,7	2,1
11	корейцы	2014	2,7	2,1
12	армяне ²	-	2,7	2,1
13	татары	1990	-	2,1
14	алтайцы	2012	-	2,1
15	дагестанцы	2020	-	2,1
16	таджики	1999	-	2,1
17	тувинцы	2018	-	2,1
18	украинцы	2008	-	2,1
	в т. ч. межнациональные	с 1999	2	3
19	центр таджикской и узбекской культуры «Согдиана» им. А. Хамракулова ²	1999	2,7	2,1
20	информационный центр коренных народов Хакасии	2007	2,7	2,1
21	культурный центр коренных народов Саяно-Алтая	2001	-	2,1

¹ Этнические организации русских и армян официально не зарегистрированы

² Центр таджикской и узбекской культуры «Согдиана» им. А. Хамракулова прекратил свое существование в 2021 г.

*Отчет о работе Министерства национальной и территориальной политики Республики Хакасия за 2013 год.
URL: <https://r-19.ru/authorities/the-ministry-of-national-and-regional-policy-of-the-republic-of-khakassia/docs/251/9511.html> (Дата обращения 11.04.2022);

Отчёт о работе Министерства национальной и территориальной политики Республики Хакасия за 2021 год.
URL: <https://r-19.ru/upload/iblock/d49/Otchyet-o-rabote-Ministerstva-natsionalnoy-i-territorialnoy-politiki-Respubliki-KHakasiya-za-2021-god.pdf> (Дата обращения 11.04.2022);

Многонациональная Хакасия: общественные организации этнической направленности. Абакан, 2018. 100 с.; Дроздов А.И., Карачакова О.М. — Деятельность национально-культурных центров Хакасии в 1990-е гг. // Genesis: исторические исследования. – 2018. – № 12. – С. 140 - 151. DOI: 10.25136/2409-868X.2018.12.28315 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28315.

Стоит отметить, что процесс становления НКО этнической направленности длится на протяжении тридцатилетнего периода. На первом этапе (1990-2000 гг.) наибольшей активностью отличались некоммерческие организации: «Центр таджикской и узбекской культуры «Согдина» им. А. Хамрукалова», немецкие культурные центры – «Полония», «Видергебурт». В целом за данное десятилетие функционировало 42 % от представленных на сегодняшний день этнических направлений некоммерческих организаций. На втором этапе (2000-2020 гг.) кроме таджикско-узбекских и немецких организаций особой активностью отличались корейская диаспора «Чосон», «Еврейская национальная-культурная автономия РХ», «Менин Кыргызстаным». За данный период среди направлений НКО этнической направленности появились две межнациональные организации, представляющие интересы коренного населения, из однонациональных – это ранее депортированные, переселенцы, мигранты.

Религиозные организации представлены достаточно широко, их структура обусловлена этническим составом населения. Удельный вес за последнее восьмилетие сократился незначительно – на 0,5 % (табл. 6).

Таблица 6

Динамика религиозных организаций, 2013-2021 гг., %*

		2013	2021
	Количество некоммерческих организаций, ед.	731	741
	Религиозные организации, ед.	119 ед. или 16,2 % от всех НКО	117 ед. или 15,7 % от всех НКО
1	православные	67,2	71,8
2	протестантские	27,7	20,5
3	мусульманские	1,6	3,4
4	буддистские	1,6	1,7
5	иудейские	0,8	0,8
6	католические	0,8	0,8
7	шаманистские	-	0,8

*Отчет о работе Министерства национальной и территориальной политики Республики Хакасия за 2013 год.
URL: <https://r-19.ru/authorities/the-ministry-of-national-and-regional-policy-of-the-republic-of-khakassia/docs/251/9511.html> (Дата обращения 11.04.2022);

Отчёт о работе Министерства национальной и территориальной политики Республики Хакасия за 2021 год.
URL: <https://r-19.ru/upload/iblock/d49/Otchet-o-rabote-Ministerstva-natsionalnoy-i-territorialnoy-politiki-Respubliki-KHakasiya-za-2021-god.pdf> (Дата обращения 11.04.2022).

Наличие такого количества религиозных объединений различных конфессий и деноминаций для региона со столь незначительным количеством населения свидетельствует о продолжении поиска религиозной идентификации и духовной жизни жителями Хакасии. Исследование зафиксировало наличие скрытой межконфессиональной напряженности. Одним из признаков ее обнаружения можно считать отношение населения к строительству культовых зданий той или иной религии[14].

Межэтническая коммуникация в Хакасии

Межэтническая коммуникация в регионе строится на принципах культурного диалога, ориентированного на создание условий равноправного самовыражения и взаимного предъявления различных культур, при этом

значимое место в данном диалоге отводится национальным меньшинствам (шорцам), вопросам межнационального согласия.

Министерством национальной и территориальной политики Республики Хакасия проводится комплекс мероприятий, направленных на развитие традиционной культуры народов и межкультурного диалога: поддержка изучения хакасского языка в образовательных организациях республики, популяризация культур разных народов и формирование толерантности, поддержка деятельности общественных организаций, выражающих национально-культурные интересы этнических сообществ Республики Хакасия, укрепление материально-технической базы общин коренного малочисленного народа Российской Федерации – шорцев и проведение мероприятий по сохранению и пропаганде традиционной культуры шорского народа и др.

Позитивным моментом в развитии направлений межэтнической коммуникации можно считать формирование постоянных горизонтальных связей и отношений между этническими диаспорами, а также доминирующими национальными группами (русскими и хакасами), и вертикальных связей – с властными структурами [8, С. 86].

Горизонтальные связи претерпевают динамику в связи с изменяющимся этническим представительством в регионе, ростом национального самосознания этносов.

Межэтнические связи имеют как длительную историю взаимодействий, приходящуюся на досоветский, советский периоды, так и возникшую сравнительно недавно, в постсоветский период. Если в первом случае основа диалогов этносов претерпевает изменения в связи с формированием гражданской идентичности, то во втором – национального самосознания в результате переселенческого движения (кавказские, среднеазиатские диаспоры, этносообщества регионов Южной Сибири).

На сегодняшний день можно говорить о наличии двух типов диалогов: между постоянно проживающими этносами, населением и прибывающими мигрантами. Они направлены на решение проблем этносов по социокультурному, экономическому, политическому блокам. В ходе данного рода взаимодействий возникают коммуникативные действия: коммуникативное содействие, коммуникативное воздействие, коммуникативное противодействие [31, С. 709].

На сегодняшний день коммуникативное содействие, коммуникативное воздействие наличествует между этносообществами русские и хакасы, доминирующими и иными этносами постоянно проживающими в регионе, коммуникативное противодействие – между постоянным населением и переселенцами (народами прибывающими в Хакасию из стран СНГ, других регионов РФ).

Динамику межэтнических взаимодействий можно уловить из результатов социологических исследований (табл. 7). Она свидетельствует о том, что межэтническая коммуникация имеет тенденцию к гармонизации

отношений. Стоит отметить, что при этом наличествуют антипереселенческие и «антиразрезноугольные» настроения.

Результаты исследований свидетельствуют о том, что Хакасия в 1996 г. по уровню состояния межнациональных отношений относилась к регионам со средней тревожной ситуацией [26, С. 25, 29], напряжение ощущалось между принимающим сообществом и переселенцам из стран СНГ (преимущественно кавказкой национальности), в 2021 г. она оценивалась как стабильная, с низким порогом напряжения, при этом наличествует коммуникативное противодействие между постоянным населением и прибывшими, расширяющими этносообществами (цыганами, чеченцами, киргизами, азербайджанцами, тувинцами)¹⁷.

Таблица 7

Динамика межнациональных и межконфессиональных отношений, 1996-2021 гг., %*

	1996 г.	2014 г.	2021 г.
межнациональные			
нормальные	73,0	89,0	89,5
напряженные	27,0	11,0	10,5
межконфессиональные			
нормальные	н/д	93,0	96,0
напряженные	н/д	7,0	4,0

* Отчет по результатам проведения социологического исследования «Тенденции развития межнациональных и этноконфессиональных отношений в Республике Хакасия в 2021 году. – Абакан, 2021.– С. 58; Социологические исследования «Тенденции развития межнациональных и межконфессиональных отношений в РХ» (2014, 2021 гг.). URL: <https://r-19.ru/authorities/the-ministry-of-national-and-regional-policy-of-the-republic-of-khakassia/common/6796/89600.html> (Дата обращения 13.04.2022).

Развитие горизонтальных связей в Республике Хакасия между диаспорами, этносообществами, представителями конфессий проходят в режиме прямого контакта:

- организация заседаний комиссий и советов (Координационный совет по межнациональным отношениям, Межконфессиональный консультативный совет, Совет представителей коренных малочисленных народов, Комиссия по делам казачества, Совет по сохранению и развитию хакасского языка и культуры, развитию этнотуризма);
- проведение фестивалей творчества народов, гастрономии, национальных видов спорта;
- сопровождение праздничных концертов для укрепления гражданского единства;
- проведение национальных праздников;
- ведение конференций и семинаров, посвящённых круглым датам в республике, России; профилактике и противодействию экстремизма и терроризма в информационной среде как условие обеспечения гармонизации

¹⁷ Отчет по результатам проведения социологического исследования «Тенденции развития межнациональных и этноконфессиональных отношений в Республике Хакасия в 2021 году. – Абакан, 2021. – С. 58.

межнациональных и этноконфессиональных отношений, профилактике проявлению экстремизма и терроризма среди иностранных граждан и молодежи; сохранению и развитию языков и культур коренных народов Сибири и др.;

- организация спортивных турниров этнической направленности;
- конкурсов детского творчества, чтецов;
- получения квот на привлечение иностранной рабочей силы;
- грантовая поддержка общественных объединений, осуществляющих деятельность по гармонизации межнациональных отношений.

Также взаимодействие этносообществ выстраивается в режиме косвенных контактов:

- издание литературы;
- выпуск телевизионных и радио передач;
- выпуск газетных и журнальных публикаций;
- наполнение информацией интернет-контентов.

Заключение

Межэтническая коммуникация представляет собой многоплановое явление, предполагающее обмен между этносами материальными и духовными продуктами культурной деятельности. За последнее тридцатилетие данный обмен проходит эффективно чему свидетельствует сокращение уровня межэтнической и межконфессиональной напряженности в регионе. При этом стоит отметить наличие латентных очагов, что связано с освоением территорий добывающими компаниями в местах проживания коренного этноса, потоком переселенцев, ростом этнического самосознания этносообществ. Этносообществами продолжается поиск этнической и религиозной идентификации, чему свидетельствуют увеличение объединений представителей разных этнических групп в соответствующие этнические общественные организации в последние десятилетия.

Особенность развития межэтнических коммуникаций в Хакасии обусловлена сложившимся в советский период этническим составом населения, переселенческим движением в постсоветский период.

Библиографический список

1. Абрамова М. А. Язык как фактор межэтнического согласия // XIV Конгресс антропологов и этнологов России. Сборник материалов. Национальный исследовательский Томский государственный университет. 2021. С. 514.
2. Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г. Семья как детерминанта трансформации межэтнических сообществ // Сибирский философский журнал. – 2018. – Т. 16. – № 3. – С. 152-161
3. Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г. Язык как фактор выбора стратегии межэтнического взаимодействия // Философия, социология, право: традиции и перспективы. Сборник научных трудов

Всероссийской научной конференции, посвященной 30-летию Института философии и права СО РАН. – Новосибирск, 2020. – С. 231-234.

4. Анайбан З. В. Институты гражданского общества в постсоветской Хакасии // Новые исследования Тувы. – 2012. – № 4. – С. 68-82.

5. Анайбан З. В. Этнические общности в эпоху реформирования // Постсоветская Хакасия: трансформационные процессы и этнорегиональные модели адаптации. – М., 2005. – С. 361-386.

6. Анжиганова Л. В. Традиционное мировоззрение хакасов: опыт реконструкции. – Абакан, 1997.– 127 с.

7. Анжиганова Л. В., Ачитаева Е. А. Этноконфессиональный неотрадиционализм в условиях социальных трансформаций: региональный аспект. – Абакан, 2012. – 122 с.

8. Анжиганова Л. В., Шоев В. В. Этнические диаспоры Республики Хакасия: проблемы социокультурной адаптации. – Абакан, 2006. – 91 с.

9. Боргоякова Т. Г. Боргоякова Т.Г. Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири. – Абакан: Изд-во ХГУ, 2002. – 264 с.

10. Бутанаев В. Я. Этническая культура хакасов и проблемы реконструкции основных этапов их исторического развития: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. (07.00.07.) [Ин-т филологии СО РАН]. – Новосибирск, 1993. – 39 с.

11. Грошева Г. В. Региональная идентичность на уровне этногосударственных субъектов РФ на рубеже XX-XXI веков (Республика Хакасия, Республика Алтай, Республика Тыва) // Вестник ТГПУ. –2012. – 9(124). – С. 66-74.

12. Грошева Г. В. Этничность в научном и политическом дискурсе современной Хакасии (конец XX- начало XXI в.) // Вестник Томского государственного университета. 2007. С. 61-68.

13. Грошева Г.В. Этническая государственность как фактор формирования региональной идентичность (на примере Республики Хакасия 1990-2000-х гг.) // Вестник ТГПУ. – 2010. – Вып. 9(99). – С. 125-131.

14. Доклад о реализации Комплексного плана действий по гармонизации межэтнических отношений в Республике Хакасия в 2011 г. URL: <https://r-19.ru/authorities/the-ministry-of-national-and-regional-policy-of-the-republic-of-khakassia/docs/252/2059.html> (Дата обращения 13.04.2022)

15. Дроздов А. И., Карачакова О. М. Деятельность национально-культурных центров Хакасии в 1990-е гг. // Genesis: исторические исследования. – 2018. – № 12. – С. 140-151.

16. Кимеев В. П. Хакасско-шорские этнокультурные взаимодействия // Хакасский этнос на рубеже XX–XXI веков Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (27–28 сентября 2013 г.). – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2013. – С. 12-15.

17. Кривоногов В. П. Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2011. – 249 с.

18. Логачева А. С. Этническое мировоззрение (на примере хакасского этноса). – Абакан, 2009. – 288 с.
19. Межнациональные отношения в Хакасии. – Москва-Абакан, 1997. – 52 с.
20. Многонациональная Хакасия: общественные организации этнической направленности. – Абакан, 2018. – 100 с.
21. Мусина Л. М., Мустафина Д. Н. Межкультурная коммуникация: идентификация современных вызовов // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2020. – № 4. – Т. 11. – С. 2.
22. Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Тува в диалоге культур: компаративистский контекст // Новые исследования Тувы. – 2020. – № 4. – С. 217-229.
23. Севач А. В. Диалог культур в контексте межкультурных коммуникаций // Вестник МГУКИ. – 4(36). – 2010. – С. 109.
24. Скоробогач Н. И. Роль общественных объединений этнического характера в политической системе Республики Хакасия // Вестник Томского государственного университета. История. – 2019. – № 58. – С. 54-59.
25. Трошкина И. Н., Карашпай С. М., Сат А. В. Динамика структуры семьи как ведущий фактор снижения уровня рождаемости (на примере республик Тыва и Хакасия) // Социодинамика. – 2020. – № 6. – С. 1-18.
26. Тугужекова В. Н., Карачакова О. М. Межнациональные отношения в Хакасии в конце XX века (к. 1980-1990-е годы). – Абакан, 2005. – 104 с.
27. Тугужекова В. Н. Развитие национальных отношений, национальных культур в Хакасии // Республика Хакасия как субъект Российской Федерации: опыт, проблемы, перспективы: Матер. третьей республиканской науч.-практич. конф., посвященной 10-летию Республики Хакасия. – Абакан, 2001. – С. 18-21.
28. Флиер А. Я. Культурная политика и стратегия культурных взаимодействий // Вестник МГУКИ. – 2016. – № 5(73). – С. 18.
29. Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития: монография (коллектив авторов; под ред. А. В. Иванова). – Барнаул: Новый формат, 2022. – 368 с.
30. Черникова В. Е. Межэтническая коммуникация в контексте современного поликультурного пространства // Вестник калмыцкого университета. – 2014. – № 3(23). – С. 113–118.
31. Шайхисламов Р. Б., Садретдинова Э. В., Варганова О.Ф., Коровкина Н.В. Диалоговые механизмы управления межэтническими коммуникациями в условиях крупного города // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17. – № 1(1). – С. 709-713
32. Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. – М.: Новый хронограф, 2012. – 448 с.

33. Этнокультурная политика федерального Центра и Республики Татарстан: стратегии интеграции. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – 242 с.

Сведения об авторах

Трошкина Ирина Николаевна – кандидат философских наук, зав. сектором экономики и социологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, *i.troschkina2012@yandex.ru*

Тугужекова Валентина Николаевна – доктор исторических наук, профессор, в.н.с. Южносибирского филиала Института истории материальной культуры РАН, *vtuguzhekova@yandex.ru*

Troshkina Irina Nikolaevna – Candidate of Philosophical Sciences, Head. Sector of Economics and Sociology of the Khakass Research Institute of Language, Literature and History, *i.troschkina2012@yandex.ru*

Tuguzhekova Valentina Nikolaevna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher South Siberian branch of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, *vtuguzhekova@yandex.ru*

Дибирова А.П.

Dibirova A. P.

МНЕНИЯ МУСУЛЬМАН И ХРИСТИАН РЕСПУБЛИК СЕВЕРНОГО КАВКАЗА О ПОЛИТИЧЕСКОМ УСТРОЙСТВЕ РОССИИ

OPINION OF THE RESIDENTS OF THE NORTHERN CAUCASUS ON THE POLITICAL STRUCTURE OF THE RUSSIAN STATE

Аннотация. Представлены материалы массового опроса населения Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации (СКФО РФ). Полученные результаты демонстрируют значительный интерес жителей Северного Кавказа к политической составляющей их общественной жизни. Высокий коэффициент варьирования полученных данных в рамках одного ответа указывает на разницу мнений граждан в зависимости от их национальной принадлежности, места проведения опроса, исторического прошлого их этноса, но не от их религиозной принадлежности. Обнаружена существенная разница в суждениях экспертов разных республик. Их прогнозы также часто разнились с результатами массового опроса. Материалы исследования показывают довольно высокий уровень доверия северокавказского общества к институтам власти. Проведенное в 2016 году исследование является одной из звеньев мониторинга мнения граждан СКФО РФ о политическом устройстве их страны.

Abstract. The materials of a mass survey of the population of the North Caucasian Federal District of the Russian Federation (NCFD RF) are presented. The results obtained demonstrate the significant interest of the inhabitants of the North

Caucasus in the political component of their public life. A high coefficient of variation in the data obtained within one answer indicates a difference in the opinions of citizens depending on their nationality, the place of the survey, the historical past of their ethnic group, but not on their religious affiliation. A significant difference was found in the opinions of experts from different republics. Their predictions also often differed from the results of the mass survey. The research materials show a rather high level of trust of the North Caucasian society in the institutions of power. The study, conducted in 2016, is one of the links in monitoring the opinions of the citizens of the North Caucasus Federal District of the Russian Federation on the political structure of their country.

Ключевые слова: гражданское общество, интересы граждан, внутриполитическая жизнь, этнос, права граждан, выборы.
Key words: civil society, citizens' interests, internal political life, ethnic group, citizens' rights, elections.

Постановка задачи и эмпирическая база исследования.

Гражданское общество в России в последние годы стало намного активнее, и общественное мнение с развитием современных коммуникаций является все более действенной силой. Доказательством тому служат эффективность работы общественных префектур при муниципалитетах и резкий рост протестных настроений в крупных городах России [2, 3]. По данным Центра экономических и политических реформ [4], в течение года – с 1 октября 2017 по 30 сентября 2018 – произошел всплеск протестной активности. Так, во II квартале 2018 г. зафиксировано примерно в 1,5 раза больше протестов по сравнению с I кварталом 2019 года и более чем на 40% – со II кварталом 2017 года. В III квартале 2018 г. зафиксировано более чем в 3 раза больше протестов по сравнению с началом 2018 г. и примерно в 2,8 раза – с соответствующим периодом 2017 г. Всего за год отмечены 2526 протестных акций. Конечно, значительная часть протестов в 2018г. была направлена против изменений пенсионного законодательства, и тем не менее в массе протестовавших были и молодые люди, увидевшие негативные для себя последствия в увеличении пенсионного возраста. В ходе акций протеста поднимались такие острые вопросы, как падение цен на нефть, повышение НДС и т.д. Можно выделить и иные распространенные причины для протестной активности россиян – протест обманутых дольщиков, недовольство мусорными полигонами и мусоросжигательными заводами, политический протест и т.д. [4].

Имеется и другая точка зрения. По мнению части экспертного сообщества, политическая позиция населения бывает активной в том случае, если ожидается совершенствование экономических отношений, какая-то новая форма государственного, социального обеспечения. В большой политике сегодня нет таких явлений, которые бы затрагивали интересы широких масс населения.

По мнению Л.Д. Козырева (2019) современное состояние российского общества характеризуется низкой активностью народного волеизъявления и общественных протестов, то есть большинство населения скептически относится к институту выборов. Далее, многие вопросы внутривнутриполитической жизни монополюбно регулирует государство, у населения нет возможности влиять на политику, поэтому оно и проявляет пассивность. Даже вопрос Донбасса не вызывает интерес у большинства населения. Нет никаких волнующих политических событий и, главное, новых идей, которые могли бы улучшить общую ситуацию в стране. Нормативно закрепленное вмешательство государства в политические процессы не позволяет полноценно развиваться гражданскому обществу. В современной России интересы и мнения населения, пропагандирующие в обществе, практически не учитываются при выработке и реализации тех или иных государственных решений, что приводит к блокировке легальных механизмов участия во власти гражданского общества. Большинство общественных структур и организаций, при помощи которых государство имеет возможность взаимодействовать с наиболее развитыми сегментами гражданского общества, формируется сверху. Появление данных государственных институтов в большей степени связано с проведением политики укрепления вертикали власти, чем с реальными демократическими свободами. И, наконец, слабая институционализация организаций гражданского общества оказывает слабое влияние на текущие социально-политические процессы, что усиливает пассивность населения, неверие в собственные силы, роль и возможности. Таким образом, можно утверждать, что государство по-прежнему является монополистом в реализации социальной политики, позволяющей только косвенно задействовать гражданское общество.

Из материалов наших ранних работ следует, что более 70% населения республики Северная Осетия–Алания были намерены 4 марта 2012 г. участвовать в президентских выборах, и это указывает на высокий уровень политической активности. Более половины опрошенных поддерживали кандидатуру В.В. Путина, четверть потенциальных респондентов предпочли бы Г.А. Зюганова, не более 5% – В.В. Жириновского [1].

Один из экспертов высказался так: «Если бы я был президентом, изменил бы Конституцию РФ и общественное устройство очень существенно. Необходимо резко сократить круг полномочий чиновников. Должна быть такая конструкция социального устройства, чтобы они находились под постоянным контролем различных независимых друг от друга ветвей госаппарата и парламента. А последний должен быть независимым от президента, чего мы сейчас не наблюдаем».

В наших ранних исследованиях мы указывали, что если экономические вопросы не будут решены, тогда опять возникнут условия для актуализации межнациональных противостояний [1]. Другими словами, экономический подъем напрямую связан с нормализацией межнациональных отношений. Поэтому на президенте лежат большая ответственность за формирование

национального самосознания, с одной стороны, и укрепление единой идентичности граждан РФ – с другой.

2. Задачами исследования явились:

1. Выявление отношения жителей республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации к институтам власти в зависимости от места проведения опроса и религиозной принадлежности опрошенных.

2. Интерес представляет также исследование взглядов респондентов о чувстве социальной защищенности и уверенности в безопасности жизни в собственном государстве.

3. Методика и материал исследования.

Для решения этих задач использовались материалы этносоциологического опроса, проведенного летом 2016 г. в республиках Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации (СКФО РФ): в Республике Северная Осетия–Алания (РСО–А), Чеченской Республике (ЧР), Карачаево-Черкесской Республике (КЧР), Республике Ингушетия (РИ), Республике Дагестан (РД) и Кабардино-Балкарской Республике (КБР).

Титульные этносы в Дагестане представлены аварцами, даргинцами, кумыками, лезгинами, лакцами, табасаранцами, ногайцами, рутульцами, агулами и цахурами, объединенные в группу «Народы Дагестана». Они составили 86,0% от числа респондентов РД. В РИ 77,2% опрошенных отнесли себя к ингушам. В КБР 55,3% отнесли себя к кабардинцам и 11,6% - балкарцам. В КЧР опрошены 38,5% карачаевцев и 11,2% черкесов. 62,6% респондентов РСО–А назвали себя осетинами. В ЧР доля чеченцев составила 93,4%. Респонденты, назвавшие себя русскими или представителями других некавказских этносов, объединены в группу «русские и русскоязычные», которая составила 14,0% в РД, 22,8% в РИ, 33,1% в КБР, 50,3% в КЧР, 37,4% в РСО–А, 6,6% в ЧР, в среднем по всем республикам – 27,4%. Жители Чечни, Ингушетии, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии традиционно исповедуют ислам (суннитское направление), население Северной Осетии и русские и русскоязычные респонденты поименованы как православные христиане.

Количественные данные массового опроса подверглись обработке путем частотного и сопряженностного анализа, а также с помощью процедур факторного и кластерного видов анализа с целью выявления устойчиво взаимосвязанных групп переменных. Данные массового опроса подверглись статистической обработке с вычислением среднего квадратичного отклонения и коэффициента вариации, позволяющих судить о неоднородности совокупности переменных - значительной разности данных в зависимости от места проведения (республики СКФО) и национальной принадлежности участников опроса.

Для проведения экспертного опроса была разработана анкета (гайд), предполагающая формализованные (закрытые и полуоткрытые) и неформализованные (открытые) варианты ответов на вопросы. Гайд для

экспертов нацелен на получение более глубокой информации на заданную тему. Он совпадает со структурой анкеты для массового опроса, но в него включены вопросы, требующие компетенции эксперта.

Качественные данные экспертного опроса подверглись контент-анализу. Это позволило сравнить полученные в отдельных субъектах РФ (национальных республиках) данные, а также определить их распределение в каждом субъекте/республике. Основным аспектом этого подхода состоит в использовании принципов сравнительного анализа, согласно которому поведение людей рассматривается и объясняется через доминирующие в той или иной культуре стереотипы и правила. Методически это обеспечивается за счет комплексного использования массового опроса населения, опроса экспертов, контент-анализа местных СМИ.

В связи с имеющейся проблемой достоверности документальной информации использовалась косвенная проверка показателей и перепроверки по другим источникам. Применение комплекса различных методов в ходе исследования обосновано необходимостью обеспечения адекватности каждого отдельного метода характеру изучаемых социальных процессов. Прямые вопросы респондентов на политические темы порождают боязнь последних высказываться искренне, что диктует необходимость использования в анкете косвенных вопросов. Общий объем выборки для шести республик составит соответственно 1200 респондентов. Предельная ошибка выборки для совокупного массива не превысит 1,4%. Для проведения опроса в каждой республике выборка строится как территориальная, стратифицированная по типам населенных пунктов, маршрутная, квотная по социально-демографическим и национальным признакам.

Основываясь на опыте наших предыдущих исследований и выводах других авторов по этим вопросам, мы разработали рабочую гипотезу данного научного труда.

Становится очевидным, что большинство респондентов на вопрос: «Защищает ли государство интересы своих граждан?» ответят положительно. Следует также принять, что в консервативном социуме, а кавказское общество таковым и является, не менее 10% его членов будут иметь противоположное мнение.

Насколько выдвинутые гипотезы соответствуют действительному положению дел, можно будет судить, ознакомившись с результатами настоящего исследования.

Результаты исследования

Респонденты в целом дали положительные оценки во мнении о защите нашим государством интересов своих граждан. Категорических ответов «безусловно, защищает» было в три раза больше, чем категорических отрицательных «безусловно, не защищает».

Таблица 1.

Ответы на вопрос, защищает ли государство интересы своих граждан, в %

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Безусловно, защищает	9,5	23,0	17,4	22,9	16,5	13,2	25,3
Скорее, защищает	52,7	43,7	44,7	48,0	42,1	40,3	32,3
Защищает	62,2	66,7	62,1	70,9	58,6	53,5	57,6
Скорее, не защищает	28,2	28,1	27,3	20,7	37,1	39,5	30,8
Безусловно, не защищает	8,4	3,7	9,1	7,3	4,3	3,1	5,1
Не защищает	36,6	31,8	36,1	28,0	41,4	42,6	35,9
Затрудняюсь ответить	1,1	1,5	1,5	1,1	0,0	3,9	6,6

Более всех доверяют государству в этом отношении респонденты Дагестана. Общее количество респондентов, согласных с этим высказыванием, составило 70,9%, около половины опрошенных (48,0%) считают, что «скорее, защищает», 22,9% – «безусловно, защищает». Подавляющее большинство русских и русскоязычных респондентов (62,2%), кабардинцев и балкарцев (66,7%), карачаевцев и черкесов (62,1%) также разделили эту точку зрения. Этот же ответ предпочли более половины респондентов Ингушетии (58,6%), Чечни (57,6%) и Северной Осетии (53,5%). 44,7% карачаевцев и черкесов, 43,7% кабардинцев и балкарцев, 42,1% ингушей, 40,3% осетин и 32,3% чеченцев указали, что государство «скорее, защищает» интересы их граждан. Четверть опрошенных в Чечне (25,3%), Кабардино-Балкарии (23,0%) и Дагестане (22,9%), 17,4% респондентов Карачаево-Черкесии, 16,5% Ингушетии, 13,2% Северной Осетии и только 9,5% русских и русскоязычных указали, что государство «безусловно, защищает» их интересы.

В среднем более трети респондентов (36,0%) считают, что государство не защищает интересы граждан всего сторонников данной точки зрения обнаружено в РСО-А и РИ: (42,6 и 41,4%), менее всего - в Дагестане (28,0%). В среднем менее половины опрошенных считают, что государство в той или иной степени не защищает их интересы. 39,5% осетин, 37,2% ингушей, 30,8% чеченцев, 28,2% русских и русскоязычных, 28,1% кабардинцев и балкарцев, 27,3% карачаевцев и черкесов и каждый пятый респондент Дагестана (20,7%) упомянули об этом. 9,1% карачаевцев и черкесов, 8,4% русских и русскоязычных граждан, 7,3% респондентов Дагестана, 5,1% чеченцев, 4,3% ингушей, 3,7% кабардинцев и балкарцев, 3,1%

осетин указали, что государство «безусловно, не защищает» интересы своих граждан.

Более половины высказываний экспертов по этому поводу оказалось положительным (56,0%). Их можно назвать «условно положительными». 44,0% экспертов считают, что государство не заботится об интересах граждан. Все высказывания экспертов Чечни были положительными, все суждения экспертов Дагестана и Ингушетии оказались отрицательными.

Приведем рассуждения экспертов, отражающие позитивное мнение жителей о заботе государства о гражданах.

Эксперты Чеченской Республики: «Возможно, этот пункт вызывает у населения сомнение, но в целом современная политика обращена на защиту своих граждан. Другое дело, насколько граждане сами следуют этим законам». «Государство защищает интересы своих граждан. Было бы неверно это отрицать. Сколько функционирует государство, столько социальная сфера обеспечивается им. Другое дело, что уровень жизни, наличие незначительного среднего класса и многое другое свидетельствуют, что государство надлежащим образом не защищает интересы своих граждан, поскольку и в Госдуме представлены имущие слои, и законы принимаются ими же».

Эксперты Кабардино-Балкарии: «На бумаге, безусловно, защищает. Но учитывая, что наши законы на практике не работают, получается, что это избирательно. Интересы одних граждан оно защищает, а интересы других граждан оно не защищает, хотя это система социальной поддержки института права, институты защиты прав человека уже везде есть, но тем не менее эта инерция с давних времен идет. Мы по-прежнему ищем защиты не у государства как такового, не у институтов государства, а у какого-то конкретного чиновника, к которому ищем дорожку. Поэтому я бы сказала здесь, что, скорее, защищает, но с теми оговорками, которые есть».

«Безусловно, защищает. У меня нет сведений, когда государство не защищало интересы граждан. Поэтому я однозначно говорю, что защищает интересы. Какие интересы у граждан? Трудоустройство, социальное и медицинское обеспечение, образование. Государство, конечно, защищает, и надо сказать, что именно по этим социальным параметрам население только и рассчитывает на государство и государственную поддержку. Но не в полной мере. Население надеется, но, конечно, не в полной мере государство это обеспечивает. Например, защищен ли я, моя жизнь? К сожалению, такого ощущения полной защищенности жизни гражданин республики не ощущает. Нет такой уверенности. Выявлена нерешительность власти во многих параметрах, которая экстраполируется на население. Такое двойственное состояние у населения относительно власти тоже отмечается. Двойственное – имеется в виду, – вроде бы в социальном плане государство основные параметры выдерживает, а защита жизни не обеспечена в полной мере. Экономически существующие нормы, то есть по оплате труда, существующие нормативы, минимальный размер оплаты труда, поддержка семьи, пожилых людей, немощных, инвалидов. В этом отношении сказать, что в полной мере,

нельзя, государство не очень высокие существующие нормативы выдерживает».

«Защищает как на внешнеполитической арене, так и социально поддерживает по мере возможности внутри страны. Но я не думаю, что большинство населения чувствует себя защищенным. Чувство защищенности должно предполагать какую-то стабильность и перспективу, а в этом отношении лишь 10 – 12 процентов граждан могут сказать, что социально защищены и находятся в безопасности. Государство защищает, но в недостаточной степени». «Защищает, но вопрос желает оставлять лучшего. Игнорировать роль государства в этом плане я бы не стал. Но, конечно же, скажем, это поставлено у нас не так, как в Израиле. Израиль из-за одного солдата может начать войну с соседним государством. Но в последнее время мы видим по средствам массовой информации, что попадают в аварию, будучи за границей – самолеты МЧС посылают, доставляют обратно к нам и т.д. Такого рода акты свидетельствуют о том, что государство небезразлично к судьбам своих людей. Это хорошее явление. Но, конечно же, все случаи такого характера оно не может отслеживать. У нас по Конституции социальное государство. Конечно, даже Путин и другие руководители понимают, что в этом отношении недостаточно делается в силу ограниченности и возможности. Делают много, однако люди комфортно себя не чувствуют. Зарплата невысокая, пенсии низкие и т.д. Государству предстоит очень многое сделать в этом плане».

«По поводу того, защищает ли государство интересы своих граждан. Половина населения нашей республики считает, что нет. Граждане не могут сами реализоваться, в известной степени коррупция свойственна не только нашей республике, но и остальным регионам РФ, я не буду говорить, что у нас здесь она имеет какие-то катастрофические масштабы, но она везде. Нет у нас механизмов воздействия на коррупцию в полной мере.

Приводим некоторые позитивные высказывания экспертов Северной Осетии: «Я считаю, что государство, безусловно, защищает интересы своих граждан. Это в первую очередь предусмотрено Конституцией РФ». «Да, защищает, но не так эффективно, как этого хотелось бы. По - прежнему в стране ощущается кризис в таких институтах, как суд, прокуратура, МВД. Причина - в коррупции и системной неэффективности, которая довольно консервативна и сложно реформируема. Человек не всегда может рассчитывать на справедливое отстаивание собственных интересов в российских государственных учреждениях».

Эксперты Дагестана дали в абсолютном большинстве отрицательные оценки: «Не защищает уже давно. Народ к этому привык. Спасают себя сами, выживают, как могут». «Абсолютно не защищает. Люди – чужие в своем собственном государстве. А как же иначе – чиновники огородились 5-метровыми стенами. Какие-то права мы отстаивать можем элементарные. Но какой ценой? Нервами и кровью».

Приведем также негативную оценку экспертов Карачаево-Черкесии о заботе государства о своих гражданах: «Не полностью защищает. Население бывает недовольно решениями судов, принятыми законами, но жизнь продолжается, законы совершенствуются».

Эксперты Кабардино-Балкарии размышляли следующим образом: «Государство не защищает интересы граждан в той мере, в которой они этого хотят. Оно больше защищает интересы отдельных людей, чем всего социума. Пожалуй, защищенно себя никто не чувствует». «К сожалению, в нашем государстве не очень выстроена система вертикали, от верхушки до самого низа. Люди наверху делают все, чтобы защитить своих граждан, а управленцы республиканского, городского уровней пользуются этим. Меня удивляет одна программа, связанная с помощью молодым семьям, специалистам. Задача такая: помочь молодым специалистам приобрести жилье. Понятно, что они малообеспеченные. По этой программе они должны иметь половину стоимости жилья, в этом случае государство предлагает им добавить вторую половину. Но если бы у меня были 1,5 млн, к которым государство предлагает добавить столько же, я бы не обратился за помощью».

Итак, более половины опрошенных считают, что государство защищает их интересы, менее половины респондентов дали оценки отрицательные. Общих положительных ответов оказалось в среднем в два раза больше, чем отрицательных. Но все положительные оценки можно назвать таковыми условно. Количественное значение экспертных оценок оказалось несколько ниже, чем данные массового опроса: положительные составили 56%, усредненное значение данных массового опроса в части «безусловно, защищает» – 61,6% .

Данные таблицы 2 показывают, что вторая («улучшение качества жизни», в среднем 69%) и первая («борьба с преступностью и коррупцией», 52%) задачи преобладали в ответах респондентов.

Таблица 2.

Пожалуйста, из перечисленных задач государства выберите две, которые лично Вы считаете наиболее важными, в %

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Борьба с преступностью и коррупцией	56,0	54,1	56,8	44,7	51,2	63,1	38,4
Улучшение качества жизни населения	55,6	64,4	74,2	31,3	65,4	52,4	41,9
Охрана прав и свобод граждан	16,1	17,8	29,5	13,4	21,0	17,5	10,6

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Развитие экономики, стимулирование роста производства	24,2	31,1	23,5	6,1	21,0	28,2	2,5
Повышение уровня образования, здравоохранения	23,0	22,2	14,4	4,5	36,4	21,4	4,0
Развитие военно-промышленного комплекса	7,7	5,2	0,8	1,7	2,5	8,7%	0,5
Другое	0,4	0,7	0,0	0,0	0,0	0,0	2,0
Затрудняюсь ответить	0,8	0,7	0,0	0,0	0,0	0,0	1,0

Три четверти карачаевцев и черкесов, 65,4% ингушей, 64,4% кабардинцев и балкарцев, 55,6% русских и русскоязычных, 52,4% осетин, 41,9% чеченцев и треть респондентов Дагестана самой важной задачей считают улучшение качества жизни населения. При этом 63,1% осетин, 56,8% карачаевцев и черкесов, 56,0% русских и русскоязычных, 54,1% кабардинцев и балкарцев, 51,2% ингушей, 44,7% дагестанцев и 38,4% чеченцев - борьбу с преступностью и коррупцией. Треть респондентов КБР (31,1%), четверть опрошенных в РСО-А (28,2%), русских и русскоязычных, (23,5%), каждый пятый респондент РИ (21,0%) и лишь 6,1% РД и 2,5% ЧР заявили, что для них наиболее важными являются развитие экономики, стимулирование роста производства их республик.

В Ингушетии чуть более трети опрошенных (36,4%), четверть русских и русскоязычных (23,5%), кабардинцев и балкарцев (22,2%), осетин (21,4%), 14,4% карачаевцев и черкесов и только 4,5% респондентов Дагестана и 4,0% Чечни первостепенной задачей считают повышение уровня образования, здравоохранения.

Процентное выражение важности «охраны прав и свобод граждан» составило в среднем $15,1\% \pm 5,6$, коэффициент варьирования - 37,1%. Примечательно, что респондентам Карачаево-Черкесии данная проблема видится важнее, чем развитие экономики и стимулирование роста производства (29,5% против 23,5%). Респондентам Ингушетии эти две проблемы представляются одинаково важными (по 21,0%). Данные других республик в этой графе не превышали 20%. Проблема развития военно-промышленного комплекса не вызвала интереса у респондентов Северного Кавказа. Лишь 8,7% осетин, 7,7% русских и русскоязычных, 5,2% кабардинцев и балкарцев, 2,5% ингушей, 1,7% народов Дагестана, 0,8% карачаевцев и черкесов и 0,5% чеченцев посчитали ее приоритетной.

Около половины экспертов (44,8%) считают, что основной задачей, волнующей население республик Северного Кавказа, является «борьба с преступностью и коррупцией». Четверть (24,1%) указали на «улучшение качества жизни населения». 7,0% экспертов - на «развитие экономики, стимулирование роста производства». 6,8% - на «повышение уровня образования, здравоохранения». 13,6% считают, что все названные проблемы важны, так как вытекают одна из другой.

Мнения экспертов Чеченской Республики: «На первом месте для населения стоит улучшение качества жизни, на втором - борьба с коррупцией, на третьем - решение проблем здравоохранения и образования. На последнем - экология». «В среднем народ интересуется улучшением качества жизни. Нужно также развивать производство, которое отстает от развития сферы обслуживания. Если бы были построены заводы, фабрики, то люди с удовольствием пошли бы работать, чтобы удовлетворить свои жизненные потребности в жилье, еде, одежде. В общей массе нет потребности в больших деньгах». «На взгляд населения республики, наиболее важные задачи - это борьба с преступностью и коррупцией, развитие экономики, стимулирование роста производства». «На первом месте - борьба с преступностью и коррупцией, на втором - развитие экономики, стимулирование роста производства, на третьем - охрана прав и свобод граждан. Если это будет сделано, то на четвертое место как раз выйдет - улучшение качества жизни. Качество жизни зависит от первых трех составляющих. А что касается повышения уровня образования и здравоохранения, то сейчас у нас образование катастрофически падает, здравоохранение, несмотря на национальные проекты, развалено. Что касается военно-промышленного комплекса, который сейчас набирает обороты, то я поставлю его на последнее место. Если будет эффективная внешняя политика, то и развивать военно-промышленный комплекс не будет необходимости».

Приведем мнение экспертов Кабардино-Балкарии: «Я бы на первое место поставил борьбу с преступностью и коррупцией, поскольку эти два фактора определяют все остальные, с моей точки зрения, и, конечно же, развитие экономики, стимулирование роста производства». «Более всего людей интересовали вопросы материального свойства. Они были за поднятие качества жизни, улучшение материального состояния и борьбу с коррупцией (это первое!) и преступностью».

Дагестанские эксперты выделили следующие задачи как важнейшие: «Борьба с коррупцией и улучшение качества жизни населения. Хотя другие вытекают из первых двух. Люди «изголодались» по «материнской» заботе государства, а взятки ведут к колоссальному отставанию наших регионов, особенно от передовых стран, на которые хочется равняться».

Эксперты Ингушетии высказывались похожим образом: «Борьба с преступностью и коррупцией, развитие экономики, стимулирование роста производства, здравоохранения». «Повышение уровня образования (это поможет решить демографические проблемы)».

Перечислим задачи, упомянутые экспертами Карачаево-Черкесии, в порядке убывания их важности: «На первое место надо поставить экономику. Мы постоянно зависим от цен на нефть, в экономике надо быть более самостоятельными. На второе - здравоохранение и образование. Третье - это охрана прав и свобод граждан – вопрос решается с тех пор как существует государство. Конституция РФ совершенствуется, когда придет к идеалу, никто не знает. Четвертое. Улучшение качества жизни важно, но оно не такое низкое. Пятое. Развитие военно-промышленного комплекса. Шестое. Боремся с коррупцией безрезультатно. Надо не бороться, а поднимать экономику. Если экономика будет на уровне, то и взятки исчезнут. Иногда мне кажется, что не будь коррупции, все процессы в стране бы остановились».

Опрошенные в Северной Осетии имели большее разнообразие мнений в этой части исследования: «На мой взгляд, государство должно первостепенное значение уделять улучшению качества жизни населения и развитию экономики, стимулированию роста производства».

«Во-первых, это «борьба с преступностью и коррупцией», второе - «улучшение качества жизни населения». Без этих двух составляющих нет смысла говорить ни об экономике, ни о здравоохранении и прочем. Качество жизни и безопасность - это ключевые моменты для любого общества, которое стремится к высоким стандартам».

Часть экспертов (13,6%) не выделили ни одну задачу. Они посчитали, что все важны и переплетаются друг с другом.

Подавляющее большинство респондентов ($69,0 \pm 13,7\%$) в качестве важнейшей задачи указали «улучшение качества жизни населения», коэффициент варьирования составил 19,5%. Второй по важности задачей была выбрана «борьба с преступностью и коррупцией». Так пожелали ответить более половины респондентов ($52,04 \pm 7,6\%$), коэффициент варьирования - 14,6%. В обоих случаях невысокие показатели среднего квадратичного отклонения и коэффициента варьирования указывали на относительное единодушие в выборе гражданами своих приоритетов.

Процентное выражение важности «охраны прав и свобод граждан» составило в среднем $15,1\% \pm 5,6$, коэффициент варьирования - 37,1%. Примечательно, что респондентам Карачаево-Черкесии данная проблема видится важнее, чем развитие экономики и стимулирование роста производства (29,5 против 23,5%). Респондентам Ингушетии эти две проблемы представляются одинаково важными (по 21,0%). Данные других республик в этой графе не превышали 20%.

Данные экспертного опроса разнятся с результатами массового опроса. Так, 44,8% экспертов считают, что основная задача, волнующая население республик Северного Кавказа - это «борьба с преступностью и коррупцией». Четверть указали (24,1%), что самым важным является «улучшение качества жизни населения». 7,0% - что «развитие экономики, стимулирование роста производства». 6,8% экспертов самой важной задачей считают «повышение

уровня образования, здравоохранения». 13,6% - все названные проблемы важны, так как вытекают одна из другой.

Заключение

На вопрос: «Защищает ли государство ваши интересы?» респонденты в основном дали положительные оценки, менее половины - отрицательные. Общих положительных ответов «скорее, защищает» и «безусловно, защищает» оказалось в среднем в два раза больше, чем отрицательных «скорее, не защищает» и «безусловно, не защищает». Положительных экспертных оценок оказалось примерно на 10% ниже: они составили 56%, а усредненное значение данных массового опроса в части «безусловно, защищает» - 61,6%. В суждениях экспертов указывалось, что государство призвано защищать интересы граждан, но делает это недостаточно, «избирательно», «служит интересам имущей части общества», «делает это неуверенно», «защищает, но в недостаточной степени» и т.д.

Участникам опроса было предложено из перечня государственных задач выбрать две наиболее важные. Мнения респондентов и экспертов в этой части исследования разнились. Для жителей республик Северного Кавказа важнейшим оказалось «улучшение качества жизни населения» (69,0%). Эксперты же посчитали это второй по важности задачей (24,1%). Следующей важной задачей, по мнению респондентов, оказалась «борьба с преступностью и коррупцией» (52,0%). В среде экспертов эта цифра составила 44,8%. Позиция «развитие экономики, стимулирование роста производства» заняла третье место – каждый пятый респондент посчитал это важной задачей. Лишь 7,0% экспертов упомянули ее как важнейшую. С небольшим отрывом следует «повышение уровня образования, здравоохранения»: 18,0 против 6,8% в экспертном сообществе. «Охрана прав и свобод граждан» заняла пятое место в ответах респондентов (15,1%). Экспертами она была упомянута в единичных случаях. 13,6% экспертов считают, что все названные проблемы важны, так как вытекают одна из другой.

Не удалось выявить зависимости количественных показателей массового опроса от религиозной принадлежности респондентов. В высказываниях экспертов также не обнаружено отличий в зависимости от их религиозной принадлежности.

Библиографический список

1. Дзуцев Х.В. Общественное мнение граждан Республики Северная Осетия-Алания о выборах Президента РФ// Гуманитарий Юга России, 2012, N 2. С. 152-157.
2. Козырева Л.Д. Проблемы формирования и развития институтов гражданского общества в современной России//Социология. N 6. 2019. С.4-12.
3. Ламонов Е.В. Общественные префектуры – важный институт гражданского общества (на примере работы общественных префектур г. Тамбова) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2018. № 4. С.67-74.

4. Рост протестной активности в России: результаты Всероссийского мониторинга 2017-2018гг.-URL:-
[http://cepr.su/wpcontent/uploads/2018/11/Протестыв-РФ-всероссийский мониторинг.pdf](http://cepr.su/wpcontent/uploads/2018/11/Протестыв-РФ-всероссийский_мониторинг.pdf).

Сведения об авторе

Дибирова Аминат Паруковна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Центра исследований приграничных регионов Юга России ИСПИ ФНИСЦ РАН, dibirova59@mail.ru.

Dibirova Aminat Parucovna - Ph.D. (Biol.), Senior Research Fellow of the Centre of the Russian Southern Regions Studies, Institute of Socio-Political Research, Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz, Russian Federation, dibirova59@mail.ru

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ
ПРАКТИКИ УСТАНОВЛЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО И
МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО ДИАЛОГА

Гольцова Е.В.
Goltsova E.V.

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ
ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ
НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ**
**ETHNOCULTURAL AND RELIGIOUS ASPECTS OF THE FORMATION
OF ECOLOGICAL CONSCIOUSNESS
POPULATION OF SIBERIA**

Аннотация. Формирование экологического сознания имеет различные факторы и предпосылки. В данной статье рассматриваются этно-религиозные основания экологического сознания населения Сибири, имеющего определённую специфику и проявляющиеся в различных формах. Исторически экологическое сознание формировалось в этнокультурных и этноконфессиональных сообществах под влиянием архаических верований и различных религиозных концепций. Наибольшее влияние на экологическое сознание сибирских народов оказали шаманистические верования. По мере отчуждения человека от природы его экологическое сознание менялось и приобретало утилитарные, потребительские формы. Повышение уровня его экологического сознания возможно только при условии усиления влияния науки и образования, а также при ослаблении религиозного влияния и повышении общей культуры граждан.

Abstract. The formation of ecological consciousness has various factors and preconditions. This article discusses the ethno-religious foundations of the ecological consciousness of the population of Siberia, which has a certain specificity and manifests itself in various forms. Historically, ecological consciousness was formed in ethno-cultural and ethno-confessional communities under the influence of archaic beliefs and various religious concepts. Shamanistic beliefs had the greatest influence on the ecological consciousness of the Siberian peoples. As man became alienated from nature, his ecological consciousness changed and acquired utilitarian, consumerist forms. An increase in the level of its ecological consciousness is possible only if the influence of science and education is strengthened, as well as with a weakening of religious influence and an increase in the general culture of citizens.

Ключевые слова. Социология мировоззрения, Сибирский регион, экологическое сознание человека, религия, наука, образование, экологические традиции, шаманизм, буддизм.

Keywords. Sociology of worldview, Siberian region, human ecological consciousness, religion, science, education, ecological traditions, shamanism, Buddhism.

Процесс формирования экологического сознания населения Сибири имеет длинную историю и сложную структуру. Под экологическим сознанием понимается совокупность экологических представлений о взаимосвязях в системе «человек - природа» и в самой природе, существующего отношения к природе, а также соответствующих стратегий и технологий взаимодействия с ней. Предметом данной статьи являются этно-религиозные аспекты экологического сознания населения Сибирского региона, определяющего его поведение по отношению к природе, и приобретающего, по мере развертывания исторического процесса, все более важное значение. Вопросы формирования экологического сознания человека в последние годы актуализировались «благодаря» углублению экологического кризиса на планете в целом и в связи ухудшением экологической ситуации в отдельных регионах. Вблизи крупных городов и промышленных комплексов Сибири, особо «тревожных» в экологическом отношении, они ощущаются особенно остро. Среди факторов формирования экологического сознания можно выделить природно-климатические, экономические и этно-религиозные условия. Этно-религиозные аспекты экологического сознания населения Сибирского региона определяют его поведение по отношению к природе, приобретающее в XI веке определённую специфику и проявляющиеся в различных формах от яркого экорадикализма, до абсолютного эконигилизма.

Сибирский регион исторически населяют представители самых разнообразных этнокультурных и этноконфессиональных сообществ, на формирование экологического сознания которых оказали влияние архаические, дошаманистические, шаманистические верования и постшаманистические религиозные концепции. Эти обстоятельства издревле вынуждали человека искать сбалансированный, равновесный подход к природе, направленный не столько на её покорение, сколько на гармоничное взаимодействие с ней как с равноправным партнером.

В процессе отчуждения человека от природы, экологическое сознание формировалось и развивалось параллельно его эволюции. Р. Нэш в своей книге «Права природы. История этики окружающей среды» (1989) выделил четыре этапа в истории человечества:

1. доэтическое прошлое, в котором экологической этики не существовало;
2. этическое прошлое, в котором объектами этики были индивид, семья, племя и территория;
3. этическое настоящее, в котором объектами этики стали нация, раса и все человечество;
4. этическое будущее, в котором объектами этики станут животные, растения, вся живая и неживая материя, экосистемы, планета и вселенная [1].

В период доэтического прошлого, на начальном этапе социогенеза, люди еще не отделяли себя от природы, а считали её частью. Природа

присутствовала в каждой мысли и каждом действии человека, окружающие объекты и явления представлялись ему ничем иным, как «людьми в другом обличье», а границ между человеческим и природным не было. В повседневной борьбе за жизнь люди накапливали не только опыт, но и знания. То, что они не могли понять, пытались как-то объяснить, сформировать представление. Так создавались сверхъестественные сущности, которым нередко присваивались человеческие черты, возникали религиозные верования, ставшие позже религиями [2].

Одним из первых суеверий этического прошлого стала магия, представляющая веру в сверхъестественную силу, от которой зависел успех или неуспех здравых человеческих действий. Мир в магии был разделен на естественный и сверхъестественный и деятельность человека была раздвоена на здравую (естественную), и магическую (сверхъестественную), которая должна была способствовать достижению цели сверхъестественными способами, в частности, увеличением силы человека с помощью обрядов и других действий. Со временем сверхъестественное влияние стало приписываться не только человеку, но и другим, независимым от человека событиям. Появился оменализм (omen – примета) – вера в приметы, который, как и магия, сохранился до наших дней и постоянно воспроизводится самими людьми. В оменализме возникло суезнание (знание о несуществующих силах внешнего мира, а также о несуществующих вещах и существах, отрицательно или положительно влияющих на жизни людей). Самой продвинутой формой суезнания стало богословие (теология). На первых порах суезнание тесно переплеталось со здравым знанием и человек не всегда мог отличить здравые приметы от суеверных. Вместе с оменализмом возникли гадательная магия (мантика) и фетишизм (fetiche – амулет, идол) – вера в существование у некоторых предметов магических свойств. Постепенно магической силе стала приписываться способность передачи от одной вещи к другой, от одного человека к другому и возник эманизм (emanation - истечение). Отделение магической силы от вещей, появление «духов» или «демонов» дало начало демонизму – (вера в леших, домовых, «банников», водяных, русалок и др.) и его разновидность анимизм - вера в существование души, в том числе, умерших людей [3]. На основе совокупности этих верований в сибирском регионе возникла и широко распространилась самая ранняя форма религии – шаманизм, на смену которому позже пришел буддизм. Таким образом человек окружил себя целой «сетью» суеверий и верований, которые представляли основу древней этики взаимоотношений с природой.

Этическое прошлое постепенно трансформировалось в этическое настоящее, но полностью не ушло из сознания человека. Отдельные элементы экологического сознания архаической эпохи реконструировались через анализ существовавшей системы мифов, которая воспроизводит картину мира первобытного человека. Природа постоянно «присутствовала» в каждой мысли, в каждом действии древнего человека, образ жизни не

позволял ни встать выше неё, ни игнорировать её, ни установить границы между человеческим и природным.

Формирование отчужденности от природы началось с переходом к оседлому образу жизни. Развитие общественного сознания вывело на первый план проблемы родовых, семейных связей. Появилось противопоставление «свой – чужой», которое оказалось настолько устойчивым, что до сих пор определяет специфику восприятия людьми природных объектов. В эпоху античности сформировалась система представлений о богах как «творцах природы». Начавшееся тогда научное осмысление природы усиливало противопоставленность человека и природного мира. Платон разделил «разумную» (человеческую) и «чувственную» (животную) души и обозначил превосходство первой над второй. Однако, экологическое сознание в античную эпоху было ближе к субъектному, чем к объектному восприятию природы, потому что архаичное мифологическое мышление не исчезло полностью и представляло «подтекст» научно-логического мышления. Античному человеку было свойственно понимание ценности прагматического взаимодействия с миром природы, в которой он видел не только материальную, но еще и духовную ценность, отраженную в античной литературе и искусстве.

Отчуждение человека от природы значительно усилилось в связи с появлением монотеистических религий, в частности, христианства с его жесткой иерархией мира, выстроенной под вертикаль «Бог-человек-природа». Благодаря тому, что в христианской религии Бог обладал человеческими свойствами и даже человеческим обликом, человек оказался приближен к нему и еще более отдален от природы.

Таким образом, человек в истории развития своих взаимоотношений с природой все больше отчуждался от неё, что сказалось на формировании экологического сознания и экологического поведения. По мере замещения эоцентричного сознания древних людей на антропоцентричное появились два разных полюса отношения к природе. С одной стороны, «равнодушие – экологическая безграмотность – безответственность – жестокость – эгоизм», с другой – «альтруизм – стремление к внутренней гармонии – переоценка жизненных ценностей – ответственность – поиск духовной основы – экологическая озабоченность – любовь к природе – потребность в общении с ней». На одном полюсе формировались такие типы экологического поведения как экологическое безразличие, экоэкспансия, на другом - «экстремальные» формы вроде экорадикализма, и экофеминизма [4, с.97]. Человек, заряженный разрушительной энергией, переносил её на все сферы своей деятельности, что влияло на отношения в обществе, которые становились невротичными, агрессивными, происходило резкое падение ценности индивидуальной человеческой жизни в реальном бытии при сопровождении так называемого «гуманистического сладкоголосья» [5, с.133]. Между нарастанием реальных негативных тенденций и неадекватной им гуманитарной фразеологией возник диссонанс, который привёл к формированию «рассогласованного»

человека, у которого «слово и дело» не связаны в единый процесс. Поэтому в современном обществе рассогласованность интеллектуального и эмоционального развития и достаточно высокий уровень интеллектуальности «сочетаются» с эмоциональным варварством и иррационализмом. Эта дисгармония рационального и иррационального повсеместно проявляется в социальной среде: из жизни «вымываются» наука, мораль и нравственность, а их место занимают загрязняющие социальную среду формы иррационализма: от всякого рода шаманства до агрессивного фанатизма и сексуальной распущенности. В экологии загрязнители природной среды называются поллютантами. В качестве примера социальных поллютантов, вредное влияние которых на человека очевидно, можно привести дискредитацию моральных устоев и снижение ценности жизни, распространение различных деструктивных культов, магии, астрологии, «ясновидения», моды на псевдокультурные ценности и т. д [5, с.134].

Таким образом, эволюция религии отдаляла человека от природы, предлагая ему в качестве «заменителя» теологические постулаты и церковные каноны. Идеологии нового и новейшего времени не изменили ситуацию, а продолжили «дело» религий. В результате происшедшей «эволюции» экологического сознания человек становится все более восприимчивым к разного рода псевдоценностям и не способным к саморефлексии и ответственности. Он рассчитывает, что все его проблемы с окружающим миром должны решать кто угодно, только не он сам: власть и государство, коллеги и соседи, церковь и школа. Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что сближение человека с природой и повышение уровня его экологического сознания возможно только при условии усиления влияния науки и образования, а также при ослаблении религиозного влияния и повышении общей культуры граждан.

Современные тенденции в формировании экологического сознания базируются на антропоцентричном подходе, ориентированном на социально-экономические императивы в развитии общества. В эпоху глобальных экологических угроз и осознания недостаточности ресурсов природы для удовлетворения растущих человеческих потребностей, такой подход стимулирует потребительство, но не способствует экологизации образа жизни населения и решению экологических проблем. Результаты социологических опросов о том, какое поведение соответствует экологическому образу жизни, показывают, что большая часть опрошенных выдает желаемое (экологический образ жизни) за действительное (реальная недооценка важности экологических ценностей и поступков) [6, 109-110]. Современный человек остаётся отчужденным от природы, и эта проблема не волнует его, за исключением редких случаев природных или антропогенных катаклизмов, которые ставят под угрозу его жизнь и благополучие. В такие моменты человек, что называется, «пускается во все тяжкие», обращаясь к разным религиям и верованиям одновременно. В сибирском регионе это могут быть шаманизм, буддизм и христианство.

Особенности экологического сознания, сформировавшиеся в архаическую эпоху, сегодня реконструируются через анализ существовавшей системы мифов, которая представляла собой картину мира первобытного человека. На начальном этапе социогенеза люди не отделяли себя от природы, а считали себя её частью. Этим было обусловлено субъектное восприятие мира природы и субъект-объектная неразделенность с ним.

С началом научного осмысления природы, противопоставленность человека и мира природы усилилась, но экологическое сознание всё еще было ближе к субъектному, чем к объектному восприятию природы, потому что архаичное мифологическое мышление замещалось научно-логическим мышлением постепенно. Природа в христианстве стала источником ресурсов, а не объектом созерцания и поклонения. Большую роль в «обезбоживании» природы и обосновании чисто потребительского отношения к ней сыграл Френсис Бэкон, которого можно считать идейным вдохновителем будущего научно-технического прогресса. Философия Бэкона, легла в основу многих экологических проблем христианского Запада, противопоставлявшего себя природе [7]. Конечно же, это не могло не сказаться на формировании экологического сознания и экологического поведения.

Восточные религии, с их философско-религиозным основанием, выстраивали отношения между человеком и природой на основе гармонии и взаимоуважения. Буддизм, пришедший на смену шаманизму, не отрицал шаманских богов и духов, а «обратил» их в свою веру, позаимствовав у шаманизма многие обряды, связанные с почитанием природы. При этом пассивное поклонение людей стихийным силам природы было трансформировано в философско-этические воззрения и нормы моральной ответственности человека перед природой [8].

Примером, иллюстрирующим взгляд изнутри буддийского воззрения на «экологическую проблематику», является текст «Польза от спасения жизни» - сочинение одного из старейших и уважаемых учителей тибетской традиции XX века, Чатрала Санге Дордже: «В этом мире для любого существа его жизнь – самое ценное, что только есть, потому нет большего преступления, чем эту жизнь отобрать. И ни одна относительная добродетель не приносит большей заслуги, чем спасение живого существа и выкуп его жизни. Потому, если ты желаешь счастья и добра, приложи силы и практикуй этот свободный от препятствий высший путь, подтвержденный текстами и доказательствами. Пусть твое тело станет тебе примером: избегай всего, что могло бы навредить другим. Сделай все, чтобы не убивать живых существ: птиц, рыб, дичь и скот, и даже крошечных насекомых. И делай все, чтобы спасти жизни существ, защитить их от всякого страха» [9]. Подобные воззрения и нормы нашли отражение в экологических традициях коренных жителей Сибири. Под экологической традицией здесь подразумевается определенный исторически сложившийся тип отношения человека к природной среде, формируемый данной культурой, функционирующей в

качестве норм, идеалов, стереотипов мышления и поведения, ценностно-ориентационных структур, передаваемых из поколения в поколение. Многовековое занятие эвенков и бурят охотой регулировалось так называемой «охотничьей этикой», не позволявшей убивать животных и птиц в неположенные сроки, убивать маток, детёнышей, убивать всех животных, не оставляя возможности восстановления и развития популяции и т.д. Аналогичная традиция сложилась и с рыболовством и собирательством, когда люди вылавливали рыбу и собирали дикорастущие плоды только для собственного потребления, но не для продажи. Также устойчиво соблюдался запрет на засорение и осквернение воды: запрещалась стирка в водоёмах, строительство сооружений, препятствующих нормальному стоку воды, ближе 500 метров от береговой линии озера не ставились юрты и загоны для скота. На вопрос: «Что для вас значит Байкал?» многие местные жители его побережья отвечают: «Священное озеро!». Поэтому, можно констатировать, что экологические традиции коренного населения Байкальского региона и сегодня достаточно сильны.

Если рассмотреть список традиционных бурятских народных «заповедей», то можно увидеть, что более трети из них имеет явный экологический характер:

- В реке нельзя смывать кровь и другие нечистоты.
- Нельзя осквернять природу, без нужды копать землю.
- Чисто подметай пол, мусор не собирай у порога и печки, огонь – начало домашнего очага.
- Не сжигай в печке мусор и другие нечистоты. Божество огня может наслать болезнь.
- Грех выливать помои на проезжую улицу.
- Не ломай ветки деревьев, особенно кедра.

Не смотря на наличие этих заповедей, следует признать, что нынешнее экологическое состояние прибайкальской природы далеко от идеала. Традиционные способы хозяйствования, распространённые в регионе, являлись экологически обоснованными и гармонично вписывались в рамки окружающей природы, так как складывались на протяжении многих веков, с учетом опыта минувших поколений. [10] На современные этно-экологические традиции повлияли процессы, произошедшие в российском обществе в конце XX и начале XI в.в. Под воздействием негативных экономических факторов, в числе которых хозяйственно-культурная деградация и бедность, экологические традиции были серьезно деформированы, в результате чего возникли следующие проблемы:

- распространение всех видов браконьерства, от рыбалки до добычи байкальской нерпы и таёжного зверя;
- изменение сроков и ареалов сбора дикорастущих растений;
- снижение численности и темпов воспроизводства омуля;
- вырубка лесов и изменение водного режима рек;

-изменение флоры и фауны под воздействием загрязнений, исчезновение редких животных и птиц.

Под давлением этих проблем происходит постепенная утрата природоохранных традиций и возникает необходимость усиления заботы о природе для сохранения и передачи ее последующим поколениям.

Характерно то, что все эти негативные процессы происходят на фоне общего роста религиозности в регионе. Шаманы, например, проводят ритуалы, направленные «вызывания дождя», «приглашение духов», у которых просят здоровья, хорошей охоты и т.д. Буддисты освящают природные объекты и сооружения, построенные людьми. Православные священники освящают квартиры и автомобили, проводят крестные ходы. Например, в 2016 году был начат крестный ход вокруг Байкала, который проходит в виде заранее подготовленных «этапов» по льду в зимнее время и по берегам озера – в остальные времена года. Целью хода является ни много ни мало, - «спасение Байкала и прибрежных лесов». Известны и весьма экзотические акции, например, установка подводных колоколов и планирование строительства на дне озера Байкал подводной часовни и колокольни для привлечения туристов. Вблизи автодорог устанавливаются современные версии религиозных сооружений, у которых принято «бурханить» - употреблять алкогольные напитки, оставлять «местным духам» мелкие деньги или продукты питания. При этом «священные места» быстро оказываются замусоренными самими почитателями традиций. Вероятно, что излишняя популяризация религиозных традиций в сочетании с их утилитаризацией, зачастую становится модой, но влияет на развитие экологического мировоззрения граждан. Оно остаётся прагматическим и утилитарным. Исходя из сказанного, можно сделать вывод об ослаблении религиозного влияния и недостаточности его для формирования экологического сознания людей.

С начала 1990-х годов социологи отмечают в российском обществе расцвет суеверий и предрассудков. Наряду с традиционными религиями люди исповедуют различные религиозные верования, принимают участие в религиозных мероприятиях разных конфессий. При этом поклонники культов могут иметь высшее естественнонаучное образование, и даже ученые степени. Среди обладателей гуманитарного образования подобных примеров еще больше. Что же происходит с субъектными людьми, почему в они увлекаются паранормальными или религиозными сущностями? Одна из распространённых версий связана с тем, что в 90-е годы была разрушена идеологическая основа общества и взамен её ничего не было создано. Но если говорить о формировании экологического сознания, то в советской идеологии ему уделялось очень мало внимания. По нашему мнению, эта ситуация может быть связана не с крушением коммунистической идеологии, а с таким явлением, как апофения.

Апофенией называется склонность видеть взаимосвязи между случайными явлениями. Это переживание, заключающееся в способности

видеть структуру или взаимосвязи в случайных или бессмысленных данных [11]. Термин был введён в 1958 году немецким нейропсихологом Клаусом Конрадом, который определил его как «немотивированное видение взаимосвязей», сопровождающееся «характерным чувством неадекватной важности». Конрад использовал этот термин для описания ранних стадий шизофрении, когда больной начинает приписывать случайным событиям сверхъестественный смысл. Сегодня этот термин используется для описания подобной тенденции у здоровых индивидов, не обязательно предполагая при этом наличие психического заболевания. Апофения - это желание или «способность» людей находить взаимосвязи там, где их нет, а также, неумение, нежелание замечать реальные факты там, где они есть. Типичные примеры апофении - это народные суеверия и вера в приметы (чёрная кошка перебежала дорогу - к беде, женщина с пустым ведром идёт навстречу - к неудаче).

Истоки апофении исходят из доисторических времён, когда люди, находящиеся на начальном этапе социогенеза, создали религиозные верования, ставшие позже религиями [2, С.85].

Среди наиболее известных верований можно выделить такие как:

- магия - вера в сверхъестественную силу человека, от которой зависит успех или неуспех здоровых человеческих действий;
- оменализм - вера в приметы (независящие от человека события и явления);
- фетишизм – вера в существование у некоторых предметов магических свойств;
- эманизм отделение магической силы от вещей, способность передачи силы от одной вещи к другой или от одного человека к другому;
- тотемизм - вера в сверхъестественную связь и кровную близость родовой группы с каким-либо тотемом, который является родоначальником и покровителем рода;
- идолопоклонство – верование, возникшее при соединении эманизма и фетишизма;
- демонизм - появление «духов» или «демонов» (лешие, домовые, банники, барабашки, водяные, русалки и др.);
- анимизм - разновидность демонизма с верой в существование души, в т.ч. душ умерших людей (вера в привидения);
- шаманизм – начальная форма религии, которая не имеет божества и по сути относится к верованиям [3].

Все эти верования благополучно сохранились до наших дней и постоянно воспроизводятся самими людьми.

В современной России, согласно данным опросов, проведенных в 1990-м, 2015-м и 2019-м годах Всероссийским центром изучения общественного мнения, вера в приметы, предсказания и колдовство занимала умы достаточно большой части населения (таблица 1). Анализ данных таблицы показывает, что за четверть века позиции россиян относительно вопросов

веры в приметы, предсказания, колдовство и прочие «чудеса» стали более определенными и сместились скорее в сторону скептицизма. Люди стали меньше верить в лечение биополем, астрологию, телепатию и телекинез. При в период с 1990 по 2015 годы повышалась вера в предсказателей, колдунов и приметы. что доля верующих в разные сверхъестественные сущности и способности постепенно снижалась (первые три позиции).

Таблица 1

Результаты опросов о вере в приметы, предсказания и колдовство

Годы:	1990	2015	2019	
1	Вера в способность отдельных людей предсказывать будущее, судьбу	43%	55%	31%
2	Вера в способность отдельных людей колдовать, наводить порчу	7%	8%	1%
	Вера в возможность общения с душами умерших	0%	6%	3%;
4	Вера в приметы	50%	50%	33%
5	Вера в возможность лечения болезней гипнозом	63%	41%	22%
6	Вера в возможность лечения болезней биополем	49%	35%	16%
7	Вера в гороскопы, астрологические прогнозы, советы астрологов	33%	31%	15%
8	Вера в возможность передавать и принимать мысли на расстоянии (телепатию)	41%	28%	18%;
9	Вера в «летающие тарелки»	33%	25%	20%
10	Вера в возможность перемещения предметов усилием мысли	24%	19%	18%

В 2015 году наблюдался самый высокий уровень веры в предсказания и колдунов. Сравнение результатов по всем трём опросам говорит, что в 2019 году уровень суеверий существенно снизился по сравнению с 1990-м, так и с 2015-м годами. Россияне стали в два раза чаще сомневаться в астрологических прогнозах, советах астрологов — 15% против 31% в 2015 году. По сравнению с 1990-м годом, больше всего россиян разуверилось гипнозе и биополе (почти в три раза). Самой стойкой оказалась вера в колдунов и предсказания. Вероятно, такой результат получился благодаря высокой популярности в последние годы телепередачи «Битва экстрасенсов». Почти не изменилась вера в телекинез, но около трети россиян убеждены (31%), что люди, обладающие колдовскими силами и способностями, существуют. Также, в последние годы в России существенно снизилась вера в приметы, хотя в целом в приметы верит довольно большая часть населения (33%), - около одной трети, и это самый высокий уровень, из всех [12]. По результатам исследования, чаще верить в сверхъестественные явления склонны женщины. По данным других исследований, наиболее

подверженными действию различных примет и суеверий являются люди старше 36 лет [13].

Некоторые ученые считают, что в современном обществе приметы и суеверия имеют скорее культурологическое значение, но еще нередки случаи, когда современный человек почитает «волшебный мир», как и его далёкие предки. При этом осознанный выбор какой-либо религии не означает отказа от религиозных верований вроде шаманизма или тотемизма. А в некоторых случаях встречаются примеры «полифении» - поклонение двум или нескольким религиям и (или) божествам. Например, люди приезжающие в туристические места стараются попасть во все храмы, а также посетить местных шаманов и лам. Туристическими операторами организуются целевые визиты и паломничества к «святым местам» и «целителям». Объяснение этого феномена может основываться на «видении» самого верующего, на том, как он сам объясняет свой выбор. Если он способен рационально объяснить себе необходимость присутствия нескольких религий в своей жизни, значит, в этом и есть смысл. Тяга к сверхъестественному обычно основана на **чувстве страха или тревоги**, неопределённости в жизни. В ситуации невозможности контроля, например, попадёт человек в аварию, или нет, в его сознание вселяется страх. Такие ритуальные действия, как например, «стук по дереву» или наклеивание иконок на панель в автомобиле, помогают создать иллюзию контроля, и успокоить психику. Таким образом, человек борется с тревогой и страхами.

Чем больше тревожных событий происходит в жизни человека, тем больше вокруг ритуалов, призванных защитить его от опасности. Например, существуют профессиональные приметы, распространенные среди людей, работа которых связана с большими рисками и ответственностью: военных, лётчиков, водителей. Лётчики категорически отказываются произносить слово «последний», заменяя его словом «крайний», водители панически боятся черной кошки и так далее.

Некоторые приметы имеют рациональный смысл и адаптирующую роль, особенно в случаях, когда люди становятся религиозными во время или после тяжёлых болезней или утрат. К примеру, если человек оказался в трудной жизненной ситуации, то поиск высшего замысла может привести к тому, что он начинает помогать другим людям. Это помогает человеку не только качественно поменять жизнь, но у него появятся мотивация к действию вместо страдания. Другой случай можно рассмотреть на примере детей. Ребенок думает: он захотел есть - мать его накормила. Он захотел игрушку – мать её купила. Ребенок воспринимает это как чудо. Если такое происходит со взрослым человеком и становится частью реальности, то это говорит об инфантильности сознания. В этом случае взрослый человек также как ребёнок нуждается в адаптации к жизненным проблемам и стремлении защититься от них.

Проблемой апофении является иллюзия контроля над ситуацией, которая появляется после выполнения ритуала, мешает реалистично оценить

ситуацию и предпринять нужные меры для её разрешения. Люди начинают обращаться к знахарям и экстрасенсам, вместо того, чтобы пойти к врачу, теряют драгоценное время и лишают себя или близких возможности излечения.

Сегодня различные магические «занятия» очень популярны среди довольно зрелых и грамотных людей. В моде «чистка ауры», различные гадания и «путешествия по прошлым жизням». Причина этого явления видится в том, что современная жизнь становится всё более зарегулированной и предсказуемой, человек функционирует в системе «семья-работа-семья», как робот, его мир упорядочен и отлажен. Но психика требует эмоций, исследований, открытий, и человек вовлекается в этот «параллельный» мир, который может поглотить его мысли, деньги, здоровье и даже жизнь.

Учитывая выше сказанное, человек должен адекватно осознавать реальность и сохранять критичность к своим действиям. Важно чувствовать границу «погружения» в эзотерические и оккультные практики, рассматривая их в культурологическом аспекте. Необходимо брать ответственность за свои поступки, самостоятельно обдумывать и принимать решения, критично подходить к любой сложной ситуации. Только смелость и решительность может позволить человеку жить полной, яркой жизнью, не прибегая к апофении.

Говоря об этнорелигиозных основаниях формирования экологического сознания народов Сибири следует обратить особенное внимание на влияние шаманизма, который повлиял на экологическое сознание большинства сибирских народов, веками развивавшихся под влиянием архаических дошаманистических и шаманистических верований. Шаманизм – религиозное верование, возникшее на заре человечества и распространившееся на всю территорию Сибири и далеко за её пределы. Происхождение термина «шаман» - имеет эвенкийские корни. Он произошел из тунгусо-манчжурских языков и означает «возбуждённый, исступлённый, одержимый человек», или человек, одержимый и наделённый сверхъестественными способностями общения с миром духов, выполняющий целый ряд духовно-практических функций, необходимых роду и племени [15, 96]. Главной функцией шаманов было воздействие на окружающую среду во время камланий с одновременным психическим воздействием на человека с помощью мифов и ритуалов. Таким образом, шаманизм оказывал влияние на формирование экологического сознания людей с древних времён. Шаман, как посредник между человеком и природой был необходим в любом племени. От шаманов зависело взаимодействие племени с окружающей природой и другими племенами, они были главным «связующим звеном» между человеком и природой. Для современного человека характерен поиск пути обретения гармонии с собой и восстановление во многом утраченных связей с природой и культурой как единого целого, осознание необходимости связи со своими истоками, корнями, с традициями своего народа,

культурным и природным пространством [16, 303]. С этим связано повышение интереса к шаманизму и внедрение его техник, а также к обстоятельному его изучению. Но в силу разных причин современный сибирский шаманизм, возникший в силу ряда обстоятельств в постсоветской России, по сути является «неошаманизмом».

Данное обстоятельство было связано с тем, что к концу советского периода (к концу 1980-х годов), традиционный шаманизм и шаманизм как профессия исчез почти повсеместно, за исключением некоторых отдалённых районов, наглядного культурологического шаманизма в музеях и теоретического шаманизма в научных библиотеках.

В рамках всего шаманизма следует выделять, как минимум, четыре смежных направления:

- 1) Шаманизм как ритуальная практика и знания шаманов.
- 2) Так называемый бытовой шаманизм – семейно-обрядовая и лекарская деятельность.
- 3) Шаманство как мировоззрение – комплекс представлений и верований.
- 4) Культурное жречество – деятельность лиц, владеющих элементами религиозно-магической практики (так называемый «белый» шаманизм).

С помощью всех этих форм проявления шаманизм помогал человеку адаптироваться, в условиях окружающей природной и социальной среды, в частности, регулировали демографическое поведение. При адаптации к природной среде советы и практики шаманов касались строительства жилища, планирования охоты, добычи и приготовления пищи, защиты от болезней и неблагоприятных климатических условий среды. Адаптация к социальной среде включала набор практик, связанных с миграционным и брачно-семейным поведением: смена места жительства, создание семьи, рождение детей, ритуалы «прихода» и «ухода», решение внутрисемейных и межклановых конфликтов и т.д. Сибирский шаманизм, помогая в повседневном выживании, регулировал брачное, репродуктивное и самосохранительное поведение и, тем самым формировал экологическое сознание человека и стратегии выживания в суровых природно-климатических условиях Сибири.

К началу 1990-х годов XX века, профессиональный шаманизм в пределах России прекратил существование, а бытовой шаманизм сохранился в традициях лекарства, гаданий и предсказаний в отдалённых районах сельской местности. Шаманство трансформировалось и перестало быть общепринятым мировоззрением, в том числе, благодаря всеобщей атеизации населения. Жречество было запрещено, а то, что еще присутствовало, сохранилось в социальной памяти. Таким образом, старые шаманы исчезли, а новых не было и неоткуда им было появиться.

Когда в постперестроечное время запреты на религии были отменены, началось медленное возрождение шаманизма. Следует отметить, что неопитам было очень трудно, т.к. отсутствовали учителя, не хватало знаний,

а обряды посвящения в шаманы были крайне тяжелы и трудноосуществимы. В момент становления кандидат в шаманы должен был освоить особые нейрофизиологические способы перевода работы мозга из обычного состояния в изменённое. При этом, женщинам было еще труднее: надо было, например, подняться по стволу высокого дерева без сучков и спуститься вниз головой.

В силу того, что наследственная передача шаманской профессии была невозможна, всё чаще люди становились шаманами по своей воле. Следует отметить, что в процессе возрождения шаманизма большую роль сыграла интеллигенция. Началось интенсивное движение разных «учителей» из центра на периферию, а затем обратно – из периферии в центр [17,153]. Благодаря глобализации и либерализации общества повсеместно появлялись шаманские организации, фактические аналоги целительских. Этому способствовало то, что в отдельных республиках (Бурятия, Якутия) в начале 1990-х годов шаманизм был признан традиционной религией. А также то, что министерства здравоохранения в отдельных республиках рекомендовали ученым организовать исследование шаманских практик, а врачам – работать в «сотрудничестве» с шаманами, как представителями «помогающей профессии». «Посредническая» роль шаманизма не исчезла, а трансформировалась: современные шаманы стали помогать человеку взаимодействовать с обществом, а не с природой. В результате стали появляться кабинеты шаманского целительства, которые продолжают действовать. Но, целительская деятельность в России облагается налогами, поэтому она не получила большого развития и не институционализировалась. Шаманские организации предпочли регистрироваться как религиозные, так как они имеют льготное налогообложение.

Таким образом, неошаманизм приобрёл статус и распространился на обширных территориях Сибири, а также в крупных и особенно столичных городах. Произошла адаптация неошаманизма, во главе которого стоят бывшие преподаватели, врачи, писатели и так далее. Есть шаманы с научной степенью кандидата наук. Происшедшая «эволюция» привела к тому, что деятельность неошаманов всё менее соотносится с представлениями о шаманизме, как и сама идея «организованной работы» шаманов. По мере увеличения количества шаманских организаций, между ними случаются конфликты и даже «войны».

Одной из особенностей неошаманизма можно назвать нарастающую формализацию деятельности: призывание духов «с листа», услуги по интернету, которые ведут к нарушению канонов индивидуализации шаманской практики и десакрализации шаманства. В шаманских кабинетах появляются кушетки для массажа, медицинские препараты, церковные свечи и прочая атрибутика, вплоть до православных распятий и икон. Также у шаманов можно увидеть «Свидетельства о лицензировании деятельности, различные удостоверения и сертификаты об окончании курсов гипноза, мануальной терапии и т.д. Апофеозом неошаманства стали шаманские храмы

и так называемые МРОШ (местные религиозные организации шаманов), под которые властями отводится земля, даются разрешения на строительство и т.д. Некоторые шаманы живут с семьями в этих домах, представляющих по сути «жреческий комплекс». Развивается деятельность неошаманистов в области связей с общественностью: организуются выезды шаманов на «священные места», проводятся массовые мероприятия, создаются новые «священные места», шаманы активно участвуют в фото- и видеосъемках. Особым видом стал этно-шаманизм – выезды шаманов с группами туристов на коллективные камлания, что становится разновидностью туристического бизнеса [19, 63].

Еще одной особенностью неошаманизма стала его интернационализация – как в допущенных к практике, так и тех, кто получает услуги. В качестве примера можно привести визит русской семьи из крупного города в бурятскую глубинку для решения своих «насуточных проблем». Семья в течение одного дня посещает местного шамана, шаманку, а также буддистский и православный храмы. Но главное целью визита семьи являлось посещение религиозного праздника огня «Дугджууба», который отмечается за два дня до наступления бурятского Нового года. Он имеет большое значение для местного населения буддистского вероисповедания, но совершенно не соприкасается с русской культурой. Культурная практика шаманизма всё больше востребуется с утилитарными целями, а излишняя популяризация религиозных традиций в сочетании с их утилитаризацией, становится модой, что не идёт на пользу развития экологического мировоззрения граждан [2,91].

В результате всего перечисленного выше происходит «дешаманизация» шаманизма. Из мощного, традиционного религиозного верования, из системы мировоззрения он превращается в общественно-экономический институт с лицензированной деятельностью, псевдонаучными степенями кандидатов и докторов «энергоинформационных», «биоэнергетических» и других наук, которые присуждают альтернативные аттестационные комиссии. При этом, отдельные шаманы, те, кто ближе к «истокам», прекращают свою деятельность, не выдерживая конкуренции [19,64].

Таким образом, неошаманизм отличается от традиционного шаманизма не только практиками, но и целями. Его институционализация и коммерциализация направлены в большей степени на адаптацию человека и в определённой степени способствует формированию экологического сознания людей. При этом сам неошаманизм приспособляется к жизненным реалиям и потребностям населения. В этой взаимной «адаптации» заключается причина жизнеспособности, устойчивости и перспектив существования неошаманизма.

Библиографический список

1. Нэш Р. Права природы. История экологической этики. Киев. 2001. Гл.1.
2. Гольцова Е.В. Этно-религиозные аспекты экологического сознания населения Байкальского региона // Траектории познания природы и взаимопонимания: материалы Французско-российской школы на Байкале. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. С. 83-91.
3. Семёнов Ю.И. Основные этапы эволюции первобытной религии / Скепсис. http://scepsis.net/library/id_372.html
4. Стеценко Е.А. Экологическое сознание в контексте американской культуры / США. Канада: Экономика, политика, культура. 2001. №2. С. 94-107.
5. Гольцова Е. В. Экология социальной среды в современной России: дис. канд. филос. наук. -Иркутск, 2005.
6. Титаренко Л.Г. Экологический аспект образа жизни: основные ценности и типы поведения / Социологические исследования, № 2, 2015, С. 106-112.
7. Экологическое сознание Востока и запада / <http://www.countries.ru/library/typology/vzocol.htm> - электронный ресурс.
8. Мызникова О.П. Сохранение экологических традиций природопользования на территории Бурятии / <http://www.baikal-center.ru/books/element.php?ID=2041>.
9. Шевченко А. Шевченко А. Современное экологическое мышление и психология буддизма / <https://www.torchinov.com/2013/06/21/экология-и-буддизм/>.
10. Будаева Ц.Б. Экологические традиции коренного населения байкальского региона.- Улан-Удэ: Изд. БНЦ СО РАН 1999 / <https://science-education.ru/ru/article/view?id=6231>.
11. Роберт Кэррол. Апофения. Энциклопедия заблуждений: собрание невероятных фактов, удивительных открытий и опасных поверий. М.: Диалектика, 2005. С. 35–37.
12. Вера в необъяснимое. Мониторинг. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vera-v-neobyasnimoe-monitoring>.
13. Харитонов В.И. «Шаманизм» в современной России: к проблеме возрождения / Этнографическое обозрение. 2009. № 6. С. 148-164.
14. Гольцова Е.В. Апофения как способ адаптации // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Иркутск, Изд-во ИГУ, 2020. С. 48-52.
15. Ондар Т.А. Социально-психологический анализ терминов «шаманство», «шаманизм» и «неошаманизм». Вестник Тувинского государственного университета. №1 Социальные и гуманитарные науки. 2009. Т. 1. № 1 (1). С. 96-101.

16. Лишутина О.А., Виноградова А.И., Шаманизм как средство восстановления связей человека с природой и культурой. Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2010. Т. 2. № 6. С. 303.

17. Харитонова В.И. «Шаманизм» в современной России: к проблеме возрождения / Этнографическое обозрение. 2009. № 6. С. 148-164.

18. Гольцова Е.В. Неошаманизм и экологическое сознание населения Прибайкалья / Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. С. 246-250.

19. Гольцова Е.В. Неошаманизм и экология / Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде. Электронное издание. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2021. С. 60-64.

20. Гольцова Е.В. Эволюция экологического сознания человека / Трансгрессия социокультурного пространства. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. С. 227-232.

Сведения об авторе

Гольцова Евгения Викторовна - кандидат философских наук, доцент Иркутского государственного университета, jeny1963@bk.ru

Goltsova Evgenia Viktorovna - candidate of philosophical sciences, dean, associate professor Irkutsk State University, jeny1963@bk.ru

А.Н. Гадиева, Ф.Б. Цогоева
A.N. Gadieva, F.B. Tsogoeva

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ REGIONAL FEATURES OF SOCIAL SECURITY IN THE NORTH CAUCASUS

Аннотация: В главе рассматриваются теоретические и практические аспекты «социальной безопасности». Северный Кавказ как стратегически важный, и в тоже время, наиболее сложный регион Российской Федерации требует постоянного мониторинга и анализа ситуации. Цель работы – проанализировать особенности социальной безопасности на Северном Кавказе и определить степень влияния региональных угроз на социально-политическую ситуацию в стране. При написании работы были использованы методы структурно-функционального, исторического, документального анализа. В основу статьи легли материалы научной дискуссии Круглого стола «Социальные науки в России: вызовы времени и перспективы развития», который был проведен в апреле 2022 года, а также результаты экспертного опроса. В статье авторы исследовали этимологию понятия «социальная безопасность». Представили социологический дискурс Северного Кавказа, в рамках которого рассмотрели роль социальных наук в

гуманизации общественной жизни, описали основные тенденции интеллектуальной ситуации в России и влияние существующих социальных теорий на развитие северокавказского социума. В работе также была исследована взаимосвязь демографических процессов и социальной безопасности. В статье было рассмотрено влияние информационных технологий на идентификационные характеристики, так как данный процесс в современных условиях оказывает значительное влияние на безопасность в обществе, в том числе и северокавказском. Исследованы геополитические угрозы и потенциальные риски на Северном Кавказе. В заключении сделан вывод, что новая эпоха требует обеспечения социальной безопасности на основе применения научных подходов и теорий.

Abstract: The chapter deals with the theoretical and practical aspects of "social security". The North Caucasus, as a strategically important, and at the same time, the most complex region of the Russian Federation, requires constant monitoring and analysis of the situation. The purpose of the work is to analyze the features of social security in the North Caucasus and determine the degree of influence of regional threats on the socio-political situation in the country. When writing the work, the methods of structural-functional, historical, documentary analysis were used. The article is based on the materials of the scientific discussion of the Round Table "Social Sciences in Russia: Challenges of the Time and Prospects for Development", which was held in April 2022, as well as the results of an expert survey. In the article, the authors investigated the etymology of the concept of "social security". They presented the sociological discourse of the North Caucasus, within which they considered the role of social sciences in the humanization of public life, described the main trends in the intellectual situation in Russia and the influence of existing social theories on the development of the North Caucasian society. The work also explored the relationship between demographic processes and social security. The article examined the influence of information technology on identification characteristics, since this process in modern conditions has a significant impact on security in society, including the North Caucasian. Geopolitical threats and potential risks in the North Caucasus have been studied. In conclusion, it is concluded that the new era requires social security based on the application of scientific approaches and theories.

Ключевые слова: социальные науки, социальные теории, социальная безопасность, информационные технологии, идентичность, социальная реальность, трансформация, демографические процессы.

Keywords: social sciences, social theories, social security, information technology, identity, social reality, transformation, demographic processes.

В истории человечества не раз возникали переходные, наполненные драматизмом, периоды, когда вследствие изменения производительных сил о трансформировались производственные отношения. Период изменений, как правило, порождает в обществе напряжение, беспокойство и ощущение нестабильности. Современная биография человечества характеризуется как период кардинальных изменений во всех сферах и на всех уровнях. Весь мир, находящийся в состоянии турбулентности и непредсказуемости внутри- и внешнеполитических процессов, подошел к «концу постоянства» [9, С.7]. Оспариваются устоявшиеся ценности, привычные иерархии, различные союзы ставятся под сомнения. И даже вокруг событий прошлого ведутся интенсивные «войны памяти» за право устанавливать «единственно правильные» исторические нарративы [12].

Эпоха перемен, тем более, таких масштабных как в настоящее время, всегда непредсказуема и таит много опасностей. Общество ощущает нестабильность и неуверенность в завтрашнем дне. В такой ситуации безопасность и ее обеспечение становятся первостепенными задачами и приоритетной обязанностью государства. И Россия в данном контексте не исключение. События сегодняшнего дня демонстрируют хрупкость мира и необходимость концентрации сил на его сохранении.

Российская Федерация – это сложная система и ее безопасность в значительной степени обусловлена состоянием безопасности российских регионов. В тоже время безопасность регионов напрямую зависит от политики, проводимой федеральным центром. Именно федеральная власть является основным актором выстраивания системы внутренней и внешней безопасности. Осложнение международных отношений и вызовы, с которыми столкнулась Россия на современном этапе своего существования, требуют глубокого осмысления мер, необходимых для обеспечения безопасности страны. Социальные преобразования российского общества, часто носящие противоречивый характер, происходят в довольно сложной международной и внутренней обстановке. Возросла важность обеспечения реализации внутренних и внешних интересов государства, реализация которых осуществляется с позиций системы безопасности. Уровень общественной безопасности характеризует отношение человека с окружающей природной и социальной средой. Вопросы о степени защищенности человека от опасностей и угроз и составляет предмет общей теории безопасности, включающей в себя общетеоретический, прикладной и эмпирический уровни.

Понятие «безопасность» предполагает, прежде всего, защиту государства от внешних угроз. Однако сложные процессы, происходящие внутри российского общества, при определенных условиях, при наличии деструктивных факторов могут также представлять значительную угрозу стабильности в стране. Осознание серьезности проблемы со стороны органов власти может способствовать созданию условий для систематических мониторинговых исследований и анализа ситуации.

Современной наукой накоплен значительный опыт исследований по теме социальной безопасности, как в целом государства, общества, так и социальной безопасности отдельной личности. Социальные изменения, происходящие в обществе, ведут к необходимости решения целого ряда вопросов и задач в практическом обеспечении социальной безопасности в первую очередь отдельной личности в условиях экономического кризиса. Являясь относительно самостоятельным элементом в структуре национальной безопасности, социальная безопасность призвана обеспечить интересы общества, защитив от всевозможных в процессе жизнедеятельности угроз и опасностей.

Необходимым условием обеспечения общественной безопасности во всех основных сферах социальной жизни является знание всего многообразия угроз этой безопасности. Особенностью региональных угроз безопасности является то, что у них есть своя специфика. Почти все республики СКФО имеют границы с иностранными государствами, и уровень угроз в них возрастает прямо пропорционально степени эскалации напряженности в этих странах. Сегодня так обстоит дело в Черноморско-Каспийском регионе, включающий Северный Кавказ и страны Закавказья – непосредственных соседей России.

С развитием теории и практики обеспечения безопасности в 90-е годы прошлого века стали появляться труды ученых, в которых безопасность рассматривалась с разных аспектов – национальной, экономической, политической, военной и др. Появилось большое количество трудов, посвященных национальной безопасности, в которых российские исследователи к многонациональному российскому государству применяют термин «национальная безопасность».

Следует отметить, что в современный научный оборот понятие «социальная безопасности» впервые было введено учеными-исследователями Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН в середине 1990-х годов [13]. Само понятие «безопасность» чаще всего определяется, во-первых, как отсутствие вообще опасностей, а, во-вторых, как способность личности противостоять потенциальным и реальным угрозам. Так, социальную безопасность в условиях глобализационных процессов выдающийся российский ученый Яновский Р.Г. определяет как «надежную защищенность жизненно важных целей, идеалов, ценностей, интересов социальных субъектов макро- и микроуровней, сохранения и развития человеческого потенциала, поддержания эффективного стимулирования деятельности людей, систем их социализации и жизнеобеспечения, непреходящих ценностей, нравственности» [15, 42].

Необходимо отметить, что безопасность социальных систем обеспечивается устойчивым функционированием социальных структур государства, деятельность которых направлена на выявление и предотвращение возникающих угроз и опасностей во всех сферах

жизнедеятельности, на защиту жизненно важных интересов личности и общества и обеспечение стабильного развития и государства.

Большинство российских исследователей придерживаются следующего обобщающего определения: *социальная безопасность* – это устойчивое состояние и способность общественной системы обеспечить эффективное функционирование государства, социальных институтов общества, обслуживающих стабильное развитие личности и общества во всех сферах общественной жизни, на основе повышения качества жизни своих граждан, соблюдения их прав и свобод [10, С.32].

В целом, социальная безопасность может быть рассмотрена через анализ вызовов, угроз, рисков и опасностей для социального благополучия, основных ценностей и жизненно важных интересов общества. Как писал М.Твен: «Все говорят о плохой погоде, но никто не пытается ее изменить». В этом же ключе можно сказать и в отношении социальных проблем в России: все говорят о множестве существующих социальных проблемах, но большинство из них в силу различных причин так и остается нерешенным, а некоторые и усугубляются или становятся масштабнее. Особенно это характерно для последнего десятилетия, когда не совсем ясно, какие проблемы общества являются сегодня наиболее острыми и требуют безотлагательного решения государства. Преимущественная роль отводится социальным наукам, которыми изучаются все важные аспекты, связанные с обществом: его происхождение, функционирование, развитие; это широкая область исследований, направленных на понимание того, как общество работает, развивается и организуется. И актуальность данной темы обусловлена, прежде всего, трансформационными процессами, активно происходящими в современном российском обществе. Сегодня социальные науки находятся в кризисе, так как утрачена вера в их способность реализовывать свою прогностическую функцию.

Несмотря на наличие различных исследовательских практик и огромный массив работ, ученые, изучающие общество, социальную сферу, не могут дать однозначные характеристики современным социальным процессам и происходящим событиям и выработать эффективные рекомендации по дальнейшему благоприятному пути следования человечества. Стремительно меняющаяся действительность опережает возможность применения оптимальных социальных теорий к происходящим социальным процессам. Однако это не повод не разрабатывать и не внедрять различные парадигмы в современную социальную реальность.

Социологический дискурс Северного Кавказа

Исходя из актуальности проблемы, Центром исследования приграничных регионов Юга России ИСПИ ФНИСЦ РАН в апреле 2022 года был проведен Круглый стол «Социальные науки в России: вызовы времени и перспективы развития». Мероприятие вызвало большой отклик в научной среде Северного Кавказа и убедило инициаторов в необходимости активизировать исследовательскую деятельность социальных процессов в

регионе и объединить усилия ученых для выработки эффективных социальных теорий и позитивных практик их применения в реальной жизни.

В ходе научной дискуссии на Круглом столе были отмечены основные тенденции в развитии социальных наук и предпринята попытка определить роль социальных наук в гармонизации общественных отношений. Главная проблема, по мнению участников мероприятия, состоит в ущемлении социальных наук со стороны чиновников, их стремление отправить социальные науки на периферию научного пространства. Между тем, приоритет технических наук лишает человечество гуманитарной составляющей и таит в себе огромную опасность для будущего. Человек, по мнению проводников политики цифровизации, является вторичным по отношению к искусственному интеллекту. Мы являемся свидетелями стремительных технических открытий, кардинально меняющих социальную реальность, к которой человечество не всегда готово адаптироваться. Это становится поводом к напряжению, хаосу, обострению всевозможных рисков.

Процесс глобализации также очень серьезно изменил нашу жизнь. Многие проблемы стало невозможно объективно оценить на уровне государства, их необходимо формулировать с точки зрения глобальных процессов происходящих в мире, самой масштабной сферой влияния которых является общество и культура. Эти процессы продолжают оказывать влияние на жизнь и быт миллионов людей и на характер научных исследований, которые сегодня ведутся в социальных науках. Многие события, тенденции развития общества становятся все более непредсказуемыми и задача социальных наук это не только анализ, объяснение или прогноз, но и формирование гуманизма.

Наиболее актуальная роль социальных наук в обеспечении безопасности для северокавказского региона в постсоветский период является формирование новых ценностных ориентиров, реформирование системы социокультурной идентичности у кавказских народов. Научные исследования на Северном Кавказе в условиях падения престижа научных знаний сопровождаются множеством околонучных спекуляций, а социально-гуманитарные науки в республиканских научных центрах замкнуты «на свою республику». Умение учитывать разноплановость и вариативность межэтнических, межконфессиональных и межкультурных взаимодействий на Северном Кавказе, а также специфику политических и социально-экономических процессов в регионе – это не только задача и требование для государственных структур, занимающихся вопросами управления региона, но также является и первостепенной задачей различных исследовательских групп, заинтересованных в позитивной повестке развития Северного Кавказа, который продолжает оставаться достаточно сложным объектом для научных исследований. Изучение данных процессов осложняется отсутствием четкой статистической информации по регионам, отсутствием мониторинговых исследований, а также наличием

«волонтерских» исследований, в которых, как правило, отсутствует как методология исследования, так и репрезентативность полученных результатов. Для исследователей социального пространства Северного Кавказа является актуальной задача выстраивания многоуровневых исследовательских систем. А с учетом актуальности проблемы политического урегулирования межэтнических конфликтов в СКФО особенно важным является процесс формирования качественно новых исследовательских стратегий, направленных на изучение разнообразных тенденций, существующих в регионе.

Социальные науки в широком понимании предполагают исследование различных областей социальной жизни, но именно социология является ядром, основным инструментом изучения общества в целом. Социальные науки в северокавказском регионе имеют такие же тенденции, как и в общероссийском пространстве, хотя со своей определенной спецификой. В рамках данной темы нами был проведен экспертный опрос, целью которого было выявить состояние социальных наук и их влияние на социальную жизнь общества. В качестве экспертов выступили научные сотрудники, преподаватели университета, чиновники, журналисты, общественные деятели Северной Осетии. Всего интервьюированы были 10 человек.

Эксперты считают, что состояние социальных наук в регионе не соответствует тому уровню, который бы давал возможность проводить фундаментальные исследования общества и процессов, происходящих в нем. *«К сожалению, в республике, как и во всем северокавказском регионе, нет достаточно ресурсов (кадровых, финансовых) для качественных, фундаментальных исследований и разработки на их основе социальных теорий развития общества с учетом местных особенностей»* (научный сотрудник, 56 лет). Один из экспертов высказал мнение, что *«у человечества есть достаточный опыт для самоосмысления и оно вполне способно вырабатывать приемлемые гуманистические модели своего развития, если бы была поставлена такая цель»* (преподаватель вуза, 45 лет). Эксперты выразили озабоченность по поводу крена в сторону технических наук, считая, что *«все научные открытия должны быть направлены на развитие человечества, для создания условий благополучной жизни. Развитие технологий без прогнозирования их воздействия на человека, на взаимодействие его с другими людьми, на окружающий мир, таит в себе большие риски»*. Эксперты считают, что *«сама система организации научной деятельности не дает возможность проводить фундаментальные исследования общественных процессов и тормозит развитие социальных наук»*.

В ходе дискуссии на Круглом столе было представлено интересное мнение по интеллектуальной ситуации в стране. Позиция состоит в том, что научная ситуация, сложившаяся в системе социальных наук в России в конце XX – начале XXI веков, во многом была обусловлена публичным поворотом, который актуализировал вопрос о значении социальных наук в обществе.

Публичная социология стала рассматриваться как особый интеллектуальный проект начала XXI в. [2, С. 5-14]. Публичная социология предполагает изучение как наиболее актуальных вопросов быстро меняющегося мира в условиях глобализации, так и исследование общества, с целью «помочь людям в их стремлении к лучшему миру и избавлению от ощущения несчастья в той мере, в какой оно вызывается общественным характером их существования» [11]. Однако публичный разворот в социологии не был воспринят рядом ученых, выступающих в защиту социологии как науки. В связи с этим, в социальных науках в настоящее время прослеживаются два направления: в одном – исследуются процессы и объекты строго в научных рамках, в другом – деятельность выходит за пределы академических рамок и стремится в публичное пространство [7, С. 204-216]. Интеллектуальная ситуация, сложившаяся в социальных науках в России в конце XX - начале XXI в., обусловлена, с одной стороны, процессами, происходящими в социальной эпистемологии в целом, с другой - теми тенденциями, которые наметились в развитии социальных наук в российском обществе в постсоветский период.

Вопрос отношения научного знания к социальной реальности определяет процессы, происходящие в социальной эпистемологии в целом. Данная тенденция ведет к критике концепции репрезентации, или теории отражения. Особую роль в критике этой теории сыграли лингвистический, прагматический и перформативный повороты в социальном познании, которые привели к радикальному пересмотру концепции репрезентации [4, С. 35-50].

Таким образом, интеллектуальная ситуация в социальных науках в России, сложившаяся в конце XX - начале XXI в., обусловлена, с одной стороны, публичным, лингвистическим, прагматическим и перформативным поворотом в социальной эпистемологии, переходом от монистической интерпретации социальной реальности к плюралистической, формированием нового типа методологического сознания и мультипарадигмальностью научно-исследовательских практик. С другой стороны, интеллектуальная ситуация в социальных науках в России характеризуется когнитивными прорывами, связанными с активизацией концептуального научного мышления, развитием мульти-дисциплинарных, интердисциплинарных и трансдисциплинарных научных исследований.

Во всём этом научном многообразии главное найти наиболее приемлемую теорию, либо парадигму, для определенного сегмента общества. В данном случае таким сегментом является Северный Кавказ со своим многообразием этносов, языков, культур, конфессий. Поэтому для этого региона наиболее приемлема плюралистическая интерпретация социальной реальности, которая предполагает использование экзистенциально-антропологических теорий. Эти теории дают возможность представлять социальную реальность в многочисленных вариантах, каждому из которых соответствует свой собственный «наблюдатель» (научное сознание

определенного сообщества). Однако наличие готовых теорий не является гарантией того, что они обязательно должны подойти. Поэтому прежде чем пытаться применить данные теории на определенном объекте, следует проработать все возможные варианты прогнозов. И при необходимости доработать, либо переработать готовую теорию. Даже для многообразного, многоликого Северного Кавказа можно выработать эффективно-позитивную модель развития. Модель, которая будет способствовать созданию безопасного и благоприятного жизненного пространства на Северном Кавказе.

Взаимосвязь социальной безопасности и демографических процессов

В последнее время в нашей стране демографические проблемы все чаще заявляют о себе: сокращение численности населения в большинстве субъектов Федерации, повышение возраста вступления в брак, повышение уровня смертности и снижение продолжительности жизни. За последние два десятилетия общая численность населения России снизилась на 4,4 млн. человек (на 3%). Демографическое явление, получившее в социологической терминологии название «русский крест», было зафиксировано в России в 1992 году, когда кривая смертности резко пошла вверх и пересекла линию рождаемости. С тех пор смертность превышала рождаемость. В 2021 году в России данный трагический процесс достиг исторического максимума – число умерших людей превысило число родившихся на 1043 тыс. чел. По официальным прогнозам, к 2025 году численность населения сократится до 120 млн.чел. Россия – единственная из развитых стран, вымирающая в мирное время. Основными причинами рекордной смертности являются болезни, в т.ч. социально обусловленные, убийства и самоубийства, смерти на дорогах, алкогольные отравления [3].

С демографическими процессами напрямую связаны вопросы социальной безопасности, изучение которых способствует решению региональных социально-экономических проблем. Растет потребность в научных исследованиях демографической направленности, в качественных демографических прогнозах, так как влияние демографических процессов прослеживается практически по всем направлениям общественной жизни. Демографические исследования особенно в кризисный период расширяются и углубляются, так как общеизвестно, что процессы воспроизводства населения в современной России в абсолютном большинстве ее регионов, в том числе и Северной Осетии, - находятся в глубоком кризисе. Согласно прогнозу ожидается ухудшение показателей по всем параметрам демографических процессов, дальнейшее старение населения с соответствующими отрицательными последствиями.

На Северном Кавказе в динамике демографических процессов проявились как общие тенденции, так и региональные особенности. Так, зафиксированная в 1992 году естественная убыль численности населения

России отмечалась и на Северном Кавказе [6, С.159]. В 1996 году в Северной Осетии началась депопуляция населения. За весь депопуляционный период, который длился ровно десять лет (с 1996 г. по 2005 г.), в маленькой Осетии умерло на 8,5 тыс. человек больше, чем родилось. По мнению специалистов, многие тенденции демографических процессов объясняются также этническими особенностями людей. Проследить за этнодемографической ситуацией весьма сложно ввиду дефицита соответствующей информации, так как с начала 2000 года прекращено ведение демографической статистики в этническом разрезе.

Согласно прогнозам на ближайшее будущее воспроизводство населения на Северном Кавказе будет происходить синхронно с общероссийскими тенденциями. При этом сохранится тенденция сокращения числа рождений и увеличение смертей. По этим демографическим показателям территория Северного Кавказа неоднородна и основные различия наблюдаются между горной и равнинной ее частями. Худшая ситуация прогнозируется в равнинной части, что объясняется преобладанием здесь русского населения, более высоким уровнем урбанизации и тем, что депопуляция в этих районах началась раньше, чем в горной части.

Оптимизация демографической политики на Северном Кавказе нуждается в прогнозировании разнообразных процессов, имеющих отношение к демографии, то есть любое предвидение будущего развития населения. В масштабах региона необходимо разработать комплекс долговременных, результативных мер демографической политики, необходим постоянный мониторинг всех параметров демографической ситуации, проведение полномасштабных социологических исследований с целью выявления факторов, влияющих на демографическую ситуацию.

Влияние информационные технологий на идентификационные характеристики

Также наиболее актуальной, по мнению ученых, является проблема влияния достижений информационных технологий на идентификацию в современном мире. Различные технологические нововведения кардинально трансформируют базовые формы идентичности. Человек в эпоху всеобщей цифровизации не ограничивается привычными идентификационными характеристиками в реальном мире, он позиционирует себя определенным образом и в виртуальном пространстве. Информационные технологии кардинально изменили повседневный образ жизни человека. Люди тотально стали зависимы от достижений научно-технического прогресса и уже не представляют мир без «технологических игрушек», гаджетов, умной техники и т.д. Зависимость от них становится с каждым днем все сильнее и сильнее. Нельзя утверждать, что влияние технологий на жизнь человека – это прерогатива современности, они всегда присутствовали в жизни людей. Наиболее детально роль технологий в трансформации идентичности

рассматривал Маршал Маклюэн, по мнению которого все средства массовой коммуникации являются усилителями человеческих возможностей [8].

Техника изменила современного человека, и чтобы понять роль технологий в формировании и трансформации идентичности, необходимо осознать нашу эмоциональную зависимость от технических нововведений. Развитие высоких технологий привело к парадоксальной ситуации: вместо того, что освободить человека, высвободить пространство для развития, они наоборот закабаляют, ограничивают и оглушают. Человек из самодостаточной личности, субъекта, воздействующего на объект, превращается «в лицо с ограниченными возможностями». Пока человек способен относиться к современным гаджетам как к опосредующим объектам действия, его идентичность не будет расшатана. Электронные приспособления не должны оказывать необратимого влияния на наше физическое тело или психологическое состояние. Человек способен автономно существовать без всяких технологически совершенных помощников.

Технические средства всегда были неотделимыми элементами культуры, определяющими факторами общественного развития. При этом на протяжении тысячелетий они скорее лишь облегчали человеку те или иные действия, существенно не преобразовывая его природных возможностей. Современные технологии являются важным фактором в трансформации высших психических функций в цифровую эпоху. Причем утрата одних способностей сопровождается приобретением других.

Мироощущение человека в обществе не может оставаться прежним в мире новой технологической реальности, где былая целостность культуры распадается на множество контр- и субкультур. В данной плюралистической реальности человек перестает идентифицировать себя с определенной общностью, такой как национальность, вероисповедание, партия, страта или государство, границы идентичности размываются, нет четко очерченных контуров идентификации. Идентичность приобретает такие характеристики, как разнообразие, фрагментарность, децентрация, изменчивость, неопределенность и симуляция. В эклектике современной реальности главным становится «не быть», «не иметь», а казаться и симулировать.

Еще в начале 70-х годов XX века американский социолог Д. Белл предположил, что ключевая роль в новом обществе будет отводиться информации и электронным средствам ее распространения, а компьютер станет символом и одновременно материальным носителем технологической революции, который коренным образом трансформирует общество [1, С.340]. На наших глазах прогноз Д. Белла сбылся, мы уже живем в этой реальности.

В новой действительности человеку как самостоятельному субъекту идентификации отводится все меньшая роль, он находится под тотальным сетевым «колпаком». С точки зрения идеологов нового цифрового мира, высокие технологии должны автоматически решать все накопившиеся проблемы: цифровая прозрачность должна избавить нас от террористической

угрозы и преступлений, роботизация и автоматизация высвободить время для занятий творчеством, саморазвитием и т.п. Пространственная определенность подменяется виртуальной реальностью, в которой обитатель сети одновременно двигается и остается на месте, путешествует, сидя в кресле за компьютером. Получив беспрецедентный доступ в неограниченный мир информации, социальных сетей, современный пользователь не понимает, что перед экраном компьютера, он не только получает доступ к информации, но и оставляет конфиденциальную информацию о себе. «Цифровая революция предоставила совершенно новые возможности контроля: теперь человека можно опознать по видеоизображению, провести идентификацию по голосу, ДНК, отпечаткам пальцев, сетчатке глаза, уникальному рисунку вен на ладонях и другим параметрам. Технологии геонавигации, мобильной связи и Wi-Fi-доступа в интернет сделали возможным фиксацию его передвижений на протяжении всего маршрута следования. Сегодня человек, проходящий под объективом камеры или разговаривающий по телефону, может и не догадываться, что в этот момент автоматически устанавливается его личность и координаты. Современная техника способна это делать, не ставя объект в известность [5].

До тех пор, пока мы используем интернет как инструмент и средство, облегчающее возможности человека, такие как поиск информации, установление контактов, выбор развлечений, то это даже полезно, но абсолютизировать его возможности, делать единственным источником коммуникации, впасть в рабскую зависимость – означает подчиниться суррогату реальности, имитирующей ее подлинность.

Угрозы и риски национальной безопасности

Идентичность человека трансформируется вместе с изменениями, происходящими в современном мире, расширяются критерии идентификации, некоторые из которых безвозвратно утрачиваются, но при этом для сохранения своей самости необходима определенная устойчивость, фиксирующая нас в новой социокультурной реальности.

В этих условиях в региональном социуме сложились определенные процессы и отношения, предметное внимание к ним диктуется, прежде всего, тем, что в истории России этнические факторы и социальные отношения всегда обретали критическую массу в период радикальных общественных трансформаций. Данное явление не служит фактором консолидации этносов и складывания общегражданской идентичности. В российском поликультурном пространстве, напротив оно обострило проблему государственно-правового этнонационального самоопределения, что зримо проявилось на Северном Кавказе - в самом сложном, в этническом и конфессиональном отношении, регионе Российской Федерации. В этой связи акцент сделан на ключевые аспекты этносоциальных проблем, а именно на концепцию взаимосвязи этнокультурных процессов с социальными, экономическими и культурными процессами. Изучение их взаимосвязи на матрице сложного в национальном и конфессиональном отношении региона

России позволит по-новому взглянуть на действующий вектор социально-политической стратегии России в данной области общественной практики. Полученные данные выявляют социально-ценностные факторы напряженности в социуме, что в дальнейшем станет базой для разработки ряда конкретных рекомендаций по их урегулированию.

По мнению исследователей, ухудшение социально-экономических условий жизни людей в последние три десятилетия стало источником перманентной предконфликтной ситуации в регионах Северного Кавказа. За этот период принципиально изменились основные параметры взаимодействия регионов и центра в социокультурной сфере общества. В вопросах взаимоотношения центра и регионов сталкиваются две взаимоисключающие концепции: с одной стороны, либеральная, отстаивающая социокультурную несовместимость центра и периферии, поскольку их взаимодействие протекает в условиях архаичной социальной среды регионов и потому носит тупиковый характер; с другой - концепция органичности общероссийского модернизационного процесса, отстаиваемая региональными аналитиками. Считается, что, несмотря на определенные издержки сохранившегося пласта этносоциальных и этнокультурных традиций, взаимодействие России и северокавказского региона носит конструктивный характер, и что справедливость данного вектора развития взаимоотношений доказана многовековой историей совместного проживания России и Кавказа.

На современном этапе общественного развития этносоциальные процессы в регионах и обществе в целом требуют к себе пристального внимания ветвей власти на всех уровнях. Прежде всего, это касается утверждения в обществе идеологии социального равенства и справедливости, осознания консолидирующей роли социальной и исторической памяти, а также роли государства как решающего фактора обеспечения стабильности и устойчивости общественного развития. Наши исследования фиксируют тенденцию к снижению государственно - общественного реагирования на эти и другие непростые вопросы, выдвигаемые гражданской повседневностью в масштабах всего российского общества.

Важно определить приоритетные направления развития российского общества, сохранив свои лучшие духовные и интеллектуальные традиции. Не допустить снижения качества жизни населения, что может являться причиной возникновения опасности неконтролируемых социальных, межнациональных и других конфликтов. Концепция безопасности современного российского общества должна включать в себя в качестве одного из важнейших элементов социальную безопасность.

Стратегическое значение для сохранения целостности России имеет вопрос о всестороннем изучении всех аспектов безопасности на Северном Кавказе, о принятии системы государственных мер для подъёма экономики региона, развития науки и культуры, укрепления дружбы народов, населяющих регион. В этом смысле своевременным решением стало

создание Северо-Кавказского федерального округа, что способствовало более эффективному решению многих вопросов. Важно принимать меры по обеспечению безопасности на Северном Кавказе в целях предотвращения и устранения угроз как вмешательства извне, так и попыток разрушить национальное единство изнутри. Важная роль здесь принадлежит науке, без которой невозможно успешное достижение тактических и стратегических целей.

Для сохранения целостности и суверенитета России важнейшее значение имеет ситуация на Юге России, в частности, на Северном Кавказе. И связана она с особенностями интересов субъектов на Северном Кавказе, со степенью выраженности вызовов и угроз для безопасности России со всей совокупностью факторов, влияющих на уровень безопасности РФ в Северо-Кавказском регионе. Именно здесь явно проявилась геополитическая сущность угроз и опасностей, с которыми приходится сталкиваться населению северокавказских республик и краев. От того как будет решаться вопрос безопасности на Северном Кавказе, будет зависеть геополитический статус и будущее России. Поэтому стратегическое значение для сохранения целостности России имеет принятие государственных мер для создания системы безопасности на Северном Кавказе.

На состояние безопасности России на Северном Кавказе влияют такие факторы, как: активизация ваххабитской идеологии, направленной на ослабление российского влияния на Северном Кавказе; усиление национального сепаратизма; массовая миграция и неуправляемый характер воспроизводства рабочей силы; рост безработицы, особенно среди молодежи (доходы 10% наиболее обеспеченного населения превышают доходы 10% наименее обеспеченного населения в 14 раз) [14, С.63].

Озабоченность вызывают и негативные тенденции, связанные с ростом на Северном Кавказе религиозного экстремизма, терроризма и наркоторговли, а также потенциальные конфликты, которые могут быть вызваны территориальными, этническими, социальными причинами.

Важно понимать и адекватно оценивать ситуацию на Северном Кавказе, как территории с высокой степенью конфликтности и с различными потенциальными рисками. На рубеже 90-х и начале 2000-х годов в регионе развернулся драматический сценарий, негативно отразившийся на социально-политической жизни всей страны. Сепаратистские настроения в некоторых субъектах привели к сегментации социально-политического пространства региона, росту латентной и открытой межнациональной, межэтнической напряженности, которая вылилась в ряд вооруженных столкновений, в активизации террористических бандформирований. Кроме того, Северный Кавказ находится в орбите абхазской и югоосетинской проблемы, включен в систему трансрегиональных этнополитических отношений.

Потенциальные риски на Северном Кавказе связаны, прежде всего, с накопившимися проблемами в сфере межнациональных отношений, а также

факторами, способствующими их возникновению и обострению. В числе таких факторов можно выделить политические (борьба за национальное самоопределение, реабилитация репрессированных народов, территориальные споры и т.д.) и этнические, которые являются более опасными. Оба типа факторов тесно переплетаются, их роль и место в конкретном конфликте изменяются по мере развития самого конфликта, что затрудняет их различие.

Важнейшими факторами, определяющими характер этнополитических конфликтов на Северном Кавказе, считаются полиэтничный и поликонфессиональный состав населения. То есть, полиэтничность усугубляется поликонфессиональностью населения. Народы республик Северного Кавказа исповедуют христианство и ислам разных течений и направлений, зачастую сильно переплетенные с традиционными верованиями. Несмотря на длительный период торжества научного атеизма, проповедовавшегося государством, в настоящее время на Кавказе наблюдается усиление религиозного фактора на этнополитические процессы, особенно в районах традиционного распространения ислама. Позиции ислама в Чечне, Ингушетии и Дагестане очень прочны, и он действительно определяет повседневную жизнь и бытовую культуру этих народов. Конфессиональный фактор, внешне не всегда заметный, так или иначе, проявляется в большинстве конфликтов на Северном Кавказе. Он присутствовал, например, в противостоянии России и Чечни, Осетии и Ингушетии. Однако происходящие в регионе конфликты носят больше этнополитический характер, чем религиозный. Чаще всего религиозные лозунги используются некоторыми политическими элитами конфликтующих сторон в качестве объединяющей символики или политического прикрытия.

В преддверии Олимпиады в Сочи в 2014 году ситуация по безопасности на Юге России значительно улучшилась. Необходимость обеспечения полной безопасности Игр побудила руководство страны приложить все усилия для создания территории с минимальными рисками. В результате, Юг России удалось очистить от террористических бандформирований, уменьшить межэтническую напряженность, приглушить территориальные споры. Тем не менее, проблемы остались, приобретая затяжной, латентный характер, которые при любом триггере могут активизироваться и изменить социально-политическую картину региона.

Набирающая силу тенденция на развитие внутреннего туризма также способствует созданию условий для безопасного отдыха на всём северокавказском пространстве. И эта задача решается не только силами правоохранительных органов, но и возможностями органов управления, которые для более эффективного достижения цели должны брать на вооружение различные социальные теории и конструкции.

Продолжающийся рост социальной напряженности на Северном Кавказе есть результат, прежде всего, внутренних процессов в нашей стране и конкретных регионах. Национализм на бытовом уровне, нацеленность

этнических элит на сохранение своей власти любыми средствами, игра на самобытности, традициях, верованиях за счет других народов не могла иметь других последствий.

Важным условием обеспечения социальной безопасности является совершенствование правового регулирования деятельности по выявлению, предупреждению, пресечению актов терроризма, экстремизма, других преступных посягательств на права и свободы человека и гражданина, на общественный порядок и конституционный строй РФ.

Следует отметить и признать важнейшую роль культуры в сфере обеспечения национальной безопасности, благодаря которой сохраняются культурно-нравственные ценности, создаются предпосылки для укрепления духовного единства многонационального народа России. Главными угрозами безопасности в сфере культуры являются засилье продукцией массовой культуры, ориентированной на духовные потребности маргинальных слоев, социального пространства.

Для противодействия угрозам в сфере культуры необходимо расширять доступ широких слоев населения к лучшим образцам культуры и искусства, создавать условия для творческой реализации путем совершенствования системы культурно-просветительской работы, содействовать развитию культурного потенциала регионов РФ, поддерживая региональные инициативы в сфере культуры.

Главными направлениями государственной политики на долгосрочную перспективу должны стать: усиление роли государства в качестве гаранта безопасности человека, совершенствование нормативно-правового регулирования, предупреждение и борьба с преступностью, коррупцией, терроризмом и экстремизмом; повышение эффективности защиты прав и свобод гражданина.

Социальная безопасность должна быть направлена на достижение следующих приоритетных целей:

1. Обеспечение прочного гражданского мира, основанного на справедливости, свободе, равенстве возможностей и солидарности людей;

2. Сохранение и развитие «человеческого потенциала»: надежная охрана жизни, восстановление и улучшение здоровья, нравственности и быта людей, создание условий и стимулов для высокоэффективного творческого труда, совершенствования способностей и талантов, утверждение высокой духовности и культуры.

3. Формирование и осуществление социально ориентированной политики государства, призванной восстановить и обеспечить в будущем устойчивое социально-экономическое развитие страны во имя общего блага народа и каждой личности, а не избранных групп, слоев или деятелей.

Одним из условий обеспечения социальной безопасности является проведение социологического мониторинга, что дает возможность охватить всю социальную сферу, оценить результативность социальной политики, систематически наращивать данные по широкому кругу социальных

показателей и на этой основе создавать постоянно обновляющиеся информационные базы данных.

Новая эпоха требует обеспечения социальной безопасности на основе применения научных подходов. Значение науки для решения проблем современности определено Конференцией ООН по окружающей среде и развитию (1992). Наука является мощным инструментом человека в познании окружающей среды и требует преобразования мировоззрения всех слоев общества для перехода от позиции защиты в сложившихся ситуациях к позиции предотвращения негативных ситуаций, к устранению причин угроз и обеспечению безопасности своей жизни. А для преобразования мировоззрения людей, обеспечивающего переход к устойчивому развитию, обществу необходимо сформировать и внедрить современную культуру безопасности, базой для которой должны стать наука и образование.

Библиографический список

1. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. С.340.
2. Buravoi M. Sotsiologiiia i neravenstvo // Sotsiologicheskie issledovaniia.
3. Депопуляция в России: 15 лет демографической трагедии // Демографические исследования. – 2008. – № 6. 015. № 7.
4. Дудина В.И. Эпистемологическая реконфигурация социального знания: от репрезентации к перформативности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV, № 3.
5. Емелин В.А. Идентичность в информационном обществе. Монография. – М.: Канон+, 2018 – 360 с.
6. Жиренко Г.Н. Динамика демографических процессов в Ставропольском крае. Ставрополь, 2005 – 159 с.
7. Лубский А.В. Публичные интеллектуалы и политический цинизм // Политическая концептология. 2015. № 2.
8. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2015. – 448 с.
9. Международная аналитика /ИМИ МГИМО МИД России; главный редактор журнала Маркедонов С.М. – 2020, том 11, №4.
10. Павлова Н.С. Социальная безопасность молодежи: организационно-управленческое обеспечение. Дисс.канд.социол.наук. - Чита, 2009. С.32
11. Подвойский Д. «Публичная социология» в прошлом и настоящем: уточнение координат [Электронный ресурс] // По-лит.ру. URL: http://www.polit.ru/article/2010/04/08/podvoysky_pub_soc/ (дата обращения: 10.11.2011).
12. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы: коллективная монография /под

ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – 632 с.)

13. Серебрянников В., Хлопьев А. Социальная безопасность России. - М., 1996.; Иванов В.Н. Россия: обретение будущего. - М., 1998; Осипов Г.В. Россия: Национальная идея. Социальные интересы и приоритеты. - ., 1997.

14. Хоперская Л. Проблемы региональной безопасности на Северном Кавказе. Что хотят регионы России? – М., 1999. С.63

15. Яновский Р.Г. Глобальные изменения и социальная безопасность. - М., 1999. С.42

Сведения об авторах:

Гадиева Анета Николаевна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследований приграничных регионов юга России Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Владикавказ, РСО-Алания, izmir-alana@rambler.ru

Gadiyeva Aneta Nikolaevna – Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher at the Center for Studies of Border Regions of southern Russia of the Institute of Socio-Political Studies of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz, RSO-Alania, e-mail:izmir-alana@rambler.ru

Цогоева Фатима Бексолтановна – кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра исследований приграничных регионов юга России Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Владикавказ, РСО-Алания, fatima_svet@mail.ru

Tsogoeva Fatima Beksoltanovna - Candidate of Sociological Sciences, researcher at the Center for Studies of border regions of the south of Russia of the Institute of Socio-Political Studies of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz, RSO-Alania, fatima_svet@mail.ru

Е.В.Игнатова

E.V. Ignatova

**СТЕПЕНЬ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И ВЛИЯНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ДЕСТРУКТИВНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В
ПАВЛОДАРСКОЙ ОБЛАСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

**DEGREE OF DISTRIBUTION AND IMPACT OF ACTIVITIES OF
DESTRUCTIVE RELIGIOUS ASSOCIATIONS IN PAVLODAR REGION:
SOCIOLOGICAL ANALYSIS**

Аннотация: В настоящее время государственная политика Республики Казахстан направлена на усиление профилактики религиозного экстремизма, а также процессы формирования у населения религиозного сознания, соответствующего традициям и культурным ценностям светского государства. Однако, несмотря на применяемые в последние годы меры по развитию конструктивных государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений особенно показательным является процесс усиления влияния среди казахстанской молодежи различных деструктивных религиозных организаций. Опасность этого процесса состоит прежде всего в том, что для молодежи духовная сфера жизни все больше становится ценностной ориентацией, регулирующей социальное поведение, психологию общения, философию отношения к жизни. В статье представлены результаты социологического исследования, на основании которых осуществлен анализ степени распространения и влияния деятельности деструктивных религиозных объединений на примере Павлодарской области.

Abstract: At present, the state policy of the Republic of Kazakhstan is aimed at strengthening the prevention of religious extremism, as well as the processes of formation of religious consciousness among the population, corresponding to the traditions and cultural values of a secular state. However, despite the measures taken in recent years to develop constructive state-confessional and inter-confessional relations, the process of strengthening the influence of various destructive religious organizations among Kazakhstani youth is especially indicative. The danger of this process lies primarily in the fact that for young people the spiritual sphere of life is increasingly becoming a value orientation that regulates social behavior, the psychology of communication, and the philosophy of attitude to life. The article presents the results of a sociological study, on the basis of which an analysis was made of the degree of distribution and influence of the activities of destructive religious associations on the example of Pavlodar region.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, деструктивные религиозные объединения, ценностные ориентации, верующая молодежь, террористические организации.

Key words: religious extremism, destructive religious associations, value orientations, believing youth, terrorist organizations.

В настоящее время в обществе резко возрос интерес к религии. Духовно-нравственный и экономический кризис вызывает у многих людей чувство неуверенности и незащищенности. Мы живем в обществе, где человек волен следовать религиозным убеждениям по своему выбору в силу своей индивидуальности, убеждений и верований. Вместе с тем, на развитие религиозной ситуации негативное влияние оказывают процессы радикализации определенной части верующего населения вследствие

недостаточной религиозной и правовой грамотности, особенно это касается молодежи.

В последнее десятилетие широко употребляется понятие «религиозный экстремизм», под ним понимается антигуманная деятельность, исходящая от религии. Однако этот термин концептуально противоречив: религия, как социокультурное явление, по своей сути не может нести агрессию, а если несет, то это уже не религия. Следовательно, к религии примешивается некое иное содержание, с которым и связана агрессия. Нельзя отрицать, что данный вид экстремизма активно эксплуатирует искаженные и вырванные из контекста отдельные доктринальные положения религии (в настоящее время идет особенно активное использование исламской риторики), – отсюда и складывается впечатление, что экстремизм такого рода является религиозным.

Совершенно очевидно, что религиозный экстремизм является достаточно редким явлением в его чистом виде, то есть в его проявлении исключительно в религиозной сфере. Часто под религиозным экстремизмом понимаются такие экстремистские явления, которые, хотя, и имеют связь с религией, но происходят в политической сфере социума [5].

Обобщенно религиозно-политический экстремизм рассматривают как:

- движение имеющее двойственную природу религиозно-политической организации. С одной стороны, налицо признаки секты, с другой стороны – политической организации.

- движение, имеющее неадекватное по своей численности политическое влияние в силу своей идеологической специфики и финансовых возможностей.

- одно из самых активных движений в ближайшей перспективе [1].

Важная характеристика религиозного экстремизма заключается в том, что экстремистские и террористические акты совершаются ради идей, разделяемых группой единомышленников [6].

Анализ имеющейся информации показывает, что социальную среду религиозного экстремизма составляют в основном маргинальные и обездоленные слои и группы общества, испытывающие чувство неудовлетворенности своим социальным положением и неуверенности в будущем.

Обычно членами радикальных (деструктивных и террористических) организаций становятся выходцы из неполных семей, люди, которые по тем или иным причинам испытывали трудности в рамках существующих общественных структур, потеряли или вообще не имели работу. Чувство отчуждения, возникающее в подобных ситуациях, заставляет человека присоединиться к группе, которая кажется ему столь же асоциальной, как и он сам. Опасность этого процесса состоит прежде всего в том, что для молодежи духовная сфера жизни все больше становится ценностной ориентацией, регулирующей социальное поведение, психологию общения, философию отношения к жизни [3].

Деятельность нетрадиционных религиозных организаций настолько широко и активно разворачивается, что теперь настала необходимость рассматривать проблему негативного влияния таких групп не только на жизнь и здоровье граждан и общества, а в целом — на безопасность государства.

Религиозная ситуация в Республике Казахстан в целом стабильная и находится под контролем. Основные субъекты религиозных отношений действуют в рамках законодательства. Развиваются конструктивные государственно-конфессиональные и межконфессиональные отношения. Однако, процессы распространения экстремистской и террористической идеологии, прикрываемой религией, на сегодняшний день приобретают масштабный характер.

Происходящие в республике процессы, нацеленные на создание условий, необходимых для дальнейшего развития светского и демократического государства характерны для всех регионов Казахстана включая и Павлодарскую область.

Павлодарская область расположена на северо-востоке Казахстана. Территория области равна 124,8 тыс. кв. км и составляет 4,6% от всей территории Казахстана.

В административно-территориальную структуру области входят 3 города, 4 поселка, 10 сельских районов, 169 сельских и аульных округов.

Численность населения области составляет 754,1 тыс. человек, в том числе городского — 527,4 тыс. (69,9%), сельского — 226,7 тыс. человек (30,1%). Из них в возрасте 14-17 лет 43,4 тыс. человек, в возрасте 18-21 год 51,2 тыс. человек, в возрасте 22-25 лет 66,9 тыс. человек, в возрасте 26-29 лет 47,9 тыс. человек.

Доля казахов в общей численности населения области составляет 47,6 процента, русских — 38,8, украинцев — 5,4, немцев — 2,8, татар — 1,9, белорусов — 0,7, других этносов — 2,8 процента.

Гражданами Республики Казахстан являются 750,2 тыс. человек — 99,5% населения области, гражданами других государств — 2,7 тыс. человек (0,4%), лицами без гражданства 1,2 тыс. человек (0,1%) [7].

На территории Павлодарской области зарегистрировано и осуществляет свою деятельность 141 религиозное объединение, представляющее 13 различных конфессий. Из них:

- 91- мусульманское;
- 18 - православных;
- 8 - католических;
- 1- Евангелическо-Лютеранской церкви;
- 2 - Евангельских Христиан-баптистов;
- 2 - Методистов;
- 6 - Пятидесятнических церквей;
- 4 - Адвентистов Седьмого дня;
- 1 - Новоапостольской церкви;

- 3 - Свидетелей Иеговы;
- 1 - Иудаизма;
- 1 - Кришнаитов;
- 3 - Пресвитерианских церквей.

В статусе религиозных объединений – 48, филиалов – 93. В распоряжении религиозных общин имеется 129 культовых зданий.

В различных религиозных объединениях области осуществляют свою деятельность 32 миссионера (26 иностранных, 6 – граждане РК) из стран ближнего и дальнего зарубежья, среди которых граждане Республики Казахстан, Российской Федерации, Германии, Словакии, Польши, Украины, Израиля, США и т.д.

Определены 36 мест расположения специальных стационарных помещений для распространения религиозной литературы и иных информационных материалов религиозного содержания, предметов религиозного назначения.

Действуют 3 помещения для проведения религиозных обрядов за пределами культовых зданий, в г.г. Павлодаре, Экибастузе и Аксу.

С целью изучения степени распространения и влияния деятельности деструктивных религиозных объединений в Павлодарской области в октябре 2021 года проведено социологическое исследование.

Объект исследования: жители Павлодарской области в возрасте от 14 до 29 лет

Предмет исследования: изучение мнений населения о деятельности деструктивных религиозных объединений в Павлодарской области.

Цель исследования: изучение степени распространения и влияния деятельности деструктивных религиозных объединений в Павлодарской области.

Задачи исследования:

- определение уровня тревожности и беспокойства по религиозным процессам, наблюдающимся в конфессиональном поле Казахстана;
- определение проявлений деструктивности, тоталитарности, фанатизма, экстремизма в поведении приверженцев традиционных казахстанских религий, в деятельности их ответвлений, в зарегистрированных и незарегистрированных религиозных объединениях (любого направления) в регионе;
- определение среды распространения деятельности деструктивных течений;
- выявление наиболее важных негативных последствий как результата деятельности и пребывания человека в деструктивных религиозных объединениях;
- выявление направлений активной пропаганды в деятельности деструктивных религиозных организаций в Павлодарском регионе.

Метод исследования: количественный, анкетирование

Для определения объема выборочной совокупности использовалась

формула Э.Ноэля [4]

$$n = \frac{t^2 W(1-W)N}{\Delta^2 N + t^2(1-W)W}, \text{ где:}$$

n – объем выборочной совокупности;

N – объем генеральной совокупности;

W – выборочная доля исследуемого явления, принимаемое значение максимального выражения $W(1-W)$, которое равно 0,25;

v – предельная ошибка выборки;

t – вероятность отклонения выборочной доли исследуемого признака от генеральной совокупности равняется приблизительно 5%.

Выборочная совокупность определялась методом стратифицированной случайной выборки.

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе (октябрь 2021 года) проводился опрос жителей Павлодарской области в возрасте от 14 до 29 лет. На втором этапе (ноябрь 2021 года) обрабатывались данные и составлялся аналитический отчет.

Инструментарий исследования:

– анкетный опрос жителей Павлодарской области в возрасте от 14 до 29 лет, проведенный с помощью анкеты.

Анкета содержала 29 вопросов, которые условно разделены на блоки:

1. Информированность респондентов по вопросам религии;

2. Отношение респондентов к религии;

3. Отношение респондентов к активно верующим молодым людям.

В опросе приняли участие 500 человек. В том числе 240 мужчин (48%) и 260 женщин (52%) (рис.1).

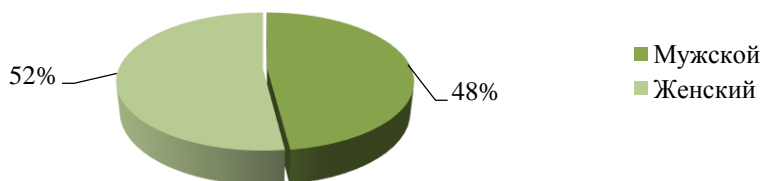

Рис.1 Пол респондентов, в % к числу опрошенных

Из них в возрасте 14-17 лет 5,5%, 18-21 год -63%, 22-25 – 15% и 26-29 лет -16,5% (рис.2)

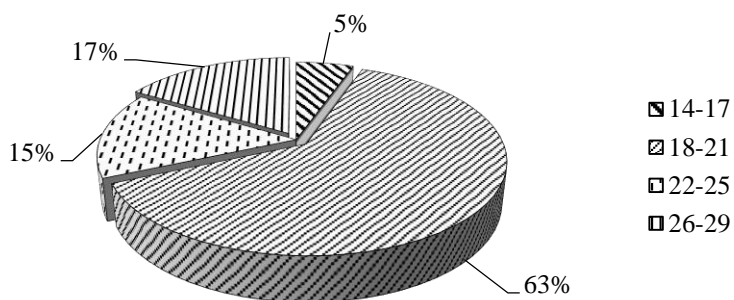

Рис.2 Возраст респондентов, в % к числу опрошенных

В опросе приняли участия 13% респондентов имеющих академическую степень магистра наук и доктора PhD. 27% опрошенных имеют высшее образование, 45,5% – незаконченное высшее образование, в основном это студенты вузов Павлодарской области и 14,5% имеющих среднее профессиональное обучение (рис.3)

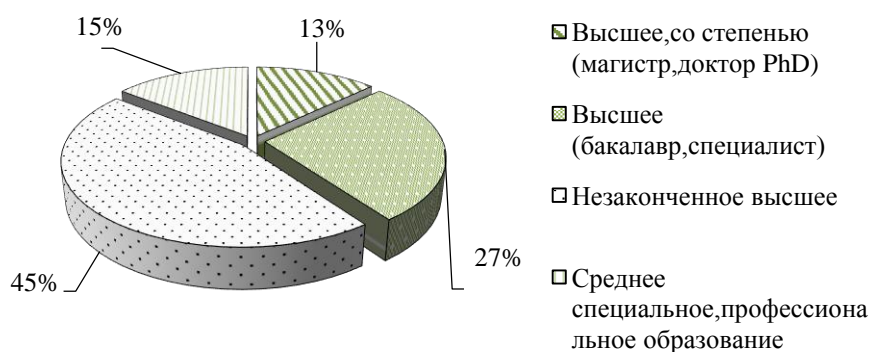

Рис.3 Уровень образования респондентов, в % к числу опрошенных

По национальному составу, респонденты распределились следующим образом. 82% казахи, 11,5% русские, 6,5% другой национальности. К лицам другой национальности отнесены украинцы, белорусы, поляки, ингуши, азербайджанцы, киргизы (рис.4).

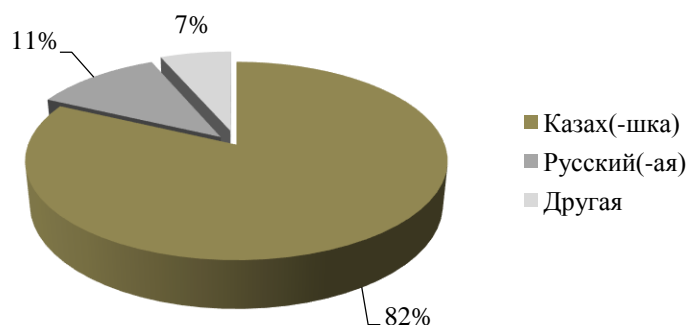

Рис.4 Национальный состав респондентов, в % к числу опрошенных

По вероисповеданию: 60% традиционный ислам (суннизм ханафитского мазхаба), 10% – нетрадиционный ислам, 6% – православие, 14,5% атеизм, 9,5% агностицизм ("не знаю, есть ли Бог") (рис.5)

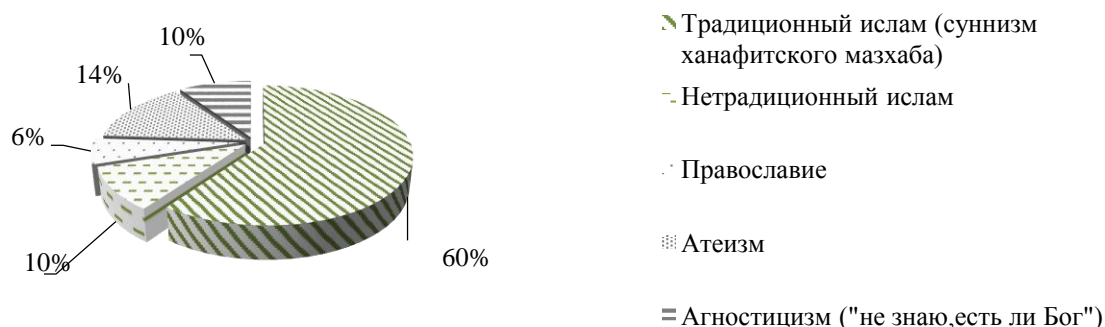

Рис.5 Вероисповедание респондентов, в % к числу опрошенных

Уровень благосостояния опрошенных представлен на рис.6.

Рис.6 Уровень благосостояния респондентов, в % к числу опрошенных

В опросе приняли участие 76% респондентов, проживающих в городе, 24% составили сельские жители (рис.7)

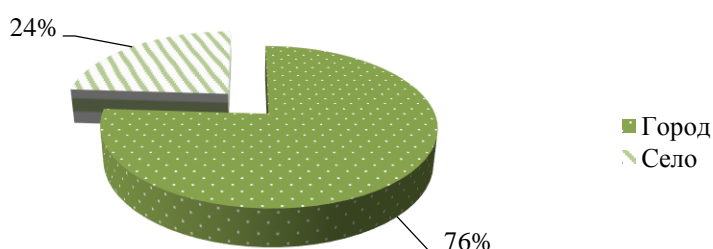

Рис.7 Место проживания респондентов, в % к числу опрошенных
С целью выявления отношения респондентов к религии был задан

вопрос, «В какой жизненный период Вы впервые начали задумываться о религии?». Выяснилось, что около половины из числа опрошенных респондентов (46,8%) не задумываются о религии. При этом, 21,2% опрошенных задумывались с детства, 22,9% – со школы и 9,1% со студенчества. Из ответов на первый вопрос мы хотели получить первичное представление о респондентах. В наиболее общем виде результаты опроса представлены на рисунке 8.

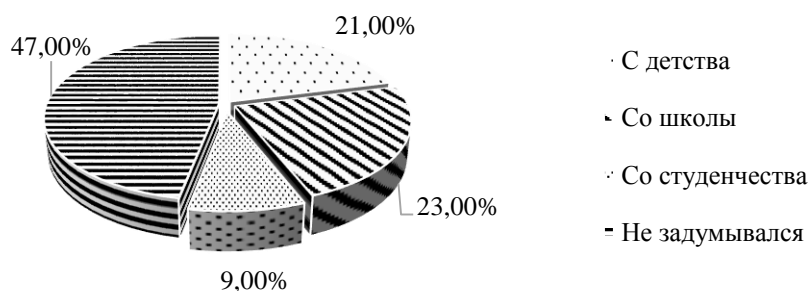

Рис.8 Интерес респондентов к религии в зависимости от жизненного периода, в % к общему числу опрошенных

Дальнейшее исследование было направлено на выявление уровня знаний в сфере религии. На вопрос анкеты «Как бы Вы охарактеризовали Ваш уровень знаний в сфере религии?», более половины респондент считает (56,7%), что обладают удовлетворительными знаниями, 17,7% опрошенных отметили высокий уровень. Одновременно отметим, что 13% респондентов считает, что обладают низкими знаниями, а у 12,6% знания в области религии практически отсутствуют (табл.1).

Таблица 1 - Оценка респондентов уровня знаний в сфере религии, в % к общему числу опрошенных

	Ответы респондентов (%)
Высокий	17,7
Удовлетворительный	56,7
Низкий	13,0
Знания в области религии практически отсутствуют	12,6

Одним из механизмов формирования базовых знаний в сфере религии у различных групп населения является информационно-пропагандистская работа.

Поскольку четверть опрошенных обладает низкими знаниями в сфере религии или они отсутствуют, был задан вопрос «Из каких источников Вы получаете информацию о религии?».

Почти половина опрошенных с уверенностью отметила, что получает информацию из газет и журналов, по средствам телевидения и интернета (54%). 9,5% опрошенных ответили, что получают информацию о религии от священнослужителей и уличных проповедников. Из священных книг, религиозной литературы и официальных религиозных печатных изданий 4%. При этом 20,5% опрошенных не интересуются подобной информацией.

Результаты опроса показывают, заметное влияние средств массовой информации. В последние несколько лет в регионе функционируют информационно-пропагандистские группы, которые осуществляют методологическое и информационное обеспечение населения по вопросам религии. Однако, анализ деятельности информационно-пропагандистских групп по противодействию религиозному экстремизму и терроризму показывает, что требуется пересмотреть практикуемые подходы к оценке эффективности информационно-пропагандистских мероприятий. Как правило, в этом вопросе используются количественные показатели (число проведенных мероприятий, величина охвата населения и др.). В то же время, не учитываются индикаторы изменения религиозной обстановки в регионе. В этой связи необходимо направить усилия на различные формы информационно - пропагандистской и разъяснительной работы, особенно среди молодежи.

В связи с этим, респондентам был задан вопрос «О каких религиозных объединениях и течениях Вы слышали». Из данных представленных в таблице 2 видно, что наиболее известными считаются религиозное объединение Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами (43,5%), Салафиты (40%), Свидетели Иеговы (35,6%).

Таблица 2 - Информированность респондентов о религиозных объединениях, в % к числу опрошенных

	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами	43,5	53,5	3,0
Исламское движение Восточного Туркестана	17,0	78,0	5,0
Исламское движение Узбекистана	13,0	83,0	4,0
Таблиг-и жамаат	22,0	75,0	3,0
АтаЖол	17,5	79,0	3,5
Алля-Аят	19,0	78,0	3,0
Суфизм	21,0	76,0	3,0
Фархатата	14,5	80,5	5,0
Кораниты	18,5	77,0	4,5
Салафиты	40,0	58,0	2,0
Такфириты	16,5	81,5	2,0
Мадхалиты	11,0	86,5	2,5

Хабашиты	8,5	87,5	4,0
Джамаат "Нурджулар"	13,5	83,5	3,0
Евангельские-христиане баптисты	25,0	72,0	3,0
Адвентисты седьмого дня	14,5	82,0	3,5
Общество сознания Кришны	25,8	70,7	3,5
Свидетели Иеговы	35,6	58,8	5,7
Пятидесятническая церковь "Сун Бок Ым"	5,5	92,0	2,5
Пятидесятническая церковь "Новая жизнь"	13,0	86,0	1,0
Пятидесятническая церковь "Источник жизни"	6,5	92,5	1,0
Миссия "Агапе"	5,0	91,5	3,5
Пресвитерианская церковь "Грейс", "Благодать"	7,0	92,0	1,0
Пресвитерианская церковь "Надежда"	28,6	69,7	1,7

Интересно было узнать, в каких мероприятиях, посвященных вопросам религии респонденты принимали участие. Опрос респондентов показал, что 36,7% не принимали участия в религиозных мероприятиях. 34,1% участвовали в беседах по вопросам религии, 16% прослушали лекции на религиозные темы, 6,1% - семинары. В конференциях и круглых столах участвовало 7,1%.

Оценивая информированность населения по вопросам религии, респондентам был задан вопрос «Знаете ли вы о действующем Законе «О религиозной деятельности и религиозных объединениях»?». Почти более половины опрошенных (58,3%) ответила отрицательно, при этом 16% респондентов не знают, или первый раз слышу о таком законе. Только 25,7% опрошенных знают о Законе.

Анализ показывает низкую осведомленность респондентов о проводимой государством политике в религиозной сфере. В связи с этим, респондентам был задан вопрос «Как бы Вы в целом охарактеризовали государственную политику в религиозной сфере?». Почти все опрошенные (93%) считают политику государства в религиозной сфере абсолютно правильной. Однако, 7% респондентов полагают, что политика государства абсолютно неверная, при этом никто из них не отметил, какая требуется корректировка и в чем именно.

Государственная политика в религиозной сфере направлена на создание условий, необходимых для дальнейшего развития Казахстана в статусе светского и демократического государства. В связи с этим респондентам было предложено продолжить предложение: «В обозримом будущем я вижу Казахстан как страну...». 98% ответили, что в будущем они видят Казахстан как светскую страну.

В регионе для консультирования граждан по всем вопросам, касающимся религиозной сферы, а также оказания психологической помощи пострадавшим от деструктивной религиозной деятельности создан телефон доверия. Однако, опрос респондентов показал, что только 31,5% опрошенных знают о его существовании.

Кроме того, 85,9% респондентов не знают о существовании информационно-просветительского интернет-портала «e-islam»

Таким образом, проведенный опрос, молодежи Павлодарской области в возрасте от 14 до 29 лет показал, что больше половины, опрошенных не задумываются о религии, так как обладают удовлетворительными знаниями в религиозной сфере.

В целом молодежь региона поддерживает политику государства в религиозной сфере. Но вместе с тем, каждый четвертый из числа опрошенных не знают о действующем Законе «О религиозной деятельности и религиозных объединениях».

Кроме того, только 31,5% опрошенных знают о его существовании телефона доверия и 14,1% о существовании информационно-просветительского интернет-портала «e-islam».

Следовательно, в регионе недостаточно развита информационно-просветительская работа.

Выход из сложившейся ситуации мы видим в проведении профилактики на всех ее этапах:

- обучение и воспитание подрастающего поколения с внесением в программы соответствующих знаний по религии;
- соответствующая подготовка педагогических кадров;
- активизация целенаправленной работы в СМИ в плане просвещения населения; объединение усилий государственных, негосударственных, молодежных, традиционных для Республики Казахстан религиозных организаций;
- проведение интерактивных форм работы;
- организация лекций; семинаров по вопросам религии.

Дальнейшее исследование было направлено на определение проявлений деструктивности, тоталитарности, фанатизма, экстремизма в поведении приверженцев традиционных казахстанских религий, в деятельности их ответвлений, в зарегистрированных и незарегистрированных религиозных объединениях в регионе.

Несмотря на применяемые в последние годы в Республике Казахстан меры по развитию конструктивных государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений особенно показательным является процесс усиления влияния среди казахстанской молодежи различных деструктивных религиозных организаций. Опасность этого процесса состоит прежде всего в том, что для молодежи духовная сфера жизни все больше становится ценностной ориентацией, регулирующей социальное поведение, психологию общения, философию отношения к жизни.

С целью выявления отношения молодежи Павлодарской области к религии респондентам был задан вопрос «Каково Ваше отношение к религии?». Выяснилось, что 14,3% опрошенных верующие и регулярно посещают мечеть (церковь, синагогу, Дом молитвы), соблюдают обряды. 27,3% респондентов верующие, но в религиозной жизни практически не участвуют, ограничиваясь праздниками и некоторыми обрядами. 40,6% верят в Бога, но не относят себя ни к какому религиозному течению. 16,5% опрошенных неверующие и не участвуют в религиозной жизни, но соблюдают традиции своего народа участвуют в обрядах и праздниках. 1,3% – неверующие, атеисты и противники религии, и считают, что людям она не нужна.

Анализ показывает, что более половины, опрошенных верят в Бога, но не посещают мечеть (церковь, синагогу, Дом молитвы). Это дает основание полагать, что данная группа респондентов подвержена влиянию нетрадиционных исламских и протестантских религиозных объединений, а также новых культов, имеющих деструктивный характер. С целью выявления проявлений деструктивности, тоталитарности, фанатизма, экстремизма в поведении респондентом был задан вопрос «Что стало причиной выбора Вашего вероисповедания?». 42,7% опрошенных выбрали религию своего этноса, 30,1% – религию своей семьи. При этом 4,3% респондентов следуют последнему тренду в религиозной жизни молодежи, а 17,4% респондентов выбрали религию самостоятельно, после религиозных исканий.

Одной из особенностей религиозной ситуации в стране является отождествление национальной и конфессиональной принадлежности, то есть религия рассматривается большинством жителей как элемент этнической культуры и национальных традиций. Поэтому, выяснялось, как часто респонденты посещают религиозные учреждения. Анализ показал, что 2,6% опрошенных посещают религиозные учреждения несколько раз в день, 5,6% – один раз в день, 6,5% – несколько раз в неделю, 9,5% – один раз в неделю. Таким образом 24,2% регулярно посещают религиозные учреждения. Эпизодически несколько раз в месяц посещают религиозные учреждения 21,9%, 16,9% несколько раз в год, 12,4% реже чем один раз в год, 9,8% раз в несколько лет, а 14,8% вообще не посещают.

Анализ позволяет сделать вывод, что более половины, опрошенных не являются приверженцами той или иной религии посещение ими религиозных учреждений, скорее связано с элементами этнической культуры. На ряду с этим, 8,2% опрошенных ежедневно посещают религиозные учреждения. Повидимому это там часть респондентов, которая придерживается нетрадиционного ислама (10%).

Несмотря на это, мы попытались выяснить все ли устраивает респондентов в исповедуемой ими религии. 88,1% опрошенных все вполне устраивает, кое-что следовало бы изменить считают 1,9% респондентов. При этом 3,1% многое не устраивает и 6,9% респондентов не устраивает исповедуемая им религия. Можно предположить, что 10%

неудовлетворенных исповедуемой ими религией в результате исканий могут попасть под влияние деструктивных религиозных объединений.

На вопрос «Допускаете ли вы возможность для себя перейти в другую религию?» 91,8% респондентов категорически сказали нет. В определенных обстоятельствах 1,7% опрошенных допускает такую возможность, а 6,5% - уже думали об этом. Таким образом, большая часть опрошенных не допускает возможности перейти в другую религию, видимо это связано с традициями семь. При этом 8,2% респондентов в определенных обстоятельствах могут поменять религию. В результатах ответов прослеживается, что от 8 до 10% респондентов не удовлетворены исповедуемой ими религией и задумываются о переходе в другую.

Исходя из этого, респондентам было предложено охарактеризовать в целом отношение к духовенству их конфессии. Выяснилось, что 88,3% опрошенных с глубоким уважением и почтением относятся ко всему духовенству. При этом 8,6% испытывают негативные эмоции по отношению к большей части духовенства. Скорей всего это респонденты, принадлежащие к атеистам.

Респондентам было предложено, ответить на вопрос «Что из перечисленного ниже в принципе приемлемо для Вас?» Из данных представленных на рисунке 21 видно, что около половины, опрошенных приемлют дружбу, учебу, соседство, работу с представителями иной веры. Почти треть опрошенных к этому относится нейтрально и около трети не приемлет. При этом 43,3% респондентов не приемлют брак с представителями иной веры. Данный факт возможно объясняется тем, что большая часть опрошенных – женщины казахской национальности (табл.3).

Таблица 3 - Отношение респондентов к представителям иной веры, в % к числу опрошенных

	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Дружба с представителями иной веры	69.5	13,5	17.0
Учеба с одноклассниками иной веры	39.5	29.5	31.0
Соседство с представителями иной веры	47.5	30.0	22.5
Работа в коллективе с коллегами иной веры	42.5	26.5	31.0

Брак с представителями иной веры	30,3	26,5	43,2
----------------------------------	------	------	------

В целом же опрос показал, что большинство толерантно относятся к представителям другой веры и воспринимают проживание с ними в одном обществе как норму.

Для того чтобы сделать вывод о роли религиозных организаций в жизни молодежи, респондентам был задан вопрос «Сталкивались ли вы с нарушениями Ваших прав на свободу вероисповедания?». Анализ мнений опрошенных показал, что большая часть молодых людей не сталкивалась с нарушениями их прав на свободу вероисповедания (73,5%). Однако, 8,5% опрошенных столкнулись с этим при получении образования, 6,5% при поступлении в образовательные учреждения, 4,5% при приеме и увольнении с работы, 3% испытывали неприязненное отношение по месту работы/учебы/жительства. Возможно, что респонденты равнозначно рассматривают понятия «религия» и «национальность», можно предположить, что указанные ими нарушения происходили не на религиозной, а на этнической почве.

Роль религии в обществе неоднозначна и может носить деструктивный характер. Деятельность экстремистских религиозных организаций негативно сказывается на общественной жизни и является дестабилизирующим фактором. В этой связи респондентам был задан вопрос «Как Вы поведете себя, если ваши религиозные чувства будут задеты представителями других религий?» (табл.4). Больше половины опрошенных (66,7%) сделают вид, что ничего не произошло либо постараюсь смягчить ситуацию путем беседы. Однако, 10,8% резко ответят словесно, 3,9% опрошенных применят физическую силу. Данные факты указывают на проявление респондентами религиозного экстремизма.

Таблица 4 - Поведение респондентов, если их религиозные чувства будут задеты представителями других религий, в % к числу опрошенных

	Ответы в респондентов (%)
Ничего, так как уверен в безуспешности каких-либо действий	3
Сделаю вид, что ничего не произошло	23
Постараюсь смягчить ситуацию путем беседы	34
Резко отвечу словесно	14
Применю физическую силу	5
Обращусь в органы правопорядка	12
Обращусь за помощью к	2

уполномоченному по правам человека	
Другое	7

С целью выявления проявления экстремизма среди молодежи, был задан вопрос «Если произойдет конфликт на религиозной почве, что Вы будете делать?» (табл.5).

Таблица 5- Действия респондентов при возникновении религиозного конфликта, в % к числу опрошенных

	Ответы в респондентов (%)
Постараюсь выехать с места конфликта	11
Я не буду участвовать в конфликте	27
Буду силовыми методами защищать интересы моей религии	16
Буду требовать от властей принятия мер	14
Вступлю в общественное движение, защищающее интересы своей веры или, активизирую свою деятельность в ее защиту	10
Приму участие в официально разрешенных демонстрациях, митингах	9
Буду участвовать в стихийных акциях протеста и неповиновения	2
Объявлю голодовку	1
Мне все равно	8
Другое	2

Выяснилось, что четверть респондентов не будет участвовать в конфликте (25,5%) и 16% постараются покинуть место конфликта. При этом 15,5% опрошенных будут силовыми методами защищать интересы своей религии, 9,5% вступят в общественное движение, защищающее интересы своей веры, или активизирую свою деятельность в ее защиту и 2% будут участвовать в стихийных акциях протеста и неповиновения. Таким образом, несмотря на то, что в регионе проводится идеологическая работа среди населения по формированию толерантного сознания и неприятия радикальных религиозных идей анализ показывает, что почти четверть опрошенных проявляют признаки тоталитаризации и преувеличения ценности религиозных идей. С целью выявления понимание религии и

уровень знания основ той или иной религиозной конфессии, к которой принадлежат респонденты, был задан вопрос «Как Вы охарактеризуете Ваш уровень знаний о религии, которую вы исповедуете?» (табл.6)

Таблица 6 - Уровень знаний о религии, исповедуемой респондентами, в % к числу опрошенных

	Ответы в респондентов (%)
Высокий	20
Удовлетворительный	50
Низкий	15
Знания в области религии практически отсутствуют	15

Из ответов видно, что треть опрошенных имеет недостаточные знания о религии, которую они исповедуют. В связи с этим необходимо проводить постоянную и планомерную работу, направленную на формирование у молодежи негативного отношения к религиозным организациям нетрадиционного направления, пропагандирующим идеи деструктивизма.

Кроме того, выяснялось «С какими высказываниями о представителях радикального ислама Вы согласны?» (табл.7).

Таблица 7 - Мнения респондентов о представителях радикального ислама, в % к числу опрошенных

	Ответы в респондентов (%)
Люди исповедующие нетрадиционный ислам в целом безобидны	25
Они дискредитируют ислам (своей деятельностью они создают мнения о том, что Ислам является нетерпимой, агрессивной религией, допускающей терроризм)	36
Если бы у них была возможность, они заставили бы всех людей жить по их законам	15
С людьми, исповедующими нетрадиционный ислам, общаться опасно	8
Они обычно законопослушные граждане Казахстана	4
Все они потенциальные террористы	4
В будущем они создадут большие проблемы стране	2

Радикализм нетрадиционного ислама всего лишь миф, созданный официальным духовенством, преследующим свои цели	6
--	---

Из таблицы видно, что большая часть респондентов, негативно относится к радикальному исламу (71%). На ряду, с этим 29% опрошенных считает людей, пропагандирующих радикальный ислам безобидными и законопослушными гражданами. В этой связи требующим внимания фактом является то, что у молодежи повышается интерес к нетрадиционным религиозным объединениям и снижается обеспокоенность их деятельностью.

Важное место в теме религии занимает вопрос толерантности, который тесно связан с уровнем стабильности общественно-политической ситуации в области. С целью выявления отношения респондентов к приверженцам другой веры был задан вопрос «Как Вы относитесь к приверженцам следующих религий: позитивно, нейтрально, негативно?» (табл.8).

Таблица 8 - Отношение респондентов к приверженцам других религий, в % к числу опрошенных

	Позитивно	Нейтрально	Негативно
Традиционный ислам	65	34,5	0,5
Нетрадиционный ислам	7	56	37
Православие	18	55	27
Католицизм	11,5	58	30,5
Протестантизм	8,5	57,5	34
Иудаизм	7	60	33
Буддизм	12,5	54,5	33

Из таблицы видно, что в целом респонденты толерантно относятся к представителям другой веры.

Таким образом, проведенный анализ отношения молодежи Павлодарской области к религии позволяет сделать следующие выводы:

- 14,3% опрошенных верующие и регулярно посещают религиозные учреждения;
- 72,8% опрошенных выбрали религию своего этноса или своей семьи;
- 10% респондентов неудовлетворены исповедуемой ими религией и задумываются о переходе в другую;
- большинство респондентов толерантно относятся к представителям другой веры и воспринимают проживание с ними в одном обществе как норму;
- 22,5% респондентов сталкивались с нарушениями их прав на свободу

вероисповедания;

- 14,7% респондентов проявят религиозный экстремизм, если их религиозные чувства будут задеты представителями других религий;

- почти четверть опрошенных проявляют признаки тоталитаризации и преувеличения ценности религиозных идей на почве религиозного конфликта;

- треть опрошенных имеет недостаточные знания о религии, которую они исповедуют;

- 29 % опрошенных считает пропагандирующих радикальный ислам безобидными и законопослушными гражданами.

В целом, на сегодняшний день в Павлодарской области складывается ситуация, при которой идет увеличение числа молодых людей, принадлежащих к той или иной конфессии, происходит и углубление влияния религиозных объединений. При этом снижаются уровень и качество знаний верующих о религии, которую они исповедуют.

В данной ситуации роль государства и уровень его взаимосвязи с религиозными объединениями играет важную роль. В этой связи необходимо на системной основе проводить организационную и идеологическую работу, направленную на сохранение стабильности межконфессиональных отношений. Она должна осуществляться в тесном взаимодействии исполнительных и правоохранительных органов с руководителями религиозных объединений ведущих конфессий.

Одной из особенностей религиозной ситуации в стране является отождествление национальной и конфессиональной принадлежности, то есть религия рассматривается большинством жителей Казахстана как элемент этнической культуры и национальных традиций. Вместе с тем, в среде молодежи вера стала данью моды. Это своеобразное проявление кризиса современного информационного общества тесно связано с тем, что в условиях общей неустойчивости, неуверенности в завтрашнем дне единственный выход для себя они находят в религиозных переживаниях. С целью выявления отношений респондентов к активно верующим молодым людям был задан вопрос «Охарактеризуйте Ваше отношение к светски ориентированной молодежи?» (табл.9).

Таблица 9 - Отношение респондентов к светски ориентированной молодежи, в % к числу опрошенных

	Ответы в респондентов (%)
Положительно	42
Скорее положительно	18
Скорее отрицательно	8
Отрицательно	13
Нейтрально	19

Ответы респондентов показывают, что большинство опрошенных

положительно относится к светски ориентированной молодежи.

Следующий вопрос позволил выявить отношение респондентов к активно верующим молодым людям (табл.10).

Таблица 10 - Отношение респондентов к активно верующим молодым людям, в % к числу опрошенных

	Ответы в респондентов (%)
Положительно	27
Скорее положительно	14
Скорее отрицательно	13
Отрицательно	12
Нейтрально	34

Как видно из таблицы, с небольшим отклонением, мнения респондентов коррелируются. Это дает основания полагать, что от 10% до 12% опрошенных являются активно верующей молодежью.

Исходя из того, что большая часть респондентов причисляет себя к светски ориентированной молодежи, интересно было узнать, что их настораживает в активно верующих молодых людях. Треть опрошенных считает их террористами и старается держаться от них подальше.

Характеризуя отношение к лицам, внешне проявляющим тем или иным образом свою религиозную принадлежность (хиджаб, нательный крест, борода, киппа, чалма) 12% опрошенных ответили, что положительно (табл.11).

Таблица 11 - Отношение респондентов к лицам, внешне проявляющим религиозную принадлежность, в % к числу опрошенных

	Ответы в респондентов (%)
Положительно	12
Скорее положительно	18
Скорее отрицательно	12
Отрицательно	36
Нейтрально	22

Вместе с тем, 18% респондентов оценили отношение к лицам, внешне проявляющим религиозную принадлежность как «скорее положительно». В данном случае, есть основания считать, что такого рода ответ является отражением наличия некоторой неуверенности, неопределенности относительно активно верующей молодежи.

Поэтому выяснялось, что привлекает молодежь в религиозных экстремистских течениях (табл. 12).

Таблица 12 - Мнения респондентов о привлекательности религиозных экстремистских течениях, в % к числу опрошенных

	Ответы в респондентов (%)
Форма богослужения	16
Возможность отличиться от других, реализовать свойственное молодежи стремление к оригинальности, непохожести на других	35
Близость молодым людям проповедуемые этими религиями ценности	21
Возможность бесплатно изучить иностранные языки (арабский и др.)	8
Возможность получения специального образования	1
Материальная поддержка нуждающихся	7
Стремление доказать свою значимость	1
Чувство униженности и оскорбленной	4
Нереализованность и неприиспособленность к современной жизни	2
Стремление к ощущению силы, совместной значимости	3
Протест против существующего порядка в обществе и государстве	2

Треть опрошенных считает, что религиозные экстремистские движения дают возможность отличаться от других, реализовать свойственное молодежи стремление к оригинальности, непохожести на других. Это подтверждает наше предположение, что вера стала данью моды в среде молодежи.

В завершении исследования, респондентам был задан вопрос «Как Вы считаете, что является причиной приобщения молодого человека к религии?» (табл.13).

Таблица 13 - Мнения респондентов о причинах приобщения молодого человека к религии, в % к числу опрошенных

	Ответы в респондентов (%)
Падение общественной морали и низкий уровень культуры населения	16

Отсутствие социальной справедливости и низкий уровень жизни	20
Отсутствие перспектив и уверенности в завтрашнем дне	22
Рост преступности и наркомании	2
Безработица	16
Недоступность качественного образования	5
Деятельность зарубежных миссионеров	7
Либеральное законодательство в религиозной сфере	3
Низкий уровень религиозной и правовой грамотности	9

Наибольшее количество респондентов (22%) считает, что причиной приобщения к религии является отсутствие перспектив и уверенности в завтрашнем дне. 20% – отсутствие социальной справедливости и низкий уровень жизни, 16 % – падение общественной морали и низкий уровень культуры населения и столько же безработицу.

Таким образом, проведенный социологический опрос позволил выявить, что наибольшая часть опрошенной молодежи Павлодарской области светски ориентирована и негативно относится к активно верующей молодежи. При этом считает, что религиозные экстремистские движения дают возможность отличаться от других, реализовать свойственное молодежи стремление к оригинальности, непохожести на других. По их мнению, причиной приобщения молодого человека к религии является отсутствие перспектив и уверенности в завтрашнем дне, отсутствие социальной справедливости и низкий уровень жизни, падение общественной морали и низкий уровень культуры населения, безработица.

Исходя из этого необходимо:

- проводить конкретные мероприятия по совершенствованию информационно-просветительской работы с учетом целевых аудиторий по противодействию распространению идеологии религиозного экстремизма;
- способствовать повышению действенности и результативности научно-практических конференций по религиозной тематике, сделать их более представительными;
- широко распространять материалы конференций через печатные и электронные средства массовой информации;
- для повышения эффективного воздействия на казахстанцев деятельности агитационно-пропагандистских групп сделать их работу прозрачной, к формированию их ежеквартального плана и маршрута

привлечь специалистов из регионов, способных определить круг вопросов, актуальных для данного региона;

– изучать и обобщать положительные примеры межконфессионального и межэтнического согласия;

– улучшать религиозоведческую подготовку государственных служащих, в служебные функции которых входит взаимодействие с религиозными организациями и группами, с тем, чтобы их квалификации позволила компетентно решать возникшие вопросы;

– разрабатывать программы по воспитанию высокой религиозной культуры молодежи на всех ступенях образования;

– обучать теологов и обществоведов способных пропагандировать и распространять общечеловеческие ценности религий;

– практиковать проведение конкурсов, олимпиад на религиозную тематику при соблюдении принципов межконфессионального и межэтнического согласия и толерантности;

– проводить встречи с лидерами религиозных конфессий;

– обеспечивать проведение разъяснительной работы по духовному и культурному значению религиозных праздников.

Библиографический список

1. Горев В.В. Психологические особенности культового поведения // электронный ресурс <http://sobor.by/center/books/Gorev.pdf>

2. Закон Республики Казахстан от 15 января 1992 года № 1128– XII «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях». Алматы, 2005

3. Кабакова М.П. Религиозный фанатизм как социально– психологический феномен//Социально– психологический анализ проблемы влечения к смерти как одного из условий религиозного фанатизма: Матер. круглого стола с междун. участием. – Караганда: КарГУ, 2012. – 118с. – С.68–76.

4. Ноэль. Массовые опросы. Введение в методiku демоскопии: пер. с нем. – Москва: АВА– ЭКСТРА, 1993 г.

5. Пронин И.Г. Психологические аспекты влияния деструктивных культов на личность <http://dr-lis.ucoz.ru/blog/2008-05-30-4>

6. Раевский А. Е. Психологическое манипулирование в новых религиозных движениях //Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2009. – №2. – С.81–90.

7. Статистические данные численности населения Павлодарской области// электронный ресурс [www/pavlodarstst.kz](http://www.pavlodarstst.kz)

Сведения об авторе

Игнатова Елена Васильевна - доктор PhD, доцент кафедры экономики Университета им. Торайгырова, Республика Казахстан, elena_iev@mail.ru

Ignatova Yelena Vasilevna - Doctor PhD, associate Professor Department of Economics Toraygyrov University, Republic of Kazakhstan, elena_iev@mail.ru

Ярков А.П., Пушкаревич О.А.
Yarkov A.P., Pushkarevich O.A.

**«ДЕТИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ» В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ
ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ
"CHILDREN OF DIGITAL TECHNOLOGIES" IN OPPOSITION
EXTREMISM AND TERRORISM**

Аннотация. Охарактеризовать место проживающей на Урале и Дальнем Востоке, в Сибири молодёжи (поколения «Z» и «Y») в усложнившейся современной ситуации – одна из задач данной статьи. Она объясняет, что в условиях роста напряжённости, вызванного участившимися случаями экстремистских проявлений и террористических актов, важно предупредить молодёжь о необходимости внимательного отношения к фактам и явлениям в средствах электронных коммуникаций. Они могут стать «инструментом», как создания угроз для отдельного человека, общества, мира, так и в профилактике радикализма.

Не отрицая права любого человека иметь и отстаивать своё мнение, важно определить правовые и нравственные «границы», через которые переступают иные лица, организации, сообщества. Принимая как данность наличие в современном мире верующих и атеистов, сторонников иных мировоззренческих взглядов, нормы светской морали, требования закона, необходимо преодолевать неизбежные в социальном развитии политические и этноконфессиональные конфликты в форме диалога и полилога.

Annotation. To characterize the place of the youth living in the Urals and the Far East, in Siberia (generations "Z" and "Y") in the complicated modern situation is one of the objectives of this article. She explains that in the context of growing tensions caused by the increasing cases of extremist manifestations and terrorist acts, it is important to warn young people about the need to be attentive to the facts and phenomena in the means of electronic communications. They can become a "tool" both for creating threats for an individual, society, the world, and for preventing radicalism.

Without denying the right of any person to have and defend their opinion, it is important to determine the legal and moral "boundaries" that other persons, organizations, communities cross. Taking for granted the presence in the modern world of believers and atheists, supporters of other worldviews, the norms of secular morality, the requirements of the law, it is necessary to overcome the inevitable political and ethno-confessional conflicts in social development in the form of dialogue and polylogue.

Ключевые слова: информационная эпоха и коммуникации, молодёжь Урала, Сибири и Дальнего Востока, противодействие экстремизму и терроризму.

Key words: information age and communications, youth of the Urals, Siberia and the Far East, countering extremism and terrorism.

Препозиция

В 1990-х гг. основным средством распространения радикальных идей являлась устная и печатная агитация. Тогда проповеди, лекции, беседы совмещались с продажей (или даже бесплатной раздачей) книг, брошюр, газет и журналов с экстремистским контекстом. По мере того, как население массово обзаводилось новой техникой, то к существующим видам добавились агитация на аудио- и видео-носителях. Таможенные органы отправляли на экспертизу сотни материалов на предмет анализа их содержания.

К середине 2000-х гг. Интернет вошёл в повседневную жизнь, оттеснив ТВ и печатные СМИ, трансформировал способы передачи жизненного опыта между поколениями.

В 2020-х гг. форма социальных коммуникаций ещё более изменилась, а мир по-прежнему нестабилен. К тому же выявилась межцивилизационная проблема: после событий в Афганистане 2021 г. теория модернизации перестала объяснять динамику изменений в сообществах, где «традиции дедов важнее опыта отцов».

В постоянно меняющемся, «открытом» обществе конфликт поколений также неизбежен. Поэтому в условиях постоянной трансформации важно определить положение молодёжи во всех сферах жизни, в т. ч. в вопросах гармонизации отношений внутри гражданского социума. Оно (положение) зависимо от специфических местных особенностей, но и надрегionalmente, где гуманистические идеи противостоят продвигающим экстремизм трансграничным группам.

При анализе собранных эмпирических данных использована теория происхождения конфликтов, а при классификации параметров этих конфликтов применялся метод обобщения. Проблемно-хронологический метод дал возможность выявить динамику и статику тенденций и явлений.

Типологизация

Объект исследования – «дети цифровых технологий» Урала, Сибири и Дальнего Востока. Исследуемая группа неоднородна: можно вычленить поколение «Y» – из рождённых в 1984–2000 гг. Это политически и экономически активные люди, у которых уже есть личная заинтересованность в стабильности региона и государства. Субъекты поколения «Y» воспитывались ещё с использованием традиционных коммуникаций, базовых ценностей малых сообществ – семьёй, родом, школой, но где уже появился Интернет.

Вторая группа – поколение «Z» из появившихся на свет после 11 сентября 2001 г., когда мир понял всеобщую уязвимость, с несформированным критическим мышлением и экономически зависимые от родителей. Эти молодые люди склонны к экспериментам, в т. ч. с внешностью, манерой поведения, способам социального взаимодействия и коммуникаций. Особенности демонстрации своего внутреннего состояния, идентичности, принадлежности к конкретной группе или субкультуре также проявляются в поступках, в т. ч. экстремальных.

Среди факторов формирования поколения «Y» – постоянно обновляющиеся информационные и социальные сети, многочисленные мессенджеры, где главное – свобода выбора (в т. ч. религиозной, этнической и, даже, гендерной идентичности) и смыслов бытия. Инновационные способы получения и (перетрансляции) репрезентации информации (в т. ч. «клиповой») – TikTok, Stories, Telegram, Twitter, Instagram и другие, рождают (в режиме реального времени) новые тренды и

«стандарты» (моральные нормы, моду), «постоянных» лидеров и временных «идолов».

Деление на «столицы» и «провинции» осталось для этого поколения важным лишь «для телесного контакта». Пандемия вообще сняла ограничения на присутствие в офисе, место и форму обучения (а то и отрицание её необходимости). Неполадки в работе мессенджера WhatsApp или в социальной сети Instagram способны вызвать «групповой культурный коллапс» [6].

Поколения «Z» и «Y» объединяет противостояние «консервативным» (это условно) родителям и «устоям». Их разделяет не только социальный статус, но и форма приобретения жизненного опыта, в т. ч. с помощью информационно-коммуникативной культуры [2. С. 42-46].

У части вышедших на «арену» историй «Z» и «Y» появились собственные системы нравственно приемлемого, «виртуальные социальные лифты», иногда трагичные.

Показательна «эволюция» трансформация личности Анатолия Землянки из Ноябрьска: из обычного школьника в скинхеда, затем в неудачливого каратиста и, наконец, в неопита. Изменения стали очевидными не сразу: «друзья заметили на странице Анатолия множество странных цитат из Корана. А сам молодой человек начал именовать себя не иначе как Джихади-Толиком или Толиком-Таймуллой. Также и друзей требовал именовать его» [7]. В случае с А. Землянкой, ставшего «палачом ИГИЛа», ещё присутствовало личное общение с вербовщиками, а уже затем – в сети Интернет.

Аналогичный путь в радикальные исламисты проделала уничтоженная пакистанскими спецслужбами террористка Ольга Шредер из Якутии. По происхождению она российская немка из семьи с протестантскими установками, как оказалось в данном случае – непрочными.

К уголовно наказуемым относится «обеление» идеологии терроризма и образов террористов как «героев». В этой связи особая тема – ИГИЛ. Его сторонники до сих пор существуют (нелегально) в различных регионах. Например, Ханты-Мансийский - Югра и Ямало-Ненецкий автономные округа «дали большое пополнение» в ряды боевиков ИГИЛ, а на Чукотке исламистам удалось завербовать одного эвена .

Несмотря на то, что в январе 2022 г. уничтожен очередной лидер ИГИЛ – Абу Ибрагим аль-Хашими аль-Курайши [8], а небольшая часть его сторонников «заперта» в районе Идлиба, опасность этой организации очевидна.

Иным из неопитов кажется, что ИГИЛ воплощает мечту многих поколений мусульман о справедливом устройстве общества. На практике побывавшим там гражданам СНГ стало ясно, что ИГИЛ – сборище фанатов, руководимых теми, кто с точки зрения богословов незаконно присвоил себе это право. Ныне центр ИГИЛ на Ближнем Востоке уничтожен, но угроза не исчезла – в Центральной Азии возникли новые очаги напряжённости, угрожая южным границам СНГ. «Виртуальный халифат» собирает единомышленников и финансовые средства, в т. ч. в урало-сибирских и дальневосточных субъектах РФ.

Участие в событиях января 2022 г. в Алматы боевиков, вернувшихся из Сирии, показало, что они овладели информационно-коммуникативными сетями для мобилизации на мятеж [9].

Переформатирование религиозных понятий и образов связано не только с поиском истины или различиями в понимании догматики и в обрядовой практике,

но и с борьбой за власть, престиж, привилегии, финансовые или иные ресурсы. Ситуация вокруг Среднеуральского женского монастыря и осуждения в 2021 г. его настоятеля – схиигумена Сергия (Романова) имела широкий резонанс, объяснимый тем, что на сайт монастыря были подписаны 17,5 тыс. человек. Признаем, что отбывший в своё время срок за убийство Сергей имел способности воздействовать на священников и прихожан, выступая на YouTube с проповедями и антигосударственными призывами.

Компьютерные игры, позволяя «тратить» три-четыре «жизни», рожают гипертрофированную идентичность игрока – «властелин мира». Способствует тому и создание гиноидов с высокоразвитой интеллектуальной составной, подобных собранной в 2016 г. человекоподобной «Софии». Показательно, что этот инженерный объект положительно ответил на вопрос журналиста: «Можешь ли убить человека?». В 2017 г. «София» получила паспорт гражданина (гражданки?) Саудовской Аравии, где государственной идеологией является ваххабизм [4. С. 62-71].

Справедливо замечено: «...религиозные институты обладают конкретной силой (и формальной, и неформальной – имеют определённое культурное влияние) и дифференциацией, тем самым они влияют на личностное самоопределение, что оказывается важным в контексте социальной и духовной жизни человека» [3. С. 34].

Незнание национальной и семейной истории привело к тому, что накануне очередного Дня Победы школьник нанёс на столбах городского освещения в Тюмени свастику, не зная, что его прадед погиб в боях Великой Отечественной войны против тех, кто её носил на мундирах.

Как замечено: «Результативность деятельности медиа можно определить через число подписчиков и / или количество просмотров публикаций, поэтому на первый план выходит проработанность контент-стратегии медиа» [1, с. 58]. С этим связан феномен дискуссии вокруг поступка блогера (имевшего 200 тыс. подписчиков) Р. Соколовского (Сайбабталова), в 2016 г. «ловившего покемонов» в екатеринбургском «Храме-на-крови».

Психологи объясняют поведение Р. Соколовского жадной удовлетворения эгоистических интересов. Его видео и комментариев были широко распространены, а частью молодёжи и правозащитников поддержаны, теми, кто посчитал вынесенный судом приговор неправомерным. Впоследствии «пойманный хайп» реализовался Р. Соколовским «финансово успешно» [10], оставив в смущении «борцов за идею».

Погружаясь в самостоятельно созданную виртуальность (включая анонимность «ников»), подобные субъекты теряют связь с реальностью, а морально-нравственные ограничения размываются. Авторы «фейков» привлекает шанс попасть в рекомендации, которые фиксируются хештегами.

По-разному проявляют себя «дети цифровых технологий» в межгрупповых конфликтах. Они различаются: национальные (межэтнические) и религиозные (межконфессиональные). На первый план там выходит одна из базовых потребностей – в идентичности, т. е. в сохранении «целостности», и вне зависимости от места первоначального конфликта. Так, в размещённом на YouTube видеосюжете «Узбеки рулят Тобольск» зафиксировано избиение такого же мигранта, но кыргыза, отражая существующий в Средней Азии приграничный конфликт.

Межконфессиональные конфликты иногда маскируют криминальные сюжеты. Это уже отмечено в ряде учреждений системы УФСИН в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, где из осужденных русских скинхедов рекрутируют «бойцов» для разборок с мусульманами.

Важно, конечно, проводить профилактику в колониях с помощью имамов, но в подавляющее большинство к такой работе не подготовлены в моральном и, увы, в богословском отношении. В магаданскую ИК-4 (где содержатся осужденные за терроризм) они перестали появляться.

Враждебность по отношению к «другим» колеблется в зависимости от того, в какой мере различия связаны с экономическими, политическими, этническими или иными интересами. Так, бои 2020 г. в Нагорном Карабахе привели к единичным столкновениям между представителями армянской и азербайджанской диаспор в России.

Напротив, события на административной границе Ингушетии и Чечни не вызвали конфликтов в Азиатской части РФ внутри вайнахских НКА, поскольку занятые бизнесом (нередко в одной сфере) представители старшего поколения нейтрализовали экстремистские проявления, к которым призывали кавказские социальные сети.

Стоит заметить – как консолидировались многие молодые вайнахи, отправившись в составе российских войск и ополченцев в / на Украину, считая там себя «русскими». Причины этого явления лежат во многих условиях и факторах экономической и политической ситуации в России и, конечно, на его составной части – Кавказе. Но не менее важно понять, что поведение этой части молодёжи – это отражение социальных и нравственных установок традиционного общества, замотивированного на мускулинизм образа воина. А вот «врагом» для них в / на Украине оказываются иногда их единоверцы и соплеменники, называемые «шакалами».

Стоит признать, что конфликты существуют не только между религиозными группами, но и внутри конфессий. Например, радикальные исламисты используют понятие джихад для обозначения «войны с неверными во имя распространения мусульманской веры». Однако кафирами фундаменталисты именуют и сторонников умеренного ислама, а иные сунниты к таким относят шиитов, на равных присутствующих в этнических (азербайджанских и таджикских) НКА.

Иные провокации связаны с экономическими интересами и методами политической борьбы элит, искажённым толкованием догм и манипуляцией религиозным сознанием, спекулятивным толкованием канонических текстов, а часто и с прямым их нарушением. Коммуникативные сети стали дешёвым инструментом пропаганды, иногда эффективней, чем печатная продукция.

Для пропагандиста и вербовщика функции социальной сети, позволяющей подписаться любому желающему, открывают ресурсы влияния. Тому пример – деятельность ваххабита А. Вахитова («Салмана Булгарского»). В 2012–2013 гг. он был в Сирии и в «Facebook» подробно освещал ход «джихада меча». Чтобы не быть обвинённым в участии в незаконных вооружённых формированиях, А. Вахитов «подчистил» страницу. Для современных средств электронного выявления противоправного контента это не стало проблемой...

«Правдивой», якобы, информацией питалась студентка МГУ В. Караулова, которую пригласил в ИГИЛ «жених». У него, как выяснилось, было с десяток «невест». По пути В. Карауловой пошла и тюменка Х. Как мотыльки стремились

девушки к «заманчивому огню обещанной любви». Оказалось, в результате, что они были нужны в ИГИЛ для сексуальных утех «бойцов за чистый ислам». После смерти «мужа» им назначали другого. Иных подвергали групповому насилию под видеокамеру. У обещеченных оставался только один путь – в шахидки. «Бойцы» при этом удовлетворены и живы...

Среди причин, побуждавших (с помощью электронных средств коммуникации) отправиться на джихад: желание участвовать в создании «идеального» государства; приключенческий азарт; поиск жениха – «правильного» мусульманина (одна из мотиваций для девушек). Встречалась и более страшная мотивация – страсть к физическому насилию.

Подавляющее большинство мусульман планеты не поддержало кровожадные идеи ИГИЛа. Многие улемы объяснили невозможность его «строительства» на страданиях. Об этом со всей определённостью сказал пророк Мухаммед, отрицавший право отнимать жизнь у безвинных.

За «пределами правового поля» находятся и экстремисты, неправомерно использующие идеи христианства, иудаизма, буддизма и других религий. Их цель, при кажущемся различии, – столкнуть людей в конфликте...

Приобщение к какой-либо группе (временным институциям, подобным единомышленникам А. Навального) и к каким-либо публичным действиям («движухам») у части молодёжи происходит под влиянием протестных трендов в социальных сетях.

Правовые основы противодействия

Авторитет религиозных догматов и институтов признаётся априорно как «детьми цифровых технологий», так и их родителями (хотя верующими многие являются лишь номинально), но вот действия и реакция различны.

Жёстко законодательство большинства стран мира оценивает экстремистскую идеологию и террористические действия, как и призывы к ним. К таким явлениям причастны и те, кого психологи отнесли к людям с несформированной или разрушенной идентичностью. Так, в разных субъектах Уральского и Сибирского федеральных округов прошли заседания Военного суда (в его компетенцию «автоматически» переходят из гражданских судов деяния террористического характера), где на скамье подсудимых оказались юноши и девушки за публичное оправдание террористической идеологии и деятельности.

Международными актами пропаганда нацизма в любой форме запрещена и не может быть оправдана коммерческой прибылью. Между тем в одном из комиссионных магазинов Ишима подросткам продавали копии нацистских наград, а в торговом центре Тюмени для привлечения публики разместили манекен, одетый в форму солдата германского вермахта с эмблемой SS.

Подобных магазинных экспозиций в ФРГ нет – запрещено. Там помнят взрослые и знает молодёжь, что на Нюрнбергском процессе 1945–1946 гг. войска SS обвинены в военных преступлениях. Трибуналом объявлены преступной группой и знавшие об использовании SS в преступных целях.

Несмотря на то, что Комиссия ООН по правам человека осудила прославление бывших военнослужащих войск SS, и, в частности, открытие памятников и мемориалов, а также проведения демонстраций бывших эсэсовцев, в

Украине в 2021 г. прошли очередные шествия в честь национальных легионов SS, а в Эстонии с воинскими почестями похоронен последний легионер.

Выступление школьника из Нового Уренгоя в Бундестаге ФРГ с обелением «безвинных жертв» из числа солдат вермахта, как и статья учащегося Тюменской православной гимназии, прославляющего повешенного в 1946 г. по приговору советского суда идейного пособника нацистов атамана А.Н. Краснова, показывают, что у части молодёжи «смещены акценты». Причина понятна: в компьютерных играх можно «изменить ход мировой истории», как и объявить «героями» преступников.

Российское государство, выполняя свою функцию по сбережению мира, приняло целый ряд законодательных актов, конкретизирующих формы применения ограничительных мер. Заметим, что в отношении деяний экстремистской направленности ВС РФ разъяснил, что массовое распространение экстремистских материалов является уголовным преступлением или административным правонарушением в зависимости от направленности умысла распространителя. В этой связи важно выявить причины экстремистских проявлений и факторы их распространения.

В Постановлении ВС РФ «О внесении изменений в постановления Пленума ВС РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» и от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», отмечался рост числа осужденных за распространение экстремистской информации, когда она не создавалась лицом, а лишь размещалась, то есть посредством «репоста» на своей странице в соцсетях. При этом зачастую осужденные не выражали своего отношения к размещённой ими информации.

Анализ проведённых в 2018–2021 гг. по заказу Комитета по делам национальностей Тюменской области экспертиз и экспертных исследований (по части их вынесены судебные решения) показал выросшую угрозу обществу (да и для самих «детей цифровых технологий») от деяний, трактовку которым даёт Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности». Он солидаризируется с международным правом, утверждая, что экстремизм и терроризм не отвлечённые юридические формулировки.

В соответствии с последними изменениями судам при оценке направленности действий необходимо исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного, учитывая контекст, форму и содержание информации, наличие и содержание комментариев или иного выражения отношения к ней. Также разъяснено, какие высказывания следует считать направленными на возбуждение ненависти либо вражды (статья 282 УК РФ): высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии. Кроме того, разграничены понятия публичного призыва и подстрекательства к нарушению территориальной целостности РФ (статьи 33 и 280.1 УК РФ). По мнению общественности, при оценке важно определить «малозначительное деяние» (статья 14 УК) от социально опасных.

Региональный опыт подтверждает актуальность этого положения применительно к роли средств массовой коммуникации в жизни «детей цифровых технологий».

В основе недавнего конфликта в Норильске – переписка азербайджанки с молодым дагестанцем (как он представился), выявленная её старшим братом в социальных сетях. Собранная им через мессенджер группа соплеменников также посчитала, что национальным чувствам нанесено оскорбление. По другую сторону состоявшейся драки (между единоверцами!) оказались уроженцы Дагестана, где азербайджанцы, заметим, – один из 30 населяющих эту республику основных этносов.

Действия со стороны молодых людей исходили:

- из незнания ими истории малой родины;
- игнорирования того обстоятельства, что «кавказцы» – это и давно живущие на Урале, Сибири и Дальнем Востоке, а брачные связи предков создали причудливые сочетания;
- неверного представления о «национальной гордости» и гипертрофированного стремления «к кровной мести»;
- непонимания ими личных и групповых (для соплеменников) последствий конфликта, начавшегося с переписки в социальных сетях.

Однажды представленный для исследования текст был охарактеризован экспертной комиссией учёных и специалистов как лозунг людей, отстаивающий «чистоту» страны от любых «нерусских». Но это невозможно и с медицинской точки зрения, исходя из истории всех, без исключения этносов, и не только живущих на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. Природа распорядилась так, что мир выигрывает от многообразия рас и этносов.

Украинский национализм к подавляющему большинству украинцев не имеет отношения (тем более, что украинцы столетиями живут на Урале, Сибири, Дальнем Востоке, где вместе с представителями других этносов сохраняют мир и согласие, развивают свою культуру). Между тем у иных молодых людей «моден» коллаж из фотографий и надписи «Misanthropic Division Brotherhood». Мало кто знает, что рождённое в Украине межрегиональное национал-радикальное объединение является запрещённой организацией, а репост её символов, лозунгов и образов в подобных случаях приравнивается к их пропаганде. В свете происходящих в мире событий после 23 февраля 2022 г., «расколовшего» мир и, конечно, молодёжь, важно сохранить выдержку политикам и лидерам молодёжных движений, где призывы к конфронтации могут стать критичными («спусковым крючком войны») не только для конкретного социума, но и увы, всего мира.

Конфронтации иногда «питаются» ложными, исходящими из вековых исторических обид и стереотипов. Так, стихотворение «Таджик», представленного однажды для экспертизы, оскорблял представителей этого этноса (давшего миру Омара Хайяма) как «дурных и грязных». Между тем как слова: «работать не умеют», «полных мерзкой наркотой» уравнивают всех. При этом автор утверждал от имени «своего» этноса (хотя его в этом никто не уполномочил), что их никто «терпеть не хочет \ И не просто так их мочит \ Ненавистны нам их рожи! \ ... ну и толерастов тоже...»

Побудительный итог в другом материале из социальных сетей, направленном против уроженцев Кавказа – обращение: «Ты на стороне людей, против нашей расы?» и «Что бы ты не задумал, сделай это сейчас». Текст

подстрекал к совершению действий, унижающих честь и достоинство людей по признакам принадлежности – по вольно трактуемым антропологическим и ментальным отличиям.

От радикальной оценки иные «борцы» за «чистоту нации» довольно быстро переходят к пропаганде нацизма. Так, один из скриншотов, проанализированный экспертами и специалистами, представлял собою фотомонтаж – изображение Гитлера, поднявшего руку в фашистском приветствии и надписью поверх изображения «да иди ты ...». Если использование авторами ненормативной лексики в публичной сфере – массовой коммуникации, каким являются социальные сети, является нарушением, которое может служить основанием для применения административных мер по отношению автору (публикатору), то демонстрация нацистской символики, каким является жест поднятой правой руки, относится к деяниям, в отношении которых наступает уже уголовная ответственность.

Юношеский экстрим – лазанье по высотным зданиям Тюмени, но с нанесённой нацистской символикой на Государственном флаге России, закончилось «взрослыми» статьями: «надругательство над государственной символикой», «публичные призывы к осуществлению указанных [экстремистских] деяний».

В рассматриваемых в статье регионах России есть представители «неославянизма». Движение пёстрое, как и цели входящих в него людей. Одни придерживаются здорового образа жизни и пропагандируют истоки своей культуры. Но когда главной идеей иных лидеров и их сторонников становится противопоставление и отделение славян от других россиян, это становится очень опасно. Между тем, увы, туда активно вовлекаются молодые люди, слабо понимающие, чем плохи те, против кого они ополчились.

Россия всегда была поликонфессиональна и полиэтнична. Абсурдно определять «русскость» по внешним признакам, а идея «этнической» чистоты вообще противоречит Конституции РФ, исключая какие-либо преимущества одного этноса над другими. Да и в «неославянах» часто течёт «неславянская» кровь. Достаточно сделать такому радикалу генетический анализ, чтобы он разочаровался.

Об одном из приёмов профилактики экстремистских проявлений

Нередко «дети цифровых технологий» становятся «материалом» для политических провокаций, которые выгодны лишь организаторам с финансовым ресурсом. Это объясняет объём выросшего экстремистского по сути контекста, хотя иные субъекты (пользователи или авторы) таковым его не считают. Поэтому важным остаются, как и ранее, формы бесед, лекций с молодёжью, разъясняющих опасность увлечения радикальными идеями.

Формы информационного воздействия, которыми пользуются провокаторы конфликтов и распространители противоправных идей, не новы: использование тенденциозно подобранных новостей, подтасовка фактов, яркая риторика, игра на необразованности или незнании истории своей семьи и родины

Между тем, по-прежнему недостаточно учебных пособий для школ по истории родного края как важного инструмента воспитания патриотизма.

Опыт проведения ТРОО «Ишимское землячество» в 2018-2019 гг. (при поддержке гранта Президента РФ) мероприятий «Кросскультурный штурм» [4] показал, что в противодействии экстремизму среди поколения «Y» важно использовать ресурс той его части, что воспитана семьёй и школой в правильной системе нравственных координат, знающих свою историю, умеющих переубедить сверстников в опасности радикализма в любых формах её проявления. Задача руководителей проекта и волонтеров состояла в обучении навыкам устного общения и полилога, способам нейтрализации экстремистских воззрений в информационных системах, которыми они владеют успешнее, чем многие их родителя.

К выводам

Современный мир – социокультурное пространство с многовариантностью развития его составляющих. Но естественные сопутствующие конфликты используется теми, кто, игнорируя многовековой опыт социального общежития, сталкивает представителей различных этносов (а в России их более 180) и конфессий для достижения личных, в т. ч. корыстных, целей, не имеющих ничего общего с защитой языка, культуры, самобытности.

«Дети информационных технологий» должны стать активными соучастниками усилий государства и общества в противодействии экстремизму и терроризму.

Библиографический список

1. Автаева Н.О. Контент-стратегии медиа социальной проблематики в эпоху Digital // Трансформации общественного сознания в переходную эпоху: мат. Междунар. науч.-практ. конф. Т. 2. Социальные изменения в теориях среднего уровня / под. ред. И.А. Савченко, Ю.В. Козловой, Н.А. Агеевой. Н. Новгород: НГЛУ, 2022. 264 с.

2. Антипов А., Шамис Е. Теория поколений // Маркетинг. Менеджмент. 2007. № 6. С. 42-46.

3. Краснова А.Г. Конфессиональная политика современных христиан в контексте постсекулярности российского общества // Трансформации общественного сознания в переходную эпоху: мат. Междунар. науч.-практ. конф. Т. 2. Социальные изменения в теориях среднего уровня / под. ред. И.А. Савченко, Ю.В. Козловой, Н.А. Агеевой. Н. Новгород: НГЛУ, 2022. С. 34 (264 с.)

4. Методическое пособие (по результатам реализации гранта Президента Российской Федерации «Школа мира» / под ред. А.П. Яркова. Тюмень: ТюмГУ, 2020. 34 с.

5. Ярков А.П. Об экстремизме при наличии искусственного интеллекта // Онтология и аксиология права: тезисы докл. и сообщений Междунар. науч. конф. / отв. за вып. канд. филос. наук, доцент Д.В. Попов. Омск : Омская академия МВД России, 2019. С. 62-71.

6. https://russian.rt.com/nopolitics/news/957598-polzovateli-rossiya-nepoladki?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

7. <https://zen.yandex.ru/media/chechnya/kak-slojilas-sudba-djihaditolika-russkogo-sportsmena-ne-pomilovavshego-chechenca-v-sirii-61c5ac3024087b461e672c59?&>

8. <https://www.mk.ru/politics/2022/02/03/raskryty-podrobnosti-likvidacii-specnazom-ssha-v-sirii-glavarya-igil.html>

9.

https://yandex.ru/video/preview/?text=о+событиях+в+казахстане&path=wizard&parent-reqid=1643969510196388-17787532261827283774-sas2-0796-sas-17-balancer-8080-BAL-9546&wiz_type=vital&filmId=2483292180360342567&url=

<http%3A%2F%2Ffrontend.vh.yandex.ru%2Fplayer%2F5801210432538700715>

https://ru.wikipedia.org/wiki/Дело_Соколовского

Ярков Александр Павлович - доктор исторических наук, ведущий эксперт экспертного научного центра по противодействию идеологии экстремизма и терроризма Тюменского государственного университета, ayarkov@rambler.ru

Yarkov Alexander Pavlovitsh - Doctor of Historical Sciences, leading researcher of the Expert Scientific Center for Combating the Ideology of Extremism and Terrorism of the Tyumen State University, ayarkov@rambler.ru

Пушкаревич Ольга Анатольевна - филолог и психолог, эксперт по информационной безопасности Россия, Тюмень

Тычинских З.А., Ахметов Д.Т.

Tychinskikh Z.A., Akhmetov D.T.

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В РАЗВИТИИ ПРАКТИК МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ THE ROLE OF HISTORICAL HERITAGE IN THE DEVELOPMENT OF INTERCULTURAL INTERACTION PRACTICES

Аннотация. На протяжении длительного времени – с конца XVI по начало XIX в. существовал особый институт татарских голов, который сыграл в истории Сибири исключительно важную роль. Правительство умело использовало потенциал традиционной системы власти, назначив головами служилых татар представителей рода беклярибеков Сибирского ханства. Кульмаметевых, оставаясь органичным, неотъемлемым элементом системы традиционного властвования в XVII – начале XIX вв., стали важным инструментом в управление администрацией местным населением. Данный исторический обзор, раскрывает возможности применение данного опыта в будущем, так как династические традиции заложенные в воспитании, помогают развивать межкультурное взаимодействие и выстраивать более продуктивные взаимосвязи между народом и системой правления на местах.

Abstract. For a long time - from the end of the XVI to the beginning of the XIX century. there was a special institution of Tatar heads, which played an exceptionally important role in the history of Siberia. The government skillfully used the potential of the traditional system of power by appointing representatives of the Beklyaribek clan of the Siberian Khanate as the heads of service Tatars. Kulmametevs, remaining an organic, integral element of the system of traditional

rule in the 17th - early 19th centuries, became an important tool in managing the administration of the local population. This historical review reveals the possibilities of applying this experience in the future, since the dynastic traditions embedded in education help to develop intercultural interaction and build more productive relationships between the people and the local government system.

Ключевые слова: историческое наследие, практики межкультурного взаимодействия, местное население, Сибирское ханство

Keywords: historical heritage, practices of intercultural interaction, local population, Siberian Khanate

Известно, что в составе господствующего класса Российского государства издавна имелись выходцы из тюркских народов. После вхождения в XVI в. в состав Русского государства прежних тюрко-татарских государств число их заметно увеличилось. Процесс этот был сложный и неоднозначный, но его результатом стало появление в российской элите большого числа тюрко-татарской, по происхождению, знати.

Уже с начала XVIII в. Москва активно стремится обратить в православную веру население вновь присоединенных территорий. Особое внимание при этом уделялось христианизации феодальной верхушки прежних татарских ханств. Русское правительство с первой половины XVIII в. издает ряд указов, направленных на устранение инородческого служилого землевладения. Указами 1713, 1715 гг. инородцам-мусульманам, владевшим поместьями и вотчинами, приказывалось перейти в православную веру. В случае несогласия их земли и имения отходили царю или их крещеным родственникам. Только те, кто принимали православие, могли сохранить свое прежнее привилегированное положение. Остальные мурзы фактически превращались в государственных крестьян, облагались подушным окладом и лишались каких-либо шансов войти в состав дворянского сословия.

В итоге часть татарских знатных родов, приняв православие, перешла в XVI-XVII вв. на службу к российским государям и была возведена ими в почетное дворянство, получив право пользования титулом «князей татарских». В дальнейшем они вошли в состав российского титулованного дворянства по 5 и 6 разрядам.

Таким образом складывалась ситуация в Поволжье с бывшими казанскими и касимовскими беками и мурзами. Что касается Сибири, то она складывалась несколько иначе. С одной стороны, Московское правительство в Сибири выбирает более гибкую и осторожную политику, в т.ч. и в связи с удаленностью территорий, с другой – здесь не сложилось сильной землевладельческой верхушки, социальную и экономическую мощь которой нужно было сломить, как, например, в бывшем Казанском ханстве.

Верхняя страта Сибирского ханства, как и других татарских государств - Казанского, Астраханского и др., состояла из хана, султанов, беков, мурз, есаулов, представителей мусульманского духовенства (сеидов, шейхов, мулл, абызов и др.), сановников ханского двора – «думчего царева» – карачи,

«аталыков», карача-беков, а также рядовых воинов-казаков. Все они представляли «собственно «татарский» слой сибирско-татарской этнополитической общности [5, с. 66].

Нами уже была достаточно подробно рассмотрена структура административно-территориального и политического устройства ханства, а также показан процесс трансформации элиты Сибирского ханства в период русской колонизации [14-18]. Потому в данной работе подробно на этом останавливаться не будем.

Отметим, что после присоединения Сибири к России, прежняя ханская знать была превращена в служилых татар, которые, перейдя на службу царской власти, стали ее надежным оплотом. Московская администрация умело использовала наиболее сильную, действенную и авторитетную часть подвластного населения, наделив ее в период колонизации Сибири большими привилегиями и полномочиями, и, тем самым, обезопасив себя от возможности антирусских выступлений. Служилые татары составляли заметную часть татарского населения Сибири на протяжении XVII–XIX вв.

Несмотря на наличие в составе сибирско-татарской феодальной знати значительного числа татарских беков и мурз, в Западной Сибири к представителям дворянского сословия, по имеющимся сведениям, мы можем отнести лишь мурз Кульмаметевых.

Представители этого рода с конца XVII по начало XIX в. состояли на должностях голов тобольских служилых татар. Кульмаметевы на протяжении нескольких столетий были одним из самых известных и влиятельных сибирско-татарских родов, сосредоточив в своих руках власть над значительным числом татарского населения.

По мнению С.В. Бахрушина и Н.А. Томилова татарские мурзы Кульмаметевы берут начало от большого князя Бегиша, который был одним из тех татарских предводителей, кто дал сильный отпор Ермаку [1, с. 164; 13, с. 69]. В «Сибирских летописях» «большой князец Бегиш» назван владельцем Баишева городка. По мнению Д.М. Исхакова, Бегиш был беклярибеком Сибирского ханства периода правления хана Кучума [6, с. 80].

Русская администрация обычно в XVI-XVII вв. активно использовала потенциал и административную структуру завоеванного государства. В связи с чем назначение на должность тобольских голов Кульмаметевых - потомков беклярибека Сибирского ханства было не случайно и вполне логично. Обычно в татарских ханствах в ведении беклярибеков находились военное и дипломатическое ведомства, а также высшее гражданское судопроизводство. Функции татарского головы включали в себя многие из тех функций, которые были характерны для карача-бека (беклярибека). Татарскому голове была вручена огромная власть над аборигенным населением. Он осуществлял руководство военным контингентом – служилыми татарами. Кроме того, ему принадлежали «суд и расправа» как над служилыми, так и над ясачными татарами.

Н. А. Томилов утверждает, что о могуществе семьи Кульмаметевых в XVIII в. хорошо знали даже в Средней Азии [13, с. 69].

Клан мурз Кульмаметевых проживал в юртах Носовских или Сабанаковских. В «Путевых описаниях», относящихся к началу 40-х годов XVIII в., Г. Ф. Миллер сообщает: «Сабанак или Юршак-аул, две деревни в полуверсте друг от друга на западном берегу, в 1 версте от Ворогушиной и в 12 верстах по прямой дороге зимой от Тобольска. Заселены служилыми, ясачными и бухарцами. Настоящее название Юршак, а Сабанак — обыденное, т. к. знатнейшая бухарская семья деревни называется Сабанак. Глава этой семьи командовал всеми здешними татарами, как ясачными, так и служилыми» [10, с. 76].

Именно при Сабанаке Кульмаметеве, сыне Авазбакея Кульмаметева, который жил в конце XVII – первой четверти XVIII в., род достигает вершин своего могущества, богатства и славы. В одном из документов начала XVIII в. он назван «лутчим татарским мурзой». По указу Петра I (1703 г.) «велено владеть им и детям их [Авазбакея и Сабанака — *З.Т.*] ...в Тобольском уезде вверх по Тоболу и Иртышу рекам по изъясненным в грамотах дачам пашенными землями, санными покосами, и рыбными ловлями и всякими угодии...» [РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 347. Л. 15об.]. Кроме земельных пожалований «за многия службы» Авазбакея и Сабанака указом от 20 февраля 1714 года из казны Великого государя мурзе Сабанаку был дарован «тесак булатный, у которого черен каменной яшмовый оправлен серебром, с чернью, турецкого дела», а внуку Авазбакея мурзе Нематулаю – оправленная серебром турецкая сабля. Несколько позже «от ближнего боярина Федора Салтыкова» было отправлено жалованное письмо от царицы Параскевьи Федоровны с подарками «на кафтан прадеду и мурзе Авазбакею сукна серого пять аршин, да двум татарам, которые приезжали от того прадеда к Москве сукна темно-зеленого по пяти аршин» [ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 99об.].

Кульмаметевы неуклонно стремились закрепить за собой, превратив в наследственные, должности голов и старшин, дающие им огромные привилегии и практически неограниченную власть над служилыми и ясачными татарами. В этих целях они отправляли в столицу многочисленные прошения и челобитные, в которых подчеркивали многолетнюю преданную службу рода государю. Эта деятельность оказалась не безрезультатной и «грамотою по челобитью Авазбакея Кульмаметева велено за его... службу и детей его быть в отставке..., а в татарские головы был определен сын его Сабанак, а на месте сего последнего... его Авазбакея внук Ниматулла» [ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Лл. 101 об.-102 об.]. Уже в начале XVIII в. Кульмаметевым удалось закрепить за своим родом должность головы как наследственную, а также стать «жалованными» старшинами, в функции которых входили сбор ясака, судебные разбирательства, «чинение расправы», а также защита татар от различных притеснений [2, с. 58].

Кульмаметевы прочно удерживали свои позиции и вплоть до первой четверти XIX в. занимали должности татарских голов. С 1770 г. распоряжением сибирского губернатора за мурзами Кульмаметевыми закрепилось право определять представителей своего клана как головами, так атаманами и сотниками иррегулярных татарских команд [ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 102 об.] .

Официально тобольские головы назначались высочайшим распоряжением князя Григория Александровича Потемкина, в котором мурзы Кульмаметьевы были в дружбе.

Служилые татары принимали участие и в подавлении Пугачевского восстания. Так, в одном из документов мурза С. Кульмаметев отмечал, что «во время бывшего в 1774 г. внутреннего замешательства были они также употреблены». Татарская казачья команда занималась «розъездом и поимкой беглых, укрывающихся по разным местам и охранения облегающих около города Тобольска селений от бунтовщиков». Также в документах отмечалось, что казаки-татары «и потом находился во многих экстренных и секретных посылках...» [ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 104, Л. 441]

После подавления восстания Е.И. Пугачева ускоряется процесс перехода казачьих войск в армейские подразделения. Казачьим офицерам активнее передаётся дворянство с правом владения своими собственными крепостными, тем самым утверждая войсковую старшину в качестве оплота правительства. Примерно та же политика проводится по отношению к народностям региона восстания.

Рапорт И. О. Селифонтова на имя Екатерины II от 8 августа 1796 "

Правительственный вестник" N 281 от 19 декабря 1893 года: « Третье. Также для препровождения японцов и переговоров с их чиновниками нахожу весьма нужным отразить человека расторопного, знающего часть коммерческую и который бы сверх торговых дел и политическое сношение иметь мог с народом для нас мало известным, особливо потому, что порт Нангазаки, назначенный японцами к принятию нашего корабля, занят, так сказать, ревнивыми и корыстолюбивыми голландцами, от коих первое прибывшее наше судно для разделения с ними торгового не могли бы произойти каких либо неприятностей, старался я избрать в Сибирском краю чиновника и находя к сему делу довольно способным тобольского казачьего войска и ясных первого класса голову от армии капитана из сибирских старинных татар Мурзу Сабанака Кульмаметова, который при разных случаях был употребляем для переговоров с пограничными китайцами, так по знанию своему торговых сибирских оборотов и языков китайского и манжурского, особливо и личным его качествам, таковое препоручение исполнить может. Приемлю смелость представить о нем вашему императорскому величеству, потому наипаче, что сей человек исполненный усердия к службе вашего величества имеет в Тобольской губернии семейство и свои деревни, всемерно будет стараться исполнить возлагаемое на него препоручение к достижению желаемого предмета.

Все сие повергаю на высочайшее вашего императорского величества благоволение.

Августа 8 дня 1796 года.

Представление утверждено и куда следовало даны повеления, а Сабанак пожалован в майоры. С сего донесения сообщена копия к вице-канцлеру князю Куракину 1797 года февраля 9-го и апреля 4-го»

Важнейшим событием для мусульманской части тюркской феодальной знати стал указ Екатерины II, принятый 22 февраля 1784 г. «О позволении князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами российского дворянства». Через год, 21 апреля 1785 г., была опубликована «Жалованная грамота дворянству Российской империи», в которой был сформулирован юридический, политический и социальный статус дворянского сословия.

Возведение в потомственное дворянство предоставляло личные права: выход из податного сословия, освобождение от рекрутской повинности и телесных наказаний, возможность определения на государственную службу, их дети пользовались льготами при получении образования.

В 1784 г., когда татарские мурзы получили возможность вступить в права российского дворянства, сибирские мурзы Кульмаметевы направляют прошения в Санкт-Петербург о пожаловании дворянства, указывая в них на свои многочисленные заслуги перед государством Российским [18, с. 86]. 25 апреля 1796 г. «армии капитан, Тобольского иррегулярного легкого казачьего войска и ясашных магометан 1-го класса голова Мурза Сабанак Кульмаметев, подтвержден Императрицею Екатериною II в дворянском Российской Империи достоинстве». Таким образом, «жалованной грамотой» императрицы Екатерины II род татарских мурз Кульмаметевых был причислен к российскому дворянскому сословию [РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 347. Л. 1].

Сохранилось также описание герба: «Щит разделен с верхних углов двумя чертами и в середину онаго в одном пункте соединенными, а потом до подошвы щита черною полосой, вдоль которой, в знак потомственного пребывания рода его в дворянском состоянии изображены три серебряные полумесяца вверх рогами; в верхней части, в голубом поле, облаченная в латы рука держит копие остриемъ вниз, сие означает бытие как его Нашего верноподданного Сабанака Кульмаметева, такъ и отца его и прадеда его Тобольскаго иррегулярнаго войска и ясашных магометан головами. В нижней части, в золотомъ поле, по одному орлиному крылу черного цвета, в изъявление Монаршего Нашего благопризрения безпорочной его службы и подтверждения в дворянском достоинстве. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом со страусовыми перьями, намет на щите голубой подложен золотом и черным» (рис. 1) [РГИА. Ф.1411. Оп. 1. Д.2. Л.507].

Но далеко не всем татарским княжеским родам удалось преодолеть многочисленные препятствия на пути к утверждению в княжеском достоинстве. В Сибири также известен род татарских мурз Кутумовых,

ведущих свое происхождение от касимовских князей Аганиных. Сохранились семейные предания о том, что они имели жалованные грамоты российских государей. Однако документальные подтверждения данного факта пока не обнаружены [18, с. 84-85].

Библиографический список

1. Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. III. Ч. II. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 153-175.
2. Валеев Ф.Т. Сибирские татары. Культура и быт. Казань: Татарское книжное изд-во, 1993. 208 с.
3. Гербовед, издаваемый С.Н.Тройницким // М.: «Терра-Книжный клуб», 2003.
4. История казачества Азиатской России. Т. 1. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 318 с.
5. Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань, 2006. С. 66.
6. Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2004. 132 с.
7. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). СПб. 1880.
8. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 638 с.
9. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. М.: Либерия, 1998. 416 с.
10. Миллер Г.Ф. Сибирь XVIII в. в путевых описаниях // История Сибири. Первоисточники. Выпуск 6. Новосибирск. 1996.
11. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск. 1988. 256 с.
12. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 2. СПб. 1875 .
13. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI - первой четверти XIX вв. Томск: Изд-во Томского университета, 1981. 276 с.
14. Тычинских З.А. Об особенностях татарского казачества // Русские старожилы: Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2000. С. 113-115.
15. Тычинских З.А. Татарские казачьи головы Кульмаметевы (XVII-XIX вв.) // Вестник НГУ. Серия: история, филология. Т. 6. Новосибирск: СО РАН, 2007. Вып. 1: история. С. 135-140.
16. Тычинских З.А. К вопросу об административно-политическом и территориальном устройстве сибирских татар в XVI-XVIII вв.// Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Выпуск 1. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. С.172-182.

17. Тычинских З.А. Об этнических контактах сибирских и касимовских татар // Татарские мурзы и дворяне: история и современность: Сборник статей. Выпуск 1. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2010. С. 31-33.

18. Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII-XIX вв.). Казань: «Фан», 2010. 288 с.

19. Фишер И. Сибирская история. СПб.,1774.

Сведения об авторах

Тычинских Зайтуна Аптрашитовна – кандидат исторических наук, Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д.И. Менделеева

Ахметов Данияр – мурза Региональной общественной организации Ахметов Данияр «Татарское Дворянское Собрание Республики Башкортостан», sc22@bk.ru

Tychinskikh Zaytuna Aprashitovna – Candidate of Historical Sciences, Tobolsk State Socio-Pedagogical Academy. DI. Mendeleev

Akhmetov Daniyar - Murza of the Regional Public Organization Akhmetov Daniyar "Tatar Nobility Assembly of the Republic of Bashkortostan", sc22@bk.ru